

Социолингвистика Sociolinguistika

[http:// sociolinguistics.ru](http://sociolinguistics.ru) № 2 (22) 2025

ISSN 2713-2951

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

**№ 2(22)
2025**

Основан в 2020 г.

Выходит четыре раза в год

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

научный журнал

№ 2 (22) 2025

ISSN 2713-2951

DOI: 10.37892/2713-2951

Главные редакторы

В.М. Алпатов (акад. РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН)

А.Н. Биткеева (д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Заместитель главных редакторов

Т.И. Ретинская (д.ф.н., Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Ответственный редактор номера

Л.Р. Додыхудоева (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Ответственный секретарь

С.В. Кириленко (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

Б.М. Атаев	д. филол. н., Махачкала, Россия
Лувсандоржийн Болд	акад. Монгольской академии наук, проф., Улан-Батор, Монголия
Т.Г. Боргоякова	д. филол. н., Абакан, Россия
Н.Б. Вахтин	член-корр. РАН, д. филол. н., Санкт-Петербург, Россия
Моника Вингендер	проф., Гиссен, Германия
Е.В. Головкин	член-корр. РАН, д. филол. н., Санкт-Петербург, Россия
Л. Гренобль	проф., Чикаго, США
Г.А. Дырхеева	д. филол. н., Улан-Удэ, Россия
К.Ю. Замятин	к. филол. н., Москва, Россия
Н.И. Иванова	д. филол. н., Якутск, Россия
О.А. Казакевич	к. филол. н., Москва, Россия
М.Я. Каплунова	к. филол. н., Москва, Россия
А.А. Кибрик	член-корр. РАН, д. филол. н., Москва, Россия
Ли Юймин	проф., Пекин, КНР
В.Ю. Михальченко	д. филол. н., Москва, Россия
Дж.Н. Мустафина	д. филол. н., Набережные Челны, Россия
М.Р. Овхадов	д. филол. н., Грозный, Россия
Тьерри Поншон	проф., Реймс, Франция
Мишель Тамин	проф., Реймс, Франция
Э.А. Салихова	д. филол. н., Нефтекамск, Россия
Араи Юкиясу	проф., Саппоро, Япония
Э.В. Хилханова	д. филол. н., Москва, Россия
Нгуен Ван Хьеп	проф., Ханой, Вьетнам
Чжао Жунхуэй	проф., Шанхай, КНР
Чжао Шицзюй	проф., Ухань, КНР

ISSN 2713-2951

SOCIOLINGUISTICS

**No. 2 (22)
2025**

Established in 2020
Published four times a year

SOCIOLINGUISTICS

Scientific Journal

No. 2 (22) 2025

ISSN 2713-2951

DOI: 10.37892/2713-2951

Editors-in-Chief

Vladimir M. Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Aysa N. Bitkeeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Tatjana I. Retinskaya (Orel State University)

Executive editor of the issue

Leyli R. Dodykhudoeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Executive Secretary

Svetlana V. Kirilenko (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

B.M. Ataev	DSc in Philology, Professor, Makhachkala, Russia
Luvсандоржин Bold	Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia
T.G. Borgoyakova	DSc in Philology, Professor, Abakan, Russia
N.B. Vakhtin	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Professor, St. Petersburg, Russia
Monika Wingender	Professor, Giessen, Germany
E.V. Golovko	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, St. Petersburg, Russia
Lenore Grenoble	Professor, Chicago, USA
G.A. Dyrkheeva	DSc in Philology, Professor, Ulan-Ude, Russia
K.Yu. Zamyatin	PhD in Philology, Moscow, Russia
N.I. Ivanova	DSc in Philology, Yakutsk, Russia
O.A. Kazakevich	PhD in Philology, Moscow, Russia
M.Ya. Kaplunova	PhD in Philology, Moscow, Russia
A.A. Kibrik	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Moscow, Russia
Li Yuming	DSc in Philology, Professor, Beijing, China
V.Yu. Mikhalechenko	DSc in Philology, Professor, Moscow, Russia
Dzh.N. Mustafina	DSc in Philology, Professor, Naberezhnye Chelny, Russia
M.R. Ovkhadov	DSc in Philology, Professor, Grozny, Russia
Tierry Ponchon	Professor, Reims, France
Michel Tamin	Professor, Reims, France
E.A. Salikhova	DSc in Philology, Professor, Neftekamsk, Russia
Arai Yukiyasu	Professor, Sapporo, Japan
E.V. Khilkhanova	DSc in Philology, Moscow, Russia
Nguyen Van Hiep	Professor, Hanoi, Vietnam
Zhao Ronghui	Professor, Shanghai, China
Zhao Shiju	Professor, Wuhan, China

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2025

© Orel State University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	8
-------------------	---

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

<i>Джой И. Эдельман</i> Из истории социолингвистических ситуаций в разных ираноязычных регионах.	12
<i>Владимир Б. Иванов, Лейли Р. Додыхудоева</i> Социолингвистические особенности Каспийского региона: на материале гилякского и мазандеранского языков.	26
<i>Гарник С. Асатрян, Ален А. Айрапетянц</i> Талышский язык по обе стороны Аракса	64

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

<i>Хусрав Д. Шамбезода</i> К вопросу о государственном языке и языковой политике в Республике Таджикистан.	85
---	----

ЯЗЫК И ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Зоя А. Битарти, Гульнара Р. Козаева</i> Функционирование осетинского языка в сфере дошкольного и начального школьного образования в Республике Южная Осетия.	105
--	-----

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

<i>Татьяна И. Оранская</i> Влияние таджикского языка на формирование системы местоименных клитик в языке парья в Таджикистане.	136
<i>Сейеде Мохана Сейедагаи Резаи</i> Эвфемизмы в мазандеранском языке: социолингвистический аспект.	158
<i>Jahandoust Sabzalipour, Raheleh Izadifar</i> The secret language of Arranaji.	172

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Валентин А. Ефимов</i> Место языка хазара среди юго-западных иранских языков и диалектов (на материале якаулангского диалекта)	194
<i>Альберт Л. Хромов</i> Условные языки у иранских народов.	203

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА

Тайные (условные) языки в ираноязычном мире (<i>Лейли Р. Додыхудоева</i>)	214
Требования и рекомендации к оформлению статей	250

CONTENTS

Editorial preface.	10
----------------------------	----

LANGUAGE SITUATION

<i>Joy I. Edelman</i> From the history of sociolinguistic situations in different Iranian-speaking regions.	12
<i>Vladimir B. Ivanov, Leyli R. Dodykhudoeva</i> Sociolinguistic features of the Caspian Region: a study based on the Gilaki and Mazandarani languages	26
<i>Garnik S. Asatryan, Alen A. Hayrapetyants</i> Talysh language on both sides of the Araxes River. . .	64

LANGUAGE POLICY

<i>Khusrav D. Shambezoda</i> On the issue of the state language and language policy in the Republic of Tajikistan	85
---	----

LANGUAGE AND EDUCATION

<i>Zoya A. Bitarti, Gulnara R. Kozaeva</i> Functioning of the Ossetian language in pre-school and primary school education in the Republic of South Ossetia.	105
--	-----

LANGUAGE PROCESSES

<i>Tatiana I. Oranskaia</i> Influence of the Tajik language on the formation of the system of pronominal clitics in the Paryá language in Tajikistan.	136
<i>Seyede Mohana Seyedaghaie Rezaie</i> Euphemisms in the Mazandarani language: a sociolinguistic perspective.	158
<i>Jahandoust Sabzalipour, Raheleh Izadifar</i> The secret language of Arranaji.	172

SCIENTIFIC HERITAGE

<i>Valentin A. Efimov</i> The place of the Khazara language among southwestern Iranian languages and dialects (based on the Yakaulang dialect)	194
<i>Albert L. Khromov</i> Coded languages among Iranian peoples.	203

SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

Secret (Coded) languages in the Iranian-speaking world (<i>Leyli R. Dodykhudoeva</i>)	214
Style sheet	250

ОТ РЕДАКЦИИ

В настоящем выпуске представлены работы исследователей, вовлеченных в орбиту иранистики и интересующихся социолингвистическими аспектами взаимодействия языков и культур на материале языков и диалектов Ирана, Афганистана и Таджикистана. Охвачены социолингвистические вопросы диахронии и синхронии, актуальные лингво-политические проблемы, отражающие особенности взаимоотношений мажоритарных и миноритарных языков и групп, а также вопросы функционирования этнических языков в разных ираноязычных регионах. Затрагивается вопрос взаимодействия близкородственных языков и языков разного происхождения в условиях бытования в одном национальном государстве. В выпуске проблематизируются вопросы роли институциональных учреждений в продвижении национальных языков и социолингвистических прав в литературно-медийной и образовательной сферах.

Каждая статья данного выпуска отличается оригинальностью и вносит новые данные в современный объем научных знаний об иранском материале. Среди значимых направлений социолингвистических исследований выделяется разработка модели языковой ситуации ираноязычного мира в диахроническом аспекте. Языковая ситуация, сложившаяся в Ахеменидской империи (VI–IV вв. до н.э.), задавала тренд на перспективу и проявилась во взаимовлиянии языков, вызвавшем изменение языкового ландшафта всего иранского ареала. На этом историческом этапе обозначена лидирующая роль древнеперсидского языка клинописных надписей, а также намечены контуры ситуации иранских языков Центральноазиатского языкового союза, разбросанных по территории Средней и Центральной Азии. Благодаря выявлению фактов структурной и материальной исторической трансформации иранских языков на раннем этапе стала возможна реконструкция истории иранских народов и фрагментов социолингвистической картины ряда регионов древне- и среднеиранского мира.

Среди неординарных подходов, продемонстрированных в выпуске, можно отметить рассмотрение одного из «трансграничных» народов – талышей, проживающих в двух разных по религиозному статусу и ориентации государствах – светском и теократическом, Азербайджане и Иране. На этом фоне выявляются социоэкономическое и социокультурное положение талышей и установки по отношению к родному и национальному языкам.

В статье, посвященной языковой политике и языковому планированию в Республике Таджикистан, актуализируются проблемы упрочения статуса таджикского языка, очерчивается круг усилий государственных и научных учреждений по его продвижению и пуристических мер по сохранению его связи с национально-историческими истоками. Затронуты вопросы управления этнокультурным многообразием, использования этнических СМИ в сохранении и развитии таджикского языка в условиях цифровизации и создания эффективных государственных механизмов поддержки национального языка со статусом государственного.

Нетривиальный подход задан в рубрике, посвященной структуре языка в контексте социолингвистики. На иранском материале затронуты вопросы эвфемизации и табуирования, особенности современной адаптации тайных языков (арго) профессиональных групп, связанные с межкультурными и гендерными отношениями в социуме и требующие обращения к междисциплинарности. Здесь же представлено описание уникальной ситуации – контактного влияния иранских языков на один из индоарийских.

Л.Р. Додыхудоева

EDITORIAL PREFACE

This issue presents the work of researchers in Iranian studies who are interested in the sociolinguistic interaction between languages and cultures and is based on the languages of Iran, Afghanistan and Tajikistan. From diachronic and synchronic perspectives, it covers current linguistic and political problems reflecting the relationship between major and minor groups and languages, as well as the use of ethnic languages in different Iranian-speaking regions. It traces the features of social and regional strategies of language proficiency and transmission, in particular between generations, associated with language attitudes and linguacultural components.

The issue discusses the role of institutions in promoting national languages and sociolinguistic rights in the literary, media and educational spheres. It also examines the interaction between closely related languages and languages of different origins when co-existing within one nation-state. Each article in this issue is original and contributes new data to the current volume of research about Iranian data.

Among the significant areas of research in sociolinguistic studies, the development of a diachronic model of the sociolinguistic situation of the Iranian-speaking world is a key focus. The sociolinguistic situation in the Achaemenid Empire (6th–4th centuries BC) set a trend for the future, and manifested itself in the mutual influence of languages, triggering a change in the linguistic landscape of the entire Iranian cultural universe. This historical stage bore witness to the leading role of the Old Persian language of cuneiform inscriptions, and to the contours of the Iranian languages of the Central Asian Language Union, scattered across the territory of Central Asia. As the structural and historical transformation of Iranian languages was identified at an early stage, it became possible to reconstruct the history of the Iranian peoples and explore fragments of the sociolinguistic picture of several regions of the ancient and medieval Iranian world.

Among the notable approaches demonstrated in this issue, is the representation of the one of the “trans-border” peoples – the Talysh, living in Azerbaijan and Iran, two states having a different religious status and divergent secular and theocratic orientations. Against this background, the socioeconomic and sociocultural status of the Talysh, and their attitudes towards their native and national languages are revealed.

The article devoted to language policy and language planning in the Republic of Tajikistan highlights the problems of strengthening the status of the Tajik language; it outlines the range of efforts made by state and academic institutions to promote the language and the puristic measures taken to preserve its connection with national and historical origins. The article also discusses the

issues of managing ethnocultural diversity, the use of ethnic media in preserving and developing the Tajik language in the context of digitalization and the creation of effective state mechanisms to support Tajik as a state language.

In the section devoted to the structure of language in the context of sociolinguistics, attention is paid to issues of euphemization and taboo, and to the peculiarities of the modern adaptation of secret languages (*argot*) of professional groups associated with intercultural and gender relations, an issue requiring an interdisciplinary perspective.

A description of a unique situation is also presented in the same section – the contact influence of Iranian languages on one of the Indo-Aryan languages.

Leyli R. Dodykhudoeva

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

LANGUAGE SITUATION

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-12-25>

**ИЗ ИСТОРИИ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ В РАЗНЫХ
ИРАНОЯЗЫЧНЫХ РЕГИОНАХ**

УДК 811.22; 003.333

Джой И. Эдельман
Институт языкознания
РАН,
Москва, Российская
Федерация

Аннотация

В статье рассматриваются особенности языковой ситуации, в рамках которой функционировали отдельные иранские языки и диалекты в древнюю эпоху. Особое внимание уделяется древнеперсидскому языку, зафиксированному в сохранившихся текстах и надписях, а также иранским языкам Центральной Азии. Анализируются последствия данной языковой ситуации, проявившиеся в последующих языковых изменениях в различных регионах иранского ареала.

Работа способствует реконструкции истории ираноязычных народов на основе свидетельств как иранских, так и соседних (или ранее соприкасавшихся с ними) языков. В процессе исследования используются данные, полученные с помощью различных методов – сравнительно-исторического, историко-типологического и ареального. Это позволило выявить ряд новых аспектов, касающихся проблемы реконструкции истории иранских народов на основе языковых материалов.

Особое внимание уделяется вопросу о возможности, опираясь на тексты, а также на факты структурной и частично материальной исторической трансформации различных иранских языков от их древнего состояния к более позднему, реконструировать отдельные фрагменты социолингвистической картины древнеиранского мира. Речь идет об очертании языковой ситуации, складывавшейся в древности в различных регионах обширного ареала распространения иранских языков и диалектов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: иранские языки, древнеперсидский язык, персидский язык, иранский ареал, социолингвистическая ситуация, языковой союз, диглоссия

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Джой И. Эдельман, 2025

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-12-25>

FROM THE HISTORY OF SOCIOLINGUISTIC SITUATIONS IN DIFFERENT IRANIAN-SPEAKING REGIONS

UDC 811.22; 003.333

Joy I. Edelman

Institute of Linguistics,
Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russian
Federation

Abstract

The article examines the features of the linguistic context within which individual Iranian languages and dialects evolved in ancient times. Special attention is given to the Old Persian language, documented in preserved texts and inscriptions, as well as to the Iranian languages of Central Asia. We analyse the ramifications of this language context, evident in subsequent linguistic changes in various regions of the Iranian language area.

The study contributes to the reconstruction of the history of Iranian-speaking peoples based on evidence from both Iranian and neighbouring (or previously contiguous) languages. The research draws on data obtained using various methodologies — comparative-historical, historical-typological and areal. This methodological framework has made it possible to identify new insights into the reconstruction of the history of Iranian peoples based on linguistic materials.

Particular attention is given to the possibility of reconstructing fragments of the sociolinguistic landscape of the ancient Iranian world. This draws on texts, as well as on the structural and partly material historical transformation of various Iranian languages from their ancient state to a later one. The objective here is to outline the linguistic situation that developed in ancient times in various regions of the vast area where Iranian languages and dialects were spoken.

KEYWORDS: Iranian languages, Old Persian, Persian language, Iranian area, sociolinguistic situation, language union, diglossia

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Joy I. Edelman, 2025

1 | Введение

В настоящее время представляется возможным на основании определенных фактов исторической трансформации разных иранских языков от древнего состояния к более поздним реконструировать некоторые фрагменты социолингвистической картины древнеиранского мира, т. е. контуры той языковой ситуации, которая складывалась в древности в различных регионах обширного ареала распространения иранских языков и диалектов. (Подробнее об этапах и о характере структурной перестройки древних морфологических парадигмах имени и глагола см. [Расторгуева, 1975: 112 и сл.; Эдельман, 1990; 2009a], о степени актуальности информации для ее сохранности при трансформации этих парадигм см. [Эдельман, 1987: 159 и сл.; 1990; 2021: 221–222].)

2 | Письменные памятники эпохи Ахеменидов

Письменные памятники эпохи Ахеменидов не только позволяют выявить основные черты древнеперсидского языка, но и наводят на предположения о лингвистической и социолингвистической ситуации в древнем Иране. Поскольку текст каждого времени фиксирует относительно синхронное состояние языковой системы данного хронологического уровня (с возможной архаизацией «высокого штиля»), у нас есть возможность проследить динамику письменного языка.

Известно, что письменный древнеперсидский язык стремительно изменялся. Так, в языке текстов Дария I (522–486 гг. до н.э.) еще налицо унаследованное из праиранского состояния флективное склонение (хотя и с меньшим количеством падежей, чем в праязыке) и спряжение (хотя и с более скудным инвентарем форм), древние синтаксические функции падежей, порядок слов в определительном сочетании (см. тексты [Achaemenid Royal inscriptions; Behistun Inscription, 1907; Darius. Behishtan, 1953; Darius. Persepolis E, 1953], а также переводы и комментарии В.И. Абаева к надписям [Хрестоматия, 1980; Абаев, 2025] и его учеников [Меликов, 2013]).

Однако начиная уже с текстов Артаксеркса I (465–424 гг. до н.э.) наблюдается перестройка синтаксиса определительных сочетаний по среднеперсидскому и новоперсидскому типу — с постпозицией определения определяемому (и с подразумеваемой вставкой элемента «который» — прообраза изафета), ошибки в написании падежных форм (см. текст A¹I [Kent, 1950: 153], а также: [Achaemenid Royal inscriptions], а также переводы и комментарии В.И. Абаева к надписям [Хрестоматия, 1980; Абаев, 2025]).

Далее в текстах Артаксеркса II (404–359 гг. до н.э.) и особенно Артаксеркса III (359–338 гг. до н.э.)¹ нарастают примеры инновационных определительных сочетаний, ошибок в употреблении и написании падежей. Как неоднократно отмечалось в литературе, это свидетельствует об омертвелости древней падежной парадигмы, о приближении языка составителей текстов к среднеперсидским нормам и о том, что составители поздних текстов уже слабо владели древнеперсидской грамматической системой (см., например, [Kent, 1950: 24, 98–99; Brandenstein, Mayrhofer, 1964: 89; Соколов, 1979: 255, 283; Szemerényi, 1980; Bartholomae, 1979]).

Особенно значимо в этом отношении изменение генеалогических формул. Их сопоставление в текстах Дария I [Kent, 1950: 116] и Артаксеркса III [Kent, 1950: 156] показывает, что даже такой, казалось бы, шаблонный текст у Артаксеркса III отличается вопиющими ошибками в написании падежных окончаний, сбоями в функциях падежей, использованием поздних определительных конструкций и другими отклонениями от древней грамматической нормы, хотя и с вставкой некоторых древних трафаретных оборотов (подробнее об этом, а также сравнение генеалогических формул Дария I и Артаксеркса III [Эдельман, 1987: 160–161]).

Бехистунская надпись Дария I:

1. \ adam \ Dârayavauš \ xšâyaθiya \ vazraka \ xšâyaθiya \ xšâyaθiy
2. ânâm \ xšâyaθiya \ Pârsaīy \ xšâyaθiya \ dahyûnâm \ Višt
3. âspahyâ \ **puça** \ Aršâmahyâ **napâ** \ Haxâmanišiya \ θâtiy \
4. Dârayavauš \ xšâyaθiya \ manâ \ **pitâ** \ Vištâspa \ Vištâspahyâ \ **pitâ** \ Arš
5. âma \ Aršâmahyâ \ **pitâ** \ Ariyâramna \ Ariyâramnahyâ \ **pitâ** \ Cišpiš \ Cišp
6. âiš \ **pitâ** \ Haxâmaniš

[Achaemenid Royal Inscriptions. Behistun T 01: 1-8]

Я — Дарий, царь великий, царь царей, царь Персии, царь стран, *сын* Виштаспы, *внук* Аршамы, Ахеменид. Говорит Дарий-царь: “Мой *отец* — Виштаспа, *отец* Виштаспы —

¹ См. например, «Строительную надпись» Артаксеркса II в Хамадане (A²Hc), сделанную на золотой пластине, и пр. тексты, а также переводы и комментарии В.И. Абаева к надписям [Абаев, 2025].

Аршама, *отец* Аршамы — Ариарамна, *отец* Ариарамны — Чишпиш, *отец* Чишпиша — Ахемен. ...

[Бехистунская надпись Дария I]

Надпись Артаксеркса III:

11. ... ada
12. m \ Artaxšaça \ xšâya
13. θiya \ **puça** \ Artaxšaça \ Darayavau
14. š \ xšâyaθiya \ **puça** \ Dârayavauš \ A
15. rtaxšaça \ xšâyaθiya \ **puça** \ Artaxša
16. çâ \ Xšayâršâ \ xšâyaθiya \ **puça** \ X
17. šayâršâ \ Dârayavauš \ xšâyaθ
18. iya \ **puça** \ Dârayavauš \ Vištâspa
19. hyâ \ nâma \ **puça** \ Vištâspahyâ \
20. Aršâma \ nâma \ **puça** \ Naхâmaniši
21. ya \ [Achaemenid Royal Inscriptions. A3Pa. 11-21]

Я *сын* царя Артаксеркса. Артаксеркс *сын* царя Дария [II]. Дарий *сын* царя Артаксеркса [I]. Артаксеркс *сын* царя Ксеркса. Ксеркс *сын* царя Дария [Великого]. Дарий *сын* человека по имени Виштаспа. Виштаспа *сын* человека по имени Аршама, Ахеменида.

Здесь бросается в глаза, что у Дария синтаксис начала формулы рассчитан на противопоставление номинатива и генитива имен и на употребление соответствующих терминов родства — *сын*, *отец*, *внук* — и в целом свободный, то у формул Артаксеркса III оппозиции падежных форм сняты, а лексемы *отец* и *внук* не используются. Причем решающую роль в выражении генитивных отношений принадлежности приобретает закрепленность порядка следования определяемого и определения, то есть синтаксические средства [Эдельман, 1987: 160–161; 2009a; 2017]).

Поскольку «омертвление» падежей и инновационные определительные сочетания фиксируются уже в текстах Артаксеркса I, то бросается в глаза стремительность ухода из языка древней именной морфологии, невероятная с точки зрения исторической лингвистики.

После окончания царствования Дария I до начала царствования Артаксеркса I прошло всего около 20 лет, и даже до упомянутого текста Артаксеркса III — менее 130 лет.

Даже с учетом общей для иранских языков тенденции к упрощению древней флективной системы, в условиях нормальной социолингвистической ситуации именная морфологическая парадигма за такой короткий срок не могла отмереть (ср. именную морфологию русского языка — литературы XIX в. — начала XX в. и современного русского языка) (см. подробнее Эдельман, 1980; 1990; 2009; 2017).

3 | Социолингвистические причины

Налицо внелингвистические причины. Ближе всех, как кажется, подошел к их объяснению О. Семереньи в статье 1980 г. «Порча языка — результат имперского возвеличения?», однако он усматривал в этом процессе результат воздействия на писцов царской канцелярии норм арамейского языка [Szemerényi, 1980: 213–214]. С этим можно согласиться для конкретных составителей текстов.

Вместе с тем, такое же резкое «упрощение» именной падежной системы почти до нуля (кроме рудиментов генитива) с утратой категории рода наблюдается в истории персидского языка в целом. Процесс упрощения происходил и в системе глагола — с потерей таких языковых «тонкостей», как косвенные наклонения. При этом с затуханием морфологии генерализовались определенные синтаксические обороты, описательные структуры и лексические средства. Арамейский язык царской канцелярии едва ли мог наложить такой отпечаток на широкие массы населения.

Можно предположить сочетание двух социолингвистических причин.

1. Явление пиджинизации обиходного древнеперсидского языка, аналогичное пиджинизации ряда других языков мира при общении носителей престижного языка с «низшими» массами (подробнее [Эдельман, 1988: 60; 2000: 41]).

Древнеперсидский — язык господствующего этноса, а затем и фактически государственный — в условиях жестко централизованного государства, где регулировалась вся общественная жизнь (включая религию [Соколов, 1979а; Авеста, 2016; Абаев, 2025]), стал (в уже опрошенном, пиджинизированном виде) языком общения его носителей с носителями других языков, а затем и общенародным.

2. Явление диглоссии социального типа, свойственное составителям ранних текстов — эпохи создания письменности, но частично измененное позднее. Ранние писцы могли в быту

пользоваться уже обиходным языком «низкого» стиля, однако знали (помнили) древний нормированный язык «высокого» стиля и применяли его на официальном уровне. Позднее — с естественным уходом знатоков древней нормы — элементы обиходного стиля поднялись на «высокий», то есть официальный уровень [Эдельман, 2000; 2009, 128–129].

Дальнейшая выработка так называемого «высокого штиля» и его разножанровых вариантов происходила уже в среднеперсидском языке и далее — в классическом персидском и современных персидском, таджикском, дари Афганистана [Ефимов, Расторгуева, Шарова, 1982].

4 | Социолингвистическая ситуация в ареале Центральноазиатского языкового союза

Иначе сложилась социолингвистическая ситуация в ареале Центральной Азии. Языки данного ареала, относящиеся генетически к восточноиранской ветви, в большей степени сохраняют элементы древних индоевропейских и индоиранских морфологических парадигм, чем языки западноиранской ветви. При этом, здесь, благодаря активному контактированию языков, образовался так называемый Центральноазиатский языковой союз (ЦАЯС — термин В.Н. Топорова), куда вошли бытующие и бытовавшие здесь ранее языки и диалекты, принадлежащие к разным семьям. Из иранских языков сюда относятся восточноиранские и попавшие позднее в этот ареал языки северо-западной группы: белуджский, парачи и ормури. В более узком Памиро-Гиндукушском регионе внутри Центральноазиатского языкового союза, благодаря сближению малых восточноиранских языков и диалектов, образовалась небольшая группа, условно называемая памирской [Топоров, 1965; Эдельман, 1980; 2017; 2024; 2025].

При этом важно, что в разных языках Центральноазиатского языкового союза выявляются рудименты субстрата, то есть следы тех языков и диалектов, на которых говорили в этом ареале люди до распространения здесь индоиранских этносов. Уместно напомнить остроумное определение В.И. Абаевым явления субстрата как закономерной совокупности «ошибок» среды, переходящей на новый язык [Абаев, 1956: 62; Эдельман, 1980]. Этим объясняется отличие элементов субстрата от обычных заимствований: элементы субстрата проявляются на разных языковых уровнях, поскольку сохранение у носителей языков произносительных норм обуславливает в новом языке фонетические изменения, калькирование морфосинтаксических последовательностей порождает аналогичные

последовательности в новом языке. Сохраняющиеся в народе слова становятся лексическими заимствованиями.

Кроме того, сохранение некоторых семантических «понятийных» категорий могут вызывать изменения в морфологических и синтаксических структурах [Абаев, 1970; 1978, 47–51]. О некоторых чертах субстрата в Центральноазиатском языковом союзе см. в [Эдельман, 1980, 21–32].

Это значит, что направление развития древних восточноиранских языков и диалектов ареала могло быть стимулировано социолингвистической ситуацией, существенно отличной от древнеперсидской, а именно длительным периодом сосуществования доиранских и иранских языков в общем ареале и постепенным переходом доиранского населения на иранские языки, с сохранением элементов субстрата. При этом ситуация диглоссии в переходный период носила характер двуязычия.

Этот процесс подобен процессу, происходившему на Кавказе с осетинским языком.

5 | Заключение

Таким образом, языковая трансформация в ареале империи Ахеменидов проходила в условиях быстрого изменения фактически государственного языка в жестко централизованном государстве, но без явного изменения языкового ландшафта. В ареале Центральной Азии языковая трансформация состояла в изменении языкового ландшафта и в сближении между собой языков с образованием Центральноазиатского языкового союза на базе общего субстрата.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И. (1945) Антидэвовская надпись Ксеркса // *Иранские языки*. Вып. I. М.; Л.
Абаев В.И. (1945а) Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузах // *Иранские языки*. Вып. I. М.; Л.
Абаев В.И. (1950) Перевод персидского текста Большой, или Бехистунской надписи // *Хрестоматия по истории Древнего мира* / под ред. В.В. Струве. 2-е изд. Т. 1. М. С. 255–263.
Абаев В.И. (1956) О языковом субстрате // *Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР*. Вып. 9. М.: Изд-во Академии наук СССР. С. 57–69.
Абаев В.И. (1970) Типология армянского и осетинского языков и кавказский субстрат // *Sprache und Gesellschaft. Festschrift Gertrud Pätsch*. Jena.
Абаев В.И. (1978) Armeno-ossetica (Типологические встречи) // *Вопросы языкознания*. № 6.

- Абаев В.И. (2025) Древнеперсидские монументальные надписи 1983–1984 гг. // В.И. Абаев. Древнеиранские языки и тексты по аудиозаписям лекций. С анализом и комментариями / под ред. С.П. Виноградовой, сост. З.А. Битарти. Ч. II. Цхинвал–М.: Глобус (в печати). Авеста. Лекции профессора В.И. Абаева с анализом и комментариями (2016). Цхинвал.
- Бехистунская надпись Дария I (1984) Перевод с древнеперсидского В.И. Абаева // Литература Древнего Востока. Иран, Индия, Китай (тексты). М.: Изд-во МГУ. С. 41–44.
- Боголюбов М.Н. (2012) Древнеперсидские этимологии // Боголюбов М.Н. Труды по иранскому языкознанию. Избранное / сост., отв. ред. О.М. Чунакова. М. С. 211–214.
- Ефимов В.А., Расторгуева В.С., Шарова Е.Н. (1982) Персидский, таджикский, дари // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. М.: Наука.
- Меликов Р. (2013) Древнеперсидские надписи. Транслитерация, перевод, глоссарий. Баку: Şərq-Qərbi.
- Опыт историко-типологического исследования иранских языков (1975). В 2 т. М.
- Оранский И.М. (1966) Несколько замечаний к вопросу о времени введения древнеперсидской клинописи // Вестник древней истории. № 2. С. 107–116.
- Оранский И.М. (1975) О соотношении периодизации истории языка с периодизацией памятников письменности (На материале истории иранских языков) // Вопросы языкознания. № 2. С. 32–46.
- Оранский И.М. (1979) Иранские языки в историческом освещении. М.
- Расторгуева В.С. (1975) Вопросы общей эволюции морфологического типа // Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I: Фонология. Эволюция морфологического типа / отв. ред. В.С. Расторгуева. М.: Наука. С. 89–224.
- Соколов С.Н. (1979) Древнеперсидский язык // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М.: Наука.
- Соколов С.Н. (1979а) Язык Авесты // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М.: Наука.
- Топоров В.Н. (1965) Несколько замечаний к фонологической характеристике Центрально-Азиатского языкового союза (ЦАЯС) // Symbolae linguisticae in honorem G. Kurylowicz. Wrocław.
- Хрестоматия по истории Древнего Востока: Учебное пособие (1980). В 2 ч. Ч. 2 / под ред. М.А. Коростовцева, И.С. Кацнельсона, В.И. Кузищина. М.: Высшая школа.
- Эдельман Д.И. (1974) О конструкциях предложения в иранских языках // Вопросы языкознания. № 1.
- Эдельман Д.И. (1980) К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза // Вопросы языкознания. № 5.
- Эдельман Д.И. (1986) Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М.
- Эдельман Д.И. (1988) Некоторые вопросы сравнительно-исторической морфологии иранских языков // Вопросы языкознания. № 6.
- Эдельман Д.И. (1990) Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Грамматика и синтаксис. М.
- Эдельман Д.И. (1995) Еще раз о взаимодействии языковых уровней в истории иранских языков // Вопросы языкознания. № 4. С. 25–42.
- Эдельман Д.И. (2000) К реконструкции социолингвистической ситуации древнеиранского мира // Вопросы филологии. № 2(5). М. С. 38–42.
- Эдельман Д.И. (2009) Динамика языка древнеперсидских текстов и социолингвистическая ситуация в ахеменидском Иране // Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы международной научной конференции.... Вып. IV. 14–16 декабря 2009 года. М.: ИВ РАН. С. 128–129.

- Эдельман Д.И. (2009а) Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика. М.: Восточная литература.
- Эдельман Д.И. (2010) Жанровые особенности древнеиранских текстов и динамика языковой системы // Текст и язык в переходные периоды. Материалы круглого стола 26 окт. 2010. М.: Тезаурус. С. 9–14.
- Эдельман Д.И. (2010а) К возможностям верификации исторических гипотез // Бюллетень 17. Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008». М., 8–10 окт. 2008. М. С. 519–529.
- Эдельман Д.И. (2015) Фрагменты «картины мира» в иранских языках // Язык. Общество. История науки. К 70-летию чл.-корр. РАН В.М. Алпатов. Тезисы докл. междунар. науч. конф. 22–23 апр. 2015. М.: Ин-т востоковедения РАН. С. 135–136.
- Эдельман Д.И. (2017) Иранские и славянские языки: исторические отношения. М.: Восточная литература.
- Эдельман Д.И. (2021) Сочетаемость праязыковых элементов и структурная трансформация иранских языков // Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Сочетаемость языковых единиц и языковые модели. Памяти З.М. Шаляпиной (1946–2020) / отв. ред. А.И. Коган, ред.-сост. А.С. Панина. М.: ИВ РАН. С. 218–225.
- Эдельман Д.И. (2024) К ареальным вариантам семантики в истории лексики восточноиранских языков // Родной язык. Лингвистический журнал. Т. 20, № 1. С. 5–15.
- Эдельман Д.И. (2025) Заметки об исторической лексикологии иранских языков Западного Памира // Родной язык. Лингвистический журнал. Т. 22, № 1.
- Achaemenid Royal Inscriptions [Electronic resource] / Ancient Persia / Ed. J. Lendering. Режим доступа: URL: <http://www.livius.org>. Дата обращения: 21.12.2024.
- Darius. Behistun (transliteration) (DB) [Electronic resource] / Ed. R.G. Kent. New Haven, 1953. Available at: <http://www.avesta.org/op/op.htm>. Access date: 21.12.2024.
- Achaemenid Royal Inscriptions. A3Pa. Available at: <https://www.livius.org/sources/content/achaemenid-royal-inscriptions/a3pa/> (accessed: 21.12.2024).
- Achaemenid Royal Inscriptions. Behistun T01. Available at: <https://www.livius.org/sources/content/behistun-persian-text/behistun-t-01/> (accessed: 21.12.2024).
- Bartholomae, Chr. (1979) Altiranisches Wörterbuch. Strassburg: K.J. Trübner, 1904 (repr.: Berlin–New York: Walter de Gruyter & Co.).
- Behistun Inscription (1907) // King L.W., Thompson R.C. The Sculptures and Inscription of Darius the Great on the Rock of Behistun in Persia. L.
- Brandenstein, W., Mayrhofer, M. (1964) Handbuch des altpersischen. Wiesbaden.
- Cyrus Cylinder (1969) // Pritchard J.B. Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament. Princeton.
- Darius. Persepolis E (transliteration) (DPe) [Electronic resource] / Ed. R.G. Kent. New Haven, 1953. Available at: <http://www.avesta.org/op/op.htm#dpe>. Access date: 21.12.2024.
- Kent, R.G. (1950) Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon. New Haven.
- Schmitt, R. (1991) *The Bisitun Inscriptions of Darius the Great. Old Persian Text* (Corpus Inscriptionum Iranicarum, Part I: Inscriptions of Ancient Iran. Volume I, The Old Persian Inscriptions. Texts 1.). London.
- Szemerényi, O. (1980) Language Decay – the Result of Imperial Aggrandisement? // *Recherches de linguistique. Hommages à Maurice Leroy*. Bruxelles.

REFERENCES

- Abaev, V.I. (1945) Antidevovskaya nadpis Kserksa [The Anti-Deva Inscription of Xerxes], *Iranskiye yazyki. I*, Moscow–Leningrad. (In Russian).
- Abaev, V.I. (1945a) Nadpis Dariya I o sooruzhenii dvortsa v Suzakh [The Inscription of Darius I on the Construction of the Palace in Susa], *Iranskiye yazyki. I*, Moscow–Leningrad. (In Russian).
- Abaev, V.I. (1950) Perevod persidskogo teksta Bolshoy, ili Bekhistunskoy nadpisi [Translation of the Persian Text of the Great, or Behistun Inscription], in Struve, V.V. (ed.) *Khrestomatiya po istorii Drevnego mira*. 2nd edn. Vol. 1. Moscow, pp. 255–263. (In Russian).
- Abaev, V.I. (1956) O yazykovom substrate [On the Language Substrate], *Doklady i soobshcheniya Instituta yazykoznaniya AN SSSR*, Moscow, 9. (In Russian).
- Abaev, V.I. (1970) Tipologiya armyanskogo i osetinskogo yazykov i kavkazskiy substrat [Typology of the Armenian and Ossetian Languages and the Caucasian Substrate], in *Sprache und Gesellschaft. Festschrift Gertrud Pätsch*. Jena. (In Russian).
- Abaev, V.I. (1978) Armeno-ossetica (Tipologicheskiye vstrechi) [Armeno-ossetica (Typological Intersections)], *Voprosy yazykoznaniya*, no. 6. (In Russian).
- Abaev, V.I. (2025) Drevnepersidskiye monumentalnyye nadpisi – 1983–1984 gg. [Ancient Persian Monumental Inscriptions – 1983–1984]. In: Vinogradova, S.P. (ed.) and Bitarti, Z.A. (comp.) *V.I. Abaev. Drevneiranskiye yazyki i teksty po audiozapisyam lektsiy s analizom i kommentariyami. Chast II*. Tskhinval–Moscow. (Forthcoming). (In Russian).
- Avesta. Lektsii professora V.I. Abaeva s analizom i kommentariyami* [Avesta. Lectures of Professor V.I. Abaev with Analysis and Commentary] (2016). Tskhinval. (In Russian).
- Bogolyubov, M.N. (2012) Drevnepersidskiye etimologii [Old Persian Etymologies], in Chunakova, O.M. (ed.) *M.N. Bogolyubov. Trudy po iranskomu yazykoznaniyu. Izbrannoye*. Moscow, pp. 211–214. (In Russian).
- Efimov, V.A., Rastorguyeva, V.S. and Sharova, E.N. (1982) Persidskiy, tadzhikskiy, dari [Persian, Tajik, Dari], in *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskiye yazyki*. Moscow. (In Russian).
- Khrestomatiya po istorii Drevnego Vostoka: Uchebnoye posobiye* [Reader on the History of the Ancient East: Study Guide] (1980). In 2 parts. Part 2. Edited by Korostovtsev, M.A., Katsnelson, I.S. and Kuzishchin, V.I. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian).
- Melikov, R. (2013) *Drevnepersidskiye nadpisi. Transliteratsiya, perevod, glossariy* [Old Persian Inscriptions. Transliteration, Translation, Glossary]. Baku: Şərq-Qərb. (In Russian).
- Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniya iranskikh yazykov* [An Experience of Historical and Typological Research in Iranian Languages] (1975). In 2 vols. Moscow. (In Russian).
- Oranskiy, I.M. (1966) Neskolko zamechaniy k voprosu o vremeni vvedeniya drevnepersidskoy klinopisi [Some Remarks on the Time of Introduction of Old Persian Cuneiform Writing], *Vestnik drevney istorii*, no. 2, pp. 107–116. (In Russian).
- Oranskiy, I.M. (1975) O sootnoshenii periodizatsii istorii yazyka s periodizatsiyey pamyatnikov pismennosti (Na materiale istorii iranskikh yazykov) [On the Relationship between the Periodization of the History of Language and the Periodization of Written Monuments (Based on the History of Iranian Languages)], *Voprosy yazykoznaniya*, no. 2, pp. 32–46. (In Russian).
- Oranskiy, I.M. (1979) *Iranskiye yazyki v istoricheskom osveshchenii* [Iranian Languages in Historical Perspective]. Moscow. (In Russian).
- Rastorguyeva, V.S. (1975) Voprosy obshchey evolyutsii morfologicheskogo tipa [Issues of the General Evolution of the Morphological Type], in Rastorguyeva, V.S. (ed.) *Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniya iranskikh yazykov. T. I. Fonologiya. Evolyutsiya morfologicheskogo tipa*. Moscow: Nauka, pp. 89–224. (In Russian).

- Sokolov, S.N. (1979) Drevnepersidskiy yazyk [Old Persian], in *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Drevneiranskiye yazyki*. Moscow. (In Russian).
- Sokolov, S.N. (1979a) YAzyk Avesty [The Language of the Avesta], in *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Drevneiranskiye yazyki*. Moscow. (In Russian).
- Toporov, V.N. (1965) Neskolko zamechaniy k fonologicheskoy kharakteristike Tsentralno-Aziatskogo yazykovogo soyuza (TSAYAS) [Some Remarks on the Phonological Characteristics of the Central Asian Language Union (CALU)], in *Symbolae linguisticae in honorem G. Kurylowicz*. Wrocław. (In Russian).
- Edelman, D.I. (1974) O konstruktsiyakh predlozheniya v iranskikh yazykakh [On Sentence Constructions in Iranian Languages], *Voprosy yazykoznaniya*, no. 1. (In Russian).
- Edelman, D.I. (1980) K substratnomu naslediyu Tsentralnoaziatskogo yazykovogo soyuza [On the Substrate Heritage of the Central Asian Language Union], *Voprosy yazykoznaniya*, no. 5. (In Russian).
- Edelman, D.I. (1987) Vzaimodeystviye yazykovykh urovney v istorii iranskikh yazykov [Interaction of Language Levels in the History of Iranian Languages], *Iranskoye yazykoznaniye: Yezhegodnik 1982*, Moscow, pp. 158–168. (In Russian).
- Edelman, D.I. (1988) Nekotoryye voprosy sravnitelno-istoricheskoy morfologii iranskikh yazykov [Some Issues of Comparative-Historical Morphology of Iranian Languages], *Voprosy yazykoznaniya*, no. 6. (In Russian).
- Edelman, D.I. (1990) *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Grammatika i sintaksis* [Comparative Grammar of Eastern Iranian Languages. Grammar and Syntax]. Moscow. (In Russian).
- Edelman, D.I. (1995) Yeshche raz o vzaimodeystvii yazykovykh urovney v istorii iranskikh yazykov [Once Again About the Interaction of Language Levels in the History of Iranian Languages], *Voprosy yazykoznaniya*, no. 4, pp. 25–42. (In Russian).
- Edelman, D.I. (2000) K rekonstruktsii sotsiolingvisticheskoy situatsii drevneiranskogo mira [On the Reconstruction of the Sociolinguistic Situation of the Ancient Iranian World], *Voprosy filologii*, no. 2(5), Moscow. (In Russian).
- Edelman, D.I. (2009) Dinamika yazyka drevnepersidskikh tekstov i sotsiolingvisticheskaya situatsiya v akhemenidskom Irane [Dynamics of the Language of Ancient Persian Texts and the Sociolinguistic Situation in Achaemenid Iran], in *Drevnost': istoricheskoye znaniye i spetsifika istochnika. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, vol. IV, 14–16 December 2009, Moscow: IV RAN. (In Russian).
- Edelman, D.I. (2009a) *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Leksika* [Comparative Grammar of Eastern Iranian Languages. Lexis]. Moscow. (In Russian).
- Edelman, D.I. (2010) Zhanrovyye osobennosti drevneiranskikh tekstov i dinamika yazykovoy sistemy [Genre Features of Ancient Iranian Texts and the Dynamics of the Language System], in *Tekst i yazyk v perekhodnyye periody. Materialy Kruglogo stola 26 oktyabrya 2010*, Moscow: Tezaurus, pp. 9–14. (In Russian).
- Edelman, D.I. (2010a) K vozmozhnostyam verifikatsii istoricheskikh gipotez [On the Possibilities of Verifying Historical Hypotheses], in *Byulleten 17. Trudy mezhinstitutskoy nauchnoy konferentsii "Vostokovednyye chteniya 2008"*, 8–10 October 2008, Moscow, pp. 519–529. (In Russian).
- Edelman, D.I. (2015) Fragmenty "kartiny mira" v iranskikh yazykakh [Fragments of the "Worldview" in Iranian Languages], in *YAzyk. Obshchestvo. Istoriya nauki. K 70-letiyu chl.-korr. RAN V.M. Alpatova. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 22–23 aprelya 2015*, Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, pp. 135–138. (In Russian).
- Edelman, D.I. (2017) *Iranskiye i slavyanskiye yazyki: Istoricheskiye otnosheniya* [Iranian and Slavonic Languages: Historical Relations]. Moscow. (In Russian).

- Edelman, D.I. (2021) Sochetayemost' prayazykovykh elementov i strukturnaya transformatsiya iranskikh yazykov [Compatibility of Proto-Linguistic Elements and Structural Transformation of Iranian Languages], in *Problemy obshchey i vostokovednoy lingvistiki. Sochetayemost' yazykovykh yedinit i yazykovyye modeli. Pamyati Z.M. Shalyapinoy (1946–2020)*, edited by Kogan, A.I., and Panina, A.S., Moscow: IV RAN, pp. 218–225. (In Russian).
- Edelman, D.I. (2024) K arealnym variantam semantiki v istorii leksiki vostochnoiranskikh yazykov [On Areal Variants of Semantics in the History of the Vocabulary of Eastern Iranian Languages], *Rodnoy yazyk. Lingvisticheskiy zhurnal*, 20(1), pp. 5–15. (In Russian).
- Edelman, D.I. (2025) Zametki ob istoricheskoy leksikologii iranskikh yazykov Zapadnogo Pamira [Notes on the Historical Lexicology of the Iranian Languages of the Western Pamirs], *Rodnoy yazyk. Lingvisticheskiy zhurnal*, 22(1). (In Russian).
- Ancient Persia. Achaemenid Royal Inscriptions (Persian text in cuneiform)* [electronic resource], edited by J. Lendering. Available at: <http://www.livius.org> (Accessed: 21 December 2024).
- Achaemenid Royal Inscriptions. A3Pa* [electronic resource]. Available at: <https://www.livius.org/sources/content/achaemenid-royal-inscriptions/a3pa/> (Accessed: 21 December 2024).
- Achaemenid Royal Inscriptions. Behistun T 01* [electronic resource]. Available at: <https://www.livius.org/sources/content/behistun-persian-text/behistun-t-01/> (Accessed: 21 December 2024).
- Bartholomae, C. (1979) *Altiranisches Wörterbuch*. Originally published: Strassburg: K.J. Trübner, 1904. Reprint: Berlin–New York: Walter de Gruyter & Co., 1979.
- Behistun Inscription (1907) *The Sculptures and Inscription of Darius the Great on the Rock of Behistun in Persia*, by King, L.W. and Thompson, R.C. London: [Publisher not specified].
- Brandenstein, W. and Mayrhofer, M. (1964) *Handbuch des Altpersischen*. Wiesbaden: [Publisher not specified].
- Cyrus Cylinder (1969) in Pritchard, J.B. (ed.) *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*. Princeton: Princeton University Press.
- Kent, R.G. (ed.) (1953) *Darius. Persepolis E (transliteration) (DPe)* [electronic resource]. New Haven. Available at: <http://www.avesta.org/op/op.htm#dpe> (Accessed: 21 December 2024).
- Kent, R.G. (ed.) (1953) *Darius. Behistun (transliteration) (DB)* [electronic resource]. New Haven. Available at: <http://www.avesta.org/op/op.htm> (Accessed: 21 December 2024).
- Kent, R.G. (1950) *Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon*. New Haven: American Oriental Society.
- Schmitt, R. (1991) *The Bisitun Inscriptions of Darius the Great. Old Persian Text* (Corpus Inscriptionum Iranicarum, Part I: Inscriptions of Ancient Iran, Volume I). London: School of Oriental and African Studies.
- Szemerényi, O. (1980) Language Decay — the Result of Imperial Aggrandisement?, in *Recherches de linguistique. Hommages à Maurice Leroy*. Bruxelles: [Publisher not specified].

Джой Иосифовна Эдельман – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора иранских языков Института языкознания РАН.

Адрес: 125009, Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1/1.

Эл. адрес: joy.edelman@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0056-6250>

Joy I. Edelman – DSc (Philology), Professor, Leading Researcher of the Department of Iranian Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Address: Bolshoy Kislovsky Lane 1/1, Moscow, 125009, Russian Federation.

E-mail: joy.edelman@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0056-6250>

Для цитирования: Эдельман Д.И. Из истории социолингвистических ситуаций в разных ираноязычных регионах // Социолингвистика. 2025. № 2 (22). С. 12–25. DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-12-25

For citation: *Edelman, J.I.* From the history of sociolinguistic situations in different Iranian-speaking regions // *Sociolinguistika*. 2025. No. 2 (22). pp. 12–25. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-12-25

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 04.02.2025;
approved after reviewing 13.06.2025;
accepted for publication 25.07.2025.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

LANGUAGE SITUATION

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-26-63>

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА: НА МАТЕРИАЛЕ ГИЛЯКСКОГО И МАЗАНДЕРАНСКОГО ЯЗЫКОВ

УДК 811.223.4, 811.222.7

Владимир Б. Иванов
Институт стран Азии и
Африки, Московский
государственный
университет имени
М.В. Ломоносова,
Москва, Российская
Федерация

Лейли Р. Додыхудоева
Институт языкознания РАН,
Москва, Российская
Федерация

Аннотация

В результате полевых исследований, проведённых авторами в 2010–2014 гг. в ряде районов Каспийского региона на севере Ирана – таких как Гилян, Мазандеран, Горган, включая ареалы распространения языков шамирази и велатру, а также талышского (шахрестаны Фуман, Масал, Астара) и тати (шахрестан Рудбар), – была проанализирована и уточнена современная социалингвистическая ситуация, связанная с этими языками. Приводятся дополнительные сведения об особенностях культуры поведения и менталитета современных иранцев в контексте исторических факторов, повлиявших на формирование их идентичности.

В статье предложена новая классификация иранских языков, открывающая новые возможности для интерпретации сходств и различий между языками Каспийского региона. Также представлены материалы по мультискрипторным возможностям записи на основе арабской и латинской графики, а также особые приёмы фиксации текстов на мазандеранском и гилякском языках, не имеющих в настоящее время официально утверждённой письменности и норм. Аналогичные вопросы рассматриваются в отношении талышского и тати.

Сообщаются сведения об электронном корпусе текстов на мазандеранском и гилякском языках – как в аудиоформате, так и в письменной транскрипции (на базе международной иранистической транскрипции с элементами МФА), с переводом на русский язык и полинейной нотацией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гилякский, мазандеранский, талышский, тати, Прикаспий, Иран, социалингвистическая ситуация, этнолингвистика

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Владимир Б. Иванов, Лейли Р. Додыхудоева, 2025

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-26-63>

SOCIOLINGUISTIC FEATURES OF THE CASPIAN REGION: A STUDY BASED ON THE GILAKI AND MAZANDARANI LANGUAGES

UDC 811.223.4, 811.222.7

Vladimir B. Ivanov

Institute of Asian and
African countries, M.V.
Lomonosov Moscow State
University,
Moscow, Russian Federation

Leyli R. Dodykhudoeva

Institute of Linguistics,
Russian Academy of
Sciences,
Moscow, Russian Federation

Abstract

The authors conducted field research across various areas of the Caspian region, located to the north of Iran, during the period 2010–2014. The regions surveyed – Gilan, Mazandaran, and Gorgan – include districts where the following languages are spoken: Shamirzadi and Velatru, as well as Talysh (in the Fuman, Masal, and Astara shahrestans) and Tati (in Rudbar shahrestan). This research enabled the authors to evaluate and clarify the current sociolinguistic situation associated with these languages. Additionally, supplementary data are provided concerning the behavioral culture and mentality of contemporary Iranians, viewed within the historical context of the formation of their identity.

The article introduces a novel classification of Iranian languages, which opens new avenues for interpreting the similarities and differences among the languages of the Caspian region.

Furthermore, the article presents materials regarding multiscrypt possibilities based on Arabic and Latin alphabets, alongside specialized techniques for recording texts in the Mazandarani and Gilaki languages. These languages currently lack officially approved scripts and standardized written norms. Comparable issues are also discussed for Talysh and Tati. The study includes information on an electronic corpus comprising Mazandarani and Gilaki texts in both audio format and written transcription – utilizing Iranian international transcription and the International Phonetic Alphabet (IPA) – with translations into Russian and line-by-line annotations.

KEYWORDS: Gilaki, Mazandarani, Talysh, Tati, Caspian region, Iran, sociolinguistic situation, ethnolinguistics

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Vladimir B. Ivanov, Leyli R. Dodykhudoeva, 2025

1 | Введение

Социокультурная сложность иранского общества характеризуется полиэтничностью и конфессиональной неоднородностью. В нациестроительстве в Иране участвуют два принципа: этнический, т. е. общность по схожести культуры, и территориально-гражданский, т. е. общность по государству [Мамедова, 2019: 111].

2 | Социолингвистические сведения

2.1 Современные этнонимы и лингвонимы

Первое упоминание о гилякском² языке и несколько слов представлены в работе российского учёного-натуралиста и этнографа С.Г. Гмелина, который посетил Гилян в XVIII в. во время путешествия по Кавказу и вдоль южного берега Каспийского моря. Он записал названия рыб, животных, птиц и растений, а также составил список русских слов (более двухсот) (1775, 3). Одним из первых собрал и опубликовал материалы по Гилян А.Л. Ходзько [1842], он привел сведения о регионе, а также список слов и фольклорных текстов. Позднее Гилян посетили такие крупные иранисты, как И.Н. Березин [Beresine, 1853], Б.А. Дорн [Grundriss, 1898–1901], Г.В. Мельгунов [Мельгунов, 1863; Melgounof, 1868], в зоне северного Ирана работал В.А. Жуковский.

Первым грамматическим очерком гилякского языка был труд И.Н. Березина. В него включены разговорные тексты на гилякском языке и 25 гилякских песен. Помимо собственных материалов И.Н. Березин использовал в этой книге сведения С.Г. Гмелина и А.Л. Ходзько.

В 1863 году Г.В. Мельгуновым были опубликованы несколько гилякских песен с русским переводом. Позднее он издал грамматический очерк гилякского и мазандеранского языков с приложением списков слов, разговорных фраз и песен [Melgounof, 1868].

В 1860–1861 годах Б.А. Дорн посетил южное побережье Каспийского моря, побывал в Гиляне и Мазандеране, издал труд по истории провинции Захир-ад-Дина Мараши «Тарихе Табаристан» [Dorn, 1860]. В Гиляне он вёл записи в Реште, Лахиджане и Фумане, собрал обширный материал и составил грамматические очерки, опубликовал на мазандеранском языке более 49 рассказов, записанных на персидском языке А.Н. Болдыревым, и ряд

² Обоснование такого наименования см. в: [Иванов, Додыхудоева, 2017], где авторы предлагают отличать топоним «гилянский» (Gilani), то есть относящийся к провинции Гилян, от этнонима «гилякский» (Gilaki), то есть относящийся к гилякам (Gilak) – самоназванию народности, населяющей Гилян. Гилянцами называют все население Гиляна независимо от национальности (гиляков, персов, талышей). Противопоставление принято в зарубежной иранистике и представляется более верным [Иванов, Додыхудоева, 2017: 78].

поэтических отрывков. Материалы прикаспийских языков, собранные Дорном, были переданы немецкому исследователю П. Гейгеру, который использовал их при составлении соответствующего раздела [Grundriss, 1898–1901].

Все сведения о фонологии и грамматическом строе гилякского языка, полученные исследователями к концу XIX века, были обобщены В. Гейгером в статье «Kleinere Dialekte und Dialektgruppen» (раздел «Die Kaspische Dialekte») [Geiger, 1898–1901: 344–380], в которой даётся сравнительное описание всех языков Прикаспия – мазандеранского, гилякского, талышского, татского и семнанского. В части, посвящённой гилякскому языку, Гейгер опирался на труды Дорна, Ходзько, Березина и Мельгунова.

В 1930 году датским иранистом Артуром Кристенсеном была издана работа, в которой был рассмотрен грамматический строй и глагольные формы рештского говора гилякского языка, а также приведён список гилякских диалектизмов с переводом на персидский язык [Christensen, 1930].

Данные по семнанскому языку были впервые собраны Н.В. Ханыковым в 1861 г., позднее В.А. Жуковским (в 1912–1914 гг.) [1888; 1922]. Они связывали семнанский язык с мазандеранским. В.А. Жуковский относил к семнанскому говоры Сангесара и Шамерзада (Шахмирзада).

Новые данные по семнанскому языку и диалектам были собраны В.С. Соколовой и Т.Н. Пахалиной в 1950-е гг. [Пахалина, Соколова, 1957; Пахалина, 1991; 1999]. Специальное фонетическое исследование было проведено В.И. Завьяловой (1956), а вслед за этим в секторе иранских языков Института языкознания РАН были опубликованы очерки грамматики гилякского языка и словари [Расторгуева и др., 1971³; Керимова и др., 1980].

В данной статье рассматривается социолингвистическая ситуация в ряде районов Каспийского региона, которые авторам удалось посетить в ходе полевых исследований в 2010–2014 гг. на севере Ирана⁴, в прикаспийских провинциях (остан) Гилян, Мазандеран (в древности Табаристан) и Голестан (ранее Горган, был выделен из Мазандерана в 1997 г.), а также Семнан. До настоящего времени авторами ведётся работа с носителями этих языков в лабораторных условиях, аудиозапись и обработка текстов и глоссариев.

³ В 1995 году эта книга была издана в издательстве «Соруш» под названием «Guyeš-e Gilaki-ye Rašt». Перс. перевод Джафара Хомамизаде.

⁴ Полевой материал для данной работы частично был собран в рамках гранта Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-04-12016В.

2.2 Периодизация иранских языков: сравнительно-исторический очерк

Языки гиляки и мазандерани – два близкородственных каспийских языка, входящих в центральноиранскую подгруппу иранских языков (см. *Рис. 1*). На них говорят, соответственно, около четырех и трёх миллионов человек.

Восточнее гилякского лежит зона мазандеранского языка, который также делится на ряд говоров (говоры гг. Сари, Амоля, Баболя, Гаемшахра (Мазандеран), Горгана (Голестан)).

В иранистике эти иранские языки, представленные в регионах, прилегающих к Каспийскому морю, народностей, живущих вдоль южного и юго-западного побережья Каспийского моря, часто также называют прикаспийскими. Помимо гилякского и мазандеранского языков, сюда включают семнанский, талышский и тати.

В прикаспийскую подгруппу входят гиляки, мазандерани, а также говоры небольших долин в районе горного хребта Альборз, Велайат-е руд – велатру, Фирузкух и Шахмерзад (административно входят в Семнан) – шамерзади. По ряду характеристик к ним примыкает и семнанский [Пахалина, 1991: 176; 1999].

Кроме того, существует целый ряд промежуточных разновидностей речи в Келардаште (в шахрестане Чалус) и в шахрестане Тонекабон. Административно обе эти территории включены в провинцию Мазандеран. По мнению Калбасси, районы Келардашт и Тонекабон (западные части исторического Руйана) считаются местами обитания третьей отдельной языковой группы каспийской языковой семьи – центральнокаспийской, иногда её называют переходной [Kalbāssi, 2009].

Сюда же обычно относят и сангесари, распространённый в одном из шахрестанов Семнана. Обычно его наряду с сурхеи, ласгерди, биябунаки, афтари включают в группу диалектов полосы Семнана [Расторгуева, 1991: 206]. Однако, как отмечал В.А. Жуковский, носители этих говоров не понимают друг друга [1888: III–IV]. Кристенсен помещает сангесари вне группы [Christensen, 1930; 1935: 22], то же см. [Azami, Windfuhr, 1972]⁵.

⁵ Хабиб Борджиан описал афтари как комисени. Вместе с другими близкими диалектами он распространён близ города Семнан. Для данной группы этот автор предлагает обозначение «комисени», по старому названию провинции Комисиан (Komisenian, that of Komisene). Как и в соседних прикаспийских диалектах, здесь много послелогов и сложная система личных и указательных местоимений, а также наблюдаются остатки эргативности [Borjān, 2008].

В центральноиранскую подгруппу⁶ (ранее северо-западную) входят также талышский, который распространён как в Иране, так и в Азербайджане [Пирейко, 1999], и родственные говоры тати (Зенджан, Казвин, Харзанабад, Халхал, Ардебиль), а также ряд уже исчезнувших языков [Пирейко, 1999].

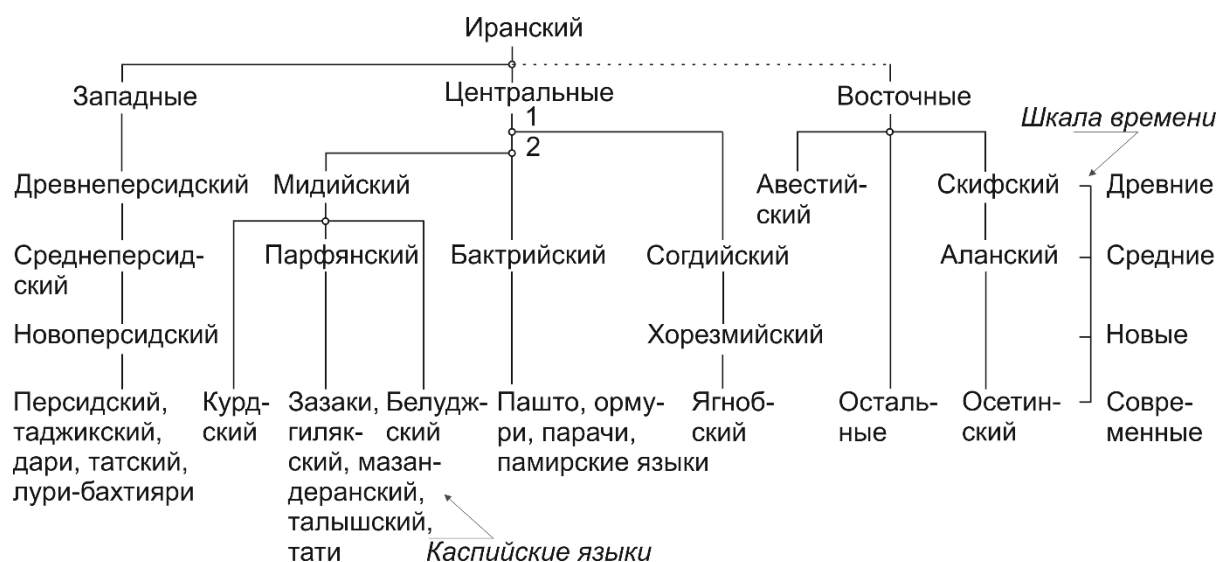

Рис. 1. Происхождение прикаспийских и западноиранских языков по Корн [Korn, 2016a; 2019].

Сюда же включается и группа диалектов тати (говоры на юго-западе региона, карманы Каласи, Кабатаи; Рудбар), распространённых дисперсно в Гиляне (Kalāsī и Kabata'ī), они связаны родством с говорами Верхнего Тарума в провинции Зенджан. Талышский представляет ряд диалектов (южный, центральный и северный); при этом говоры Азербайджана отличаются от иранских. Южные иранские же, в свою очередь, смыкаются с тати. По ряду предположений, говоры Рудбара ранее были связаны с говорами тати, но испытали сильное влияние гиляки [Stilo, 2001].

2.3 Язык гиляки

Язык распространён вдоль южного побережья Каспийского моря в одной из северных провинций Ирана, известной как Гилян. Название «гилянский язык», принятое в

⁶ В статье принята новаторская классификация иранских языков, в частности центральной подгруппы (ранее северо-западной), разработанная Агнес Корн [2016a; 2019]. Обоснование и лингвистические основы см. как в: [Korn, 2016a; 2019], так и в применении к языкам изучаемой группы в: [Ivanov, Dodykhudoeva, 2025].

отечественной иранистике (см. например, [Керимова, Мамед-заде, Расторгуева, 1980; Расторгуева, 1999б; Расторгуева и др., 1971; Расторгуева, Эдельман, 1982]), представляется некорректным, несмотря на его широкое распространение. Оно произведено от названия региона – Гилян, а не от названия языка.

Сами носители языка называют себя гиляками. *Gilak* ‘гиляк, житель Гиляна’, *gile*, *gil-a mard* букв. ‘житель (мужчина) Гиляна’ [Sotude, 1953], *gilu* ‘гилянец, житель Гиляна’, *gil-a mard* букв. ‘житель (мужчина) Гиляна, крестьянин, селянин, земледелец, гиляк’) [Marashi, 2003]. Предки современных гиляков – древние гелы – обитали на этой территории в древности.

Гилякский язык разделяется на ряд диалектов с центрами в крупных населённых пунктах, таких как Астара, Энзели, Решт, Лахиджан, Лангеруд, Рудбар, а также Дейлеман, Рудбане, Рудсар, Сияхкал, Зиябар, Казиян [Kalbāssi, 2009: 744].

Главный город и главный промышленный и культурный центр Гиляна – Решт (557 381 человек жителей⁷, ср. более 100 000 жителей [Расторгуева и др., 1971]⁸).

Этот регион в Средние века был известен как Дайлам, а его жители как *daylami* ‘дейлемиты, жители Гиляна’. Это название применяется к жителям Гиляна и сегодня [Sotude, 1953], а также сохранилось в названии одной из разновидностей языка заза, известного как *dimli*.

Язык гиляки применяется в регионе в быту и общении. Он является языком неофициального общения на территории провинции Гилян на севере Ирана, на котором говорит несколько миллионов человек. В последние годы активно внедряется письменность на этом языке⁹.

В самом Иране официальный язык страны только один – персидский (перс. *zabān-e fārsi*). Более 7 языков, признаются региональными языками и не имеют официального статуса: азербайджанский, арабский, курдский, лорский, мазандеранский, гиляки и белуджи. Политика лингвцида¹⁰ как таковая в современном Иране не практикуется. Остальные идиомы понимаются как местные языковые разновидности (перс. *guyeš*, *lahje* ‘наречие, говор; диалект; произношение’, *zabān-e diyāri* ‘местный язык, местное наречие’).

⁷ Режим доступа: <https://awdb.ru/iran/rasht/>. Дата обращения 12.12.2024.

⁸ Ср. население всего Гиляна составляет около 700 000 человек, Энзели — крупный морской порт на Каспийском море (110 658 жителей). Лахиджан (в 2011 году 94 051 человек (Gilan (Iran): Counties & Cities — Population Statistics, Charts and Map)) можно включить в число других густонаселённых районов Гиляна [там же]. Горган – 274 453 человека.

⁹ Режим доступа: <https://www.youtube.com/c/gilakilearning/videos>. Дата обращения 12.11.2024.

¹⁰ (Англ. *linguicide*, перс. *marg-e zabān*). Искоренение языка, по аналогии с термином *геноцид*. См.: The Encyclopedia of Language and Linguistics. Vol. 4, Oxford: Pergamon Press, 1994.

Согласно мнению иранского исследователя М. Сотуде, гиляки, так же, как и мазандерани и талыши, идентифицируются как прикаспийский диалект персидского языка. Известный и авторитетный иранский языковед Ахмад Сами разделяет мнение М. Сотуде, также называя гиляки диалектом [Sotude, 1953; Sam'i, 1392].

Ответ на вопрос, что представляет собой гиляки: язык или диалект, даёт Иранское новостное агентство (IRNA). По сообщению корреспондента этого новостного агентства, глава городского совета заявил, что гилякский язык, который является одним из родных языков иранского народа, находится под угрозой исчезновения. По этой причине члены этого совета будут проводить заседания на этом языке, дабы сохранить своеобразие языка и поддержать его существование. Приводим перевод оригинального персидского новостного текста: «Гилякский язык получил официальный статус в меджлисе городского совета города Решт. Отныне все парламентские переговоры будут вестись только на этом языке. Инициатором выступил сам мэр города Решта – Исмаил Хаджипур. Данную инициативу поддержало большинство членов исламского городского совета» [Gilaki – IRNA]. В последнее время прилагаются усилия для того, чтобы придать этому идиому статус языка. Отношение к нему как к диалекту считается унижительным¹¹.

Ранее на арабице были напечатаны отдельные произведения (преимущественно стихотворные) местных гилякских авторов на их родном языке в газете «Чалангар» (в 1950-х годах) и в журнале «Форуг» (فروغ) (в том виде, в котором она используется в персидском языке). В середине XX в. эта письменность не получила большого распространения [Расторгуева и др., 1971; Керимова, Мамед-заде, Расторгуева, 1980]. В настоящее время на этой письменности издаётся разнообразная филологическая литература (гилякско-персидский словарь «Gilə gər» (2002 года издания), грамматики гилякского языка «Gilə dastur» (1990), «Dastur-e zabān-e gilaki» (2006)), литературный журнал «Giləvā» и т.п.

В связи с экономическим значением Каспия и близости Гиляна к Тегерану гилякский язык подвергся сильному влиянию персидского языка, особенно в его словарном составе (и отчасти в его фонологии). Наблюдается массивированный приток лексики и значительная синтаксическая интерференция (например, активное введение прямого изафета (т.е. изафетных словосочетаний, где определение стоит после определяемого)), изменения в произношении гласных и заимствования морфем.

¹¹ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=RduDSy9-Kag>. Дата обращения 12.11.2024.

Гилякский язык становится все более смешанным, так как городское население двуязычно, владеет персидским языком. Персидская лексика *pəsər*, *duxtər*, *damad* заменила исконные термины родства *rey* ‘сын’, *kor* ‘дочь’, *zama* ‘зять’, соответственно [Stilo, 2001]. Переход от гиляки к персидскому представляет собой общее место: ср. гил. *məšyul-ə taayī kudān durust kudān-əšām-u yəzā bid* ‘они были заняты подготовкой ужина’ [Расторгуева и др., 1971: 140] и перс. *mašgūl-e tahīya kardan dorost kardan-e šām o gādā būdand* [Stilo, 2001].

2.4 Мазандеранский язык

Мазандеранский язык маз. *māzeruni* с его диалектами распространён в каспийской провинции Мазандеран и провинции Голестан (Иран) и её окрестностях.

Древнее название провинции – Табаристан, а жители Мазандерана были известны как тапуры (слово неясного генезиса, др.-греч. *Τάπουροι* или *Τάπυροι*). В силу этого мазандеранский язык был известен в истории как *tabarī* – включает в себя диалекты Баболя, Бандпея, Бабольсара, Сари, Амоля; Горгана, Зийарата, Насрабада, Чашмейе сорх. В литературе упоминаются также говоры Парвара, Хесарбона, Дизина, Ростамруда, Рудбарака, Солейманабада, Савадкуха, Гаемшахра, Кордана, Каша, Лазвара, Васвакала [Kalbāssi, 2009: 779].

Практически его разновидностью является также и шамерзади (в городе Шахмирзад (Шамерзад) остана Семнан) [Расторгуева, Эдельман, 1982: 447; Расторгуева, 1999 г.: 135]. Однако население Шамерзада (Шахмирзада), как правило, не считает местное наречие родственным мазандеранскому языку. Носители шамерзади, с которыми мы проводили интервью (2012 и 2014 гг.), не считают свой язык мазандеранским, хотя они демонстрируют полное взаимопонимание с мазандеранцами. И. Калбасси [2009: 535] определяет шамерзади как диалект мазандеранского.

В иранистике выделяют также близкий к мазандеранскому диалект велатру [Расторгуева, Эдельман, 1982: 447; Расторгуева, 1999а: 141], который функционирует в посёлке городского типа Велайат-е Руд к северу от Кереджа и др. Велатру распространён в густонаселённой долине Велайат-е Руд, к северу от Кереджа. Жители этой деревни, носители местного диалекта, которых очень мало (при этом они в основном являются представителями старших возрастов), называют свой собственный диалект гиляки. На настоящий момент чёткого строгого определения его генетического происхождения в иранской лингвистической литературе не имеется [Lambton, 1938; Kalbāssi, 2009; Расторгуева, 1999а]. Жители Велатру (Велайат-е Руд) обыкновенно называют своё наречие *gilakī*, т.е. гилякским, хотя они общаются

на нём с носителями мазандеранского без каких-либо затруднений. По словам нашего информанта из Шахмирзада, сангесари ему непонятен, тогда как мазандерани он понимает очень хорошо (полевые данные 2012–2014 г.).

Мазандеранский язык имеет наиболее долгую письменную традицию среди иранских языков (X–XV вв.) в силу того, что Мазандеран отличался относительной независимостью. Одним из первых стал писать по-мазандерански Амир Пазевари (XVII в.), поэт из Мазандерана, который составил «Диван». Он стал родоначальником четверостиший *dobeuti* на мазандеранском языке, известных как *amigi*, популярный жанр, который до сих пор широко распространён в сельской местности. Его тахаллос связывает его с равниной Пазвар (близ Бабольсара). Подробности его биографии неизвестны и строятся на его текстах, изобилующих ссылками на несчастную любовь поэта к дочери его хозяина Гоухар [Melgunov, 1985: 132; Dorn, 1850 I: 124–29; Borjani, Borjani, 2012].

В настоящее время для записи используется арабский алфавит и/или латиница, которую для применения в словарях в качестве транслитерации предложил Джахангир Наср Ашрафи (см., напр., [Yazdān Panah Lamuki, 1997; 2017; 2020]). В Иране существует множество компаний, магазинов и ресторанов, названия которых образованы от мазандеранских слов и топонимов. В последнее время мазандеранский язык получил импульс в развитии Википедии на мазандеранском языке. См. напр., статьи, посвящённые городу Баболь или известной как туристическая достопримечательность деревне Фильбанд¹². При этом в ряде случаев в понимании и интерпретации смыслов происходит перенос акцента на индивидуальные, характерные только для носителей одного языка трактовки. Причём читателям предлагаются знакомые культурные стереотипы, которые передают воззрения носителей языка. Таким образом порождается ситуация сосуществования реальной и виртуальной, субъективно-воображаемой реальности.

3 | Этноконфессиональные группы и этнолингвистические сведения

Названия языков и этнонимы их носителей связаны с их взглядами на свои наречия и их отношением к процессу поддержания и сохранения родных языков. С другой стороны, имеют место экзонимы, известные из исторических и других источников.

¹² Режим доступа: <https://mzn.wikipedia.org/wiki/فيلبن> или https://mzn.wikipedia.org/wiki/بابِل_شهرستون. Дата обращения: 12.03.2025.

Особенностью региона является разделение гилякского языка, а также других языков Прикаспия (мазандерани, талыши) на различные говорные варианты в зависимости от того, проживают носители на равнине или в горных районах. Традиционно хозяйственно-экономическая организация в Гиляне была связана с разделением труда, закреплённым по этническому принципу. В силу этого здесь в этноним может вкладываться разное значение, но, как правило, он сочетает социокультурные и профессиональные аспекты [Bromberger, 2010].

В способах ведения хозяйства, конструкции жилищ, обрядах и обычаях населения южного Прикаспия обнаруживается значительная этнолингвистическая общность в рамках региона. Основное занятие населения равнин – земледелие (рисоводство, чаеводство, разведение олив и цитрусовых), а в прилегающих горных районах население занято скотоводством (крупный и мелкий рогатый скот). Причём знаменательно, что в иранском мире в целом мелкий рогатый скот (овцы и козы) играет значительную роль, однако на прикаспийском побережье преобладает крупный рогатый скот.

В прикаспийских провинциях до сих пор сохраняются достаточно чётко социально и культурно дифференцированные группы. Каждая группа традиционно формировалась по конкретному виду производственной деятельности и характеризовалась по этому признаку, так что этноним относился, с одной стороны, к территориальной общности по языку и культуре, а с другой, – к доминирующей профессиональной специализации.

Названия сообществ не только идентифицируют этническое происхождение, но и указывают на положение в экономике региона. Региональные ресурсы (рис, чай, в прошлом шёлк, ткачество) являются прерогативой населения, живущего на равнине; оно же занято в торговле и администрации.

Так, обозначение «человек Гиляна» (гил. *Gil-ə mard* букв.: человек (из) Гиляна, *gilak*) относится к крестьянам, живущим на равнинах и в лесах, занятым в сельском хозяйстве, они возделывают рис, чай, оливы, небольшая часть разводила шелкопряд. Они могли разделяться по регионам и селениям, т.е. языковым разновидностям гиляки языка. *Gil-ə mard* связаны также с разведением крупного рогатого скота, в частности быков, и молочным производством.

3.1 Галешы

Жители горных и лесных районов (галешы и талешы) специализируются на разведении скота, коров и овец. Они, по мнению Х. Бромбергера, занимают периферийное положение в

регионе и имеют более низкий статус, чем их соседи-гилянцы. Хотя автор и отмечает, что в этом положении намечены положительные сдвиги [Bromberger, 2010].

Те, кто занят разведением крупного рогатого скота (гил. *gāv* ‘корова’, *gāv-ə širde* ‘дойная корова’, маз. *gū* ‘корова’, *verzā* ‘бык’, ср. тадж. *барзагов* ‘вол, бык’), кто пасет крупный рогатый скот, коров, перс. *gāvčārān*, именуются в регионе *gāleš* (от *gāleš* ‘пастух (крупного скота)’) [Додыхудоева, 2015]. Данный соционим, по мнению Г. Асатрияна восходит к древнеиранскому **gāwa-raxša(ka)-* ‘защитник коров’ [Asatryan, 2002: 82].

Ещё в начале XX века в регионе существовало традиционное совместное воспроизводство хозяйственного уклада жизни галешей, основанное на общинном использовании окружающей среды, угодий. Галешки отправлялись со своими стадами крупного рогатого скота в переходы с предгорных равнин, где скот зимует (*qešlāq*), на лето на отдалённые горные пастбища, летовки (*yeylāq*), где заготавливаются молочные продукты на зиму.

В настоящее время данное производство стало единоличным, причём зажиточное население владеет крупным рогатым скотом. У фермера, занятого в молочном хозяйстве, имеется собственная усадьба и земля, где он держит скот в зимнее время. На усадьбе в отдалении от своеобразно устроенного в несколько уровней основного дома, где проживает семья, находится вместительный хлев для крупного рогатого скота (гил. *tavila*, маз. *tālār*). Вокруг селения обычно имеются общинные пастбища, куда перегоняют скот летом и где скот выпасается каждой семьёй [Додыхудоева, 2015; Dodykhudoeva, 2018].

Во всем регионе были популярны бои быков (*varzā jang*, при *varzā*, *varzgāv* ‘рабочий бык, вол’, *jang* ‘война, бой’). Символом этой культуры был бык, его мощь (см. *gāvbāzi* ‘бой быков’, букв. ‘быков игра’, при *bāzi* ‘игра, забава’).

Пастухи, занятые разведением мелкого скота (овец, коз, перс. *dāmdārī*, *boz*, *gūsband*), именуются *čīrān*, а в ряде регионов *kord*.

Причём горные варианты речи гиляки и мазандерани называются галешки (от *gāleš* ‘пастух’). В обеих разновидностях речь равнин противостоит речи горцев-галешей, которые называют свои разговоры единым термином галешки (*gāleši*) [Shokri, Jahani, Barani, 2013].

При этом у талышей термин галеш обозначает в целом «животновод», в отличие от крестьянина, занятого обработкой земли и выращиванием урожая. Причём в отдельных районах объем значения термина *gāleš* может расширяться, включая навания владельцев не только крупного рогатого скота, но и мелкого. Так, как отмечают Марсель Базен и Али Пур-Фикуи, для многих жителей Гиляна, особенно городских жителей западного и центрального

Гиляна, *tāleš* – это скотовод, в то время как сами талыши используют это слово на севере области для обозначения рисовода, отличая их таким образом от галешей-скотоводов (*gāleš*) [Bazin, Pour-Fickoui, 1978: 26]. См. близкое понимание термина в Мазандеране [Shokri, Jahani, Barani, 2013]. Ср. также сведения, приведенные в Википедии о галешах (тал. *gološ* — ‘пастух крупного скота’). Это небольшая субэтническая группа талышей, проживающая в горных районах на юго-западе провинции Гилян Ирана и говорящая на талышском языке.

Рабино упоминает 11 разных групп галешей-скотоводов, которых называли также *daylami* [Stilo, 2001].

3.2 Прочие группы

Разделению между сообществами и углублению лингвокультурных барьеров способствует и религиозная принадлежность к шиизму или суннизму. Есть талыши, у которых часть населения принадлежит суннитскому толку (большинство населения в районах Асалем и Талеш-Дулаб) [Bazin, Bromberger, 1982], или ‘люди истины’ (перс. *ahl-e haqq*), религиозная группа шиитского мистико-гностического толка.

Последние, – представители религиозной группы называются в Иране ‘*Ali ilāhi*» («почитающие) Али божественным». Они – в основном курды – сохраняют такой внешний признак, как длинные усы, что согласно исламской доктрине «подлинной человеческой природы» (*фетрат*) не соответствует правилам жизнедеятельности и что способствует их стигматизации.

К суннитскому толку принадлежит также та часть талышей, которые называют себя чарожами. Они компактно проживают в селениях Сарак, Шуви и Дегади Астаринского района и говорят на чарожском диалекте, который другие талыши понимают с трудом, в то время как чарожи прекрасно понимают талышский [Clifton, Tiessen, Deckinga, Lucht, 2005: 4; Насиров, 2024].

Среди меньшинств с низким социальным статусом можно назвать ушедшие в историю группы ‘*arāqi* (основанные на старых территориальных делениях периода Аббасидов) – особые группы погонщиков караванов, верблюдов (гил., перс. *sārebān*) и мулов (гил., перс. *čārvādār*) [Bromberger, 2010].

Вплоть до середины XX в. в Гиляне традиционно проживали и такие этнорелигиозные христианские меньшинства, как армяне и греки. Армяне были заняты в свиноводстве и виноделии, а также наряду с греками в производстве оливкового масла [Bromberger, 2008: 155–

157; Додыхудоева, 2022]. В XX веке социополитическое развитие привело к упадку отлаженной схемы специализации. Многие иностранные меньшинства покинули Иран (Прикаспий) после Первой мировой войны. Исламская революция 1979 года привела к завершению деятельности в сфере свиноводства и сокращению в регионе численности армянского населения. Азербайджанцы ловили рыбу в море и работали в полях, тюркоязычные бедные горцы, выходцы из района Халхала, занимались тяжёлой сельскохозяйственной работой, туркменское население специализировалось на морских перевозках. В основе этой схемы этнического разделения труда лежат базовые социальные отношения. Процесс сокращения и отмены этого разделения труда, основанного на базовых социальных отношениях, начался примерно в конце XX века [Bromberger, 1988: 103; 2008: 155–157].

В настоящее время идёт процесс сдвига в межэтническом общении и перераспределение этносоциальных ролей. Этому способствуют особенности частного владения землёй в Иране после 1979 г. и демографические перемены, вызванные перемещением населения из предгорий на равнины, смешанными брачными стратегиями (например, оседание отдельных галешей на равнинах и в предгорных хозяйствах, изначально на условиях брака отработкой, т.е. перехода в разряд зятьёв-примаков (*xān dāmād*)), и миграционно-урбанизационными процессами в целом, а также значительный рекреационно-культурный туристический поток в регион туристов (Каспийский вестник. Гилян).

В силу всех этих процессов при значительном росте населения наблюдается и утеря населением родных языков, и переход на персидский, официальный язык Ирана и *lingua franca* региона. Значительное количество местных языков находится под угрозой исчезновения. Это касается даже мазандеранского и гиляки (в относительно меньшей степени), но особенно мелких языковых разновидностей, таких как велатру и галешы.

4 | Персидско-прикаспийские контакты

4.1 Персидско-прикаспийские контакты: проблема падежа

Традиционно российские и пр. иранисты постулируют как для мазандеранского, так и для гилякского языков два падежа: винительный и родительный [Расторгуева и др., 1971; Расторгуева, Эдельман, 1982; Расторгуева, 1999б; 1999в]. В трудах российских иранистов А.А. Арендса [1946], Л.С. Пейсикова [1959], Ю.А. Рубинчика [2001] на примере персидского языка разработана гармоничная система описания синтаксиса от уровня словосочетания до уровня

сложных предложений. С некоторыми оговорками это описание может быть применено к другим иранским языкам и их диалектам. Синтаксис на уровне связи между клитикой и связующими частями речи (субсинтаксис) ранее не был описан вообще, см. работы [Иванов, Додыхудоева, 2017; 2023].

Эти языки, в целом, развивались по тому же пути, что и другие современные иранские идиомы. В результате массового двуязычия местного населения, гиляки и мазандеранский подверглись сильному влиянию персидского языка, что в наибольшей мере проявляется в лексике, фонетике, а также синтаксисе.

4.2 Российско-прикаспийские социокультурные контакты

4.2.1 Русские заимствования

Русские заимствования встречаются в гилякском и мазандеранском языках с более высокой частотой, нежели в персидском языке. В диалектизмах северной части Ирана используется группа русских заимствований, отсутствующих в официальном персидском языке. В 1917 г. после Октябрьской революции русские войска были выведены из остана, но часть русских военнослужащих обосновалась в Гиляне¹³, что способствовало сохранению русской лексики в гилякских говорах [Faxte, 2008: 134]. Значительное количество заимствований из русского языка зафиксировано непосредственно в районе портового города Энзели [Омиди, 2014: 100]. Фонетические законы прикаспийских языков и их говоров нередко приводят к трансформации заимствованных слов. Заимствования, приведённые в Таблице 1, отсутствуют в большинстве своём в персидском языке, но специфичны для мазандеранского и гилякского языков. Языковые материалы приводятся по нашим полевым сборам и работам [Сейед Агаи Резаи, 2013; 2014; Расторгуева и др., 1971; Омиди, 2014; Marashi, 2003].

¹³ В мае 1920 в Гиляне при поддержке военного десанта советской Волжско-Каспийской военно-морской флотилии власть в Гиляне перешла к повстанцам-дженгелийцам (от перс. *jangal* 'лес') во главе с Мирзой Кучек-ханом. Реввоенсоветом, правительством и армией (бывшими отрядами дженгелийцев) в 1920 г. была провозглашена Гилянская Республика (более известная как Советская Республика Гилян (Jomhuri-ye Šowrāvi-ye (Sosiālisti-ye) Gilān, позднее Персидская Советская (Социалистическая) Республика) со столицей в Реште. Главой республики стал Мирза Кучек-хан.

26 февраля 1921 года был заключён советско-иранский договор о постепенном выводе советских войск. Согласно договору, советские войска были полностью выведены к 8 сентября 1921 года. В июне, при неофициальной поддержке вооружённых формирований из советского Азербайджана, части Персидской Красной Армии совершили поход в провинции Мазандеран, Зенджан и неудачно пытались овладеть Тегераном. 2 ноября 1921 г. республика была ликвидирована центральными иранскими войсками.

Таблица 1.

Русские заимствования в гилякском и мазандеранском языках

Гиляки	Мазандерани	Перевод
bed(ə)rə	bed(ə)rə	ведро
xut(ə)kā (зап.), xutkə (вост.)	xutkā	утка
simiška (зап.), suboškə (вост.)	səməškə	семечки
gāləš	gāləš	галоши
boškə (зап.), buškə (вост.)	-	бочка
čāruq (вост.), čāroq (зап.)	čāruq	обувь из резины и войлока, рус. чарук
ispeškə	əspeškə	спички
qālač	qālač	белый хлеб, калач
-	āstrā	осётр
-	bulkə, bibluka	белуга
-	čekā	щука
suletkā, salitkā	soludkā	сельдь; гил. султанка
sibili, esbale, sabale, esfile	sibluke, ebergə	севрюга, каспийская разновидность
kə/afāl	kafāl	кефаль (промысловая рыба)
kil'kā, (rize)kuli, shākuli, sefidkuli, surxekuli	kil'ka	килька (промысловая рыба)
šip	šip	шип (разновидность рыбы)

Очевидно, русскими по происхождению являются гилякские: *estəkān* (зап.), *estəkon* (вост.) ‘стакан’. Как отмечает В.С. Расторгуева, «в гилянском языке не допускается стечение двух и более согласных в начале слова. В словах такого типа, заимствованных из других языков, появляется протетический гласный [i]» [Расторгуева, 1999б: 127]; *lipčik* ‘лифчик’ (в значении ‘короткая плиссированная юбка, надеваемая обычно поверх брюк’); *lū/otka* ‘лодка’; *pirguzkə* рус. ‘(чай) вприкуску’ (в зап. части Гиляна, то же в перс.); *samāvar* (зап., то же в маз. и перс.), *sətavər* (вост.) ‘самовар’ [Расторгуева и др., 1971]; *kilkā* ‘килька’ (сорт мелкой рыбы), то же в маз. и перс. В говорах Гиляна используется как комплимент девушке как сравнение с небольшой рыбкой изящной формы [Омиди, 2014: 95].

4.3 Этнолингвистические и социокультурные особенности региона

4.3.1 Антропогенные ландшафтные термины

Ландшафтно-топонимический профиль региона, выяснение его основных ландшафтно-топонимических закономерностей, способствует реконструкции лингвогеографических и лингвокультурных ситуаций прошлого, поскольку топонимия – это язык ландшафта, на котором передаётся информация об особенностях и истории региона. Этнокультурное ирано-тюркско-кавказско-славянское «пограничье» Прикаспия, традиционный уклад жизни, удалённость от центров и труднодоступность позволили сформироваться местной топонимией.

Мы приведём лишь несколько наиболее типичных названий в этом важном пласте культурного наследия.

Исторически широкий набор обозначений имело Каспийское море. Что отражает на уровне средневековой и более поздней географии знания о Каспийском регионе. Здесь наблюдается разнообразие названий, которые применялись к Каспийскому морю.

Так, у В.Н. Татищева упоминаются названия: Каспи(й)ское море (*Mare Caspium*, а также *Маре Гирканум*, *Хвалынское*¹⁴ море, *Chwalynskoie*) [Татищев, 1996: 472], Саринское¹⁵), от названия народа – каспии. «Каспийское море, древние греки называли Гирканское, наши Хвалинское, от народа, жившего при устье Волги, хвалисов, грузинцы зовут Кургенское, татары Ак-дингис, то есть Белое море, персиане Гурзем, от древняго столичнаго города персидскаго Гурган, которой в провинции Астрабатской от моря верстах в семи был, отчего и греческое имя Ирганское, то есть Персидское, произошло, ибо и ныне шах не пишет Персидское, но Иранское государство... Петр Великий в 1721 году, послав искусных мореплавателей, повелел оное описать. Которые, 3 или 4 раза поверяя, достаточные карты сделали и нашли, что оное от севера к югу около 1000, а поперёк в широком месте не более 400 вёрст простирается» [Татищев, 1979: 319–320].

¹⁴ Название Каспий получил от народа хвалисов, живших на его берегах в низовьях реки Волги. О хвалисах писал Нестор. В древние времена русские называли «Хвалисами», а греки «Хоялитами» канглей, обитавших в соседстве с Казанскими Болгарами в XIII веке на северных берегах Каспийского моря.

¹⁵ Море Саринское. На Каспийском море был остров Сара на севере Каспия, а на юге Каспия стоял город Сари (территория современного северного Ирана). Отсюда популярный в своё время Саринский рейд. А также Море Астраханское, Море Дербентское (Баб-Эль-Абваское), Море Бакинское, Море Гирканское (море Джурджанское). Море Гилянское (Джиланское, или Дайлемское), Море Албанское, море Ширванское. Упоминание о Ширванском море обнаружил Дорн в трудах Хаджи-Халифе: «При своей поездке, рассказывает он, по Итилю (Волге), по морю Хазарскому и отдельным его частям: Ширванскому, Муганскому, Гилянскому, Дайлеманскому, Табаристанскому и Джурджанскому» (Ср. также: А.В. Твёрдый. Топонимический словарь Кавказа. Режим доступа: budetinteresno.info/toponim/tverdiy/perevod_1230.html. Дата обращения: 12.11.2022)).

Дейлем (Дайлам). В IX в. арабы завоевали значительную часть территории современного Гиляна, при этом его горный район Дейлем (Дайлам) долго оставался непокоренным.

Гилян – территориально-административное образование в Иране, но ещё и одна из его исторических областей – Дайлам(ан). На территории современного Гиляна в древности, VIII–VI вв. до н. э., проживали племена, называемые гелами (*gel*) (от их имени произошло название провинции) и кадусиями.

Баболь (*Bābol*), административный центр. Основан в XVI в. на месте древнего поселения Мамтир. В XVIII в. с подъёмом экономики там появились многолюдные рынки, и селение получило название Барфорош-дех, т.е. торговое поселение. Его начали называть «Бар(-э) форуш» или Бальфоруш (*Bārforūš*, в значении ‘товар, груз для продажи’, от перс. *bār* ‘груз’ и *forūš* ‘продажа’). О его экономической роли говорит и то, что в конце XIX в. там находилось российское Каспийское консульство. В 1932 г. был переименован в Баболь, что связано с судоходной рекой Баболь-руд, протекающей в его западной части.

Первое название древнего поселения – Мамтир Ле Стрейндж выписывает как Ма Матир или Мамтаир. Это название упоминают Йакут Хамави и Абу аль-Фида. В народе оно связывается с древнеиранским божеством Митрой. На городском сайте Баболя название связано с обозначением «Мех Митра», т.е. «(Место) великого Митры», (от *teh* ‘большой’ и *Mithrā* ‘Митра’, ‘свет дружбы, доброты, истины’).

Бабольсар – город-порт, расположен в устье реки Баболь при впадении в Каспийское море, провинция Мазандеран. В XVIII в. служил базой флота страны. Через Бабольсар проходила и дорога в Мешхед. До 1927 г. он назывался *Меихеде-Сер*, в русскоязычной литературе – Мешедес(се)р), т.е. Путь в Мешхед.

Фильбанд – деревня в горной местности (которую населяет до 10 человек в зимний сезон, и несколько тысяч туристов в весенне-летний). Находится в юго-западной части шахрестана Баболь в районе *Vandpey-e Qarbi*, в Мазандеране (<https://mzn.wikipedia.org/wiki/فلين>). Место стало символом исчезновения населения и его языка и культуры на местах. По народной этимологии: *fel* по-мазандерански ‘усталость’, а *band* – ‘останавливаться, переставать, не быть в состоянии’. Выбор названия обусловлен положением селения на большой высоте и крутыми горными склонами, затрудняющими подъем.

Sul(a)deh – прикаспийский городок и часть провинции Мазандеран. Ядро топонима, *sul*, появляется в других топонимах вокруг Эльборза: *Sulqān* или *Sulaqān* (к северо-западу от

Большого Тегерана), Sulaš (упоминается Захир-ад-Дином как отправная точка путешествия в Амлаш и Тонекабон), а также Māsula [Borjian, 2014].

Tonekābon (бывш. Шахсавар) – город и шахрестан в провинции Мазандеран. Тонека – историческое название находившегося на западе округа Руян замка. После его разрушения вокруг этого места был основан город, который стали называть нижним – Тонека-бон (перс. bon ‘корень’). Это название распространилось на всю область.

Аламут (перс. ‘орлиное гнездо’) – замок, расположенный в горной долине Рудбар, образованной реками Шахруд и Аламут, на утёсе на высоте 2000 метров.

Осознавая тактическое преимущество этого местоположения, Хасан-и Саббах выбрал место для строительства крепости низаритских исмаилитов, которую местные жители называли Aluh āmū[x]t «Гнездо орла».

Gorgān (Hyrkania, араб. Jorjān) – название Горган, бывшее название области, было перенесено на современную столицу, бывший Астарабад («Гиркания, древнее имя Персии от престольного града Гургань в провинции Астрабатской, отчего у грек и римлян море Каспийское Гирканским именовано» [Татищев, 1979: 239].

4.3.2 Рыболовство

До XIX в. в Персии не существовало организованного рыболовства в Каспийском море. Оно было начато российскими предпринимателями. Впоследствии Иран вёл отлов осетра, который считался неразрешённым к употреблению в пищу (*harām*), но важным как продукт экспорта. В 1983 г. Хомейни издал указ (*fatwā*), сняв запрет на употребление осетра и икры (*halāl*) [Bromberger, 1994].

В Иране ведут промысловый лов в основном кефали (перс. *kefāl*) и кильки (*kil'ka*). Как отмечает Базен, во 2-й половине XX в. была создана государственная Компания иранского рыболовства на паях (*Šerkat-e Sahāmi-e Šilāt-e Irān*); перс. *šilāt* ‘рыбные промыслы’, *Šerkat-e šilāt* ‘общество рыболовства’, ‘«Иранрыба» (название смешанной советско-иранской компании, существовавшей с 1927 по 1952 гг.)’ [БПРС]; гил. *šilāt*, мн. от *šil* ‘единица измерения улова рыбы’, *šilāt* ‘артель по лову рыбы; слияние сотен рек’, перс. *šilāti* ‘виды рыбы, имеющие особое значение для промысла и торговли’ [Marashi, 2003], основными сотрудниками среднего звена и управляющими были потомки иммигрантов из России и с Кавказа. В Энзели они рассматриваются как отдельная этническая группа людей, связанных с добычей и ловом и рыбы

(*šelātī*). Тем же занимаются и выходцы из иранского Азербайджана из Ардебилля. Постепенно растёт и процент местного населения, занятого в рыболовстве [Bazin, 1980: 138].

4.3.3 Отражение гендерных особенностей региона в языке и культуре

На необычное в иных иранских традиционных хозяйствах распределение обязанностей между мужчинами и женщинами по домашнему хозяйству указал российский этнограф Карпов, предполагая наличие у гиляков пережитков матриархата. Он отметил, что в сельской местности мальчики подростки вяжут шерстяные изделия (носки, варежки), девушки пасут крупный рогатый скот, а мужчины доят коров. При этом женщины работают и на «ножной» рисоочистительной ступе и исправляют каменные дамбы на ручье [Карпов, 1946: 223–224].

Языковая картина мира здесь у значительной части населения связана с молочным хозяйством, традициями его ведения. Ключевая лексика данного фрагмента отражает понятийную категоризацию этносами действительности, представляя в региональной лингвокультуре значимые концепты, задающие социальные ориентиры. Эти слова дают возможность проследить историю и подробности быта этнической группы, отражают её контакты с соседними народами и их языками.

На пастбищах, куда мужчины перегоняют стада, они охраняют стада и ухаживают за коровами и быками. Традиционно в состав артели входили только мужчины, старшего возраста и молодые, хотя в настоящее время идёт процесс перестройки методов ведения хозяйства. Теперь семья переезжает на лето в летние дома, перемещая все хозяйство вместе с женщинами, которые также ухаживают за скотом, доят (гил. (*u*)*duštən*, *fuduštən* ‘доить’) его и принимают участие в изготовлении молочных продуктов. Однако и сегодня в картине мира групп, связанных с животноводством, пастух-мужчина остается центральной фигурой.

Из молока (перс. *šir* ‘молоко’, гил., маз. *šir id*, *širde* ‘молочная, дойная (о корове)’, букв.: дающая молоко, тал. *šət* ‘молоко’) производится целый набор молочных продуктов, которые составляют основу питания местного населения. Это – разнообразные кисломолочные продукты (перс. *māst* ‘йогурт, квашеное, кислое молоко, из которого выпущена излишняя жидкость’, *māst-e čakide* ‘густое откинутое кислое молоко’, гил. *māst* ‘варенец, кислое молоко’, *māst-ə čakidə* ‘густое откинутое кислое молоко’, тал. *must*; перс., гил. *dūy*, тал. *du* ‘пахтанье’; *teltaš* ‘напиток из йогурта’), масло (перс. *kare*, *maska*, гил. *kəre*, маз. *karə* ‘сливочное масло’, перс. *rowyan* ‘топлёное масло’) и род творога или домашнего сыра (перс. *kašk* ‘творог,

домашний сыр; сушёное пахтанье', *pinu* 'сушёное кислое молоко (в виде шариков)', *kata/ex* 'кислое молоко; творог', *panir*, гил. *panīr* 'сыр' и др.).

Обычно молочным хозяйством заняты в основном женщины, однако в регионе прикаспийского побережья и прилегающих горных районов имеется ряд особенностей. Здесь традиционно мужчины доят животных, коз и овец; эта деятельность в других местах отведена женщинам. Ср. гендерное распределение труда в Нуристане (Афганистан), где животноводством, в основном разведением мелкого скота, традиционно занимаются мужчины. То же характерно и для обращения с крупным скотом. Мужчины сами занимаются дойкой и уходом.

В иранской культуре в целом известны три способа переработки молока, но в каждом регионе изготовление молочных продуктов имеет свои особенности. При первом способе, чтобы сделать сыр, молоко нагревается и выпаривается. В других случаях молоко сначала превращают в йогурт (перс. *māst*, *yogurt*, *joghrāt* 'кислое молоко'). Творог получается из йогурта с помощью нагревания и фильтрации, а различные его производные с помощью засола и высушивания в соответствии с региональными традициями (перс. *kašk*, гил. *kāšk* 'сушёное кислое молоко', тадж. *kurut*). Кроме того, йогурт можно сбивать, отделяя масло от сыворотки. Большую часть сливочного масла затем нагревают, чтобы перетопить его в топлёное (гил. *goʻan* 'масло, жир, сало', маз. *gāyūn*). Производство масла из йогурта с помощью сбивания распространено среди пастухов как в Персии, так и в Афганистане. Предположительно, традиция изготовления масла связана с иранским миром, а йогурта – с тюркским.

Роль домашних животных, особенно крупного рогатого скота (бык, вол, корова), в миропонимании населения, занятого в животноводстве, особенно галешей, велика. Эти животные имеют особый статус в местном фольклоре. У этих групп и сегодня ещё сохраняется вера в покровителя скота, известного под именем Сийах Галеш (букв. «черный пастух»), который покровительствует пастухам, награждает достойных и карает дурных, наказывает непослушных животных, творит чудеса. В части талышеязычных районов на востоке с Сийах Галешем отождествляется мусульманский пророк Хизр [Асатрян, 2011]. Галеша хранят сведения о своём традиционном календаре, связанном с животноводством и сезонным циклом.

Пастух и его стадо являются героями фольклорных произведений. Они посвящаются труду животноводов – ранней дойке молока, изготовлению масла. Чтобы остановить проливной дождь, несущий вред хозяйству, применяют следующую песню-заговор: *fardā āfto betabey, tumbijār-e tum bepise, gāleš-e čamuš bepise* 'Да будет завтра светить солнце, (не то)

сгниёт высаженное зерно риса, обувь пастуха истлеет' [Bromberger, 2011]. У населения бытуют истории о сверхъестественных существах, сосущих молоко у коров, которые тем самым губят животных и род людской.

Молочные продукты традиционно выполняют у иранских народов сакральную роль, что связано с зороастризмом, где молоко и масло используются в ритуальных целях. ореол святости вокруг процесса их приготовления сохранился до настоящего времени. В народе бытует целый набор верований и охранительных практик. Так, считается, что нельзя допускать в хлев чужих; заботливо оберегают от сглаза молодых животных или тех, что впервые начали давать молоко. Молочные продукты и место их хранения строго охраняются от чужого глаза. Если молоко прольётся на землю, то, по поверью, не следует переступить через него. Плохой приметой считается и выдача молока из дома в сумерках. В установленные дни община собирает молоко на масло, которое идёт на жертвоприношения и ритуальные кушанья на совместных трапезах. Каждое хозяйство готовит для этой цели определённое количество масла.

Отмечается у гиляков и почитание деревьев, наличие «святых» рощ, подвешивание на деревьях лоскутов разноцветной материи. Эти традиции связываются в СССР с талышами [Карпов, 1946: 225]. Там же, в Гиляне, до сих пор верят, что кипарис (перс. *āzād(sarv)*, *sarv* 'кипарис', *avars* 'горный кипарис, можжевельник') – священное дерево и его нельзя рубить.

5 | Мультискрипторные письменные традиции региона

В настоящее время мазандеранский и гилякский языки не имеют официальной письменности. Обучение в школах и делопроизводство традиционно ведётся на персидском языке. Тем не менее, на обоих языках издаются книги на арабской и латинской графике или на их сочетании (словари, сборники пословиц и поговорок, легенд и повестей). Фактическое произношение и фонологический состав некоторых слов слегка различаются, во-первых, по своему представлению в традиционной литературе, и, во-вторых, манерой письма и представления у лингвистически образованных носителей языков. Основным коррелятом ударения в обоих языках является частота основного тона (F_0), как и в персидском языке.

Хорошо образованные носители гилякского языка, как правило, используют персидский алфавит при публикации трудов (книг и статей). В настоящее время имеется культурный центр с издательством, при котором регулярно выходит в свет литературный журнал «Гилева» (*Gilevā* 'западный ветер в Гиляне, несущий влагу и дождь, который дует со стороны Каспийского

(Мазандеранского) моря; благоустроенная часть Решта') [Marashi, 2003] с приложениями (выходит с 2001). Его издаёт известный литературный деятель Гиляна житель Решта М.П. Джектаджи. Здесь регулярно выпускаются на персидском языке материалы по истории края, традиционных ремёсел, местных достопримечательностей для широкой публики и туристов (издательство «Гилева»). Здесь публикуются как стихотворные, так и прозаические произведения. В данном журнале для обозначения гласного [ə] (изафетный показатель) в текстах используется специальный символ (7), отсутствующий в персидской арабике.

Имеются некоторые различия между транскрипциями мазандеранского журнала «Барфоруш» и двух словарей мазандеранских пословиц [Yazdanpanah Lamuki, 1997; Marashi, 2003; Ansāri, 2011]. Это свидетельствует о том, что в мазандеранском языке письмо не стандартизировано.

Имеются отдельные публикации авторских работ, создан ряд лексических словарей и фразеологических словарей на основе различных местных говоров (напр. [Sotude, 1953; Marashi, 2003]¹⁶).

Авторами составлен электронный корпус текстов на этих языках, которые частью доступны на сайте Института языкознания Российской Академии наук. База данных даётся для этих разновидностей языка в аудиозаписи и письменной транскрипции (в иранистической международной транскрипции и IPA) с переводом на русский язык и построчной нотацией. Для гилякского языка мы приводим аудиозапись текстов по работе В.С. Расторгуева и др. [1971]¹⁷.

При работе над аудиозаписью речи наших языковых консультантов по текстам из указанной книги выяснилось, что транскрипция, представленная в книге, приближена к таджикскому языку. Так, в выражении *Ĉi kuni?* «Что ты делаешь?» (Текст 1) наши консультанты произносили *Ĉe koni?* Во многих других местах наблюдается тот же тип замещения ($e \leftrightarrow i$, $o \leftrightarrow u$). Таким образом, фонетическое описание гилякского языка требует дальнейшей разработки и детализации.

Носители мазандеранского и гилякского языков хорошо понимают друг друга, хотя обычно они общаются на персидском языке.

¹⁶ В 1987 году иранским исследователем Махмудом Паяндаи Лангероди был опубликован “Farhang-e Gil-o Deylam» («Словарь Гиляна и Дейлема»). В 1993 году Джахангир Сартиппор выпустил монографию “Riṣeyābi-ye vāzehā-ye Gilaki” («Этимология гилякских диалектизмов»), в которой на основе 6-томного Персидского словаря Моина определена этимология 537 гилякских лексических единиц.

¹⁷ Режим доступа: <https://iranistika.iling-ran.ru/4tmp/>. Дата обращения 25.11.2024.

С социалингвистической точки зрения мазандеранский не рассматривается в качестве престижного языка. Незнакомые люди на улицах, как правило, обращаются друг к другу на персидском и переходят на местный, родной им язык только после того, как близко познакомятся. Так, местный житель, желая купить газету в местном киоске, использует персидский. При обращении к адвокату также разговор идёт на персидском языке. Местная жительница обсуждает проблемы развода с местным поверенным исключительно на персидском языке (полевые записи 2012–2014 гг.), иначе консультация теряет юридический характер. Родители поощряют своих детей говорить на персидском языке, чтобы сделать их речь неотличимой от жителей столицы. Это делается в целях получения более качественного образования, достижения карьерного роста и обретения более высокого статуса в столице. Это стремление к более высокому уровню жизни и более высокому социальному статусу является одной из причин того, что социальная база для применения прикаспийских языков сокращается.

6 | Заключение

Итак, местные языки региона характеризуются:

1. Сильным влиянием персидского языка на всех уровнях (фонетика, морфология, синтаксис, лексика).
2. Значительным числом русских заимствований и их более высокой частотностью, нежели в современном персидском языке.
3. Введением изафетной конструкции по типу персидской при наличии собственной обратной изафетной конструкции (с обратным порядком элементов), которая, в отличие от персидской, начинается с маркированного зависимого определителя, за которым следует главное слово именного словосочетания.

ЛИТЕРАТУРА

- Аракелова В.* (1997) Черный пастырь: духи-покровители скота у новоиранских народов // *Iran and the Caucasus*. Vol. 1. С. 121–125.
- Араш Карим, Голандам, Голами, Хосейн* (2015) Абсолютные синонимы в диалектах русского и персидского языков в сопоставлении // *Молодой учёный*. № 11 (91). С. 1589–1593. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/91/19629/>. Дата обращения: 09.09.2024.
- Арендс А.К.* (1941) Краткий синтаксис современного персидского литературного языка. М.; Л.: Академия наук СССР, Институт востоковедения. XLII с.
- Асатрян Г.С.* (2011) Введение в историю и культуру талышского народа / Под ред. Г.С. Асатряна. Ереван: Ереванский Государственный Университет.
- БПРС (2020–2024) Большой персидско-русский словарь. Сост. В.Б. Иванов. Тт. 1–3. М.

- Виноградова С.П. (1999) Талышский язык // Языки мира. Иранские языки. II: Северо-западные иранские языки. М.: Индрик. С. 89–106.
- Гмелин С.Г. (1775) Путешествие по России для исследования всех трёх царств в природе. Ч. 3. СПб.: Тип. Императорской АН.
- Додыхудоева Л.Р. (2015) Производство молочных продуктов у галешей северного Ирана (на материале прикаспийских иранских языков) // Вопросы филологии: VIII Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Пленарные и секционные доклады (специальный выпуск). М. С. 82–87.
- Додыхудоева Л.Р. (2022) К истории оливы в культуре Ирана (на материале иранских языков) // Армянский гуманитарный вестник. № 9. С. 146–176.
- Додыхудоева Л.Р., Виноградова С.П. (2019а) К вопросу о связях Прикаспийского региона Ирана с Россией: лексические параллели (русская лексика в прикаспийских языках и персидском) // XIII Конгресс антропологов и этнологов России. Сборник материалов. 2–6 июля, Казань. М.–Казань. Т. 67. С. 13.
- Додыхудоева Л.Р., Виноградова С.П. (2019б) Урбанизация Прикаспийской зоны: изменение языка с изменением условий жизни и труда // Международная конференция «Лингвистический форум 2019: Коренные языки России и мира» (4–6 апреля 2019): «Круглый стол: образование в школе». М.: Институт языкознания РАН. С. 222.
- Додыхудоева Л.Р., Иванов В.Б., Виноградова С.П., Резаи М. (2013) К изучению прикаспийских языков: по материалам полевых сборов // Тезисы конференции «Два выдающихся востоковеда: к 90-летию со дня рождения И.Ф. Вардуля и Ю.А. Рубинчика». Институт востоковедения РАН. М. С. 38–39.
- Додыхудоева Л.Р., Иванов В.Б., Сейед Агаи Резаи М. (2024) К изучению прикаспийских языков: мазандеранский глагол // Тезисы конференции «Семантический сдвиг». Институт языкознания РАН.
- Дорн Б.А. (1864) Отчёт об учёном путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. СПб.: Тип. Имп. Академии наук. Т. VIII. С. 245–317.
- Дорн Б. (1875) Каспий; о походах древних русских в Табаристан // Приложение к XXVI т. «Записок Императорской академии наук». СПб.
- Жуковский В.А. (1888; 1922) Материалы для изучения персидских наречий. Ч. 1. СПб.; ч. 2, вып. 1. Петроград.
- Завьялова В.И. (1956) Новые сведения по фонетике иранских языков: гилянский и мазандеранский языки // Труды Института языкознания. М.: Наука. Т. VI.
- Завьялова В.И. (1954) Фонетика гилянского и мазандеранского языков: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Ленинград: Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А.А. Жданова.
- Иванов В.Б. (2015) Гилякская просодия // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции. М.: Ключ-С. С. 86–87.
- Иванов В.Б. (2014а) К классификации именных форм в юго-западных иранских языках // Вопросы языкознания. № 2.
- Иванов В.Б. (2014б) Мазандеранская просодия // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции. М.: Ключ-С. С. 103–105.
- Иванов В.Б. (2022) Безглагольные предложения в мазандеранских паремиях // Армянский гуманитарный вестник. № 8. С. 100–112.
- Иванов В.Б., Додыхудоева Л.Р. (2017) Синтаксические отношения имён в северо-западных иранских языках (на мазандеранском и гилякском материале) // Вопросы языкознания. № 2. С. 77–95.

- Иванов В.Б., Додыхудоева Л.Р. (2019) Этнолингвистические особенности гилянского и мазандеранского языков // Востоковедные чтения 2019. Языки Юго-Западной Азии и Северной Африки. Тезисы докладов межинститутской научной конференции. М.: Институт востоковедения РАН. С. 13–14.
- Иванов В.Б., Додыхудоева Л.Р. (2020) Социо- и этнолингвистические особенности гилякского и мазандеранского языков // Труды Института востоковедения РАН. № 27. Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Языки Азии и Африки / Отв. ред. А.И. Коган; ред.-сост. А.С. Панина. М.: Институт востоковедения РАН. С. 42–55.
- Иванов В.Б., Додыхудоева Л.Р. (2021) ViZegihA-ye zabAnSenAsi-o farhangi-ye gilaki o mAzandarAni [Лингвострановедческие особенности гилякского и мазандеранского языков] // PaZuheShA-yi darbAre-ye karAnehA-ye daryA-ye kAspyen (Исследования прибрежного ареала Каспийского моря). Тегеран: PeZvAk-e Farzan. Т. 4. С. 4.
- Иванов В.Б., Додыхудоева Л.Р. (2023) К вопросу о падеже в северо-западных иранских языках (талышском, гилякском, мазандеранском) // Академическая публицистика. № 8–2. С. 108–150.
- Карпов Г.И. (1946) Гиляки Мазандерана // Советская этнография. № 1. С. 219–225.
- Керимова А.А., Мамед-заде А.К., Расторгуева В.С. (1980) Гилянско-русский словарь. М.: Наука.
- Мамедова Н.М. (2019) Культурная сложность современного иранского общества // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 26. Социальные и политические процессы на Востоке. Культурно-сложные общества в мусульманском ареале, геополитическая и геоэкономическая динамика / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.М. Мамедова, Н.Ю. Ульченко. М.: Институт востоковедения РАН. С. 110–130.
- Махмуди Бахтияри Бехруз (2002) Словарь слов Табари. Тегеран: Эхья кетаб.
- Мельгунов Г.В. (1863) О южном берегу Каспийского моря. СПб.: Тип. Императорской АН. 421 с.
- Насиров А. (2024) Чарожский язык // Конференция «Никитинские чтения», ИСАА МГУ.
- Омиди Рад Хосейн (2014) Пути формирования и развития лексики говоров Гиляна в сравнительном отношении: дис. ... канд. филол. наук. Душанбе.
- Пахалина Т.Н. (1991) Семнанский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. М. С. 176–205.
- Пахалина Т.Н. (1999) Семнанский язык // Языки мира. Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки. М.: Индрик. С. 144–148.
- Пахалина Т.Н., Расторгуева В.С. (1959) Иранские языки малых народностей Советского Союза // Младописьменные языки народов СССР. М.
- Пахалина Т.Н., Соколова В.С. (1957) Гилянский язык // Современный Иран. Справочник. М.: Академии наук СССР. 75–82.
- Пахалина Т.Н., Соколова В.С. (1957) Мазандеранский язык // Современный Иран. Справочник. М.: Издательство Академии Наук СССР. С. 82–88.
- Пирейко Л.А. (1976) Талышско-русский словарь. М.
- Пирейко Л.А. (1999) Тати группа диалектов // Языки мира. Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки. М.: Индрик. С. 106–112.
- Пирейко Л.А., Эдельман Д.И. (1978) Новоиранские языки. Северо-западная группа // ЯАА. Т. 2. С. 110–156.
- Расторгуева В.С. (1991) Сангесари // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. М. С. 206–246.
- Расторгуева В.С. (1999а) Велатру язык/диалект // Языки мира. Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки. М.: Индрик. С. 141–144.

- Расторгуева В.С.* (1999б) Гилянский язык // Языки мира. Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки. М.: Индрик. С. 112–125.
- Расторгуева В.С.* (1999в) Мазандеранский язык // Языки мира. Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки. М.: Индрик. С. 125–135.
- Расторгуева В.С.* (1999г) Шамерзади язык/диалект // Языки мира. Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки. М.: Индрик. С. 135–141.
- Расторгуева В.С., Керимова А.А., Мамед-заде А.К., Пирейко Л.А., Эдельман Д.И.* (1971) Гилянский язык. М.: Наука; *Rastorgueva V.S., Kerimova A.A., Mamedzade A.K., Pireiko L.A., Edelman D.I.* (2012) *The Gilaki Language*. [англ. перевод книги 1971 г.]
- Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* (1982) Гилянский, мазандеранский (с диалектами шамерзади и велатру) // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М.: Наука. Т. 3. VIII.
- Рубинчик Ю.А.* (2001) Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Восточная литература РАН.
- Сейед Агаи Резаи С.М.* (2013) К названиям рыб в мазандеранском языке: русские заимствования // Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2013. Два выдающихся востоковеда. К 90-летию со дня рождения И.Ф. Вардуля и Ю.А. Рубинчика. Труды научной конференции. М. С. 160–174.
- Сейед Агаи Резаи М.* (2014) Эволюция русских заимствований в мазандеранском языке // Фундаментальные исследования. Октябрь 2013. М. С. 3011–3015.
- Таджикско-русский словарь (2006) Душанбе.
- Татищев В.Н.* (1996) История российская. Окончание. Работы разных лет. М.: Ладомир.
- Татищев В.Н.* (1979) Избранные произведения. Л.: Наука.
- Ягелло И.Д.* (1910) Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент.
- Abbot, Kate Edward* (2006) *Mazandaran Travelogue*, tr. Ahmad Seif, Mazandnume, 2006 Available at: www.Mazandnume.com/fullcontent/6537. Access date: 07.02.2024.
- Ansāri, M.* (2011) Dictionary of Mazandarani proverbs. Сари, 2011/1390. (In Persian).
- Apor, Eva* (1973) Gilanica: Langerudi. Acta orientalia. T. 27, fasc. 3, pp. 351–372.
- Arakelova, V.* (2003) The Siyāh Gālesh and Deity Patrons of Cattle-Breeding Iranian Peoples. Iran. Questions et connaissances III: Cultures et sociétés contemporaines / ed. B. Hourcade. Paris, pp. 171–176.
- Asatrian, G.* (2002) The lord of cattle from Gilān. Iran and the Caucasus 6, pp. 75–87.
- Azami, Ch.A, Windfuhr, G.L.* (1972) A dictionary of Sangesari with a grammatical outline. Tehran. (In Persian).
- Bazin, M.* (1980) Le Tālech, une région ethnique au nord de l’Iran, 2 vols., Paris, 1980. (In French).
- Bazin, M., Bromberger Chr.* (1982) Gilān et Āzarbayjān oriental. Cartes et documents ethnographiques, Paris (In French).
- Bazin, M., Pour-Fickoui, A.* (1978) Élevage et vie pastorale dans le Guilān (Iran septentrional), Paris (In French).
- Bérésine, I.N.* (1853) Recherches sur les dialectes persans. Casan': Impr. de l’Univ., 149 p. (In French).
- Borjian, H.* (2006a) The Oldest Known Texts in New Tabari: The Collection of Aleksander Chodzko. Archiv Orientální. 74 (2), pp. 153–171.
- Borjian, H.* (2006b) Tabari Language Materials from Il’ya Berezin’s “Recherches sur les dialectes persans”. Iran and the Caucasus, 10/2, pp. 243–258.
- Borjian, H.* (2008) [The Komisenian Dialect of Aftar](#). Archiv Orientální, 76/3, pp. 379–416.
- Borjian, H.* (2012) The Dialects of Velātru and Gachsar: The Upper Karaj Valley in the Caspian-Persian Transition Zone. Journal of the Royal Asiatic Society, 22/2, pp. 227–263.

- Borjian, H. (2013a) The Tabaroid dialects of the Central Alborz: Language convergence between Tabari and Persian. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungarica* 66/4, pp. 427–441.
- Borjian, H. (2013b) Yushij: A Caspian dialect of the Central Alborz. *Persica* 24, pp. 127–153.
- Borjian, H. (2013c) Is there continuity between Persian and Caspian? Linguistic relationships in the south-central Alborz. New Haven: American Oriental Society.
- Borjian, H. (2014) Suledeh, *Encyclopædia Iranica*, online edition. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/suledeh>. Access date: 07.08.2025.
- Borjian, H. (2018) The Caspian Dialect of Māhā. *Studia Iranica*, 47/2, pp. 7–26.
- Borjian, H. (2019a) The Caspian Language of Šahmirzād. *Journal of the American Oriental Society* 139.2. Available at: <https://core.ac.uk/download/227484135.pdf>. Access date: 07.08.2025.
- Borjian, H. (2019b) The Mazandarani Dialect of Kalijān Rostāq. *Iranian Studies*, 52/3–4, pp. 551–573.
- Borjian, H. (2019c) Mazandarani: A typological survey. *Typology of Iranian Languages*, ed. A. Korangy, B. Mahmoudi-Bakhtiari, Berlin: De Gruyter Mouton, pp. 79–101.
- Borjian, H.; Borjian, M. (2008) [Ethno-Linguistic Materials from Rural Mazandaran](#). *Iranian Studies*. 41 (3), pp. 365–401. DOI: [10.1080/00210860801981336](https://doi.org/10.1080/00210860801981336).
- Borjian, H., Borjian, M. (2012) Amir Pāzvāri. *Encyclopædia Iranica*, online edition. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/amir-pazvari-semi-legendary-poet-of-mazandaran>. Access date: 07.02.2025.
- Bromberger, Chr. (1989) *Habitat, Architecture and Rural Society in the Gilān Plain (Northern Iran)*, Bonn.
- Bromberger, Chr. (1994) Eating Habits and Cultural Boundaries in Northern Iran, in Sami Zubaida and Richard Tapper, eds., *Culinary Cultures of the Middle East*, London, pp. 185–201.
- Bromberger, Chr. (2010) Gilān XIV. Ethnic Groups. Available at: <https://www.iranicaonline.org/articles/gilan-xiv-ethnic-groups>. Access date: 07.02.2024.
- Bromberger, Chr. (2011) Gilān. xvi. Folklore. *Encyclopædia Iranica*, online edition. Available at: <https://iranicaonline.org/articles/gilan-folklore>. Access date: 07.03.2025.
- Bromberger, Chr. (2020) Gilān (Northern Iran) Cuisine Specificity. *Anthropology of the Middle East*, Vol. 15, No. 2, Winter 2020, pp. 47–54.
- Chodźko, A. (1850) Le Ghilan ou les marais caspiens. *Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques, nouvelle série*. March 1850, pp. 285–306; April 1850, pp. 61–76, 68–93 (In French).
- Chodzko, A.L. (1842) *Specimens of the popular poetry of Persia*. London: The oriental translation fund of Great Britain and Ireland, 592 p.
- Christensen, A.E. (1930) *Contributions à la dialectologie iranienne*. København. 300 p.
- Clifton, John; Tiessen, Calvin; Deckinga, Gabriela; Lucht, Laura (2005) Sociolinguistic Situation of the Talysh in Azerbaijan. SIL International. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/252863694>. Access date: 07.02.2024.
- Csató, Éva Ágnes, Bo Isaksson, Carina Jahani (2005) [Linguistic Convergence and Areal Diffusion: Case Studies from Iranian, Semitic and Turkic](#). London: Routledge Curzon.
- Dodykhudoeva, L.R. (2018) Traditional dairy terminology among Galesh people (the Mazandarani and Gilaki data). PaZuheShA-yi dar bAre-ye kerAnehA-ye daryA-ye KAspiyen (Research of the southern coastal area of the Caspian Sea. *Tehran: MirMah*, Vol. 1, pp. 63–76. (In Persian).
- Dorn, B. (1850) *Geschichte von Tabaristan*. Pers. Text. SPb. (In German).
- Fakhr-Rohani, Muhammad-Reza (2004) She means only her 'husband': politeness strategies amongst Mazanderani-speaking rural women. (Conference abstract) CLPG Conference, University of Helsinki, Finland.

- Faxte, Qorban* (2008) *Tārix-e Gilān pas az Islām* (History of Gilan after establishment of Islam). Iliya, Rasht, 1386/2008 (In Persian).
- Gilaki – IRNA – Gilaki, zaban rasmy jalasat shora-ye shahrestan-e Rasht shod [Gilaki becomes the official language of the Rasht City Council meetings]. IRNA [News Agency](http://www.irna.ir/fa/News/80895273/). Available at: <http://www.irna.ir/fa/News/80895273/> ایرنا - شد رشت شهرستان شورای جلسات رسمی زبان، گیلکی. Access date: 26.11.2023 (In Persian).
- Gilan (1989–1995) E. Eslah ‘Arabani, ed., *Ketab-e Gilān*, 3 vols., Tehrān, 1989–1995, II. (In Persian).
- Grundriss, (1898–1901) *Grundriss der iranischen Philologie*. Bd. I. Ab. 2. Strassburg: Verlag von Karl J. Trubner, 1898–1901. 535 p. Available at: <https://www.iranicaonline.org/articles/caspian-sea-i> Persian sector; <https://www.iranicaonline.org/articles/siahkal>. Access date: 07.12.2024 (In German).
- Ivanov, V.B., Dodykhudoeva, L.R.* (2025) Case in Caspian languages (Gilaki, Mazandarani, Talysh, Tatic). *Springer Handbook of Gilaki: The New Turn in Studying Caspian Languages, Springer handbooks in languages and linguistics*. Springer Nature, pp. 2–40 (In print).
- Johanson, Lars, Bulut Chr. (eds.)* (2006). [Turkic-Iranian Contact Areas Historical and Linguistic Aspects](https://www.iranicaonline.org/articles/siahkal). *Turcologica* 62. Wiesbaden: Harrassowitz. 333 pp. ISBN 3-447-05276-7.
- Kalbāssi, I.* (2009) *Farhang-e towsifi-ye gunehā-ye zabāni-ye Irān*. A Descriptive Dictionary of Linguistic Varieties in Iran. Tehrān: ‘Olum-e ensāni va motāle’āt-e farhangī / Institute for Humanities and Cultural Studies, Tehran, 2009/1388 (In Persian).
- Kalbāssi, I.* (1997) *Guyesh-e Kelārdašt* (Rudbārak) (In Persian).
- Kiā, Moḥammad Šādeq* (1947/1948). *Vāženāme-ye Ṭabari* 1326 (1947/1948) (In Persian).
- Kohansal, Vajargah Hasan, Panahi, A., Haddad, Aragi S.* (2015) Sari from the Viewpoint of British and Russian Travellers in Qajar Period. *Young scholar*. No15 (95), pp. 514–519. Available at: <https://moluch.ru/archive/95/21310/> Access date: 07.02.2024 (In Russian/Persian).
- Korn, Agnes* (2019) Isoglosses and subdivisions of Iranian. *Journal of Historical Linguistics*. 19/2, Oct 2019. pp. 239–281. <https://doi.org/10.1075/jhl.17010.kor>
- Korn, Agnes* (2016a) A partial tree of Central Iranian: A new look at Iranian subphyla. *Indogermanische Forschungen*, 121 (1), pp. 401–434. DOI: 10.1515/if-2016-0021
- Korn, Agnes* (2016b). Iranian. In: *The Languages and Linguistics of South Asia. A comprehensive guide* / ed. Hans H. Hock, Elena Bashir. Berlin: De Gruyter Mouton, pp. 51–66. Available at: <https://books.google.co.uk/books?id=PSFBDAAAQBAJ&printsec=frontcover#v=twopage&q&f=false>. Access date: 07.02.2024.
- Lambton, Ann K.S.* (1938) *Three Persian Dialects*. London.
- Lecoq, Pierre* (1989) *Les dialectes caspiens et les dialectes du nord-ouest de l’Iran*, *Compendium Linguarum Iranicarum*. Ed. Rüdiger Schmitt. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, pp. 296–314 (In French).
- Marashi, Ahmad* (2003) *Vāzhenāme-ye Guyeshe Gilaki* [Мараши Ахмад. Словарь гилякского диалекта]. Rasht: Taati (In Persian).
- Marashi, Zahiroddin* (1966) *The History of Tabarestan and Royan and Mazandaran*, corrected by Mohammad Hossein Tasbihi, Tehran: Shargh (In Persian).
- Melgounof, G.V.* (1868) *Essai sur les dialectes de Masanderan et de Guilan d'après la prononciation locale* [Essay on the dialects of Mazenderan and Gilan according to local pronunciation]. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Vol. XXII, pp. 344–380. Available at: <https://WorksPay.ru>. Access date: 07.02.2024 (In French).
- Melgunov, Grigory* (1997) *The Southern Coasts of the Caspian Sea* / Persian translation by Amir Hooshang Amini. Tehran: Ketabsara.
- Nasri-Ashrafi, Jahangir-e* (ed.) (2002). *Farhang-e vāžegān-e Tabarī* [A Dictionary of Tabari]. v. 5, p. 5, Tehran: Ehyā’-ketāb”, 2002/1381 (In Persian).

- Payande Langarudi, Mahmud* (1995) *Farhang-e masalhā-vo estelāhāt-e Gil-o Deylām*. Tehrān.: Enteshārāt-e Sorush. 275 p. (In Persian).
- Planhol, Xavier de* (1990) Caspian Sea i. Geography. *Encyclopædia Iranica*, V/1, pp. 48–50. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/caspian-sea-i>. Access date: 07.02.2024.
- Rabino, Hyacinthe-Louis* (1914) Les anciens sports au Guilan. *RMM* 26, pp. 97–112 (In French).
- Rabino, Hyacinthe-Louis* (1915–1916). Les provinces caspiennes de la Perse. Le Guilan // *RMM* 32 (complete volume) (In French).
- Rabino, Hyacinth Louis* (2010) *Mazandaran and Astarabad*, translated by Gholam Ali Vahid Mazandarani, 5th ed. Tehran: Cultural and Scientific publications (In Persian).
- Rahmani, Monireh* (1985) *Ethnography of Language Change: An Ethnolinguistic Survey of the Gilaki Language*. PhD Dissertation. University of Oklahoma. 275 c.
- Sadeq, Kiya M.* (2011) *Dictionary of Sixty Seven Dialects of Persian Language*. Tehran Research Center for Humanities and Creativity (In Persian).
- Sam'i, Ahmad* (1392) Guyesh-e gilaki va moroori ejmali bar tarikhche-ye motale'an [Gilaki dialect and a brief review of the history of its study]. *Farhang-Nameh*. No 93 (In Persian).
- Shokri, Guiti* (2006). *Guyesh-e rāmsari* (In Persian).
- Shokri, Guiti* (1995). *Guyesh-e sārī (Māzanderāni)*. Sari, 1374/1995 (In Persian).
- Shokri, Guiti, Jahani, Carina, Barani, Hossein* (2013) When Tradition Meets Modernity: Five Life Stories from the Galesh Community in Ziarat, Golestan, Iran. Uppsala Universitet.
- Sotude, Manuchehr* (1953) *Farhang-e gilaki. Gardavarande-ye Manuchehr Sotude*. Tehran: Anjoman-e iransenasi; 2nd ed. 2012 (In Persian).
- Stilo, D.* (2001) Gilān X. Languages. *Encyclopaedia Iranica*. Vol. X, Fasc. 6, pp. 660–668. (15.12.2001). Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/gilan-x>. Access date: 07.02.2024.
- Yazdān Panah Lamuki, T.* (1997) *Farhang-e masalhā-ye māzandarāni / Dictionary of Mazandarani proverbs*. Tehrān, Enteshārāt-e Farzin, 1997 (1376) (In Persian).
- Yazdan Panah Lamuki, T.* (2018–2025) – PaZuheShA-yi dar bAre-ye kerAnehA-ye daryA-ye Kaspiyen [Research of the coastal area of the Caspian Sea]. Ed. *Tayar Yazdanpanah Lamuki*. Vol. 1–9. Tehran (In Persian).
- Yazdan Panah Lamuki, T.* (2011; 2017) *Afsanahaye Mazandarani [Tales of Mazandaran]*. Vol. 1 – Tehran: Chashme, 2011; Vol. 2 – Sari: Jahad daneshgahi, Mazandaran, 1395 / 2017 (In Persian).
- Yazdan Panah Lamuki, T.* (2020). *Shahzade pari* (text in Mazandarani and Persian languages with comments). *Iranian linguistics*. Moscow. C. 484–487 (In Persian/Mazandarani).
- Yoshie, Satoko* (1996). *Sārī Dialect*. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa. Series: Iranian Studies; 10.

REFERENCES

- Anderson, B. (2001) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow: Kuchkovo Pole. 416 p. (In Russian).
- Arakelova, V. (1997) Chernyy pastyr: Dukhi-pokroviteli skota u novoiranskikh narodov [Black Shepherd: Patron Spirits of Cattle among the New Iranian Peoples]. *Iran and the Caucasus*, Vol. 1, pp. 121–125 (In Russian).
- Arash Karim, Golandam, Gholami, Hoseyn (2015) Absolyutnyye sinonimy v dialektakh russkogo i persidskogo yazykov v sopostavlenii [Absolute Synonyms in the Dialects of the Russian and Persian Languages in Comparison]. *Molodoy uchonyy*. No11 (91), pp. 1589–1593. Available at: <https://moluch.ru/archive/91/19629/> Access date: 09.09.2024 (In Russian).

- Arends, A.K. (1941) *Kratkiy sintaksis sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka*. [Brief Syntax of the Modern Persian Literary Language]. Akademiya nauk SSSR, Institut vostokovedeniya. Moscow; Leningrad, XLII (In Russian).
- Asatrian, G.S., ed. (2011) *Vvedeniye v istoriyu i kulturu talyshskogo naroda* [Introduction to the History and Culture of the Talysh People] / Edited by Doctor of Philology, Professor G.S. Asatrian. Yerevan (In Russian).
- BPRS (2020–2024) – *Bolshoy persidsko-russkiy slovar* [Great Persian-Russian Dictionary]. Comp. V.B. Ivanov. Vol. 1–3. Moscow (In Russian).
- Vinogradova, S.P. (1999) Talyshskiy yazyk [Talysh language]. *Yazyki mira. Iranskiye yazyki. II. Severo-zapadnyye iranskiye yazyki*. Moscow: Indrik, pp. 89–106 (In Russian).
- Gmelin, S.G. (1775) *Puteshestviye po Rossii dlya issledovaniya vsekh trokh tsarstv v prirode* [Travel across Russia to study all three kingdoms in nature]. Part. 3. SPb.: Tip. Imperatorskoy AN (In Russian).
- Dodykhudoeva, L.R. (2015) Proizvodstvo molochnykh produktov u galeshey severnogo Irana (na materiale prikaspiyskikh iranskikh yazykov) [Dairy production among the Galeshes of northern Iran (based on the Caspian Iranian languages)]. *Voprosy filologii. VIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Yazyk, kultura, obshchestvo»*. Plenarnyye i sektionnyye doklady (Spetsialnyy vypusk). Moscow, pp. 82–87 (In Russian).
- Dodykhudoeva, L.R. (2022) K istorii olivy v kulture Irana (na materiale iranskikh yazykov) [On the history of olive in the culture of Iran (based on the Iranian languages)]. *Armianskiy gumantarnyy vestnik. №9*, pp. 146–176 (In Russian).
- Dodykhudoeva, L.R., Vinogradova, S.P. (2019a) K voprosu o svyazyakh Prikaspiyskogo regiona Irana s Rossiye: leksicheskiye paralleli (russkaya leksika v prikaspiyskikh yazykakh i persidskom) [On the issue of the connections of the Caspian region of Iran with Russia: lexical parallels (Russian vocabulary in the Caspian languages and Persian)]. *XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii. Sbornik materialov. 2–6 iyulya, Kazan, 2019 g.*, Moscow–Kazan, Vol. 67, pp. 13 (In Russian).
- Dodykhudoeva, L.R., Vinogradova, S.P. (2019b) Urbanizatsiya Prikaspiyskoy zony: izmeneniye yazyka s izmeneniyem usloviy zhizni i truda [Urbanization of the Caspian zone: language change with changing living and working conditions]. *Mezhdunarodnaya konferentsiya «Lingvisticheskiy forum 2019: Korennyye yazyki Rossii i mira» (4–6 apr. 2019): «Kruglyy stol: obrazovaniye v shkole»*. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN, pp. 222 (In Russian).
- Dodykhudoeva, L.R., Ivanov, V.B., Vinogradova, S.P., Rezai, M. (2013) K izucheniyu prikaspiyskikh yazykov: po materialam polevykh sborov [On the study of Caspian languages: based on fieldwork data]. *Tezisy konferentsii. Dva vydayushchikhsya vostokoveda. k 90-letiyu so dnya rozhdeniya I.F. Vardulya i YU.A. Rubinchika*, Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, pp. 38–39 (In Russian).
- Dodykhudoeva, L.R., Ivanov, V.B., Seyyed Agai Rezai, M. (2024) K izucheniyu prikaspiyskikh yazykov: mazanderanskiy glagol [On the study of Caspian languages: the Mazandarani verb]. *Tezisy konferentsii. Semanticheskiy sdvig*. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN, pp. 38 (In Russian).
- Dorn, B.A. (1864) Otchyot ob uchonom puteshestvii po Kavkazu i yuzhnomu beregu Kaspiyskogo morya [Report on a scientific journey through the Caucasus and the southern shore of the Caspian Sea]. *Trudy Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo arkheologicheskogo obshchestva: zhurnal*. SPb.: V Tip. Imp. Akademii nauk, Vol. VIII, pp. 245–317 (In Russian).
- Dorn, B. (1875) *Kaspiy: o pokhodakh drevnikh russkikh v Tabaristan* [The Caspian: on the campaigns of the ancient Russians in Tabaristan]. Prilozhenie k XXVI t. «Zapisok Imp. akad. nauk», SPb., 1875 (In Russian).

- Zhukovskiy, V.A. (1888, 1922) *Materialy dlya izucheniya persidskikh narechiy* [Materials for the study of Persian dialects]. 1 – SPb, 1888; ch. 2, vyp. 1 – Petrograd, 1922 (In Russian).
- Zavyalova, V.I. (1954) *Fonetika gilyanskogo i mazanderanskogo yazykov*. Avtoreferat dis. na soiskaniye uchen. stepeni kandidata filol. nauk [Phonetics of Gilaki and Mazandarani languages. Synopsis of the dissertation for the academic degree of candidate of philological sciences]. Leningr. ordena Lenina gos. universitet im. A.A. Zhdanova. Leningrad (In Russian).
- Zavyalova, V.I. (1956) *Novyye svedeniya po fonetike iranskikh yazykov. Gilyanskiy i mazanderanskiy yazyki* [New data on the phonetics of Iranian languages. Gilaki and Mazandarani languages.]. Trudy IYAz. Moscow: Nauka, VI (In Russian).
- Ivanov, V.B. (2024) Gilyakskaya prosodiya [Gilaki prosody]. *Lomonosovskie chteniya. Vostokovedeniye. Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii*. Moscow: Klyuch-S, april 2015. pp. 86–87 (In Russian).
- Ivanov, V.B. (2014a) K klassifikatsii imennykh form v yugo-zapadnykh iranskikh yazykakh [On the classification of nominal forms in the southwestern Iranian languages]. *Voprosy yazykoznaniya*. Moscow, No. 2 (In Russian).
- Ivanov, V.B. (2014b) Mazanderanskaya prosodiya [Mazandarani prosody]. *Lomonosovskie chteniya. Vostokovedeniye. Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii*. Moscow: Klyuch-S, pp. 103–105 (In Russian).
- Ivanov, V.B. (2022) Bezglagolnyye predlozheniya v mazanderanskikh paremiyax [Verbless sentences in Mazandarani paremias]. *Armyanskiy gumantarnyy vestnik*. №8, pp. 100–112 (In Russian).
- Ivanov, V.B., Dodykhudoeva, L.R. (2017) Sintaksicheskiye otnosheniya imon v severo-zapadnykh iranskikh yazykakh (na mazanderanskom i gilyakskom materiale) [Syntactic Relations of Nouns in Northwestern Iranian Languages (Based on Mazandarani and Gilaki data)]. *Voprosy yazykoznaniya*. No. 2, pp. 77–95 (In Russian).
- Ivanov, V.B., Dodykhudoeva, L.R. (2019) Etnolingvisticheskiye osobennosti gilyakskogo i mazanderanskogo yazykov [Ethnolinguistic Features of the Gilaki and Mazandarani Languages]. *Vostokovednyye chteniya 2019. Yazyki Yugo-Zapadnoy Azii i Severnoy Afriki. Tezisy dokladov mezhhinstitutskoy nauchnoy konferentsii*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, pp. 13–14 (In Russian).
- Ivanov, V.B., Dodykhudoeva, L.R. (2020) Sotsio- i etnolingvisticheskiye osobennosti gilya-kskogo i mazanderanskogo yazykov [Socio- and Ethnolinguistic Features of the Gilyaki and Mazandarani Languages]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN, №27. Problemy obshchey i vostokovednoy lingvistiki. Yazyki Azii i Afriki* / Ed. A.I. Kogan; compiled by A.S. Panina. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, pp. 42–55 (In Russian).
- Ivanov, V.B., Dodykhudoeva, L.R. (2021) ViZegihA-ye zabAnSenAsi-o farhangi-ye gilaki o mAzandarAni [Linguistic and cultural features of the Gilaki and Mazandarani languages]. *PaZuheShA-yi darbAre-ye karAnehA-ye daryA-ye kAspyen* (Studies of the coastal area of the Caspian Sea). Tehran: PeZvAk-e farzan, Vol. 4 (In Persian).
- Ivanov, V.B., Dodykhudoeva, L.R. (2023) K voprosu o padezhe v severo-zapadnykh iranskikh yazykakh (talyshskom, gilyakskom, mazanderanskom) [On the issue of case in northwestern Iranian languages (Talysh, Gilyak, Mazandarani)]. *Akademicheskaya publikatsiya*, no. 8–2, pp. 108–150 (In Russian).
- Karpov, G.I. (1946) Gilyaki Mazanderana [Gilaki people of Mazandaran]. *Sovetskaya etnografiya*, № 1, pp. 219–225 (In Russian).
- Kerimova, A.A., Mamed-zade, A.K., Rastorguyeva, V.S. (1980) *Gilyansko-russkiy slovar* [Gilaki-Russian dictionary]. Moscow: Nauka (In Russian).

- Mamedova, N.M. (2019) Kul'turnaya slozhnost sovremennogo iranskogo obshchestva [Cultural Complexity of Modern Iranian Society]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN. Vyp. 26. Sotsialnyye i politi cheskiye protsessy na Vostoke. Kulturno-slozhnyye obshchestva v musulmanskom areale, geopoliticheskaya i geoekonomicheskaya dinamika* / Otv. red. V.YA. Belokrenitskiy, N.M. Mamedova, N.YU. Ulchenko. Moscow: IV RAN, pp. 110–130 (In Russian).
- Makhmudi Bakhtiyari, Bekhruz (2002) *Slovar' slov Tabari* [Dictionary of Tabari Words]. Tehran: Ekhya ketab (In Persian).
- Melgunov, G.V. (1863) *O yuzhnom berege Kaspiyskogo morya* [On the Southern Shore of the Caspian Sea]. SPb.: Tip. Imperatorskoy AN. 421 p. (In Russian).
- Nasirov, A. (2024) Charozhskiy yazyk [Charozh language]. *Konferentsiya «Nikitinskiye chteniya», ISAA MGU, dekabr 2024* (In Russian).
- Omidi Rad, Khoseyn (2014) *Puti formirovaniya i razvitiya leksiki govorov Gilyana v sravnitel'nom otnoshenii*. Diss. na soiskaniye stepeni k.f.n. [Ways of formation and development of the vocabulary of the dialects of Gilan in comparative terms. Diss. for the degree of candidate of philological sciences]. Dushanbe (In Russian).
- Pakhalina, T.N. (1991) Semnanskiy yazyk [Semnani language]. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskiye yazyki: severo-zapadnaya gruppa*. Moscow, pp. 176–205 (In Russian).
- Pakhalina, T.N. (1999) Semnanskiy yazyk [Semnani language]. *Yazyki mira. Iranskiye yazyki. II. Severo-zapadnyye iranskiye yazyki*. Moscow: Indrik, pp. 144–148 (In Russian).
- Pakhalina, T.N., Rastorguyeva V.S. (1959) Iranskiye yazyki malykh narodnostey Sovetskogo Soyuza [Iranian languages of small peoples of the Soviet Union]. *Mladopismennyye yazyki narodov SSSR*. Moscow, 1959 (In Russian).
- Pakhalina, T.N., Sokolova, V.S. (1957) Gilyanskiy yazyk [Gilaki Language]. *Sovremennyy Iran. Spravochnik*. Moscow, pp. 75–82. (In Russian).
- Pakhalina, T.N., Sokolova, V.S. (1957) Mazanderanskiy yazyk [Mazandarani language]. *Sovremennyy Iran. Spravochnik*. Moscow, pp. 82–88. (In Russian).
- Pireyko, L.A. (1976) *Talyshsko-russkiy slovar* [Talysh-Russian dictionary]. Moscow. (In Russian).
- Pireyko, L.A. (1999) Tati gruppa dialektov [Tati group of dialects] // *Yazyki mira. Iranskiye yazyki. II. Severo-zapadnyye iranskiye yazyki*. Moscow: Indrik, pp. 106–112 (In Russian).
- Pireyko, L.A., Edelman D.I. (1978) Novoiranskiye yazyki. Severo-zapadnaya gruppa [New Iranian languages. Northwestern group]. *YAAA 2*, Moscow, pp. 110–156 (In Russian).
- Rastorguyeva, V.S. (1991) Sangesari [Sangesari]. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskiye yazyki: severo-zapadnaya gruppa*. Moscow, pp. 206–246 (In Russian).
- Rastorguyeva, V.S. (1999a) Gilyanskiy yazyk [Gilaki language]. *Yazyki mira. Iranskiye yazyki. II. Severo-zapadnyye iranskiye yazyki*. Moscow: Indrik, pp. 112–125 (In Russian).
- Rastorguyeva, V.S. (1999b) Mazanderanskiy yazyk [Mazandarani language]. *Yazyki mira. Iranskiye yazyki. II. Severo-zapadnyye iranskiye yazyki*. Moscow: Indrik, pp. 125–135.
- Rastorguyeva, V.S. (1999c) Shamerzadi yazyk/dialekt [Shamerzadi language/dialect]. *Yazyki mira. Iranskiye yazyki. II. Severo-zapadnyye iranskiye yazyki*. Moscow: Indrik, pp. 135–141 (In Russian).
- Rastorguyeva, V.S. (1999d) Velatru yazyk/dialekt [Velatru language/dialect]. *Yazyki mira. Iranskiye yazyki. II. Severo-zapadnyye iranskiye yazyki*. Moscow: Indrik, pp. 141–144 (In Russian).
- Rastorguyeva, V.S., Kerimova, A.A., Mamed-zade, A.K., Pireyko, L.A., Edelman, D.I. (1971) *Gilyanskiy yazyk* [Gilaki Language]. Moscow: Nauka, 1971; Eng tr. (2012): V.S. Rastorgueva, A.A. Kerimova, A.K. Mamedzade, L.A. Pireiko, D.I. Edelman. *The Gilaki Language* (In Russian/English).

- Rastorguyeva, V.S., Edelman, D.I. (1982) Gilyanskiy, mazanderanskiy (s dialektami shamerzadi i velatru) [Gilaki, Mazandarani (with the Shamerzadi and Velatru dialects)]. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskiye yazyki: zapadnaya gruppа, prikaspiyskiye yazyki*. Moscow: Nauka, Vol. 3. VIII (In Russian).
- Rubinchik, Yu.A. (2001) *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Modern Persian Literary Language]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 2001 (In Russian).
- Seyed Agai Rezai, S.M. (2013) K nazvaniyam ryb v mazanderanskom yazyke: russkiye zaimstvovaniya [On the Names of Fish in the Mazandarani Language: Russian Borrowings]. *Problemy obshchey i vostokovednoy lingvistiki 2013. Dva vydayushchikhsya vostokoveda. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya I.F. Vardulya i YU.A. Rubinchika. Trudy nauchnoy konferentsii*, Moscow, pp. 160–174 (In Russian).
- Seyed Agai Rezai, M. (2014) Evolyutsiya russkikh zaimstvovaniy v mazanderanskom yazyke [Evolution of Russian Borrowings in the Mazandarani Language]. *Fundamentalnyye issledovaniya*. Oktyabr 2013. Moscow, pp. 3011–3015 (In Russian).
- Tadzhiksko-russkiy slovar* [Tajik-Russian dictionary] (2006). Dushanbe (In Russian/Tajik).
- Tatishchev, V.N. (1979) *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad: Nauka (In Russian).
- Tatishchev, V.N. (1996) *Istoriya Rossiyskaya. Okonchaniye. Raboty raznykh let* [Russian history. Ending. Works of different years]. Moscow: Ladimir. Available at: https://imwerden.de/pdf/tatishchev_sobranie_sochineniy_tom7_1996_ocr.pdf. Access date: 07.02.2024 (In Russian).
- Yagello, I.D. (1910) *Polnyy persidsko-arabsko-russkiy slovar'* [Complete Persian-Arabic-Russian dictionary]. Tashkent (In Russian).
- Abbot, Kate Edward (2006) *Mazandaran Travelogue*, tr. Ahmad Seif, Mazandnume, 2006 Available at: www.Mazandnume.com/fullcontent/6537. Access date: 07.02.2024.
- Ansāri, M. (2011) *Farhang-e zarbolmasalha-ye mazanderani* [Dictionary of Mazandarani proverbs]. Sari: Sholfin, 2011/1390 (In Persian).
- Apor, Eva (1973) Gilanica: Langerudi. *Acta orientalia*. T. 27, fasc. 3, pp. 351–372.
- Arakelova, V. (2003) The Siyāh Gālesh and Deity Patrons of Cattle-Breeding Iranian Peoples. *Iran. Questions et connaissances III: Cultures et sociétés contemporaines* / ed. B. Hourcade. Paris, pp. 171–176.
- Asatrian, G. (2002) The lord of cattle from Gilān. *Iran and the Caucasus*, 6, pp. 75–87.
- Azami, Ch.A., Windfuhr, G.L. (1972) *A dictionary of Sangesari with a grammatical outline*. Tehran.
- Bazin, M. (1980) *Le Tālech, une région ethnique au nord de l'Iran*, 2 vols., Paris, 1980 (In French).
- Bazin, M., Bromberger Chr. (1982) Gilān et Āzarbayjān oriental. *Cartes et documents ethnographiques*, Paris (In French).
- Bazin, M., Pour-Fickoui, A. (1978) *Élevage et vie pastorale dans le Guilān* (Iran septentrional), Paris (In French).
- Bérésine, I.N. (1853) *Recherches sur les dialectes persans*. Casan': Impr. de l'Univ., 149 p. (In French).
- Borjjan, H. (2006a) The Oldest Known Texts in New Tabari: The Collection of Aleksander Chodzko. *Archiv Orientální*. 74 (2), pp. 153–171.
- Borjjan, H. (2006b) Tabari Language Materials from Ilya Berezin's "Recherches sur les dialectes persans". *Iran and the Caucasus*, 10/2, pp. 243–258.
- Borjjan, H. (2008) The Komisenian Dialect of Aftar. *Archiv Orientální*, 76/3, pp. 379–416.
- Borjjan, H. (2012) The Dialects of Velātru and Gachsar: The Upper Karaj Valley in the Caspian-Persian Transition Zone. *Journal of the Royal Asiatic Society* 22/2, pp. 227–263.
- Borjjan, H. (2013a) The Tabaroid dialects of the Central Alborz: Language convergence between Tabari and Persian. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungarica* 66/4, pp. 427–441.

- Borjjan, H. (2013b) Yushij: A Caspian dialect of the Central Alborz. *Persica* 24, pp. 127–153.
- Borjjan, H. (2013c) *Is there continuity between Persian and Caspian? Linguistic relationships in the south-central Alborz*. New Haven: American Oriental Society.
- Borjjan, H. (2014) Suledeh, *Encyclopædia Iranica*, online edition. Available at <http://www.iranicaonline.org/articles/suledeh>. Access date: 25.11.2024.
- Borjjan, H. (2018) The Caspian Dialect of Māhā. *Studia Iranica*, 47/2, pp. 7–26.
- Borjjan, H. (2019a) The Caspian Language of Šahmirzād. *Journal of the American Oriental Society* 139.2.
- Borjjan, H. (2019b) The Mazandarani Dialect of Kalijān Rostāq. *Iranian Studies*, 52/3–4, pp. 551–573.
- Borjjan, H. (2019c) Mazandarani: A typological survey. *Typology of Iranian Languages*, ed. A. Korangy, B. Mahmoudi-Bakhtiari, Berlin: De Gruyter Mouton, pp. 79–101.
- Borjjan, H; Borjjan, M. (2008) Ethno-Linguistic Materials from Rural Mazandaran. *Iranian Studies*. 41 (3), pp. 365–401. DOI: [10.1080/00210860801981336](https://doi.org/10.1080/00210860801981336).
- Borjjan, H., Borjjan, M. (2012) Amir Pāzvāri. *Encyclopædia Iranica*, online edition. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/amir-pazvari-semi-legendary-poet-of-mazandaran>. Access date: 07.02.2025.
- Bromberger, Chr. (1994) Eating Habits and Cultural Boundaries in Northern Iran. Sami Zubaida and Richard Tapper, eds., *Culinary Cultures of the Middle East*, London, pp. 185–201.
- Bromberger, Chr. (2020) Gilān (Northern Iran) Cuisine Specificity. *Anthropology of the Middle East*, Vol. 15, No. 2, Winter 2020, pp. 47–54.
- Bromberger, Chr. (2024) Gilān XIV. Ethnic Groups 2010. *Encyclopædia Iranica*. Available at: <https://www.iranicaonline.org/articles/gilan-xiv-ethnic-groups>. Access date: 07.02.2024.
- Bromberger, Chr. (1989) *Habitat, Architecture and Rural Society in the Gilān Plain (Northern Iran)*, Bonn.
- Chodźko, A. (1850) Le Ghilan ou les marais caspiens // *Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques*, nouvelle série. March 1850, pp. 285–306; April 1850, pp. 61–76, 68–93 (In French).
- Chodzko, A.L. (1842) *Specimens of the popular poetry of Persia*. London: The oriental translation fund of Great Britain and Ireland, 1842. 592 p. 21.
- Christensen, A.E. (1930) *Contributions à la dialectologie iranienne*. København, 1930. 300 p.
- Clifton, John; Tiessen, Calvin; Deckinga, Gabriela; Lucht, Laura (2005) Sociolinguistic Situation of the Talysh in Azerbaijan. SIL International. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/252863694>. Access date: 07.02.2024.
- Csató, Éva Ágnes, Bo Isaksson, Carina Jahani (2005) *Linguistic Convergence and Areal Diffusion: Case Studies from Iranian, Semitic and Turkic*. London: Routledge Curzon.
- Dodykhudoeva, L.R. (2018) Traditional dairy terminology among Galesh people (the Mazandarani and Gilaki data). *PaZuheShA-yi dar bAre-ye kerAnehA-ye daryA-ye KAspiyen* (Research of the southern coastal area of the Caspian Sea. Tehran: MirMah, Vol. 1, pp. 63–76 (In Persian).
- Dorn, B. (1850) *Geschichte von Tabaristan*. Pers. Text. SPb. (In German).
- Fakhr-Rohani, Muhammad-Reza (2004) She means only her husband: politeness strategies amongst Mazanderani-speaking rural women. (Conference abstract) *CLPG Conference*, University of Helsinki, Finland.
- Faxte, Qorban (2008) *Tārix-e Gilān pas az Islām* [History of Gilan after establishment of Islam]. Iliya, Rasht, 1386 (2008) (In Persian).

- Gilaki – IRNA – Gilaki, zaban rasmy jalasat shora-ye shahrestan-e Rasht shod [Gilaki becomes the official language of the Rasht City Council meetings]. IRNA [News Agency](http://www.irna.ir/fa/News/80895273/). Available at: <http://www.irna.ir/fa/News/80895273/> ایرنا - شد رشت شهرستان شورای جلسات رسمی زبان، گیلکی. Access date: 26.11.2023 (In Persian).
- Gilan (1989–1995) E. Eslah Arabani, ed., *Ketab-e Gilān*, 3 vols., Tehrān, II (In Persian).
- Grundriss, (1898–1901) *Grundriss der iranischen Philologie*. Bd. I. Ab. 2. Strassburg: Verlag von Karl J. Trubner. 535 p. Available at: <https://www.iranicaonline.org/articles/caspian-sea-i> Persian sector; <https://www.iranicaonline.org/articles/siahkal>. Access date: 07.12.2024 (In German).
- Johanson, Lars, Bulut Chr. (eds.) (2006). *Turkic-Iranian Contact Areas Historical and Linguistic Aspects. Turcologica 62*. Wiesbaden: Harrassowitz. 333 pp. ISBN 3-447-05276-7.
- Kalbāssi, I. (2009) *Farhang-e towsifi-ye gunehā-ye zabāni-ye Irān* [A Descriptive Dictionary of Linguistic Varieties in Iran]. Tehrān: Olum-e ensāni va motāleāt-e farhangi / Institute for Humanities and Cultural Studies, Tehran, 2009/1388 (In Persian).
- Kalbāssi, I. (1997) *Guyesh-e Kelārdašt (Rudbārak)* [Dialect of Kelārdašt (Rudbārak)]. (In Persian).
- Kiā, Moḥammad Šādeq (1947/48). *Vāženāme-ye Tabari* [Tabari Dictionary] 1326 (In Persian).
- Kohansal, Vajargah Hasan, Panahi, A., Haddad, Aragi S. (2015) Sari from the Viewpoint of British and Russian Travellers in Qajar Period. *Young scholar*. № 15 (95), pp. 514–519. Available at: <https://moluch.ru/archive/95/21310/> Access date: 07.02.2024 (In Russian).
- Korn, Agnes (2019) Isoglosses and subdivisions of Iranian. *Journal of Historical Linguistics*. 19/2, Oct 2019, pp. 239–281 <https://doi.org/10.1075/jhl.17010.kor>
- Korn, Agnes (2016a) A partial tree of Central Iranian: A new look at Iranian subphyla. *Indogermanische Forschungen*, 121 (1), pp. 401–434. DOI: 10.1515/if-2016-0021
- Korn, Agnes (2016b). Iranian. In: *The Languages and Linguistics of South Asia. A comprehensive guide* / ed. Hans H. Hock, Elena Bashir. Berlin: De Gruyter Mouton, pp. 51–66. Available at: <https://books.google.co.uk/books?id=PSFBDAAAQBAJ&printsec=frontcover#v=twopage&q&f=false>. Access date: 07.02.2024.
- Lambton, Ann K.S. (1938) *Three Persian Dialects*. London: Royal Asiatic society.
- Lecoq, Pierre (1989) Les dialectes caspiens et les dialectes du nord-ouest de l’Iran, *Compendium Linguarum Iranicarum*. Ed. Rüdiger Schmitt. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, pp. 296–314 (In French).
- Marashi, Ahmad (2003) *Vāzhenāme-ye Guyeshe Gilaki* [Gilaki Dialect Dictionary]. Rasht: Taati (In Persian).
- Marashi, Zahiroddin (1966) *The History of Tabarestan and Royan and Mazandaran*, corrected by Mohammad Hossein Tasbihi, Tehran: Shargh.
- Melgounof, G.V. (1868) Essai sur les dialectes de Masanderan et de Guilan d’après la prononciation locale [Essay on the dialects of Mazandaran and Gilan according to local pronunciation]. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1868. Vol. XXII, pp. 344–380. Available at: <https://WorksPay.ru>. Access date: 07.02.2024 (In French).
- Melgunov, Grigory (1997) *The Southern Coasts of the Caspian Sea* / Persian translation by Amir Hooshang Amini. Tehran: Ketabsara (In Persian).
- Nasri-Ashrafi, Jahangir-e (ed.) (2002). *Farhang-e vāzegān-e Tabarī* [A Dictionary of Tabari]. V. 5, pp. 5, Tehran: Ehyā-ketāb”, 2002/1381.
- Payande Langarudi, Mahmud (1995) *Farhang-e masalhā-vo estelāhāt-e Gil-o Deylām* [Dictionary of the Gilan and Daylam paremias]. Tehrān: Enteshārāt-e Sorush. 275 p. (In Persian).
- Planhol, Xavier de (1990) Caspian sea i. Geography. *Encyclopædia Iranica*, V/1, pp. 48-50. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/caspian-sea-i>. Access date: 07.02.2024.
- Rabino, Hyacinthe-Louis (1914) Les anciens sports au Guilan. *RMM* 26, pp. 97–112 (In French).

- Rabino, Hyacinthe-Louis (1915–1916). *Les provinces caspiennes de la Perse. Le Guilân. RMM 32* (complete volume) (In French).
- Rabino, Hyacinth Louis (2010) *Mazandaran and Astarabad*, translated by Gholam Ali Vahid Mazandarani, 5th ed. Tehran: Cultural and Scientific publications (In Persian).
- Rahmani, Monireh (1985) *Ethnography of Language Change: An Ethnolinguistic Survey of the Gilaki Language*. PhD Dissertation. University of Oklahoma. 275 p.
- Sadeq, Kiya M. (2011) *Dictionary of Sixty Seven Dialects of Persian Language*. Tehran Research Center for Humanities and Creativity (In Persian).
- Sam'i, Ahmad (1392) Guyesh-e gilaki va moroori ejmali bar tarikhche-ye motalean [Gilaki dialect and a brief review of the history of its study]. *Farhang-Nameh*. No. 93 (In Persian).
- Shokri, Guiti (2006). *Guyesh-e rāmsari* [Ramsari dialect] (In Persian).
- Shokri, Guiti (1995). *Guyesh-e sārī* (Māzanderāni) [Sari dialect]. Sari, 1374 (In Persian).
- Shokri, Guiti, Jahani, Carina, Barani, Hossein (2013) *When Tradition Meets Modernity: Five Life Stories from the Galesh Community in Ziarat, Golestan, Iran*. Uppsala Universitet.
- Sotude, Manuchehr (1953) *Farhang-e gilaki* [Gilaki Dictionary]. Tehran: Anjoman-e iransenasi; 2nd ed. 2012 (In Persian).
- Stilo, D. (2001) Gīlān X. Languages. *Encyclopaedia Iranica*. Vol. X, Fasc. 6, pp. 660–668 // *Encyclopaedia Iranica*. Online edition. 2012.
- Stilo, Donald (2006). GĪLĀN x. Languages. *Encyclopaedia Iranica* (15.12.2001). Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/gilan-x>. Access date: 07.02.2024.
- Yazdān Panah Lamuki, T. (1997) *Farhang-e masalhā-ye māzandarāni / Dictionary of Mazandarani proverbs*. Tehrān, Enteshārāt-e Farzin, 1376 (In Persian).
- Yazdanpanah Lamuki, T. (2018–2025) – *PaZuheShA-yi dar bAre-ye kerAnehA-ye daryA-ye Kaspiyen* [Research of the coastal area of the Caspian Sea]. Ed. Tayar Yazdanpanah Lamuki. Vol. 1–9. Tehran (In Persian).
- Yazdanpanah Lamuki, T. (2011; 2017) *Afsanahaye Mazandarani* [Tales of Mazandaran]. Vol. 1 – Tehran: Chashme, 2011; Vol. 2 – Sari: Jahad daneshgahi, Mazandaran, 1395 AH. / 2017 (In Persian).
- Yazdanpanah Lamuki, T. (2020). Shahzade pari [Shahzade pari. Text in Mazandarani and Persian languages with comments]. *Iranian linguistics*. Moscow (In Persian/Mazandarani).
- Yoshie, Satoko (1996). *Sārī Dialect*. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa. Series: Iranian Studies 10.

Иванов Владимир Борисович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иранской филологии, Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Адрес: 125009, Российская Федерация, Москва, Моховая ул., д. 11/1.

Эл. адрес: iranorus@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2572-9581>

Додыхудоева Лейли Рахимовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, сектор иранских языков, Институт языкознания РАН.

Адрес: 125009, Российская Федерация, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1/1.

Эл. адрес: leiladod@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-4567-9454>

Vladimir B. Ivanov – DSc (Philology), Professor, Head of the Department of Iranian Philology, Institute of Asian and African Studies, M.V. Lomonosov Moscow State University.

Address: Mokhovaya St. 11/1, Moscow, Russian Federation, 125009.

E-mail: iranorus@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2572-9581>

Leyli R. Dodykhudoeva – PhD in Philology, Senior Researcher, Iranian Languages Sector, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Address: Bolshoy Kislovsky Lane 1/1, Moscow, Russian Federation, 125009.

E-mail: leiladod@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-4567-9454>

Для цитирования: *Иванов В.Б., Додыхудоева Л.Р.* Социолингвистические особенности Прикаспийского Региона: на материале гилакского и мазандеранского языков // Социолингвистика. 2025. № 2 (22). С. 26–63. DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-26-63

For citation: *Ivanov V.B., Dodykhudoeva L.R.* Sociolinguistic features of the Caspian Region: a study based on the Gilaki and Mazandarani languages // Sociolinguistika. 2025. No. 2 (22). pp. 26–63. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-26-63

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 07.11.2024;
approved after reviewing 10.05.2025;
accepted for publication 07.07.2025.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

LANGUAGE SITUATION

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-64-84>

ТАЛЫШСКИЙ ЯЗЫК ПО ОБЕ СТОРОНЫ АРАКСА

УДК 811.223.1

Гарник С. Асатрян

Институт
востоковедения,
Российско-Армянский
университет,
Ереван, Республика
Армения

Ален А. Айрапетянц

Институт
востоковедения,
Российско-Армянский
университет,
Ереван, Республика
Армения

Примечание

Статья подготовлена в
рамках проекта 21AG-
6A079 Госкомитета по
науке Республики
Армения.

Аннотация

В работе рассматриваются социолингвистические параметры талышского языка на территориях его распространения: в Северном Талыше (или Талышистане) в Азербайджанской Республике – от Джалилабада (Хамошару) на севере, до Астары на границе с Ираном, и в южной части Талыша в Иране – от иранской Астары на севере до Фумана на юге. Этническая территория талышей, то есть исконный ареал формирования и функционирования талышского языка, по сути, охватывает сравнительно узкую полосу вдоль юго-западного сегмента Прикаспия.

Почти все население Северного Талыша двуязычно и в равной степени владеет родным, талышским, и азербайджанским языками. Однако в зависимости от района это двуязычие имеет разный формат. Если от Джалилабада до Нафтахалы превалирует азербайджанский язык, а талышским владеет преимущественно старшее поколение, то в районах Ярдымлы (Варгадиз), Лерик (Лик), Масаллы (Масалон) на первом месте – родной язык: дети овладевают азербайджанским только в процессе школьного образования.

Некий баланс этих языков сохраняется на юге, в Астаре.

Что касается Южного (иранского) Талыша, то здесь иная картина. Непосредственно к югу от Астары, например в Намине и Парсабаде, отмечено трехязычие (талышско-персидско-тюркское). Причем в некоторых местах упомянутого района, скажем в Намине, талышский имеет хождение лишь среди представителей старшего поколения. Далее к югу, до Фумана, талышский сохраняет довольно сильные позиции в талышско-гилянско-персидском трёхязычном континууме.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: талышский язык, азербайджанский язык, персидский язык, гиланский язык, Талыш, Азербайджанская Республика, Иран, двуязычие, школьное образование, стигматизация

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Гарник С. Асатрян, Ален А. Айрапетянц, 2025

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-64-84>

TALYSH LANGUAGE ON BOTH SIDES OF THE ARAXES RIVER

UDC 811.223.1

Garnik S. Asatrian

Institute of Oriental Studies,
Russian-Armenian
University,
Yerevan, Republic of
Armenia

Alen A. Hayrapetyants

Institute of Oriental Studies,
Russian-Armenian
University,
Yerevan, Republic of
Armenia

Acknowledgement

The article was prepared within the framework of the project 21AG-6A079 of the State Science Committee of the Republic of Armenia.

Abstract

This paper explores the sociolinguistic characteristics of the Talysh language across its geographic distribution, specifically in Northern Talysh (or Talyshistan) within the Republic of Azerbaijan – extending from Jalilabad (Hamosharu) to the northern outskirts of Astara along the Iranian border – and in Southern Talysh, located in the Islamic Republic of Iran, stretching from Iranian Astara in the north to Fuman in the south. The ethnic territory inhabited by the Talysh people, which constitutes the primary area for the development and functioning of the Talysh language, forms a relatively narrow strip along the southwestern edge of the Caspian Sea basin.

In Northern Talysh, nearly the entire population is bilingual, possessing fluency in both Talysh and Azerbaijani. However, the nature and degree of this bilingualism vary by region. In the northern areas, particularly from Jalilabad to Naftalan, Azerbaijani tends to dominate, with Talysh usage largely confined to the older generations. Conversely, in regions such as Yardimli (Vargadiz), Lerik (Lik), and Masalli (Masalon), Talysh remains the primary language, and Azerbaijani is typically acquired during formal schooling. In the southern part of this region, around Astara, a relative balance between the two languages is maintained.

The sociolinguistic situation in Southern (Iranian) Talysh presents a different pattern. Immediately south of Astara, in districts such as Namin and Parsabad, trilingualism involving Talysh, Persian, and Turkic languages is commonly observed. In some areas, including Namin, Talysh is spoken predominantly by the older population. Further south, extending to Fuman, Talysh maintains a relatively strong presence within a trilingual environment consisting of Talysh, Gilaki, and Persian.

KEYWORDS: Talysh language, Azerbaijani language, Persian language, Gilaki, Talysh, Iran, Republic of Azerbaijan, Caspian region, bilingualism, school education, stigmatization

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Garnik S. Asatrian, Alen A. Hayrapetyants, 2025

1 | Введение

В настоящей статье дано описание языковой ситуации в двух районах компактного проживания талышей в двух странах – Азербайджане и Иране. Авторы представляют ареал Талыша, лежащего в пределах двух стран, дают описание его населения, а также перечень проблем, стоящих перед талышами в каждом из регионов отдельно, и их продолжающуюся подспудно борьбу за этноязыковую идентичность.

Этническая территория талышей, совпадающая с ареалом их сегодняшнего обитания, в широком плане занимает крайний юго-западный сегмент Каспийского моря, известный под названием Талыш или Талышистан (страна талышей). Географически это – прибрежная линия длиной более 150 км., простирающаяся на юго-западе до населенного пункта Копулчал недалеко от порта Энзели в Иране (Исламская Республика Иран, ИРИ), а на севере – до Муганской степи (Азербайджанская Республика, АР). Река Аракс, по сути, является естественной границей двух частей талышской земли. Примерная площадь зон расселения талышей в Иране составляет 3839,6 кв. км., в АР – 5370 кв. км. По характеру ландшафта горная и густо покрытая растительностью местность контрастирует, с одной стороны, с низменностью Гиляна на востоке, а с другой стороны – с сухим климатом Муганской степи на западе. Внутренний географический облик территории Талышистана являет собой своего рода соединение горной низменной местности, ядро которой составляют Талышские горы и прилегающие к ним с десятков узких долин.

Талышистан, или Талыш, делится на две части: северная – в составе Азербайджанской Республики, и южная, включающая северный край провинции Гилян в ИРИ. Исторически данное деление является результатом русско-персидских войн 1804–1813 гг., после которых талышский народ оказался в двух фундаментально разных цивилизационных парадигмах (см. подробно: [Arakelova, 2022; 2024]).¹⁸ Морфологически и по специфике рельефа вся территория Талыша делится на большую – горную часть, и меньшую – приморскую часть, которая

¹⁸ Как справедливо отмечает В. Шульце, термин «Северный Талыш» обусловлен параметрами административного деления, и на самом деле, с точки зрения лингвистики, рассматриваемая территория является северной частью диалектного континуума, охватывающего также талышские говоры Ирана с переходным диалектом Астары [Schulze, 2000: 6]. Кроме того, «Северный Талыш» – органическое продолжение культурного и географического пространства прикаспийского региона. Недаром Б. Миллер в предварительном отчете о поездке в «Северный Талыш» пишет: «На путешественника, знакомого подробно с Персией, Талышский край производит впечатление персидской прикаспийской провинции. Он теснейшим образом связан географически, этнически и культурно с персидскими прикаспийскими областями» [Миллер 1926: 5]. А еще в 1922 г. Н.Я. Марр, ссылаясь на де Моргана, отмечал в этой связи, что в географическом отношении Ленкоранский уезд относится не к Южному Кавказу, а к Персии (прив. по: [Асатрян, 2011]).

включает в основном Ленкоранскую низменность между Каспийским морем и Талышскими горами.

Талыши в Иране компактно проживают в четырех областях (перс. *šahrestān*) провинции Гилян: Горганруд, Асалем, Талышдулаб (Резваншахр), Шандерман и Масал. Северная часть Талышистана (в АР) имеет пять административных единиц: Ленкоранский (тал. *Lankōn*), Лерикский (*Līk*), Масаллинский (*Masalōn*), Ярдымлинский (*Vardagiz*) и Астаринский (*Östōrō*) районы. Талыши компактно заселяют Астаринский, Ленкоранский, Лерикский районы и юго-восточную часть Масаллинского района; а на западе Лерикской зоны, в Ярдымлинском районе и на северо-западе Масаллинского района население смешанное (талышско-азербайджанское), как и в селениях, расположенных в приграничной полосе.

Культурное пространство Южного Каспия имеет ярко выраженную специфику, обусловленную тем фактом, что данный ареал с глубокой древности представлял собой важнейшую контактную зону (см., напр., [Arakelova, Omid, 2006]). Это породило особый феномен ментальности, отмеченный особым архаизмом (см. [Иностранцев, 1909: 110–135]) и отраженный в религиозном синкретизме [Асатрян, 2011: 73]).

Большинство талышей Ирана (за исключением жителей Шандермана и Масала) – сунниты, последователи ордена нахшбандийя. Раньше в Гиляне, в том числе в части, населенной талышами, широкое распространение получили зайдитское направление шиизма, а также – в меньшей степени – исмаилизм. Талыши АР – в основном шииты, за исключением приблизительно 25 горных сел с населением, исповедующим суннизм (см. [Асатрян, 1998: 9]).

1.1 Этноним «талыш»

Поиск реальных или мифических предков – обычное явление в сообществах, находящихся в фазе этнической консолидации, особенно среди групп, не имеющих письменной традиции или ярко выраженных маркеров национальной идентичности, за исключением языка. Хотя талыши как в Иране, так и в АР имеют четкую иранскую идентичность; талыши АР, живущие анклавом в преимущественно тюркской, зачастую недружественно настроенной к ним среде, развили более сильное чувство самоидентификации. Потребность в воссоздании древней родословной обуславливается в среде талышской интеллигенции в том числе и тем фактом, что для соседних прикаспийских иранских групп, таких как гилянцы и мазандаранцы, линии этнической истории формально восстановлены и восходят к конкретным южнокаспийским народам древности, названия

которых засвидетельствованы в греко-римской историографии. Причем одним из оснований для восстановления генетических линий сегодняшних гилянцев и мазандаранцев (табари, табаристанцев) является почти полное совпадение их самоназваний с этнонимами древних народов, некогда населявших их нынешние этнические территории. Гилянцы, ближайшие соседи талышей, ассоциируются с *Γῆλοι* (арм. *Gelk*'), которые проживали рядом с кадусиями (*Καδούσιοι*). Исторические источники (в частности, «География» Птолемея) описывают обе группы как живущие рядом друг с другом. Древние тапиры (*Τάπυροι*), в свою очередь, выступают предполагаемыми предками народа табари, жившего в Табаристане (арм. *Taparastan*) – на территории нынешнего Мазандарана. Другие южнокаспийские этнические названия можно проследить через региональную топонимику: например, *Μάρδοι* ('*Αμαρδοι*) оставили след в названии реки и города Амул. Тут остаются «не востребованными» лишь кадусии, *Καδούσιοι* (*Cadusii*), которые, по исторической логике, должны рассматриваться как предки современных талышей. Местные, талышские, ученые как раз и настаивают на этой версии. Подобное воззрение на вопрос происхождения талышей сегодня приобрело почти повсеместный характер: в талышском обществе укоренилось распространенное мнение, что кадусии являются предками талышей.¹⁹ Соотнесение талышей с кадусиями стало определенным мировоззренческим элементом на популярном уровне и важным элементом талышской идентичности.

Кстати, примечательно, что это тот редкий случай, когда популярная самоидентификация, возводимая к древнему этносу, может быть отчасти подтверждена историческими и лингвистическими фактами. Безусловно, как отмечал еще И.М. Дьяконов [Дьяконов, 1981: 90], идентификация какого-либо этнического названия в исторических анналах еще не является достаточным основанием для дальнейших этногенетических ассоциаций. Но в отсутствие прочих соответствующих свидетельств о ранней истории этнической группы отождествление ее названия с неким древним этнонимом все-таки следует рассматривать в качестве первого шага на пути к реконструкции генетической линии, по крайней мере номинальной. Наряду с лингвистически обоснованным совпадением названий, иными словами, с достоверным этимологическим аспектом идентификации, для объективности анализа нужно принять во внимание и историко-географическое соответствие

¹⁹ Многие места в Гиляне, в районах, населенных талышами, носят название Кадус (например, роскошный отель в центре Рашта). Кадус стало и популярным именем для мальчиков. Подобное стремление, однако, в корне пресекается властями Азербайджанской Республики, хотя в диаспоре (в России) это название также стало популярным для обозначения различных объектов общественного питания (кафе, ресторанов и т.д.).

ареалов обитания кадусиев и талышей, и транспарентность древней этнической среды с ее соответствующим отражением в современном этническом ландшафте.

В случае талышей аутентичность отождествления обосновывается, в первую очередь, совпадением соответствующего географического ареала, а также, как было отмечено выше, большой вероятностью происхождения современных прикаспийских народов от древних этносов, некогда населявших этот регион. То есть, соотношение кадусии/талыши и исторически, и географически вполне укладывается в региональную парадигму. И коль скоро гилянцы могут считаться потомками гелов, а мазандаранцы/табаристанцы – тапиров, то свободную нишу для кадусиев спокойно могут заполнять талыши, такие же автохтоны Южного Каспия, как гилянцы и мазандаранцы. Конечно, остается вопрос *Δελυμάιοι*, дейламитов, населявших в древности горную часть Гиляна, потомками которых могут теоретически выступать живущие ныне в тех же местах галешы, субэтническая группа талышей, а также населяющие Анатолию заза, чьи предки мигрировали сюда из Дейлама в X–XII вв. (см. [Asatryan, 1995]).

Однако если в случае с гилянцами и мазандаранцами (табаристанцами) лингвистическая корреляция с древним этнонимом довольно прозрачна, то соотношение этнонима *талыш* к *Καδούσιοι* нуждается в осмыслении и обосновании.

Структурное сходство *Καδούς*- [*kadus*-] и *tāliš* довольно примечательно: оба – суффиксальные образования. В **kādus*- суффикс – это *-uš* либо *-iš* (ср. арм. *Kadiš*- в *Kadšk'* (Schmidt 1999: 92)), а в *tāliš* – понятно, *-iš*. Из-за отсутствия *-š* в греческом алфавите, все иранские формы с *-š* всегда передавались как *-s*. Но как объяснить переход *kād*- > *tāl*-? Интервокальное *-d*- развилось либо непосредственно в *-l*-, как в случае многочисленных новоиранских форм, не обязательно восточноиранских (см. [Asatryan/Nakobian, 2018]), либо же через промежуточную фазу фрикативизации: **-δ*- (> **-r*-) > *-l*-. Развитие начального *-k*- в *-č*- могло произойти через стадию палатализации *-k*- > *-č*- перед гласным переднего ряда *-i*- в следующем слове, т.е. **kāl-iš* > **čāl-iš* и, с последующей диссимиляцией (*č*-/*-š* > *t*-/*-š*) – *tāliš*²⁰ [Asatryan, Borjjan, 2005: 47].

2 | Население и статистика

2.1 Проблема подсчета населения: постоянная осцилляция чисел

Определение общей численности талышей остается трудноразрешимой задачей по сей день. Одним из препятствующих факторов является преднамеренное и систематическое

²⁰ О диссимиляции *č*-/*-š* > *t*-/*-š* в иранском, см. в целом [Reichelt, 1927: 37].

искажение со стороны статистических служб Азербайджанской Республики подлинной картины национального состава страны, недочет демографических особенностей, присущих населению постсоветских стран, миграционных процессов, а также линейного приближения, не принимающего в расчет реалии ежегодного темпа роста населения (более подробно см. [Марджанян, 2011]). В данном контексте заслуживает внимания осцилляция и постоянные скачки чисел²¹ талышского населения на протяжении всей истории переписи, начиная со времен СССР.²² С другой стороны, фактором неопределенности служат классификационные особенности системы переписи в Иране, а также то обстоятельство, что в переписи населения ИРИ дифференцируют население страны исключительно по религиозным группам (шииты, сунниты, христиане, зороастрийцы, иудеи).²³

2.1.1 Численность талышей в Азербайджанской Республике

В силу отсутствия каких-либо достоверных данных, которые бы отражали близкую к реальности картину численности талышского населения²⁴, приблизительные подсчеты специалистов по-прежнему разнятся. Самый низкий показатель, не считая собственно данных Государственного комитета Азербайджанской Республики,²⁵ представлен у Тиссена – примерно 500 000 чел. [Tiessen 2003: 11, прим. 10], которое, по утверждению автора, основано на интервью, проведенных с 1999 по 2001 с государственными служащими в каждом из районов Азербайджанской Республики.²⁶ Между тем, согласно самым консервативным подсчетам, в 1996 году в стране проживало примерно 0,8–1,0 миллион талышей [Grimes, 2002]. При этом некоторые исследователи оценивают возможную численность говорящего по-талышски населения в Азербайджанской Республике в полтора миллиона.²⁷ Сопоставляя оценку в 0,8–1,0 млн. с приблизительным количественным анализом изменения численности

²¹ Особенно демонстративны в этом плане данные переписи 1959 г., согласно которым в АзССР насчитывалось 85 талышей (именно 85 человек!) [Марджанян, 2011: 35].

²² В связи с этим заслуживают внимания слова Б. Миллера, написанные им век назад: «новейшие статистические данные о Талыше, – именно перепись АзЦСУ 1921г., тоже крайне несовершенны... данные переписи мало заслуживают доверия, как мне пришлось не раз убеждаться» [Миллер, 1926: 4].

²³ Статистические данные «Статистического центра Ирана», доступные по ссылке: <https://irandataportal.syr.edu/census/census-2016>. Дата обращения: 08.04.2024.

²⁴ Поэтому, как в Иране, так и в Азербайджанской Республике любые рассуждения по количеству талышей неизбежно носят спекулятивный характер [Asatrian, Borjian, 2005: 45].

²⁵ По данным переписи 2019 г., талыши составляют 0,9% (87600 чел.) населения Азербайджана. Режим доступа: <https://www.stat.gov.az/source/demography/ap/?lang=en>. Дата обращения: 08.10.2024.

²⁶ На том же самом принципе и на тех же данных базируются цифры, приводимые по каждому из районов в социолингвистическом исследовании Дж. Клифтона и др. [Clifton et al., 2005].

²⁷ См., например, данные Ф. Абосзода в интервью Panorama.am [Aboszoda, 2015].

населения Азербайджана и с учетом ежегодного темпа роста населения, а также таких важных параметров как брутто и нетто-коэффициент воспроизводства, которые, по усредненным официальным данным, были на относительно высоком уровне начиная с советского периода вплоть до 2012 г. (не считая периода Второй мировой войны), можно заключить, что число 1,5 миллионов действительно может отражать реальную картину демографии северного Талышистана, то есть населенных талышами регионов в Азербайджанской Республике.²⁸

2.1.2 Численность талышей в Исламской Республике Иран

Как было отмечено, в связи с отсутствием необходимых классификационных параметров в системе переписи Исламской Республики Иран приходится опираться на приблизительные, округленные численные показатели талышей в этой стране. Согласно самым скромным подсчетам, число талышей в Иране составляет 112 000 чел. [Gordon, 2005]. Суммируя представленные Х. Хаджатпуром [Најатпур, 2004: 37] процентные данные талышского населения в шести главных населенных центрах (Астара, Хаштпар, Резваншахр, Масал, Фуман и Шафт), получаем примерное число 360 000. Однако, как справедливо отмечает Д. Пол [Paul, 2011: 16], этничность и родной язык не всегда совпадают, и многие этнические талыши, особенно представители молодого поколения, считают родным языком персидский (см. [Paul, 2011: 16]). Кроме того, следует учитывать тот факт, что талыши живут и вне шести упомянутых районах. Принимая во внимание вышесказанное, а также динамику естественного прироста населения, ориентировочно максимально допустимое число талышей в Иране может быть в пределах одного миллиона [Asatryan, Borjian, 2005: 45].

3 | Талышский язык: диалектное деление

Талышский язык принадлежит к северо-западной подгруппе иранских языков и имеет близкое родство с так называемым «южнотатским» (тати – по терминологии А.Л. Пирейко [1991]) диалектным ответвлением. «Талышско-южнотатский» диалектный континуум, судя по всему, является частью иранских диалектов исторического Атурпатакана (включавшего в целом сегодняшние северо-западные провинции Ирана), известного под названием *āzarī* и

²⁸ По оценкам некоторых экспертов, численность талышей в Азербайджанской Республике может достигнуть 20–25 % от общей численности населения, учитывая языковой сдвиг в сторону азербайджанского в городских районах (см. [Aboszoda, 2015]).

засвидетельствованного в довольно внушительном корпусе маргинальных текстов, обозначаемым термином *фахлавият*.²⁹

Более того, талышский язык входит в т.н. большой прикаспийско-атурпатаканский иранский языковой союз (South Caspian-Aturpatakan Sprachbund), в который входят также южнотатский, гилянский,³⁰ мазандаранский, семнани и заза (см. подробно [Накобыан, 2022]).

3.1 Диалекты талышского языка

Диалекты талышского языка разделяются на три основные группы:³¹

Южный. Ареал южных диалектов охватывает районы Масуле и Масал в Иране.³² Они обнаруживают близость к соседним южнотатским диалектам [Yarshater, 1959].

Центральный. Диалекты и говоры центрального талышского сосредоточены преимущественно вокруг Хаштпара. Здесь, несмотря на интенсивное воздействие со стороны персидского и тюркского языков, талышский сохраняет сильные позиции в Асалеми, а также в сельской местности вокруг городского центра.

Северный. Диалекты северного ареала, простирающегося от Лисара на севере до границы с АР, обнаруживают большое сходство с диалектами, распространенными далее на севере – в районах Ленкоран, Лерик, Масаллы и Ярдымлы в Азербайджанской Республике. Эти же диалекты отмечены в районах Парсабад и Намин, а также вокруг Ардабиля. Причем, судя по всему, население Ардабиля, сегодня отчасти тюркоязычное, одно – два столетия назад говорило на талышском языке. А в Намине, в котором сегодня преобладают тюркские диалекты, в прошлом говорили исключительно на талышском. Самоидентификация жителей Намина, тем не менее, талышская.

Жители северных областей иранского Талыша не испытывают трудностей при общении со своими сородичами, проживающими в Азербайджане. Эти диалекты, по сути, представляют единый язык, правда с некоторыми различиями в словарном составе: например, *тбупа* на севере (в Азербайджанской Республике) означает «дородная женщина», на юге этим же словом обозначают дойную корову.

²⁹ Исчерпывающую литературу и перечень текстов смотрите в следующих работах [Kirakosyan, 2003; 2004].

³⁰ В статье принят традиционный для русскоязычной традиции термин, ср. перс. *gilaki* (прим. ред.).

³¹ Подробно о талышских диалектах и говорах в АР см. [Миллер, 1953; Пирейко, 1976; Пирейко, 1991: 91–175; Амīryān, 2005]. О диалектах талышского в Иране см. [Lazard, 1978: 251–268; Bazin, 1981: 111–124, 269–277; Nawata, 1982; Lecoq, 1989: 296–312; Najatpur, 2004].

³² Среди талышей Ирана бытует мнение, что диалекты областей Масал-Шандерман – это лучшее место, где можно найти «чистый талышский», что, вероятно, обусловлено многочисленностью общественных деятелей и публицистов из этого региона [Paul, 2011: 18–19].

Степень взаимопонимания между представителями северных и южных диалектов довольно низкая. Например, диалекты Фумана абсолютно непонятны носителям северного диалекта, в том числе жителям Азербайджанской Республики.

Более того, даже несмотря на фактическую однородность северного диалекта талышского языка в АР и в непосредственно прилегающей к Араксу полосе в Иране, в лексике и этих двух частей единого диалекта отмечаются немалые расхождения в лексике, обусловленные тем, что на севере (в АР) язык сохранил больше архаических элементов, чем на юге (в ИРИ). Например, на севере «свадьба» – *vaya*, а «невестка» – *vayū*, в то время как на юге мы имеем, соответственно, *'arūsī* и *'arūs* (араб.-перс. *'arūsī/'arūs*); *bōa* – «фруктовый сироп» *versus šira* (перс. *šira*); *avasōr* – «весна» *versus bahār* (перс. *bahār*) и т.д. (см. [Asatryan, 2022; forthcoming]).

Согласно краткому исследованию, проведенному М. Базэном, в котором было рассмотрено 48 глосс, основная линия изоглосс проходит между центральными диалектами Асалема-Туларуда и северными диалектами Карганруд-Хотбесара (16 баллов из 48). Эта черта разграничения намного резче, чем та, которая проходит между Масалом и Талешдулабом (6 баллов), а также между двумя представителями южной группы, Масуле и Масалом (2 балла) [Bazin, 1980, II: 68f., 189ff., figs. 94f.].

Жители северных областей иранского Талыша не испытывают трудностей при общении с талышами, проживающими в АР, однако взаимопонимание между носителями северного и южного диалектов находится на довольно низком уровне. Согласно социолингвистическим исследованиям, проведенным Д. Полом [Paul, 2011: 319], показатель взаимопонимания между носителями диалекта Асалема и северного диалекта (Анбаран) составляет 50 %, а у носителей южного диалекта Масала – 65 %. При условии тесных контактов с носителями центральных диалектов, у представителей северных и южных областей данный показатель может достигать от 80 до 90 %. Нередко можно встретить людей, владеющих двумя диалектами (диглоссия), однако случаи, когда человек демонстрирует владение всеми тремя диалектами (триглоссия), единичны. В основном это представители интеллигенции, которые проявляют особый интерес к диалектам и говорам талышского языка. Среди одинаково владеющих тремя диалектами есть и те, которые имеют родственные связи с тремя частями талышского ареала – это преимущественно дети, появившиеся в результате смешанных внутриталышских браков.

4 | Социолингвистическая ситуация в регионе талышского языка

4.1 Социолингвистическая ситуация в приложении к талышскому языку в Азербайджанской Республике

Географическое ядро языкового ареала Северного Талышистана охватывает сравнительно узкую полосу вдоль юго-западного сегмента Прикаспия. Талышский, на котором говорят в этой области, характеризуется относительной языковой однородностью: внутри диалектов различия несущественны.

В настоящее время выявление реальной картины социоязыкового состояния АР в целом сопряжено с проблемой так называемых «скрытых идентичностей». Талыши, прежде всего проживающие в городских зонах,³³ предпочитают маскировать свое происхождение вторично выработанной «азербайджанской» идентичностью за пределами своей собственной общины (см. подробно [Clifton/Tiessen, 2018: 2, 16, 20–22]), что неизбежно должно учитываться при дальнейших исследованиях данного вопроса.

Социолингвистическая обстановка Северного Талышистана в Азербайджанской Республике в общих чертах может быть охарактеризована как случай паритетного двуязычия: наравне с родным, талышским, население владеет также азербайджанским языком. Дети дошкольного возраста абсолютно не владеют азербайджанским.

Динамика перемен, прослеживаемая в научных трудах по талышскому языку, начиная с первой половины XX в. до 2000-х гг., свидетельствует о постепенном росте влияния азербайджанского языка среди талышей. Если еще в 1926 г. Б. Миллер, возражая против идеи наличия двуязычия среди талышей, писал, что определяющим должен быть язык семьи, в частности – язык женской половины населения [Миллер, 1926: 5], каковым тогда являлся талышский, то сравнительно поздние исследования говорят о более высоком уровне владения тюркским [Пирейко 1966: 302; 1976: 321; Виноградова, 1999: 90]. Результаты социолингвистического исследования, проведенного Дж. Клифтоном и др. в Северном Талышистане в начале 2000-х подтвердили данные предположения, выявив довольно высокий уровень владения азербайджанским языком как в изолированных, так и в менее отдаленных селениях [Clifton et al., 2005].

В настоящее время географическая картина соотношения талышского и азербайджанского языка среди населения варьируется в зависимости от района: в общих чертах, от Джалилабада до Нафтахалы азербайджанский занимает доминантную позицию, а

³³ Об особенностях языковой среды талышей, проживающих, например, в г. Сумгаит см. [Tiessen, 2003].

талышским владеет преимущественно старшее поколение, в то время как в районах Ярдымлы (Вардагиз), Лерик (Лик), Масаллы (Масалон) на первом месте – родной, талышский язык.

Принимая во внимание факторы социо-психологического и политического характера, стоит отметить, что в данном случае мы, скорее всего, имеем дело с так называемым “субтрактивным двуязычием”, то есть явлением, когда два языковых кода вступают в конкуренцию друг с другом и язык меньшинства постепенно сменяется доминантным и более престижным языком большинства (см. подробно [Liddicoat, 1991: 13])³⁴. Следует отметить также отсутствие смешанной двуязычной интеракции: между собеседниками используется только один из кодов *aut aut*. Паттерны чередования кодов варьируются в зависимости от однородности среды, а также различных физических и функциональных сфер языковой деятельности. В сообществах со смешанным населением языковая интерференция проходит наиболее интенсивно, но при этом позиции талышского языка как отдельной языковой системы сохраняются. В относительно изолированных районах с однородным населением азербайджанский язык используется исключительно в формальной обстановке (школа, правительственные учреждения и т.д.), тогда как в неофициальном формате доминирует талышский [Clifton, 2009: 4]. Аналогичная картина наблюдается также и в этнически смешанных районах с более выраженным преобладанием тюркской речи (см. Там же). В последнем случае азербайджанский язык усваивается в процессе школьного образования по принципу «пан или пропал» (англ. sink or swim) (см., например, [Hoffman, 2014: 41]), ибо условия для сохранения и дальнейшего поддержания уровня языков коренных народов в системе образования АР отсутствуют.

Во многих сферах проявляется следующая закономерность: субординативный язык используется лишь в том случае, когда один из собеседников не владеет доминантным языком. Например, в детских садах районов, населенных талышами, учителя часто прибегают к талышскому, так как дети младшего возраста не владеют азербайджанским, и наоборот – азербайджанский используется в публичных местах, в присутствии собеседников, не являющихся этническими талышами [Clifton, 2005: 14]. Интересно, что до недавнего времени

³⁴ Социолингвистические маркеры отрицательной комплиментарности к талышам со стороны азербайджанцев проявляются в таких «остроумных» клише, как, например, «Голова талыша работает после 12 часов ночи», что может быть высказано даже в присутствии талыша. Однако, данная, по сути, пошлость в передаче западных наблюдателей (см. [Clifton, Tiessen, 2018: 14]), звучит якобы как «талыш сходит с ума после 12 часов ночи». Среди азербайджанских элит наблюдается отчетливая пейоративная, с трудом скрываемая неприязнь к талышскому языку. Талышский акцент в тюркской речи вызывает, как правило, ироничные нотки или колкие замечания – своего рода культурную стигматизацию.

как в самом Талышистане, так и в диаспоре (прежде всего в России) во время свадеб и празднеств, тосты произносились исключительно на азербайджанском языке, если среди гостей присутствовал хотя бы один азербайджанец. Ныне же ситуация в корне меняется: на талышских свадьбах и других празднествах считается признаком хорошего тона произносить тосты исключительно на родном языке даже в присутствии азербайджанцев, ограничиваясь лишь дежурным кратким переводом на азербайджанский в конце произнесения тоста, да и то не во всех случаях. Во время свадеб особой популярностью пользуется песня с рефреном, повторяемым всеми присутствующими *сə šīna tōləša zəvōn* («как сладок талышский язык»). Вообще проблема *ина зывони*, «материнского языка», – один из актуальных элементов в общеталышском дискурсе в современном талышском обществе в Азербайджанской Республики.

Кроме того, если раньше на надгробиях писали исключительно азербайджанские версии имен усопших, например, *Вугар Аббас-оглы*, то есть «Вугар, сын Аббаса» или *Фатма Аббас-гызы*, то есть «Фатма, дочь Аббаса», то теперь пишут *Вугар Аббаси-зоа* или *Фатма Аббаси-кина*, с тем же значением, но на талышском. Даже декламация *марсия*, религиозных песен в траурные дни Ашуры, раньше исключительно на азербайджанском языке, ныне проводится в основном на талышском. Кстати, абсолютное большинство служителей культа в Азербайджанской республике во главе с Аллахшукюром Пашазаде – этнические талыши или таты.

Роль русского языка среди талышского населения Азербайджанской Республики довольно незначительна, и его влияние ограничивается лишь виртуальной сферой (социальные сети, видеоигры и т.д.) (см. [Clifton, 2005: 15]), а также просмотром телевизионного и интернет-контента. Тем не менее, часть талышей, особенно те, которые имеют связи с Россией, неплохо владеют русским языком. В любом случае, русский не является языком живого общения среди талышей.

4.2 Социолингвистическая ситуация в приложении к талышскому языку в Южном Талыше, Иран

По сравнению с Северным Талышистаном, южная часть талышского языкового континуума отличается разнообразием не только в плане сосуществования отдельных языковых систем, но и в диалектном отношении. На абстрактном уровне языковой расклад талышского населения в Иране может быть представлен как конкатенация двух рядов трёхязычия. Наряду с родным языком, талыши свободно владеют персидским –

государственным языком страны, а также, в зависимости от географии, либо местным тюркским диалектом – на севере, либо соседствующим иранским языком, гиляки – на юге. В целом вырисовывается следующая картина:³⁵ непосредственно к югу от Астары, например, в Намине и Парсабаде наблюдается талышско-персидско-тюркское трёхязычие, которое постепенно, по мере движения на юг, переходит в талышско-персидско-гилянский трилингвализм. Распространение тюркских диалектов в северных областях иранского Талыша во второй половине XX вв. является результатом миграций тюркоговорящих потоков с западной части страны [Asatrian, Borjjan, 2005: 52], обусловленных преимущественно экономическими причинами. Тем не менее, в городских центрах, расположенных на главной коммерческой магистрали, таких как Астара и Хаштпар, тюркская речь уже постепенно исчезает, персидский язык заметно берет верх, оживляется и талышский, позиции которого довольно прочны в сельских районах. Согласно сообщениям участников опроса в Визне (19 км. к югу от Астары), процент тюркоговорящих составлял примерно 10%, в то время как около 90 % говорило на талышском [Paul, 2011: 319]. Следует также учитывать фактор выраженной антипатии местных талышей (преимущественно среди представителей младшего и среднего возраста) к тюркской речи в некоторых местностях, таких как центральный Анбаран близ Ардабиля (см. [Paul, 2011: 319]).

Касательно языковой картины южных областей, начиная от Асалема, влияние тюркского языка начинает ослабевать [Bazin, 1975], и далее к югу, до Фумана, талышский сохраняет довольно сильные позиции в талышско-гилянско-персидском трёхязычном континууме. Проникновение гилянского в талышскую языковую среду особенно ощутимо на равнинах Фумана. Это промежуточная зона, где довольно смешанный талышский язык существует бок о бок с гилянским [‘Abdoli, 2001: 31–33].

Распространение гилянского языка имеет очаговый характер и в основном обусловлено экономическими факторами. Среди населения (преимущественно мужского), имеющего тесные торговые отношения с носителями гилянского языка, обнаруживается довольно высокий уровень владения этим языком, однако в других областях на более доминантных позициях находится персидский язык. Последний преобладает практически во всех

³⁵ В дополнении к исследованиям, посвященным социалингвистике талышского [Asatrian, Borjjan, 2005: 52–62; Clifton et al., 2005; Paul, 2011], наши выводы основаны на материалах, собранных в ходе серии регулярных этнографических и социалингвистических экспедиций в Северный Иран, которые проводились группой иранистов из Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета в Ереване.

возрастных группах, и лишь у небольшого количества среди пожилых людей могут возникнуть сложности при общении на нем.

Смешанное кодирование (code mixing) в контексте талышско-персидского двуязычия проявляется еще в самом раннем детстве, так как ребенок из талышской семьи с рождения начинает осваивать талышский и персидский языки одновременно. Таким образом, среди детей дошкольного возраста преобладает одновременное двуязычие [De Houwer, 2005], которое с течением времени перерастает в разновидность двуязычия, где преобладает национальный язык. Среди прочего, обусловлено это и тем, что подавляющее большинство родителей общается с детьми на персидском языке, опасаясь, что в противном случае они могут вырасти и говорить с выраженным талышским акцентом [Paul, 2011: 320], хотя в Иране, в отличие от Азербайджанской Республики, «талышский акцент» не является сколько-нибудь предосудительным и уж тем более – признаком невежества. На последующих этапах жизни персидский как язык формального образования,³⁶ а также язык культуры и администрации, постепенно вытесняет талышский, который в конечном итоге остается языком неформального общения в кругу семьи и в общине.³⁷ И тем не менее, несмотря на интенсивное воздействие персидского языка, в неформальном формате талышский сохраняет устойчивые позиции, что объясняется, во-первых, самобытностью языковой системы талышского языка, контрастирующей с языковой системой персидского, и, во-вторых, *a fortiori*, экстралингвистическими факторами – высоким уровнем самосознания талышей как отдельной этноязыковой общности.

В дополнение к вышесказанному необходимо подчеркнуть, что в отличие от Азербайджана, в Иране талышская речь не подвержена стигматизации (см., например, [García, 1992: 76–77]) со стороны носителей персидского языка, а воспринимается исключительно в позитивном ключе, даже как своего рода культурное преимущество, обусловленное знанием разных языков.

³⁶ О двуязычии школьников в Иране см. [Hameedy, 2004].

³⁷ В Анбаране Д. Полом засвидетельствован интересный случай двуязычной интеракции у группы мальчиков-подростков, которые, хотя и утверждали, что дома и между собой говорят только на талышском языке, обычно отвечали родителям на персидском, даже если те говорили с ними на талышском [Paul, 2011: 320].

ЛИТЕРАТУРА

- Абосзода Ф. (2015) Мы ведем исследование о реальной численности талышей в Азербайджане // *Panorama.am*, 31.01.2015. Режим доступа: <https://www.panorama.am/ru/news/2015/01/31/azerbaijan-aboszoda/122468>. Дата обращения: 05.09.2024.
- Асатрян Г.С. (1998) Талыши // *Асатрян Г.С. Этюды по иранской этнологии*. Ереван: Кафедра Иранистики ЕГУ. С. 3–12.
- Асатрян Г.С. (ред.) (2011) Введение в историю и культуру талышского народа. Ереван: Ереванский Государственный Университет.
- Виноградова С.П. (1999) Талышский язык // *Языки мира. Иранские языки*. Т. II: Северо-западные иранские языки. М.: Индрик. С. 89106.
- Дьяконов И.М. (1981) К методике исследований по этнической истории («Киммерийцы») // *Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности*. М.: ГРВЛ. С. 90–101.
- Иностранцев К.А.Б. (1909) Сасанидские этюды. СПб: Тип. В.О. Киришбаума. 140 с.
- Марджанян А.А. (2011) Азербайджанская статистика о численности талышей и прочих меньшинств // *Введение в историю и культуру талышского народа*. Ред. Г.С. Асатрян. Ереван: Ереванский Государственный Университет. С. 23–40.
- Миллер Б.В. (1926) Предварительный отчет о поездке в Талыш летом 1925 года. Доклад, читанный на заседании Историко-этнографической секции Общества, 14 сентября 1925 года. Баку: Общество обследования и изучения Азербайджана.
- Миллер Б.В. (1930) Талышские тексты. М.: Ранион. 261 стр.
- Миллер Б.В. (1953) Талышский язык. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР. 267 с.
- Пирейко Л.А. (1966) Талышский язык // *Языки народов СССР. Индоевропейские языки*. М.: Наука. С. 302–322.
- Пирейко Л.А. (1976) Талышско-русский словарь. М.: Русский язык. 352 с.
- Пирейко Л.А. (1991) Талышский язык и диалекты тати Ирана // *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки*. Т. 5. М.: Наука. С. 91–175.
- ‘Abdoli, ‘Ali (2001) *Farhang-e taṭbīqī-e Tāleši-Tātī-Āzarī*. Tehran.
- Arakelova, V. (2022) The Talishis on opposite banks of the Araxes river: identity issues // *Iran and the Caucasus*, 26(4), pp. 407–417.
- Arakelova, V. (2024) The Talishis: An Iranian people divided by the Araxes // *Kulturní studia / Cultural Studies*, 1, pp. 51–70. Praha-Suchdol, Czech Republic.
- Arakelova, V., Omid, P. (2006) *Phallic Objects from Ardabil* // *Iran and the Caucasus*, 10(2), pp. 32–39. Yerevan: Brill.
- Amīryān, R. (2005) *Gūyeš-e tāleši-ye Anbarān*. Tehran.
- Asatrian, G. (1995) Dimlī // *Encyclopædia Iranica*. Ed. by E. Yarshater, VI (4), pp. 405–411.
- Asatrian, G. (2022) The Survival of an Ancient Term in Talishi // *Iran and the Caucasus*, 26(3), pp. 267–271.
- Asatrian, G. (2022) *Etymological Dictionary of Persian*. Leiden: Brill (Forthcoming).
- Asatrian, G., Borjian, H. (2005) Talish and the Talishis (The State of Research) // *Iran and the Caucasus*, 9(1), pp. 43–72.
- Asatrian, G., Hakobian, G. (2018) On -d- > -l- and -š- > -l- in Western New Iranian // *Iran and the Caucasus*, 22, pp. 297–307.
- Bazin, M. (1975) Le Tālech et les tālechi: Ethnic et region dans le nord-ouest de l’Iran // *Bulletin de l’Association de Geographes Français*, no. 417–418 (1974), pp. 161–170; transl. by Sirus Shamisa: “Tāleš o sākenān-e ān” // *Majalle-ye Dāneškade-ye adabīyyāt o ‘olum-e ensānī-e Dānešgāh-e Ferdowsī*, 11(3), 1354(1975), pp. 383–401.
- Bazin, M. (1980) *Le Tālech: une région ethnique au nord de l’Iran*. 2 vols. Paris.

- Bazin, M. (1981) Quelques échantillons des variations dialectales du tâleši // *Studia Iranica*, 10, pp. 111–124, 269–277.
- Clifton, J., Tiessen, C., Dechinga, G., Lucht, L. (2005) *Sociolinguistic situation of the Talysh in Azerbaijan*. London.
- Clifton, J. (2009) Do the Talysh and Tat languages have a future in Azerbaijan? // *Work Papers of the Summer Institute of Linguistics*, 49, Article 2. North Dakota. Available at: <https://commons.und.edu/sil-work-papers/vol49/iss1/2> (Access date: 10.08.2024).
- Clifton, J., Tiessen, C. (2018) Hiding your identity: The case of Talysh // *Language and identity in a multilingual, migrating world*. Dallas: SIL International. Available at: researchgate.net (Access date: 15.08.2024).
- De Houwer, A. (2005) Early bilingual acquisition: Focus on morphosyntax and the separate development hypothesis // *Handbook of bilingualism: Psycholinguistic approaches* / eds. J.F. Kroll, A.M. de Groot. New York: Oxford University Press. C. 30–48.
- Garcia, E.E. (1992) "Hispanic" children: Theoretical, empirical, and related policy issues // *Educational Psychology Review*, 4, pp. 69–94.
- Gordon, R.G. Jr. (ред.) (2005) *Ethnologue: Languages of the World*. 15th ed. Dallas, TX: SIL International.
- Grimes, B. (2002) *Ethnologue: languages of the world*, 14th ed. Dallas: Summer Institute of Linguistics.
- Hajatpour, H. (2004) *Taleshi language: Xošābari dialect*. Rašt.
- Hakobyan, G.G. (2022) *The Iranian Caspian-Aturpatakan Sprachbund*. Thesis for the PhD degree of Philological Sciences. Yerevan.
- Hameedy, M.A. (2004) Bilinguality of home and school in Iran: Conditions and consequences as showcased in PIRLS // Доклад на 1-й Международной исследовательской конференции IEA. Lefkosia, Cyprus.
- Hoffman, Ch. (2014) *An Introduction to Bilingualism*. London – New York: Longman.
- Kirakosyan, H. (2003) Soxani darbāre-ye zabān-e kohan-e Azarbāyjan // *Back to Erānšahr: Festschrift for Garnik Asatrian on the Occasion of his 50th Birthday*. Yerevan. C. 35–39.
- Kirakosyan, H. (2004) *Azarin, Atrpatakanī hin lezun [Azari, the ancient language of Aturpatakan]* (PhD dissertation). Dept. of Iranian Studies, Yerevan State University.
- Lazard, G. (1978) Le dialecte tâleši de Māsule (Gilān) // *Studia Iranica*, 7(2), pp. 251–268.
- Lecoq, P. (1989) Les dialectes caspiens et les dialectes du nord-ouest de l'Iran // *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden. C. 296–312.
- Liddicoat, A.J. (1991) *Bilingualism: An introduction*. Melbourne: Bilingualism and Bilingual Education.
- Nawata, T. (1982) The Masal Dialect of Talishi // *Acta Iranica*, 22. Leiden. pp. 93–117.
- Paul, D. (2011) *A Comparative Dialectal Description of Iranian Taleshi*. Thesis for the degree of PhD in the Faculty of Humanities. University of Manchester.
- Reichelt, H. (1927) Iranisch // *Die Erforschung der indogermanischen Sprachen*. Bd. 4, 2. Hälfte. Berlin–Leipzig. C. 1–84.
- Schmidt, M.G. (1999) *Die Nebenüberlieferungen des 6. Buchs der Geographie des Ptolemaios. Griechische, lateinische, syrische, armenische und arabische Texte*. Wiesbaden.
- Schulze, W. (2000) *Northern Talysh*. Munich.
- Tiessen, C. (2003) *Positive Orientation Towards the Vernacular among the Talysh of Sumgayit*. M.A. thesis. North Dakota.
- Yarshater, E. (1959) The dialect of Shāhrud (Khalkhāl) // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 22(1), pp. 52–68.

REFERENCES

- ‘Abdoli, ‘Ali (2001) *Farhang-e taṭbīqī-e Tāleši-Tāti-Āzarī* [Comparative dictionary of Tāleši-Tāti-Āzarī]. Tehran. (In Persian).
- Aboszoda, F. (2015) My vedem issledovaniye o real'noy chislennosti talyshy v Azerbaydzhane [We are conducting a study on the real number of Talysh in Azerbaijan]. *Panorama.am*, 31 January. Available at: <https://www.panorama.am/ru/news/2015/01/31/azerbaijan-aboszoda/122468>. Access date: 5.09.2024 (In Russian).
- Amīryān, R. (2005) *Gūyeš-e tāleši-ye Anbarān* [Tāleši Dialect of Anbarān]. Tehran (In Persian).
- Arakelova, V. (2022) The Talishis on Opposite Banks of the Araxes River: Identity Issues. *Iran and the Caucasus*, 26(4), Yerevan: Brill, pp. 407–417.
- Arakelova, V. (2024) The Talishis: An Iranian people divided by the Araxes. *Kulturní studia*, № 1, pp. 51–70.
- Arakelova, V. and Omid, P. (2006) Phallic Objects from Ardabil. *Iran and the Caucasus*, № 10(2), Yerevan: Brill, pp. 32–39.
- Asatrian, G. (1995) Dimlī. In: E. Yarshater (ed.) *Encyclopædia Iranica*, VI (4), pp. 405–411.
- Asatrian, G.S. (1998) Talyshi [Talysh people]. In: G.S. Asatrian, *Etyudy po iranskoj etnologii*. Yerevan, pp. 3–12. (In Russian).
- Asatrian, G.S. (ed.) (2011) *Vvedeniye v istoriyu i kul'turu talyshskogo naroda* [Introduction to the history and culture of the Talysh people]. Yerevan: Yerevan State University (In Russian).
- Asatrian, G. (2022) The Survival of an Ancient Term in Talishi. *Iran and the Caucasus*, 26 (3), pp. 267–271.
- Asatrian, G. (2022) Etymological Dictionary of Persian. Leiden: Brill (Forthcoming).
- Asatrian, G. and Borjian, H. (2005) Talish and the Talishis (The state of research). *Iran and the Caucasus*, 9(1), pp. 43–72.
- Asatrian, G. and Hakobian, G. (2018) On -d- > -l- and -š- > -l- in Western New Iranian. *Iran and the Caucasus*, 22, pp. 297–307.
- Bazin, M. (1975) Le Tālech et les tālechi: Ethnic et région dans le nord-ouest de l’Iran [The Talesh and the Taleshis: Ethnic and regional in Northwest Iran]. *Bulletin de l’Association de Géographes Français*, 417–418 (1974), pp. 161–170; translated into Persian by Sirus Shamisa as “Tāleš o sākenān-e ān”, *Majalle-ye Dāneškade-ye Adabīyyāt o ‘Olum-e Ensānī-e Dānešgāh-e Ferdowsī*, 11(3), pp. 383–401 (In Persian/French).
- Bazin, M. (1980) *Le Tālech: une région ethnique au nord de l’Iran* [Talesh: an ethnic region in northern Iran]. 2 vols. Paris (In French).
- Bazin, M. (1981) Quelques échantillons des variations dialectales du tāleši [Some samples of dialectal variations of Tāleši]. *Studia Iranica*, 10, pp. 111–124, 269–277 (In French).
- Clifton, J. (2009) Do the Talysh and Tat languages have a future in Azerbaijan? *Work papers of the Summer Institute of Linguistics*, 49, Article 2. North Dakota. Available at: <https://commons.und.edu/sil-work-papers/vol49/iss1/2>. Access date: 10.08.2024.
- Clifton, J., Tiessen, C., Dechinga, G. and Lucht, L. (2005) Sociolinguistic situation of the Talysh in Azerbaijan. London. Available at: <https://www.researchgate.net>. Access date: 10.08.2024.
- Clifton, J. and Tiessen, C. (2018) Hiding your identity: The case of Talysh. In: *Language and identity in a multilingual, migrating world*. Dallas: SIL International. Available at: <https://www.researchgate.net>. Access date: 15.08.2024.
- De Houwer, A. (2005) Early bilingual acquisition: Focus on morphosyntax and the separate development hypothesis. In: Kroll, J.F. and de Groot, A.M. (eds.). *Handbook of Bilingualism: Psycholinguistic Approaches*. New York: Oxford University Press, pp. 30–48.

- Dyakonov, I.M. (1981) K metodike issledovaniy po etnicheskoy istorii ("Kimmeriytsy") [On the Methodology of research on ethnic history ("Cimmerians")]. In: *Etnicheskiye problemy istorii Tsentral'noy Azii v drevnosti*. Moscow: GRVL, pp. 90–101 (In Russian).
- Garcia, E.E. (1992) "Hispanic" children: Theoretical, empirical, and related policy issues. *Educational Psychology Review*, № 4, pp. 69–94.
- Gordon, R.G., Jr. (ed.) (2005) *Ethnologue: Languages of the world*. 15th ed. Dallas, TX: SIL International.
- Grimes, B. (2002) *Ethnologue: languages of the world*, 14th ed. Dallas: Summer Institute of Linguistics.
- Hajatpour, H. (2004) *Taleshi language: Xošābari dialect*. Rašt. (In Persian).
- Hakobyan, G.G. (2022) The Iranian Caspian-Aturpatakan Sprachbund. PhD thesis, Yerevan. (In Armenian).
- Hameedy, M.A. (2004) Bilinguality of home and school in Iran: Conditions and consequences as showcased in PIRLS. Paper presented at the 1st IEA International Research Conference, Lefkosia, Cyprus.
- Hoffman, Ch. (2014) *An Introduction to Bilingualism*. London and New York: Longman.
- Inostrantsev, K.A.B. (1909) *Sasanidskiye etyudy* [Sassanid studies]. St. Petersburg (In Russian).
- Kirakosyan, H. (2003) Soxani darbāre-ye zabān-e kohan-e Āzarbāyjān [*A note on ancient language of Azarbayjan*]. In: Back to Erānšahr. *Festschrift for Garnik Asatrian on the Occasion of his 50th Birthday*. Yerevan, pp. 35–39 (In Persian).
- Kirakosyan, H. (2004) Azarin, Atrpatakani hin lezun [Azari, the ancient language of Aturpatakan]. PhD dissertation, Department of Iranian Studies, Yerevan State University (In Armenian).
- Lazard, G. (1978) Le dialecte tâleši de Māsule (Gilān) [*The Tāleši dialect of Masule (Gilān)*]. *Studia Iranica*, 7(2), pp. 251–268 (In French).
- Lecoq, P. (1989) Les dialectes caspiens et les dialectes du nord-ouest de l'Iran [*Caspian dialects and dialects of northwestern Iran*]. In: *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden: Dr. Reichert, pp. 296–312 (In French).
- Liddicoat, A.J. (1991) *Bilingualism: an Introduction*. Melbourne: Bilingualism and Bilingual Education.
- Mardzhanyan, A.A. (2011) Azerbaydzhanskaya statistika o chislennosti talyshy i prochikh men'shinstv [Azerbaijani statistics on the number of Talysh and other minorities]. In: G.S. Asatrian (ed.) *Vvedeniye v istoriyu i kul'turu talyshskogo naroda*. Yerevan: Yerevan State University, pp. 23–40 (In Russian).
- Miller, B.V. (1926) *Predvaritel'nyy otchet o poyezdke v Talysh letom 1925 goda* [*Preliminary report on a trip to Talysh in the summer of 1925*]. Doklad, zachitanny na zasedanii Istoriko-Etnograficheskoy Sektsii Obshchestva, 14 September. Baku (In Russian).
- Miller, B.V. (1930) *Talyshskiye teksty* [*Talysh texts*]. Moscow: Ranion (In Russian).
- Miller, B.V. (1953) *Talyshskiy yazyk* [*The Talysh language*]. Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences (In Russian).
- Nawata, T. (1982) The Masal dialect of Talishi. *Acta Iranica*, 22. Leiden, pp. 93–117.
- Paul, D. (2011) A Comparative Dialectal Description of Iranian Taleshi. PhD thesis, University of Manchester, Faculty of Humanities.
- Pireyko, L.A. (1966) Talyshskiy yazyk [The Talysh language]. In: *Yazyki narodov SSSR. Indoyevropeyskiye yazyki*. Moscow: Nauka, pp. 302–322 (In Russian).
- Pireyko, L.A. (1976) Talyshsko-russkiy slovar' [Talysh-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk (In Russian).

- Pireyko, L.A. (1991) Talyshskiy yazyk. Dialekty tati Irana [The Talysh language. Tati dialects of Iran]. In: *Osnovy iranskogo yazykoznaneya. Novoiranskiye yazyki*, 5. Moscow, pp. 91–175 (In Russian).
- Reichelt, H. (1927) Iranisch. *Die Erforschung der indogermanischen Sprachen*, 4(2). Berlin–Leipzig, pp. 1–84 (In German).
- Schmidt, M.G. (1999) *Die Nebenüberlieferungen des 6. Buchs der Geographie des Ptolemaios. Griechische, lateinische, syrische, armenische und arabische Texte* [The Side-tradition of Ptolemy's Geography. Book 6. Greek, Latin, Syriac, Armenian, and Arabic Texts]. Wiesbaden: Reichert (In German)
- Schulze, W. (2000) *Northern Talysh*. Munich: LINCOM Europa.
- Tiessen, C. (2003) Positive orientation towards the vernacular among the Talysh of Sumgayit. M.A. thesis, North Dakota.
- Vinogradova, S.P. (1999) Talyshskiy yazyk [The Talysh language]. In: *Yazyki mira. Iranskiye yazyki. II. Severo-zapadnyye iranskiye yazyki*. Moscow: Indrik, pp. 89–106 (In Russian).
- Yarshater, E. (1959) The dialect of Shāhrud (Khalkhāl). *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 22(1), pp. 52–68.

Асатрян Гарник Серобович – доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения, Российско-Армянский университет.

Адрес: 0051, Армения, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, д. 123.

Эл. адрес: garnikasatryan@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-6171-7481>

Айрапетянц Ален Артурович – научный сотрудник, Институт востоковедения, Российско-Армянский университет.

Адрес: 0051, Армения, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, д. 123.

Эл. адрес: a.hayrapetyants@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0007-9225-9085>

Garnik S. Asatryan – DSc (Philology), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian-Armenian University.

Address: Hovsep Emin St., h. 123, Yerevan, 0051, Republic of Armenia.

E-mail: garnikasatryan@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-6171-7481>

Alen A. Hayrapetyants – Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian-Armenian University.

Address: Hovsep Emin St., h. 123, Yerevan, 0051, Republic of Armenia.

E-mail: a.hayrapetyants@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0007-9225-9085>

Для цитирования: Асатрян Г.С., Айрапетянц А.А. Талышский язык по обе стороны Аракса // Социолнгвистика. 2025. № 2 (22). С. 64–84. DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-64-84

For citation: *Asatrian G.S., Hayrapetyants A.A. Talysh language on both sides of the Araxes River // Sociolinguistika. 2025. No. 2 (22). pp. 64–84. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-64-84*

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 18.12.2024;
approved after reviewing 29.05.2025;
accepted for publication 03.06.2025.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА
LANGUAGE POLICY<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-85-104>К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ В
РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

УДК 811.222.8

Хусрав Д. Шамбезода
Российско-Таджикский
(Славянский) университет,
Душанбе, Республика
Таджикистан

Аннотация

Таджикский язык всегда занимал особое место в Таджикистане. Его статус был предметом озабоченности в обществе особенно на протяжении двух последних столетий. Поскольку языковая политика в периоды социальных перемен попадает в центр государственных и общественных интересов, связанных с переустройством жизни социума, распад Советского Союза привел к новому функциональному распределению языков, выдвижению на первые позиции национальных языков и наделение их более высоким статусом и объемом общественных функций. Уже в составе Советского Союза Таджикистан стал первой республикой, которая приняла 22 июля 1989 года Закон «О языке». В период независимого развития 5 октября 2009 года был принят Закон Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан».

В статье предпринята попытка проанализировать влияние закона о государственном таджикском языке на укрепление его статуса и расширение его общественных функций, а также на развитие таджикского литературного языка и его терминологии. Рассмотрены отдельные вопросы языкового планирования и работы специальных органов, в задачи которых входит претворение в жизнь политики государства и регулирование правовых норм, касающихся государственного языка, а также разработка основных направлений работы над языком.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая политика, закон о языке, функциональное развитие, внутривидовое развитие, таджикский государственный литературный язык

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Хусрав Д. Шамбезода, 2025

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-85-104>

ON THE ISSUE OF THE STATE LANGUAGE AND LANGUAGE POLICY IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

UDC 811.222.8

Khusrav D. Shambezoda

Russian-Tajik (Slavonic)
university,
Dushanbe, Republic of
Tajikistan

Abstract

The Tajik language has historically held a distinctive and central place in Tajik society. Over the past two centuries, its status has been a subject of sustained public and institutional concern, particularly in socially significant domains. Language policy often becomes a focal point during periods of social transformation, as it is closely tied to the reorganization of public life. Following the dissolution of the Soviet Union, a new functional distribution of languages emerged, leading to the promotion of national languages, the elevation of their status, and the expansion of their roles in public life.

Notably, even during the Soviet era, Tajikistan distinguished itself as the first republic to adopt a language law – the Law “On Language” on July 22, 1989. In the post-independence period, this commitment was reaffirmed with the adoption of the Law of the Republic of Tajikistan “On the State Language of the Republic of Tajikistan” on October 5, 2009.

This paper seeks to examine the influence of these legislative acts on the expansion of the public functions of the Tajik language, the enhancement of its status, and the development of the modern Tajik literary language. Particular attention is paid to intra-linguistic structural changes, including lexical innovation and terminology development.

The study addresses particular issues of language policy and planning, such as the role and usage of the national language functioning within Tajikistan, especially in key sectors of education and the media. It also considers the institutional framework responsible for implementing state language policy, regulating legal norms related to the state language, and formulating strategic directions for linguistic development.

KEYWORDS: language policy, language law, functional development, intra-structural development, Tajik state literary language

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Khusrav J. Shambezoda, 2025

1 | Введение

1.1 Цели, задачи и материалы исследования

В статье анализируются языковая ситуация и языковая политика в Республике Таджикистан, статус и функционирование государственного таджикского языка в Республике Таджикистан, языковая идентичность носителей таджикского языка. Эти аспекты стали определяющими в языковом конфликте в Таджикистане в конце XX в. При анализе использованы помимо научных работ официальные документальные источники (законы, правительственные указы и др.), а также многолетние наблюдения автора за языковой ситуацией в Таджикистане и Центральной Азии.

1.2 Понятийный аппарат концептуального поля «языковая политика» и «языковое планирование»

Языковая политика понимается как «меры законодательных органов государства в сфере использования титульного языка, его нормативного обеспечения и поддержки и их реализация исполнительными органами» [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 265]. В.И. Беликов и Л.П. Крысин подчеркивают, что «языковая политика – это практические меры государства, касающиеся статуса государственного языка, его функций, защиты монопольного использования государственного языка в наиболее важных социальных сферах, регламентации применения местных языков» [Беликов, Крысин, 2001: 263].

Принимая во внимание данные дефиниции, в статье мы придерживаемся понимания языковой политики и языкового планирования как совокупности аспектов: 1) установление статуса языка на социальном уровне на основе политических, законодательных и административных мер; 2) кодификация языка на основе нормативных документов, языкового стандарта и нормы; 3) выработка языковой стратегии в образовании и 4) формирование престижного имиджа государства (меры по повышению престижа в том числе международного) и его титульного языка посредством продвижения последнего [Ян, Чжан, 2023: 228]. В статье представлен краткий обзор реализации указанных аспектов на примере языковой политики Таджикистана.

1.3 Функциональное развитие таджикского языка в Республике Таджикистан в диахронии

Языковая политика 1920–1930-х гг. отражала изменения общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни советского государства, эти изменения отразились и на языковой жизни народов страны. Указанный исторический период отмечен активным развитием таджикского литературного языка, расширением его функций, а также реформами его письменности. Именно тогда для таджикского языка (наряду с другими языками СССР) «вместо персидской графики был разработан и введен алфавит на основе латиницы», и до 1940 года работа по развитию языка велась на ее основе. Одновременно велась работа лингвистов по сближению языка народа и языка средств массовой информации, формировалась новая таджикская литература и ее язык. Этим процессом руководил Садриддин Айни – основоположник таджикской литературы, ученый, общественный деятель и первый руководитель академического учреждения Таджикской ССР (1951–1954 гг.). Он же создал один из первых словарей таджикского языка [Айни, 1976].

В 1940 году в СССР было принято решение перейти на кириллицу, которая и сегодня является графической системой таджикского языка. «Во второй половине XX века национальные языки были вытеснены из коммуникативной сферы и заменены русским языком, что снизило их престиж в сознании носителей и отразилось на структурном развитии, терминологии и стилистике» [Баскаков, Насырова, Давлатназаров, 2005: 15], эти причины негативно сказались на стандартизации таджикского литературного языка [Шамбезода, 2007а]. Однако в 1990-е годы Таджикистан занял иную позицию в языковой политике и началось активное функциональное развитие государственного таджикского языка. Были заново разработаны основы литературного таджикского языка, этому способствовала и смена диалектной базы.

В конце XX в. в условиях существования в постсоветских государствах полиэтничных сообществ, возникла актуальная задача исследования взаимосвязи социальных и языковых процессов в новых общественных условиях, выработки рекомендаций по формированию и реализации национальной языковой политики, отвечающей интересам новых государственных образований. «Релевантными факторами общественно-политической системы национально-территориальной общности при этом являются политико-административный статус, уровень развитости социоэкономической и социокультурной инфраструктур, демографические особенности населения и социолингвистические

особенности ареала, а также национально-государственная политика» [Баскаков, Насырова, Давлатназаров, 1995: 4]. В последнее десятилетие XX века в общественной жизни Республики Таджикистан также произошли кардинальные изменения в общественно-политическом строе и экономическом укладе. Новое государственное устройство Республики Таджикистан изменило и языковую ситуацию в стране, изменилась функциональная дистрибуция языков, их статус и роль в социуме.

Как известно, «национальный идеал требует, чтобы существовал единый языковой код, посредством которого может осуществляться подобная коммуникация и который способствует внутренней сплоченности» [Хауген, 2012: 105]. Той же логике следуют С.А. Белов и Н.М. Кропачев, которые считают, что «основная цель установления государственного языка – это обеспечение общественного единства в пределах конкретного государства, единства страны, единства политической нации. Все выстраивается с опорой национального единства на общность языка, культуры и ценностей» [Белов, Кропачев, 2020: 6]. Данный подход в основе современной языковой политики в Таджикистане. На первый план выдвинут вопрос о развитии таджикского языка. «Диапазон возможностей при выборе “правильной” языковой политики в этот период был весьма широк, специфика реализации языковой политики еще больше расширяла потенциальный выбор» [Iskandarova, Ladygina, Shambezoda, 2017: 172]. В этот период расширению сферы применения таджикского языка способствовали как государственные структуры, так и общественные организации при активном участии национальной интеллигенции, что оказало влияние на функциональное и отчасти внутривидовое развитие таджикского языка. Сегодня таджикский язык является государственным языком Республики Таджикистан, «таджикский язык используется как государственный язык всего населения, как язык регионального общения между этническими меньшинствами, как средство общения между таджиками и тюркоязычными и другими народами»³⁸ [Шамбезода, 2007a]. «Русский язык при сокращении русскоязычного населения в целом продолжает использоваться в ряде случаев как язык межнационального общения», данный статус закреплён в Конституции Республики Таджикистан [См.: Конституция, Ст. 2.]³⁹.

³⁸ На территории республики проживают украинцы, белорусы, корейцы, татары (причисляемые к категории русскоязычного населения), а также тюркоязычное население. Численность узбекского населения, разбросанного по всей территории Республики Таджикистан, – 13 % (в советский период более 20 %); в Мургабском и Лахшском (до 2016 – Джиргитальский) районах компактно проживают кыргызы, в Хатлонской области – туркмены. В Таджикистане живут также небольшие арабоязычные и индоязычные (индоарийские) и другие этнические группы, которые находятся в процессе перехода на таджикский язык.

³⁹ По закону о языке 1989 г. русский был признан языком межнационального общения [Закон, 1989], однако закон 2009 г. не предусматривал за русским языком такого статуса, хотя он сохранялся в Конституции. В июне

В ходе интеграционных процессов у большинства нетаджикоязычного населения Таджикистан проявляется потребность во втором языке, что ведет к возникновению аксиоматического двуязычия» (термин предложен и введен нами – Ш.Х.) [Шамбезода, 2007б].

Отметим ситуацию с памирскими народностями, которые проживают в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан и насчитывают в общей сложности не более 270 тысяч человек. Однако территория Горно-Бадахшанской автономной области занимает 45 % территории республики. Население здесь говорит на разных языках и диалектах, которые принято объединять единым названием – памирские языки. В данном случае влияние русского языка и культуры поддерживает витальность родных языков и позволяет им противостоять ассимиляционным процессам и воздействию таджикского окружения. Подобная нейтрализация ассимилятивных процессов объясняется тем, что малые народы Памира и их языки находятся в пространстве двух функционально активных языков и культур. Учитывая, что «однополярное двуязычие – в отличие от биполярного – обладает большей силой воздействия на ассимилятивные процессы, можно считать, что именно многоязычие способствует сохранению здесь родных языков [Шамбезода, 2019б]⁴⁰.

2 | Языковая политика Таджикистана

2.1 Понятие «государственный язык»

Понятие «государственный язык» претерпело изменения по сравнению с постсоветским периодом, так как в советское время понятие носило классовый характер. Существуют различные подходы к определению понятия «государственный язык». Например, «язык, использование которого законодательно предписано в официальных сферах общения» [Краткий этнологический словарь, 1994: 98; Шамбезода, 2019а], или «язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной, экономической и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства. Язык государственно-административных текстов, законов, распоряжений, обучения, массовой информации и др.» [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 47].

2011 г. был принят закон, вернувший русскому языку статус «языка межнационального общения» и использование его в законодательной деятельности и нормативных документах.

⁴⁰ Сходные процессы отмечены на примере языков Дагестана. Явление полилингвизма широко распространено среди агулов, ахвахцев, рутульцев и др. малых народов Дагестана (Алексеев, 2002: 20, 38; Мерданова, Гасанова, 1997; Ибрагимов, 2001: 493–494) [Шамбезода, 2007а; 2007б].

При этом исследователь Шелютто подчеркивает, что «государственный язык устанавливается законом, берется государством под защиту и применяется в качестве официального языка, т.е. употребляется в законодательстве, делопроизводстве госаппарата, судопроизводстве. Это и язык обучения в учебных заведениях, язык, который преимущественно используется на телевидении и радио, в издании газет и журналов» [Шелютто, 1990: 11]. Такое определение, исходящее из перечисления функций, дает возможность глубже осмыслить данный термин и выделить закрепленные за государственным языком социальные функции – применение в административно-деловом общении, образовании и науке, средствах массовой коммуникации и т.д.

Перспективной представляется интерпретация С.А. Белова и Н.М. Кропачева, которые различают такие аспекты как «государственный», то есть наделенный правовым статусом, и «стандартный» литературный язык, обеспечивающий коммуникацию представителей разных языковых сообществ [Белов, Кропачев, 2020]. Они подчеркивают, что «государственный – это правовой статус, придаваемый определенному языку в целях обеспечения единства государства (как политической нации), создания единого общественного коммуникативного и культурного пространства вместе с установлением формализованных правил, соблюдение которых обязательно в сферах, нормативно определенных и в совокупности формирующих публичное пространство общественной коммуникации» [Белов, Кропачев, 2020: 4–5]. Для нас особенно важно, что здесь подчеркивается, что «функции обеспечения общего коммуникативного пространства государственный язык выполняет, обращаясь к лингвистической категории “стандартного” (литературного) языка, исходя из того, что именно эта часть национального (в лингвистическом значении) языка может обеспечить эффективную коммуникацию между представителями разных языковых сообществ» [Белов, Кропачев, 2020: 4–5].

Именно в этих направлениях ведется активная работа с государственным таджикским языком в Республике Таджикистан, чему способствует целенаправленное воздействие на язык через систему законодательных актов и государственных программ. В этих целях был создан исполнительный орган – Комитет по языку и терминологии при Правительстве Республики Таджикистан, усилена работа по языковому планированию департаментов Национальной академии наук Таджикистана, высших образовательных учреждений Таджикистана и др. Начата разработка специальных направлений при университетских кафедрах таджикской филологии с обучением педагогов родного (таджикского) языка и литературы и журналистов,

пишущих по-таджикски. Этому способствуют усилия в области образования на всех уровнях в целом.

2.2 Языковая политика и языковое законодательство в Республике Таджикистан

Реализация мер языковой политики по повышению социального статуса языка, расширению функциональной дистрибуции языка проводится в рамках языкового планирования. Такое сознательное воздействие на язык может иметь как положительный результат, например, создание письменности для бесписьменного языка, нормирование языка и др., с другой стороны, языковая политика имеет возможность ограничивать сферы использования языка и служить сдерживающим фактором его развития [Аврорин, 1975: 176]. В языковой политике Таджикистана на протяжении XX века, в частности, в 1970–1980-е гг. «несмотря на установку на развитие общественных функций таджикского национального языка, не ставились вопросы его внутривидового развития, не развивалась национальная терминология, что обусловило застой в функциональных стилях» [Хашимов, 2003: 81]. Нереализованные общественные функции таджикского языка, как и некоторых языков титульных наций в бывших союзных республиках, стали поводом для выступлений интеллигенции, призывавшей к «восстановлению функций национального языка» или «гармонизации языковых отношений», то есть к приведению их в соответствие с социокультурными потребностями населения [Михальченко, 1995: 195]. Эти настроения наряду с социоэкономической обстановкой привели к этноязыковым конфликтам в Таджикистане и вылились в гражданскую войну [Шамбезода, 2007б].

Закон Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан» принят 5 октября 2009 года⁴¹, устанавливает правовое положение и регламентирует применение таджикского и других функционирующих на территории республики языков, а также обеспечивает правовые гарантии их свободного использования. Закон состоит из 7 глав и 28 статей [Закон, 2009].

Государственным языком Республики Таджикистан является таджикский язык. В статье 3 Закона о государственном языке Республики Таджикистан говорится:

- «1. Государственным языком Республики Таджикистан является таджикский язык.
2. Каждый гражданин Республики Таджикистан обязан знать государственный язык.

⁴¹ Эта дата объявлена в стране Днем Государственного языка.

3. Республика Таджикистан обеспечивает применение, защиту и развитие государственного языка.

4. Органы государственной власти, органы самоуправления поселков и сел, а также юридические лица, независимо от организационно-правовых форм обязаны создавать благоприятные условия для изучения государственного языка и совершенствования его знания работниками.

5. Государственный язык применяется во всех сферах политической, социальной, экономической, научной и культурной жизни Республики Таджикистан.

6. При применении государственного языка обязательно соблюдение положений правил орфографии литературного языка» [Закон, 2009].

Юридический статус таджикского языка подчеркивает то, что он является основой таджикской государственности, основным средством общения на территории Таджикистана. Однако согласно статье 4 «Все нации и народности, проживающие на территории Республики Таджикистан, вправе свободно пользоваться своим родным языком, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Законом» [Закон, 2009].

Согласно Закону Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан» 2009 года, исключительное право предоставлено таджикскому языку в сфере делопроизводства. В органах государственной власти и управления Республики Таджикистан, общественных организациях делопроизводство осуществляется на государственном языке. Нормативные правовые акты высших органов власти Республики Таджикистан издаются на таджикском языке, однако, публикуются в предусмотренных законодательством случаях на других языках [Шамбезода, 2019а].

Таджикский язык является обязательным на всей территории республики как язык официального общения. Как государственный язык таджикский внедрен в работу государственных и общественных учреждений. Статус государственного языка предписывает предпринимать на государственном уровне целенаправленные действия на внутриструктурное развитие языка, расширение практики публичной речи на литературном таджикском языке с соблюдением языковых норм, что влияет на повышение культуры речи в таджикском обществе. Отметим положительную роль сознательного воздействия на язык через языковое законодательство, законодательные акты, государственные программы, реализуемые благодаря деятельности Комитета по языку и терминологии при Правительстве Республики Таджикистан, Национальной академии наук Таджикистана, высших и средних

учебных заведений, Министерства образования и Министерства культуры Республики Таджикистан. Эта деятельность заключается в активной реализации мер по преподаванию таджикского в сфере среднего и высшего образования, усилению подготовки учителей родного (таджикского) языка и преподавателей соответствующих филологических дисциплин, формированию новых языковых компетенций или развитию существующего образовательного опыта. Постоянное внимание в рамках языковой политики уделяется развитию таджикского литературного языка в его устной и письменной формах, развитию его стилистической и терминологической систем (См. подробнее [Шамбезода, 2019а: 168–169]). Ведутся исследования в области разработки таджикской лингвистики и социолингвистики⁴², создаются научные работы⁴³ и учебные материалы по преподаванию таджикского языка для всех образовательных уровней.

Важной, на наш взгляд, представляется регламентация использования функционирующих в республике языков в сфере образования, науки и культуры. В Законе указано, что «обучение в Республике Таджикистан осуществляется на государственном языке». Образовательные учреждения всех уровней образования обязаны создавать условия для изучения государственного языка. Однако образовательная деятельность может вестись и на других языках [Закон 2009, Ст. 8, 9].

Отдельная статья посвящена «средствам массовой информации, которые осуществляют свою деятельность как на государственном, так и на других языках» (Ст. 12), а «ценные бумаги выпускаются только на государственном языке» (Ст. 21) [Закон 2009]. На таджикском языке в Таджикистане издаются более 60 наименований журналов, газет и мультимедийных изданий, около 30 % приходится на русскоязычные СМИ.

Рассмотренная функциональная дистрибуция таджикского языка позволяет сделать вывод, что Закон «О государственном языке Республики Таджикистан» направлен на упрочение позиции таджикского языка в основных сферах общественной жизни, и это способствует стремительному развитию литературной формы таджикского языка. Это несомненно сознательное воздействие государства на функциональное и структурное

⁴² Написаны и защищены кандидатские и докторские диссертации, например, Шукуров Г.Х. Трансформация таджикского литературного языка в период независимости (по материалам газетной лексики). Автореф. на соиск. ученой степ. канд. филол. наук. Душанбе. 2007. 14 с.; Керимова А.А. Современный таджикский литературный язык: Функционирование и развитие. Автореф. на соиск. ученой степ. докт. филол. наук. М.: Институт языкознания, 1997.

⁴³ Например, Шокиров Т.С. «Современный литературный таджикский язык»; Сафаров А.Ш. «Становление и развитие терминологии в современном таджикском литературном языке»; Авезова Б.С. «Влияние русского языка на таджикский»: монография. М.: ФГБОУ ВПО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2021.

развитие таджикского языка. Отметим, что на раннем этапе целенаправленной языковой политики, до активного расширения сфер использования таджикского языка ощущались трудности в связи с недостаточной разработанностью его терминологической системы, в советский период он довольно ограниченно функционировал в области естественных и технических наук, политической и административной сферах, этим проблемам посвящен ряд работ⁴⁴.

2.3 Языковое планирование в сфере образования

Несмотря на то, что сегодня большинство образовательных заведений (средних и высших) в Таджикистане осуществляют образовательную деятельность на государственном таджикском языке, языковая политика Таджикистана нацелена на трехязычие граждан. Функциональная дистрибуция языков компонентов социально-коммуникативной системы Таджикистана согласно их статусу и функциям следующая: таджикский – государственный язык, русский – язык межнационального общения, английский – язык, востребованный глобализацией мировой экономики и повсеместной информатизации⁴⁵.

Русский и английский языки изучаются на всех образовательных уровнях – от дошкольного до высшего и послевузовского образования. И если де-факто эта перспектива принята, нужно уже сейчас ускорить развитие таджикско-русско-английского трехязычия. Подтверждением этому служит изданный Президентом Республики Таджикистан Указ «О совершенствовании преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан»⁴⁶. На основании данного Указа была принята «Государственная программа совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан», которая призвана удовлетворить естественную или социальную потребность таджиков в овладении русским и английским языками, способствует возникновению, развитию и распространению различных типов и форм таджикско-русско-английского многоязычия. Данная Программа реализуется до настоящего времени. Важно отметить, что

⁴⁴ Например, Рахматова М.М. «Проблемы формирования терминологической системы и их исследование в таджикском языке в сравнении с английскими аналогами»; Нуров П.Г. «Таджикская научно-техническая терминология: теоретический и прикладной аспекты»; его же «Способы построения научно-технических терминов в таджикском языке»; Шокиров Т.С. «Формирование и развитие юридических терминов таджикского языка»; Султонов М.Б. «Проблема языка науки в Таджикистане».

⁴⁵ См. об этом также в работах: Нозимов А.А. «Языковая ситуация в современном Таджикистане» (2010); Усмонов Р.А. «Таджикистан: история языковой независимости» (2014) и пр.

⁴⁶ Указ Президента Республики Таджикистан «О совершенствовании преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан» (Душанбе 04.04.03г. №1047).

эта инициатива Президента Республики Таджикистан и Правительства вызвала широкий позитивный общественный резонанс⁴⁷.

Благодаря русскому и английскому языкам жители республики приобщаются к достижениям науки, техники, культуры иранских, славянских народов и в целом мировой цивилизации. Владение двумя и более языками не может не оказать прогрессивного влияния на духовное развитие тех или иных социальных групп населения, которое через второй и третий языки расширяют свой кругозор, приумножают знания об окружающей среде, имеют больше потенциальных возможностей развить свои способности, интеллект, повысить уровень образования. Трехязычие выводит таджиков из сферы влияния только своей нации. Оно становится эффективным средством для проявления творческой индивидуальности, помогает ориентироваться в различной социальной среде. Так, в городе Душанбе и областных центрах расширяется сеть таджикско-английских и таджикско-русских школ со смешанным обучением на указанных языках. В детских садах с раннего детства проводится обучение русскому и английскому языкам.

Таджикистан был и до сих пор остается в зоне национальных интересов России. Между Россией и Таджикистаном существуют и вновь создаются каналы связи в сфере образования, науки, культуры, экономического и политического сотрудничества. В Таджикистане русский язык сохранен в таких важных сферах общения, как образование, печать, книгоиздание, теле- и радиовещание. Существуют достаточно благоприятные условия укрепления позиций русского и английского языков. Реализация этих условий во многом будет зависеть от планомерной реализации языковой политики.

Активное функционирование указанных языков наблюдается также в мультимедийной и в рекламной продукции, на товарных упаковках, отдельные элементы трехязычия наблюдаются в медицине, культуре и других социальных сферах.

2.4 Статусные и кодифицирующие мероприятия языкового планирования

Необходимость разработки комплексной программы, отражающей перспективы развития государственного языка в условиях независимости, была обоснована Президентом Республики Таджикистан в 1997 г. Тогда же был принят первый документ, направленный на разработку этого направления – «Программа Правительства Таджикистана по развитию

⁴⁷ См. об этом, например: [Аввакумова, Винокурова, Кочешкова и др., 2022; Мухаметов, 2022] и др.

государственного языка и других языков на государственной территории Республики Таджикистан».

Для работы по усовершенствованию таджикского языка и развитию его терминологической системы и лексического фонда в 2009 году был создан Комитет по языку и терминологии при Правительстве Республики Таджикистан (*Кумитаи забон ва истилоҳоти назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон*), в задачи которого входит «претворение в жизнь политики государства и регулирование правовых норм, касающихся государственного языка, а также разработка основных направлений работы над языком. Комитет является как разработчиком направлений в работе с языком, особенно терминологии, так и исполнительным органом в этой сфере. «Комитет отслеживает выполнение установок парламента, законодательно-представительного органа Республики Таджикистан и при посредстве программ и контрольных поездок по республике, выездных сессий и семинаров осуществляет мониторинг уровня владения государственным стандартом на местах» [Комитет...].

Важным шагом в реализации государственной политики в области языка и Закона Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан» была разработка и принятие «Программы развития государственного языка». В 2012 году стартовал первый этап реализации «Программы развития государственного языка Республики Таджикистан на 2012–2016 годы»; в настоящее время реализуется «Программа развития государственного языка Республики Таджикистан на 2020–2030 годы»⁴⁸. Координатором реализации данной программы с 2012 года выступил Комитет. В рамках его деятельности были подготовлены программы и осуществлены мероприятия, связанные с языком.

Работа Комитета ведется в нескольких направлениях. Главными его задачами можно считать «деятельность по кодификации языкового стандарта, его нормализации (регулирование лексико-грамматической системы и пуристических трендов, разработка словаря и модернизации лексики, упорядочение орфографии и системы письма), а также поддержание имиджа престижности государства в области культуры и языка». Одной из основных задач Комитета является управление пополнением словарного состава таджикского языка, разработка новой лексики и систематизация терминологической системы всех отраслей знаний. В целом, лексико-семантическая система и основные структурные типы лексических единиц таджикского литературного языка не подвергались существенным изменениям,

⁴⁸ См. Постановление Правительства Республики Таджикистан «Об утверждении Программы развития государственного языка на 2020–2030 годы» от 28 ноября 2020 года, № 647.

однако пополнение лексического и терминологического фонда изменило «облик» языка в целом, возникли новые лексические пласты⁴⁹.

Комитетом подготовлены новые правила правописания и применения знаков препинания в таджикском языке. В 2021 году они были утверждены постановлением правительства⁵⁰. Соответствующим ведомствам поручено подготовить и издать нормативные правовые акты с соблюдением требований правил правописания в таджикском языке и применения знаков препинания в таджикском языке, методические и учебные пособия, художественные произведения, газеты, журналы и пр. и распространить их среди населения. В том же году был утвержден реестр таджикских национальных имен, рекомендованных для родителей⁵¹.

Решение поставленных задач позволило повысить уровень внутривидового развития таджикского языка, стабилизировать литературную норму, совершенствовать стилистику, расширить использование литературного таджикского языка практически во всех сферах, особенно в СМИ, и способствовать сокращению применения территориальных и социальных диалектов в сфере официального общения (таких как законодательные акты, официальные заявления и речи, наружная реклама, работа в школе, лекции и занятия в высших учебных заведениях, научная деятельность и пр.).

При кафедре теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета создан первый Национальный корпус таджикского языка. В настоящее время он охватывает произведения на литературном таджикском языке современного периода, изданные в XX и XXI вв. «В корпусе представлены такие жанры, как: проза, поэзия, драма, публицистика, научная и учебная литература, мемуарно-библиографическая литература, религиозная литература, политическая литература, юридическая литература и газетная публицистика» [Корпус].

⁴⁹ В связи с изменениями словаря, терминологии и орфографии специалистами АН НАНТ в сотрудничестве с Комитетом были созданы «Толковый словарь таджикского языка», «Орфографический словарь таджикского языка» с возможностью проверки правописания таджикского языка, «Таджикско-русский словарь». Работы доступны на веб-сайте [Комитет...].

⁵⁰ Постановлением от 30.06.2021 года № 268 правительством Республики Таджикистан были утверждены новые «Правила правописания таджикского языка и знаков препинания таджикского языка». Постановление Правительства Республики Таджикистан от 4.10.2011 года № 458 «Об утверждении правил правописания таджикского языка» признано утратившим силу. Первое постановление Правительства Республики Таджикистан о новой редакции «Правописания таджикского языка» вышло 3.09.1998.

⁵¹ См. постановление Правительства Республики Таджикистан «Об утверждении Реестра таджикских национальных имен» от 2 марта 2023 года, № 83, а также «Реестр таджикских национальных имён» [Комитет...].

2.5 Меры по продвижению государственного языка

Следует особенно отметить усилия по формированию имиджа престижности государства и его языка. В рамках деятельности правительства и органов исполнительной власти ведется активная деятельность по продвижению государственного таджикского языка и повышению его престижа внутри государства и в международном масштабе.

Важным шагом в реализации государственной политики в области языка и Закона Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан» стали принятие и реализация «Программы развития государственного языка». В рамках Программы в 2013 году была издана «Энциклопедия таджикского языка», ставшая настольной книгой сотрудников государственных и образовательных ведомств. В целях реализации Программы в 2014 году была учреждена газета «Сокровище языка» («Ганчи забон»). По случаю 20-летия Государственной независимости Республики Таджикистан Комитет выпустил книгу «Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон и государственная политика в области языка» [Комитет...].

Вышло в свет двухтомное издание Эмомали Рахмона «Язык нации – бытие нации» («Забони миллат – хастии миллат», 2016, 2020) – подробное описание истории развития таджикского языка до начала XX века. Знаменателен сам факт обращения президента страны к теме языка. Не менее важно, что в 2021 в честь 30-летия Государственной независимости Республики Таджикистан Комитетом издан сборник «Лидер нации и государственная языковая политика», в котором ведущие ученые Таджикистана представили свою оценку результатов языковой политики. В книге опубликована статья О. Мухаммаджонзода, который высоко оценил деятельность президента по повышению статуса таджикского языка на международной арене, указав, что лидеры прошлого — Садриддин Айни и Бободжон Гафуров, позиционировали как наследие нации таджикскую литературу и историю, президент же Эмомали Рахмон «воздал должное величию родного таджикского языка..., подняв его статус на международной арене...» [Комитет...].

Родной язык ставится во главу угла, подчеркивается в качестве первоосновы нации, одного из главных столпов национальной государственности. Ключевым среди мероприятий по повышению престижа таджикского языка является День государственного языка, который занимает особое место среди других государственных и национальных праздников независимого Таджикистана. Президент уделяет большое внимание поддержанию статуса государственного языка и подчеркивает, что государственный язык находится под

непосредственной защитой государства и языку необходима поддержка. Президент призывает учителей и специалистов к систематическому развитию государственного языка, а все гражданское общество, все население страны к проявлению заботы о языке и его поддержке [Комитет...].

Язык является важным компонентом национальной концепции развития страны. Комитетом регулярно проводятся научно-практические конференции и круглые столы под лозунгами: «Язык, как фактор национального единства», «Язык – это сила единства» [Комитет...]. Ведется пропаганда всего комплекса национально-культурной идентичности, национальных праздников, национального костюма, блюд национальной кухни и пр. Все мероприятия проводятся, как правило, на таджикском языке.

3 | Заключение

Итак, можно считать, что языковая политика Республики Таджикистан направлена на регулирование языковой ситуации и на удовлетворение потребности идентичности и взаимопонимания населения страны. Приняты законодательные акты с правовым регулированием использования языков Республики Таджикистан в рамках единого политико-административного и информационного пространства, в первую очередь Закон «О государственном языке Республики Таджикистан». Анализ Закона Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан» позволяет сделать вывод о том, что Закон направлен на упрочение позиции таджикского языка в основных сферах общественной жизни, что содействует развитию литературной формы таджикского языка.

Налицо акт сознательного воздействия общества на функционирование и внутривидовое развитие таджикского языка. При этом можно утверждать, что государственная политика Таджикистана в языковой сфере базируется на принципах равноправия всех языков, независимо от их численности и характера расселения их носителей. Созданы условия для гармоничного взаимодействия таджикского языка с другими языками, функционирующими в стране. Очевидно, что владение несколькими языками расширяет возможности профессиональной карьеры повышая социальную активность.

ЛИТЕРАТУРА

- Аввакумова Е.А., Винокурова М.А., Кочешкова И.Ю. [и др.] (2022) Система обучения русскому языку и на русском языке в Республике Таджикистан: коллективная монография; науч. ред. И.Ю. Кочешкова. Барнаул: АлтГПУ. 98 с.
- Аврорин В.А. (1975) Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л. 276 с.
- Баскаков А.Н., Насырова О.Д., Давлатназаров М. (1995) Языковая ситуация и функционирование языков в регионе Средней Азии и Казахстана. М. 165 с.
- Беликов В.И., Крысин Л.П. (2001) Социоллингвистика: Учебник для вузов. М.: РГГУ.
- Белов С.А., Кропачев Н.М. (2020) Понятие государственного языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 17 (1). С. 4–21. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.101>
- Закон, 1989 – Закон Республики Таджикистан от 22 июля 1989 года "О языке" (Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан, 1989 год № 15, ст. 102).
- Закон, 2009 – Закон Республики Таджикистан о государственном языке Республики Таджикистан. Душанбе, 5 октября 2009 года № 553. Режим доступа: <https://mmk.tj/content/конуни-чумхурии-тоҷикистон-дар-бораи-забони-давлатии-чумхурии-тоҷикистон>. Дата обращения: 12.12.2024.
- Комитет... – Комитет по языку и терминологии при Правительстве Республики Таджикистан / Кумитаи забон ва истилоҳоти назди Хукумати Чумхурии Тоҷикистон. Режим доступа: www.kumitaizabon.tj/tg/category/кумитаи-забон. Дата обращения: 12.12.2024.
- Конституция – Конституция Республики Таджикистан. Режим доступа: <http://www.president.tj/ru/taksonomy/term/5/112>. Дата обращения: 12.12.2024.
- Корпус – Национальный корпус таджикского языка. (2019-2021 гг.) руководитель д.ф.н., профессор Д.М. Искандарова, научный консультант – д.ф.н., профессор, академик РАН В.А. Плунгян; Грант РФФИ № 19-012-00637 (2019-2021 гг.); руководитель – к.ф.н. А.П. Выдрин; поисковая система разработана Т.А. Архангельским. Режим доступа: <https://tajik-corpus.org>. Дата обращения: 12.11.2024.
- Краткий этнологический словарь (1994). М. 103 с.
- Михальченко В.Ю. (1995) О принципах создания словаря социоллингвистических терминов: к постановке проблемы // Методы социоллингвистических исследований. М. С. 191–204.
- Мухаметов Г.Б. (2022) Общие вопросы функционирования русского языка в Республике Таджикистан // Вестник Таджикского Национального университета. № 7. С. 126–133.
- Нозимов А.А. (2010) Языковая ситуация в современном Таджикистане: состояние, особенности и перспективы развития. Автореф. на звание докт. филол. наук. Душанбе, 2010. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/yazykovaya-situatsiya-v-sovremennom-tadzhikistane>. Дата обращения: 12.11.2024.
- Словарь социоллингвистических терминов (2006) / Отв.ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.
- Хауген Э. (2012) Диалект, язык, нация // Социоллингвистика и социология языка: Хрестоматия. Н.Б. Вахтин (отв. ред.). Пер. с англ. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб. С. 97–113.
- Хашимов Р.И. (2003) Очерки по языковой политике и культуре. Елец. 120 с.
- Шамбезда Х.Д. (2007а) Функциональная дистрибуция языков малых народностей в условиях многоязычия (на материале шугнанского языка). Душанбе: Нодир. 390 с.
- Шамбезда Х.Д. (2007б) Функционирование бесписьменного языка малой народности в условиях полиэтнического социума (на материале шугнанского языка в таджикско-русском окружении). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Воронеж.

- Шамбезода Х.Д. (2019а) Многоязычное образование в многонациональном социуме (на примере Республики Таджикистан) // *Russian Language in the Multilingual World* / ed. Ahti Nikunlassi & Ekaterina Protassova. Helsinki: University of Helsinki, 2019. SLAVICA HELSINGIENSIA 52. С. 166–175.
- Шамбезода Х.Д. (2019б) Трехязычие таджиков – неизбежный факт будущего развития нации // Вестник университета (Российско-таджикский (славянский) университет). Российско-Таджикский (Славянский) университет. № 3 (67). С. 141–147.
- Шелютто Н.В. (1990) Законодательство о развитии и использовании языков народов СССР. О правовом статусе языков в СССР. М. 38 с.
- Ян Бо, Чжан Ливэй (2023) Четырехкомпонентная система языковой политики и планирования в Республике Таджикистан // Политическая лингвистика. № 2 (98). С. 228–238. DOI 10.26170/1999-2629_2023_02_26
- Iskandarova, D., Ladygina, O., Shambezoda, Kh. (2017) Problems of Linguistic Discrimination in the Communicative Space of Tajikistan: Legal, Sociolinguistic and Educational Aspects // *Journal of Social Studies Education Research*. 2017: 8 (3). С. 168–189.
- Айнӣ С. (1976) Куллиёт. Т. 12. Душанбе: Ирфон, 1976.

REFERENCES

- Avvakumova, Ye.A., Vinokurova, M.A., Kocheshkova, I.Yu. et al. (2022) *Sistema obucheniya russkomu yazyku i na russkom yazyke v Respublike Tadjikistan: kollektivnaya monografiya* [The system of teaching Russian and in Russian in the Republic of Tajikistan: collective monograph]. Barnaul: AltGPU (In Russian).
- Avrorin, V.A. (1975) *Problemy izucheniya funktsionalnoy storony yazyka* [Problems of studying the functional side of language]. Leningrad (In Russian).
- Baskakov, A.N., Nasyrova, O.D. and Davlatnazarov, M. (1995) *Yazykovaya situatsiya i funktsionirovaniye yazykov v regione Sredney Azii i Kazakhstana* [Language situation and functioning of languages in the region of Central Asia and Kazakhstan]. Moscow (In Russian).
- Belikov, V.I. and Krysin, L.P. (2001) *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow: RGGU (In Russian).
- Belov, S.A. and Kropachev, N.M. (2020) Ponyatiye gosudarstvennogo yazyka [The concept of the state language], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 17(1), pp. 4–21. Available at: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.101>. Access date: 12 December 2024 (In Russian).
- Zakon Respubliki Tadjikistan (1989) O yazyke [On Language], *Vedomosti Verkhovnogo Soveta Respubliki Tadjikistan*, no. 15, art. 102 (In Russian/Tajik).
- Zakon Respubliki Tadjikistan (2009) *O gosudarstvennom yazyke Respubliki Tadjikistan* [On the state language of the Republic of Tajikistan]. Dushanbe, 5 October 2009, no. 553. Available at: <https://mmk.tj/content/конуни-чумхурии-тоҷикистон-дар-бораи-забони-давлатии-чумхурии-тоҷикистон>, http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=29442, https://www.andoz.tj/docs/zakoni/1_№13_state-language-RT_ru.pdf. Access date: 12 December 2024 (In Russian/Tajik).
- Komitet po yazyku i terminologii pri Pravitelstve Respubliki Tadjikistan / Kumitai zabon va istilohoti nazdi Hukumati Jumhurii Tojikiston (n.d.) [Committee on Language and Terminology under the Government of the Republic of Tajikistan]. Available at: <http://www.kumitazabon.tj/tg/category/kumitai-zabon>. Access date: 12 December 2024 (In Russian/Tajik).

- Konstitutsiya Respubliki Tadjikistan (n.d.) *Konstitutsiya Respubliki Tadjikistan* [Constitution of the Republic of Tajikistan]. Available at: <http://www.president/tj/ru/taksonomy/term/5/112>. Access date: 12 December 2024 (In Russian/Tajik).
- Natsionalnyy korpus tadjikskogo yazyka (2019–2021) *Natsionalnyy korpus tadjikskogo yazyka* [National Corpus of the Tajik Language]. Led by D.M. Iskandarova; scientific consultant – V.A. Plungyan; grant RFBR no. 19-012-00637; project head – A.P. Vydrin; search engine developed by T.A. Arkhangel'skiy. Available at: <https://tajik-corpus.org>. Access date: 12 December 2024 (In Russian/Tajik).
- Kratkiy etnologicheskiy slovar* (1994) Moscow (In Russian).
- Mikhalchenko, V.Yu. (1995) O printsipakh sozdaniya slovarya sotsiolingvisticheskikh terminov: k postanovke problemy [On the principles of creating a dictionary of sociolinguistic terms: on the formulation of the problem], *Metody sotsiolingvisticheskikh issledovaniy*, Moscow, pp. 191–204 (In Russian).
- Mukhametov, G.B. (2022) Obshchiye voprosy funktsionirovaniya russkogo yazyka v Respublike Tadjikistan [General issues of functioning of the Russian language in the Republic of Tajikistan], *Vestnik Tadjikskogo Natsionalnogo Universiteta*, no. 7, pp. 126–133 (In Russian).
- Nozimov, A.A. (2010) *Yazykovaya situatsiya v sovremennom Tadjikistane: sostoyaniye, osobennosti i perspektivy razvitiya* [The language situation in modern Tajikistan: state, features and development prospects]. Dushanbe. Avtoref. na soisk. uch. stepeni dokt. filol. nauk. Available at: <https://www.dissercat.com/content/yazykovaya-situatsiya-v-sovremennom-tadjikistane>. Access date: 12 December 2024) (In Russian).
- Khaugen, E. (2012) Dialekt, yazyk, natsiya [Dialect, Language, Nation], in Vakhtin, N.B. (ed.) *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka: Khrestomatiya*. St. Petersburg: Izd-vo Yevropeyskogo universiteta v SPb., pp. 97–113 (In Russian).
- Khashimov, R.I. (2003) *Ocherki po yazykovoy politike i kulture* [Essays on language policy and culture]. Yelets (In Russian).
- Shambezoda, Kh.D. (2007a) *Funktsionalnaya distributsiya yazykov malykh narodnostey v usloviyakh mnogoyazychiya (na materiale shugnanskogo yazyka)* [Functional distribution of languages of small nationalities in the context of multilingualism (based on the Shughnani language)]. Dushanbe: Nodir (In Russian).
- Shambezoda, Kh.D. (2007b) *Funktsionirovaniye bespismennogo yazyka maloy narodnosti v usloviyakh polietnicheskogo sotsiuma (na materiale shugnanskogo yazyka v tadjiksko-russkom okruzenii)* [Functioning of an unwritten language of a small ethnic group in a multi-ethnic society (based on the Shughni language in the Tajik-Russian environment)]. Doctoral dissertation abstract. Voronezh (In Russian).
- Shambezoda, Kh.D. (2019a) *Mnogoyazychnoye obrazovaniye v mnogonatsionalnom sotsiume (na primere Respubliki Tadjikistan)* [Multilingual education in a multinational society (on the example of the Republic of Tajikistan)], in Nikunlassi, A. and Protassova, E. (eds.) *Russian Language in the Multilingual World*. Helsinki: University of Helsinki, *Slavica Helsingiensia*, 52, pp. 166–175 (In Russian).
- Shambezoda, Kh.D. (2019b) Trekh'yazychiye tadjikov – neizbezhnyy fakt budushchego razvitiya natsii [Trilingualism of Tajiks – an inevitable fact of the future development of the nation], *Vestnik universiteta (Rossiysko-Tadjikskiy (Slavyanskiy) universitet)*, no. 3(67), pp. 141–147 (In Russian).
- Shelyutto, N.V. (1990) *Zakonodatelstvo o razvitii i ispolzovanii yazykov narodov SSSR. O pravovom statuse yazykov v SSSR* [Legislation on the development and use of the languages of the peoples of the USSR. On the legal status of languages in the USSR]. Moscow (In Russian).

- Mikhalchenko, V.Yu. (ed.) (2006) *Slovar sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (In Russian).
- Yang, B. and Zhang, L. (2023) Four-Component System of Language Policy and Planning in the Republic of Tajikistan, *Political Linguistics*, no. 2(98), pp. 228–238. Available at: https://doi.org/10.26170/1999-2629_2023_02_26. Access date: 12 December 2024 (In Russian).
- Iskandarova, D., Ladygina, O. and Shambezoda, Kh. (2017) Problems of Linguistic Discrimination in the Communicative Space of Tajikistan: Legal, Sociolinguistic and Educational Aspects, *Journal of Social Studies Education Research*, 8(3), pp. 168–189.
- Aynī, S. (1976) *Kulliyot* [Collection of works]. Vol. 12. Dushanbe: Irfon (In Tajik).

Шамбезода Хусрав Джамшедович – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета.

Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, д. 30.

Эл. адрес: Shambezade56@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0004-9751-0791>

Khusraw D. Shambezoda – Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Russian-Tajik (Slavonic) University.

Address: 30 M. Tursunzade St., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025.

E-mail: Shambezade56@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0004-9751-0791>

Для цитирования: *Шамбезода Х.Д.* К вопросу о государственном языке и языковой политике в Республике Таджикистан // Социолінгвістика. 2025. № 2 (22). С. 85–104. DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-85-104

For citation: *Shambezoda Kh.D.* On the issue of the state language and language policy in the Republic of Tajikistan // Sociolinguistika. 2025. No. 2 (22). pp. 85–104. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-85-104

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 04.10.2024;
approved after reviewing 30.03.2025;
accepted for publication 17.06.2025.

ЯЗЫК И ОБРАЗОВАНИЕ
LANGUAGE AND EDUCATION

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-105-135>

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА В СФЕРЕ
ДОШКОЛЬНОГО И НАЧАЛЬНОГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ
ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ**

УДК 372.881.1

Зоя А. Битарти
Юго-Осетинский
научно-
исследовательский
институт
имени З.Н. Ванеева,
Цхинвал,
Республика Южная
Осетия

Гульнара Р. Козаева
Юго-Осетинский
научно-
исследовательский
институт имени
З.Н. Ванеева,
Цхинвал,
Республика Южная
Осетия

Аннотация

В статье дается обзор языковой ситуации в Республике Южная Осетия, анализ функционирования осетинского языка в сфере образования, даются параллели с социолингвистической ситуацией в Республике Северная Осетия-Алания.

Несмотря на государственный статус, сфера применения осетинского языка в последние годы неуклонно снижается, хотя осетинский язык в Южной Осетии изучается в образовательных заведениях всех уровней: дошкольных, начальной и средней школах и в вузах. Фактически функции государственного языка выполняет русский язык, что ведет к снижению уровня владения осетинским литературным, а также разговорно-бытовым языком.

Для того чтобы остановить этот процесс предпринимаются шаги по продвижению осетинского языка в сферу активного использования и популяризации среди подрастающих поколений, реализуются государственные программы по развитию и сохранению осетинского языка и идентичности, а также меры по его нормированию и стандартизации.

Для приобщения подрастающего поколения к родному языку и формированию языковой личности в поликультурной среде в дошкольные учреждения внедрена Государственная билингвальная программа «Малусæг», ведется разработка учебно-методической базы.

Показано объединение усилий государственной власти, исследователей и общественности в деле сохранения осетинского языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: осетинский язык, система образования, дошкольные учебные заведения, школа, высшее учебное заведение, учебно-методическая база, сохранение родного языка, «Малусæг»

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Зоя А. Битарти, Гульнара Р. Козаева, 2025

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-105-135>

FUNCTIONING OF THE OSSETIAN LANGUAGE IN PRE-SCHOOL AND PRIMARY SCHOOL EDUCATION IN THE REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA

UDC 372.881.1

Zoya A. Bitarti

Z.N. Vaneev South Ossetian
Research Institute,
Tskhinval,
Republic of South Ossetia

Gulnara R. Kozaeva

Z.N. Vaneev South Ossetian
Research Institute,
Tskhinval,
Republic of South Ossetia

Abstract

This article presents an overview of the current language situation in the Republic of South Ossetia, focusing on the role and functioning of the Ossetian language within the educational system. It also draws parallels with the sociolinguistic context of the Republic of North Ossetia – Alania.

Despite its official status, the functional domain of the Ossetian language has been steadily narrowing in recent years. Although Ossetian is taught at all levels of education in South Ossetia – including preschool, primary, secondary, and higher education – the practical functions of the state language are, in reality, fulfilled predominantly by Russian. This has resulted in a noticeable decline in proficiency in both the literary and colloquial forms of Ossetian among the population.

In response to this trend, various initiatives have been launched to promote the active use of Ossetian and to enhance its status among younger generations. These include programs aimed at the development and preservation of the Ossetian language and cultural identity, as well as measures for its normalization and standardization. To foster early exposure to the native language and to cultivate linguistically competent individuals in a multicultural environment, the State Bilingual Program *Malusæg* has been introduced in preschool institutions. Concurrently, efforts are being made to develop a comprehensive educational and methodological framework.

The article highlights the collaborative efforts of governmental bodies, academic researchers, and native speakers in the preservation and revitalization of the Ossetian language.

KEYWORDS: Ossetian language; education system; preschool education; primary and secondary schools; higher education institutions; educational and methodological resources; mother tongue preservation; “*Malusæg*” bilingual program

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Zoya A. Bitarti, Gulnara R. Kozaeva, 2025

1 | Введение

Зависимость языка от общества является показателем социальной природы языка. Язык рождается и функционирует в обществе, зависит от него, изменяется вместе с ним на протяжении столетий. Современный мир и общество быстро меняются, и язык меняется вместе с ними, формируя новое коммуникативное пространство, в котором статус языка меняется, ослабевая либо усиливаясь.

Современное единое коммуникативное пространство Республики Южная Осетия (ос. *Республикæ Хуссар Ирыстон*, РЮО) и Республики Северная Осетия-Алания (ос. ирон. *Республикæ Цæгат Ирыстон – Алани*)⁵² способствует формированию единого литературного языка. Однако в этом вопросе имеются проблемы, причем несмотря на государственный статус языка, его сфера применения в последние годы неуклонно снижается, в целом же имеет место ослабление статуса осетинского языка. Хотя осетинский язык в Южной Осетии изучается в образовательных заведениях всех уровней: дошкольных, начальной и средней школах и в вузах. Фактически функции государственного языка выполняет русский язык, что ведет к снижению уровня владения осетинским литературным, а также разговорно-бытовым языком.

Число говорящих на осетинском языке оценивалось в конце XX в. в 500–700 тысяч человек [Алексеев, 1992: 19]. За прошедший период общее число говорящих на осетинском языке существенно не изменилось и насчитывает, по разным данным, 400–600 тысяч человек, 60 % из которых проживают в Северной Осетии, 10 % – в Южной, остальные разбросаны по миру [Осетинский язык. Прима Виста]. По итогам Всесоюзной переписи населения СССР 1989 года, численность населения Южной Осетии составила 98 527 человек, в том числе 42 333 человек в Цхинвале [Южная Осетия], а на первую половину второй декады XXI века, согласно данным первой Всеобщей переписи населения Республики Южная Осетия, проведенной в 2015 году, население в целом насчитывало – 53532 человек, в г. Цхинвал проживало 30432 человек [Итоги 2016: 11, 20]. По оценкам «Всемирного атласа языков ЮНЕСКО», всего насчитывается около 345 000 иронцев и 100 000 дигорцев [UNESCO WAL].

⁵² С XVIII в. приблизительно эти территории в составе Восточной Грузии находились под протекторатом России.

В 1922–1990 гг. Южная Осетия или Юго-Осетинская автономная область являлась автономной областью в составе Грузинской ССР, в которой с 1923 по 1939 гг. государственным языком является осетинский (Ф.1, оп.1, д.93, кор.6.л.), а с 1939 по 1954 гг. – грузинский; но с 1954 по 1990 гг. административно-государственными языками служили русский и грузинский.

Осетинский язык относится к редкому типу живых языков восточноиранской языковой группы наряду с исчезнувшими к настоящему времени древними авестийским и скифским. На осетинском языке говорят жители Осетии, расположенной на территории Кавказских гор.

В настоящее время осетинский язык разбивается исследователями на два основных диалекта – иронский (*iron ævzæg*) и дигорский (*digoron*), на основе которых формируются два литературных варианта языка [UNESCO WAL]. На иронском говорят в Республике Южная Осетия, а также в Республике Северная Осетия-Алания; там же в Уаллагком ущелье говорят и на смешанном иронско-дигорском наречии. В Южной Осетии отмечен «местный вариант литературной речи» [Исаев, 2000: 311].

Иронский диалект заложил основу современного литературного языка Осетии, на котором выпускаются газеты, издаются книги, ведется телерадиовещание. В нем выделяют три говора: урстуальский, ксанский, кударский. Последний наиболее распространен в Южной Осетии и считается наиболее архаичным вариантом иронского, содержащим отголоски древней скифо-сарматской традиции [Осетины-иронцы].

Наряду с этим можно заметить, что в свое время термином «южноосетинский» В.Ф. Миллер обозначал обобщенно все формы югоосетинской речи. Однако начиная с 1920-х годов XX в. в осетиноведении возникает иная тенденция в диалектном описании, при которой считается, что единого южного наречия не существует, а осетинская речь в Южной Осетии имеет три разновидности: рокскую (север), туалскую (запад) и ксанскую (восток) [Исаев, 1974: 11; Битарти, 2018] (о важности понимания диалектного членения осетинского языка см.: [Абаев, 2020: 193–194]).

Следует принять во внимание следующие соображения: с одной стороны, потеря языка влечет потерю культуры и мировосприятия, утрату самоидентификации [Эльконин, 2001: 140]. С другой, – признание особой роли языка в формировании идентичности этносов, в их социокультурном и этнополитическом развитии обуславливает актуальность глубокого изучения условий функционирования литературного осетинского языка в контексте его правового статуса как государственного (см. схожие языковые процессы в: [Дырхеева и др., 2020: 64]).

Целью нашего исследования является анализ современного состояния всеобъемлющего функционирования осетинского языка (иронского) в Республике Южная Осетия.

Проблеме сохранения и развития литературного осетинского языка, социолингвистического облика Осетии посвящены работы многих авторов, таких как

В.И. Абаева, Н.Г. Джуссойты, Н.Я. Габараева, М.И. Исаева, Т.А. Гуриева, Е.Б. Бесоловой, З.А. Битарти, А.Ф. Кудзоевой и др. (см. подробнее в [Битарти, 2018]).

2 | О родном языке и его функционировании

Появление первых просветителей и учебных заведений в Южной Осетии два века назад было связано с пропагандой христианства. При содействии Ивана Ялгузидзе-Габараева в Южной Осетии с 1826 г. при церквях открылись несколько церковно-приходских школ. В 1847 г. была открыта первая министерская школа Российской империи [Сланов, 2021]. Наряду с этим с 1917 по 1920 гг. здесь функционировала осетинская гимназия.

На совместном учительском съезде Севера и Юга Осетии в первой четверти XX века было принято решение, что языком обучения в школах становится осетинский язык. Новый осетинский алфавит на основе латиницы был утвержден в 1923 г. Но, с 1939 по 1954 гг. учебники, учебные пособия, а также книги, газеты и журналы в Южной Осетии стали печататься исключительно на грузинском алфавите. Только в 1954–1955 учебном году Южная Осетия, аналогично Северной Осетии, перешла на кириллицу. Тогда же в сельских начальных школах в качестве языка обучения был введен осетинский, причем в городских школах осетинскому языку как дисциплине было отведено только 3 часа в неделю. К 1980 г. в Южной Осетии это время было увеличено до 5 часов. В этой ситуации учащиеся в классе разделялись на две группы, одна из которых обучалась грузинскому языку. Такая система образования просуществовала в Южной Осетии до 90-х годов XX в. При этом грузинские власти всячески старались вытеснить осетинский язык в Юго-Осетинской автономной области в составе Грузинской ССР (1922–1990 гг.). Все эти обстоятельства демонстрируют, как нелегко было в столь неравноправных условиях сохранить родной осетинский язык и способствовать его развитию⁵³. К началу XX в. на родном языке широко издавались газеты, журналы⁵⁴, позднее

⁵³ Из воспоминаний З.А. Битарти: «Уже в те годы, когда я училась в Тбилиси, меня очень волновало, что я не знаю своего родного языка. Крайне возмущало и то, что грузинская идеология была направлена на уничтожение личности осетина — уже в те годы это наблюдалось. Они предпринимали всё для того, чтобы мы не знали о нашей великой культуре и высокой духовности» ... [О Зое Битарти, 2022].

⁵⁴ Например, «Ирон газет» (Ирон газет) (см. Рис. 1). Эта газета на осетинском языке вышла в свет одной из первых 23 июля в 1906 года, ознаменовав начало «истории национального печатного слова». На ее страницах выступали авторы, ставшие позднее писателями и публицистами. Эта газета имела большое значение для развития журналистики и формирования функциональных стилей осетинского языка [«Ирон-газет»]. Появились также издания: «Ног цард» (Новая жизнь) «Зонд» (Ум), «Хабар» (Известие), «Æфсир» (Колос), «Хуры тын» (Луч солнца); с 1 января 1924 года выходит периодическое издание на осетинском языке «Хурзæрин» (Заря) [Хурзæрин], литературно-художественный и общественно-политический журнал «Фидиуæг (Глашатай)» [Журналу «Фидиуæг» — 100 лет], журналы «Зиу» и «Малусæг», (Подснежник). В Цхинвале сотрудниками осетинской гимназии выпускалась Газета «Фæдисон» (Тревожность) [Журналисты летописцы истории нашей

издавалась художественно-публицистическая литература осетинских авторов – поэтов, драматургов, публицистов, а также школьные учебники по всем дисциплинам, терминологические словари и пр.⁵⁵

Первый спектакль – «Сыбырмае хаст»⁵⁶ был поставлен на сцене Югоосетинского государственного драматического театра в конце 1923 года. Весной 1931 года руководство Юго-Осетинской АО приняло решение о создании профессионального осетиноязычного театра в городе Цхинвал в строящемся Доме культуры колхозника. Открытие сезона состоялось 29 июля 1931 года показом спектакля в постановке директора театра В. Хетагурова по пьесе С. Церетели – «Тæфсæг»; в 1939 году театру было присвоено имя Коста Хетагурова [Юго-осетинский государственный драматический театр].

Сейчас на родном языке не только широко издаются книги осетинских авторов, но готовятся пьесы, по которым ставятся спектакли в Юго-Осетинском государственном драматическом театре имени К.Л. Хетагурова⁵⁷.

страны], журнал «Кæфхъуындар» (Крокодил). 1920–30-е годы стали периодом расцвета осетинских СМИ. «Большевикон аивад» (Большевистское творчество), «Æрыгон большевик» (Молодой большевик), «Мах фæлтæр» (Наше поколение), «Пионеры хъæлæс» (Голос пионера). В 1990-е годы в Южной Осетии начали выходить газеты «Айзæлд» (Звучание), «Уадынз» (Свирель), «Сырх тырыса» (Красный флаг), «Ард» (Клятва); русскоязычные «Вестник Южной Осетии», «Эхо», «Молодежь Осетии». Среди изданий более позднего периода – «Амага», «Югос», «Коммунист Осетии», «Арвырон (Радуга)», «Дайджест-радио», «Ныфс» (Надежда), «Ныхас» (Совет), «Фæсивæд» (Молодежь), «Альма-матер», «Бумеранг», «3 сектор», «21 век», «Вестник ЮОГУ», «Единство». В 1990-е годы в Южной Осетии работала независимая радиостанция «Нæуу уылæн» (Зеленая волна). В декабре 1992 года вышел в эфир первый телевизионный выпуск независимой телекомпании «ИР», в марте 1994 года началась работа государственного телевидения, а в 1998 году стартовало вещание независимой телекомпании «Арт».

За последние 10 лет в Республике появились СМИ, информационные агентства и интернет-сайты, такие как информагентства «Рес» и «Осинформ». Вебсайты и пресс-службы министерств и ведомств РЮО вносят свой вклад в обеспечение новостными программами и информацией о жизни Южной Осетии.

⁵⁵ Например, книги С. Гадиева, Ар. Коцоева, Е. Бритаева, Г. Гулиева, А. Даттиева, М. Дзагурова.

⁵⁶ Постановка с участием С. Джаттиевой, И. Гогичева, В. Ханикаева, Д. Джигкаева и др.

⁵⁸ Так, в честь российской делегации Института языкознания РАН в октябре 2024 г. в рамках мероприятий, связанных с Международной конференцией «Социолингвистические проблемы современных иранских языков: осетинский язык» и IV Научной школой-семинаром «Онтосоциолингвистика: концепции, методы, задачи», прошедших 15–16 октября 2024 г. в городе Цхинвал, Южная Осетия, был показан спектакль «Коста» по пьесе режиссера Романа Габрия.

Рис. 1.

В настоящее время дан старт функционированию цифровых платформ по обучению осетинскому языку для носителей и людей не владеющих осетинским («Ирон Федерация», «Дзурут иронау», «Bæræfcæg», «Осетинский национальный корпус»)⁵⁸. Тем не менее, в базе данных ЮНЕСКО осетинский язык (как иронский, так и дигорский) признан находящимся в категории «endangered/unsafe» [UNESCO WAL], см. также [Bitarti, 2025: 56–57].

Ученые Осетии озабочены положением осетинского языка и в последние годы; и меры по его сохранению обсуждаются на всех уровнях. Складывающаяся ситуация ведет к тому, что русский язык – функционально второй язык, в ближайшее время может стать, по сути, функционально первым. По мнению отечественных исследователей, объединяющая функция осетинского языка постепенно утрачивает свое значение [Бесолова, 2020: 95].

Несмотря на то, что осетинский язык материально и законодательно поддерживается на государственном уровне, и на юге, и на севере Осетии, т.е. в Республике Южная Осетия и в Республике Северная Осетия-Алания, сложилась ситуация, когда осетинский язык вытесняется из доминантных сфер общения, – таких как административно-законодательная деятельность, образование и средства массовой коммуникации, – русским языком, который проникает как в официальные сферы общения, так и в неофициальные, снижая уровень использования осетинского даже в семейном кругу.

Это понижение уровня владения родным языком, которое идет по нарастающей, способствует тому, что молодежь теряет знание родного осетинского языка и массово

⁵⁹ В Северной Осетии разработано приложение «Avdan» (один из авторов-разработчиков Элина Есиева); здесь же имеется несколько сайтов осетинской литературы, например, «Ирон чиныг»; о культуре осетин дает представление «Базон-базон» [Avdan].

переходит в категорию рецептивных билингвов⁵⁹. Такое положение заслуживает стать предметом адгерентной социолингвистики в применении к Осетии⁶⁰.

Сегодня, после признания Российской Федерацией и еще рядом стран независимости Республики Южная Осетия, здесь наблюдаются изменения социальной структуры южноосетинского общества и новые тенденции к применению родного языка.

3 | Статус и функционирование языков в Южной Осетии

Как мы уже отмечали выше, делопроизводство в Южной Осетии в 1920–1930-е гг. осуществлялось на осетинском языке, с 1940-х по 1954 г. – на грузинском языке, с переходного 1954/1955 учебного года по 1990 г. – на русском и грузинском языках⁶¹. В период борьбы за независимость в 1990-е годы по 2012 г. – на осетинском и отчасти русском языках, что продолжается по настоящее время.

По итогам референдума в 2012 г. русский язык в Республике Южная Осетия стал вторым после осетинского языка государственным языком. В 2012 году Парламент Южной Осетии принял Конституционный закон «О государственных языках Республики Южная Осетия», согласно которому русский язык стал одним из двух государственных языков. Сегодня русский язык является государственным языком наравне с осетинским [О государственных языках Республики Южная Осетия].

⁵⁹ Можно отметить, что процесс потери уровня знаний в сфере родного языка в Южной Осетии не столь критичен как в Северной Осетии, где родной язык уходит из практики и нередко отмечается даже пассивный билингвизм, при котором ребенок (молодой человек) понимает язык, но сам не может говорить на нем. См., например, актуальные для этого положения цитаты, отмечаемые специалистами и общественностью: «“Извините, тетя, я на осетинском не понимаю”, – эту фразу уже не первое десятилетие все чаще произносят дети в Северной Осетии» [Avdan].

В такой ситуации неудивительно, что родители и учителя бьют тревогу. Среди мероприятий, противодействующих этому процессу, можно указать ряд творческих подходов к решению данных проблем, таких как детские игры, современные технологии и классика мировой литературы. Так, Элона Дзалаева шьет мягкие игрушки, которые говорят на осетинском языке. Ее зайцы и медведи в черкесках читают стихи Коста Хетагурова [Как говорящие игрушки возрождают осетинский язык]. Алла Габеева организовала во Владикавказе детскую развивающую студию «Фандиаг» («Желанный»), которая работает по методу Берлица, то есть с полным погружением в языковую среду [Тарханова, Войтова, 2019].

Есть много др. инициатив, связанных с возрождением осетинского языка.

⁶⁰ См. определение в «Словаре социолингвистических терминов» [2006: 19].

⁶¹ «“Училась я в грузинской школе – тогда ещё все школы были грузинские. Когда умер Сталин, обучение практически во всех школах было переведено на русский язык... по окончании четвёртого класса [меня] отвезли в Тбилиси, где я поступила в русскую школу”... Проучившись четыре года в грузинской школе, совершенно не владея русским языком, из провинциальной сельской школы попала в одну из центральных, русскоязычных школ Тбилиси и вскоре вышла на один уровень со своими сверстниками... удивительно, что в школьные годы она практически не владела осетинским языком» [О Зое Битарти, 2022].

Утверждение русского языка в качестве второго государственного после осетинского языка изменило соотношение государственных языков. С этого времени позиции русского языка стали укрепляться, а положение осетинского языка – наоборот ослаблялось, становилось менее устойчивым. Это усугубляется тем, что коммуникация в рамках институционального дискурса осуществляется преимущественно на русском языке [Тамерьян, 2020: 224; Тамерьян, Бекоева, 2019].

На русском языке ведется основная масса программ телевидения и радио, выходят государственные газеты «Южная Осетия» (см., например, официальный сайт Администрации Президента Республики Южная Осетия) и «Республика», работают государственное информационное агентство «Рес», информационное агентство «АЛАНИЯ информ», «Sputnik. Южная Осетия», ведется вещание государственной телерадиокомпании «Ир», «ЮОГУ ТВ», радио «Южный город» [Южная Осетия]. В настоящее время делопроизводство и политическая коммуникация осуществляются в основном на русском языке.

Значимость владения русским языком в среде осетин очевидна. Основоположник осетинской литературы Коста Хетагуров (1859–1906) подчеркивал необходимость раздвинуть рамки родной культуры и демонстрировал блестящий образец интеграции осетинской и русской культур [Исаев, 1974: 11]; он писал свои произведения на родном и русском языках, подчеркивая ограниченность сторонников национальной замкнутости. На осетинском и русском языках пишут и многие поэты и писатели Осетии после него⁶².

Грузинский язык, согласно Конституции Республики Южная Осетия, является официальным для органов государственной власти в местах компактного проживания носителей грузинского языка. В Республике Южная Осетия функционирует одна грузинская школа.

Научное изучение осетинского языка началось с появления «Осетинской грамматики» А.М. Шёгрена (1844). Он выработал теоретические описания фонетики и грамматики, ввел в оборот лингвистическую терминологию, что имело большое значение для дальнейшего становления норм осетинского языка. Он же разработал один из первых научных алфавитов с двумя вариантами графики для двух диалектов (иронского и дигорского), что можно считать историческим прорывом. Ученый писал: «Мне надобно было также избрать алфавит или русский, или грузинский. Соображая как будущую судьбу самих осетин, да и предпочтительную склонность тех из них к русскому письму, которые знали и то и другое, я

⁶² См., например, работы сопредседателя Союза Писателей Осетии Мелитона Казиты и др.

решился в надежде на вернейший и лучший успех принять за основание русский алфавит, несмотря на то, что грузинский, кроме общего внутреннего достоинства, несравненно способнее к выражению звуков осетинскому языку свойственных» [Шёгрэн, 1844: XVI–XVII]. Как заметил В.И. Абаев, Шёгрэн остановил свой выбор на русских буквах, он «делал это не потому, что находил русскую азбуку наиболее пригодной для этой цели, но главным образом, принимая во внимание «будущую судьбу осетин», а также их большее предрасположение к русскому шрифту по сравнению с грузинским... [Абаев, 2020: 77]. Работы А.М. Шёгрена, среди которых «Исследование об осетинском языке с особенным отношением к языкам индоевропейским», ввели осетинский язык в круг сравнительной компаративистики и, по выражению В.И. Абаева, «разбудили дремавшие силы одаренного народа» [Абаев, 2020: 77].

Работы по изучению осетинского языка и разработке его письменности находим у Услара, Розена, Шифнера, Чонкадзе, Цораева, Иосифа Владикавказского и др. Но наиболее строго выстроенный алфавит осетинского языка подготовил академик Вс.Ф. Миллер [Миллер, 1881], взявший за основу кириллический алфавит А.М. Шёгрена. По этому поводу Вс.Ф. Миллер замечал, «что азбука, составленная из русской, уже существует у осетин около четырех десятилетий, что этой азбукой напечатан ряд осетинских книг (духовных и учебных) и что в типографском отношении она представляет большие удобства. Нам пришлось только критически проверить азбуку Шёгрена и внести в нее некоторые изменения, чтобы достигла большей точности в передаче осетинских звуков» [Миллер, 1881: 187]. Именно Вс.Ф. Миллер усовершенствовал алфавит, внося в него определенные изменения, уточнения, чтобы яснее передать каждой графемой функционирование звука. На этом алфавите и были опубликованы бессмертные думы и чаяния великого Коста Хетагурова, который также старался унифицировать некоторые вопросы орфографии, орфоэпии, диалектологии осетинского языка. Он писал об этом в 1902 г. в своем докладе «Комиссии по осетинскому языку» [Коста, 1951: 136].

4 | Мероприятия в сфере языковой политики в Республике Южная Осетия

Проблемы сокращения сферы использования осетинского языка и утраты вековых традиций осетинского народа были отнесены учеными и общественностью к категории острых, требующих неотложных мер. Это мнение было принято во внимание и поддержано Министерством образования и науки Республики Южная Осетия, в результате чего оно было учтено в его документах. В Республике Южная Осетия на государственном уровне стали

приниматься меры по выправлению сложившейся ситуации [Козаева, 2023: 173]. См. Таблицу 1.

Таблица 1.

Мероприятия по сохранению и развитию осетинского языка

Год	Республика Южная Осетия
1993	Осетинский язык, согласно первой Конституции Республики Южная Осетия, объявляется государственным языком
2012	Принятие Государственной программы по сохранению, изучению и развитию осетинского языка на 2012–2016 годы
2012	Создание Государственной комиссии по развитию осетинского языка
2010	Внедрение в дошкольное обучение билингвальной программы «Малусæг»

Первые тревожные звонки о состоянии упадка осетинского языка обозначились в 1990-х годах. 19 января 1992 года в Южной Осетии был проведен референдум, определивший линию политического развития. Население Южной Осетии проголосовало за национальный суверенитет и последующее вхождение в состав России, вследствие чего 29 мая 1992 года был принят Акт о независимости и юридически установлено государство – Республика Южная Осетия [Исторический референдум, 2021]. В 2011 году, после признания Российской Федерацией независимости Республики Южная Осетия, государственным языком стал также и русский язык. Он вошел во все сферы жизнедеятельности республики, и это постепенно стало способствовать ослаблению позиций осетинского языка. Все делопроизводство, преподавание дисциплин в образовательных организациях всех уровней кроме как на родном осетинском и иностранных языках (немецкий, английский) осуществляются на русском языке.

Примерно в это время в первую Конституцию молодой Республики Южная Осетия была внесена статья о том, что осетинский язык является государственным языком [Конституция]. Согласно 4 статье Конституции Республики Южная Осетия, государственными языками в Республике Южная Осетия являются осетинский и русский языки. Причем сохранение и развитие осетинского языка являются важнейшей задачей органов государственной власти Республики Южная Осетия. Осетинский и русский языки, а в местах компактного проживания граждан Республики Южная Осетия грузинской национальности – грузинский, признаются официальными языками органов государственной власти, государственного управления и местного самоуправления в Республике Южная Осетия [Конституция].

Следует отметить, что развитие языка обусловлено изменениями в обществе. Ослабление позиций осетинского языка, помимо снижения активного его применения в обществе в целом и изменений в установках на его применение, выражается как в изменении уровня культуры речи, так и в сдвиге литературной нормы, а также в изменении соотношения функциональных стилей, социокультурных разновидностей и особенностей форм существования языка – в уменьшении объема употребления литературного стиля и повышении уровня применения разговорного стиля литературного языка или даже разговорно-просторечного⁶³. При этом, отражая окружающую реальность, снижается и употребление официально-делового, научно-публицистического⁶⁴ и литературно-художественного стилей осетинского языка с уменьшением их информативной, воздействующей и эстетической функций. Разговорный же стиль, реализуя функцию непосредственной коммуникации, имеет тенденцию к вульгаризации, опрощению. Все это обусловлено изменениями в обществе, повлиявшими на современную речь и послужившими «появлению интеллигентского просторечия как новой стилевой разновидности» [Кудинова, 2010: 124]. Однако указанные подсистемы языка подвижны и не являются статичными, их трансформация соответствует изменениям в обществе.

В целях сохранения, изучения и развития государственного осетинского языка в Республике Южная Осетия уже в 2012 году была принята Государственная программа по сохранению, изучению и развитию осетинского языка на 2012–2016 годы. В том же году при Правительстве Республики Южная Осетия была создана Комиссия по развитию и сохранению осетинского языка. В Комиссию вошли представители органов государственной власти, научно-исследовательского и образовательных учреждений, общественных объединений [Битарти, 2018].

В настоящее время в Республике Южная Осетия проходит утверждение новая «Государственная программа по сохранению, изучению и развитию осетинского языка на 2024–2026 гг.». С целью развития и сохранения осетинского языка в Республике Южная Осетия на государственном телевидении ведутся авторские проекты. Так, более пяти лет

⁶³ Причем разговорный стиль служит для непосредственного общения в неофициальной обстановке, когда участники диалога делятся мыслями и чувствами, обмениваются информацией по бытовым вопросам. Обычно в такой обстановке отсутствует отбор языкового материала, самоцензура, повышается значение внеязыковых факторов, окружающей обстановки.

Стилеобразующими средствами разговорного стиля являются соответствующая норма, языковые средства, выразительная лексика, маркеры эмоциональности, употребление неполных предложений, вводных слов, слов-обращений, диалектизмов, повторов и пр.

⁶⁴ Здесь тон задает стиль массовой коммуникации, формируя новые формы, направления и моду.

транслируется программа «Дзырд» (Слово), которая способствует развитию литературной речи и популяризации среди молодежи произведений классиков осетинской литературы, Нартского эпоса.

Во всех среднеобразовательных школах, а также в ДДТ РЮО создаются кружки по изучению осетинского языка и литературы, истории, этнографии, археологии и т.д. проводятся олимпиады, конкурсы по этим направлениям. Государственная телерадиокомпания «ИР» ведет серию авторских передач о выдающихся людях Осетии, телекомпания ЮОГУ ТВ освещает научно-популярную и культурную работу, которая ведется в Республике⁶⁵.

При Юго-Осетинском государственном университете создан лингвокультурологический Центр имени В.И. Абаева, в котором проводятся лекции и семинары по осетинскому языку для администрации, госчиновников, преподавателей дошкольных образовательных учреждений и представителей родительских комитетов при образовательных организациях. Здесь же учрежден журнал «Мадаелон æвзаг» («Родной язык»).

В Государственном драматическом театре, который является культурным центром Цхинвала – столицы Республики Южная Осетия, регулярно ставятся новые постановки на осетинском языке целой плеяды режиссеров, таких как Тамерлан Дзудцов, Казбек Джелиев, Эдуард Келехсаев. За последние годы на осетинский язык были переведены и поставлены на осетинском языке на сцене Юго-Осетинского драматического театра произведения русских писателей: «Борис Годунов» А.С. Пушкина, «Тиль» Г. Горина, «Ревизор» Н.В. Гоголя, «Золотая рыбка» А.С. Пушкина, «Последние» М. Горького. Активно ставятся спектакли по произведениям осетинских драматургов: «Сау нымæт» (Черная бурка) Г. Хугаева, «Фæстаг æвдисæн» (Последний свидетель) А. Остаева (о геноциде осетин 20-х годов XX в.), «Горæттаг усгуртæ» (Городские женихи) А. Айларова, «Усгур Гæци» (Жених Гæци) М. Саулохова, «Пасайы фæндон» (Желание Паса) Д. Туаева и др.

Ежегодно 15 мая проводится День осетинского языка и литературы у памятников Коста Хетагурова и Вассо Абаева, где учащиеся столичных школ и финалисты телевизионного конкурса осетинской поэзии и прозы «Дзырд» читают стихотворения осетинских классиков [День осетинского языка и литературы, 2023].

⁶⁵ При Президенте РЮО уже много лет функционируют хор подростков, камерный оркестр «Айзæлд», а также вокально-хореографические ансамбли и оркестры РЮО, как детские, так и взрослые, которые успешно выступают на Кавказе и в России.

В рамках Государственной программы Республики Южная Осетия по сохранению, изучению и развитию осетинского языка на 2012–2016 годы была начата работа над программой «Малусæг» для дошкольных образовательных учреждений.

Для ведения работы по сохранению родного языка нужна была главная составляющая такой программы – учебно-методическая литература на осетинском языке для преподавателей и учащихся. Была сформирована рабочая группа из четырнадцати человек –преподавателей Юго-Осетинского государственного университета, специалистов в области осетинского языкознания и литературы, которая приступила к работе.

Деятельность в рамках проекта осуществлялась в несколько этапов. Был проведен подготовительный этап, включающий анализ мировых практик продвижения родного языка, определение родительских установок на употребление языка в обществе, факторов, способствующих становлению двух языков в семье, потенциал реализации билингвального обучения с привлечением родителей к различным этапам обучения детей, определение потребностей воспитателей/учителей и родителей.

Главной целью программы выступала задача сохранения и развития родного языка в дошкольной образовательной среде. Здесь учитывалась важность такой составляющей как язык для пробуждения сознания и памяти ребенка (что обычно происходит на третьем – четвертом году жизни) и отмечалась оптимальность того, чтобы эти процессы проходили на родном для ребенка языке. При этом особую важность обретает тот язык, на котором говорят с ним родные и на котором говорит он сам, выражая собственные мысли, формулируя свои чувства и желания [Тедеева–Битарти, 2021].

Первый этап работы предполагал создание необходимой литературы для дошкольных образовательных учреждений. В рамках данного этапа было издано 62 учебных книги⁶⁶.

С 2018 года начата разработка школьных учебников. При этом разрабатывалась задача оптимизировать взаимодействие между домом и детским учреждением, будь то детский сад или школа.

⁶⁶ Кроме методических разработок по воспитанию личности, для детских (дошкольных) образовательных учреждений РЮО подготовлена также и необходимая дополнительная литература на осетинском языке: «Энциклопедия для самых маленьких». Т. 1, Цхинвал, 2010; «Энциклопедия для детей». Т. 1. Цхинвал, 2013; иллюстрированный журнал «Моя славная родина – Южная Осетия». Цхинвал, 2015; Битарти З.А. «Добро пожаловать в экологию». Цхинвал, 2011; Цгоева А.К. «Живая память Осетии». Цхинвал, 2016; Тедеев Б.Г. «Поговорки, пословицы и загадки в иллюстрациях». Цхинвал, 2015; Джагаева Т.Е. «Мир детской экономики». Владикавказ, 2016; «Инсценировки для самых маленьких». Цхинвал, 2010; Харебати Ф.Г. «Театральные инсценировки и пьесы для детей». Цхинвал, 2013; Битарти З.А., Техова А.Г. «Активная лексика в осетинском и английском языках». Цхинвал, 2014, а также Тибилова И.Д., Гассиева Н.К. «Народная культура и традиции» (с 3-х до 7-и лет). Цхинвал, 2016 (на осетинском и русском языках).

На предварительной стадии данного этапа был проведен мониторинг начальных образовательных учебных заведений⁶⁷ и осуществлена проверка уровня знаний родного языка детей в дошкольных учреждениях, где сочетается продвижение родного языка и привитие детям интереса к знанию литературного осетинского языка и навыков свободного владения им и порождения речи (говорения). Одновременно велось тестирование навыков воспроизводства детьми русской речи. Наряду с этим проводилось и тестирование качества проводимой воспитателями работы с применением разработанного образовательного материала для разных возрастных групп и анализировались недочеты учебных материалов.

В настоящее время рабочая группа занимается созданием учебно-методической литературы для учащихся средних образовательных школ с 1-го по 9-й класс и с 10-го по 11-й класс, поскольку до настоящего времени учащиеся южноосетинских школ с первого по девятый класс занимались по учебникам, разработанным в Северной Осетии, в которых не учитывались особенности географии, истории, языка и культуры Южной Осетии, не упоминались нужды этого государства, что вызывало недоумение у учащихся⁶⁸. Ведется работа над созданием учебников по осетинскому языку и литературе с 1 по 9 класс и для 10–11 классов. Сегодня школы имеют необходимый набор учебных пособий по осетинскому языку и литературе. Однако продолжается работа над методическими разработками и комплексным анализом произведений осетинских писателей, включенных в учебные программы, которых в прежних программах не было. Для четырех учебников такие методические поурочные разработки подготовлены. Составлена хрестоматия для 9–11 классов. Для учащихся с 1 по 11 классы разработано и издано 25 учебников. К работе над учебно-методической литературой для школ, помимо вузовских преподавателей, активно подключены и школьные учителя.

В рамках Государственной программы Республики Южная Осетия по сохранению, изучению и развитию осетинского языка на 2024–2026 гг. идет работа над учебной литературой для начальных классов по таким предметам как окружающий мир, ИЗО, музыка, технология и физкультура. Уже четвертый год в старших классах средних школ РЮО национальные традиции преподаются на осетинском языке по учебнику И. Маргиева.

⁶⁷ Следует подчеркнуть, что все дошкольные детские учреждения РЮО являются государственными.

⁶⁸ Авторами новых учебников для 10–11 классов по осетинской литературе для старших классов были Нафи Джусойты и Мелитон Казиты, они учли при составлении материалов данные по Южной Осетии. Одним из важных пунктов новой программы стало долгожданное издание учебника «История Южной Осетии», который был подготовлен исследователями ЮОНИИ им. З.Н. Ванеева.

Следующий этап программы предполагает разработку учебников и пособий, интерактивных тетрадей для занятий по развитию культуры речи для учащихся 10 и 11 классов. Новая программа расширена с учетом предложений министерства культуры, Юго-Осетинского научно-исследовательского института и государственного телевидения, которое планирует выпуск программ, способствующих развитию осетинского языка.

С целью формирования билингвальной (плюрилингвальной) личности авторы учебных пособий стремятся наладить взаимодействие между домом и детскими образовательными учреждениями, задать режим наибольшего благоприятствования для более активного употребления детьми родного языка как дома, так и в обществе, а также определить потребности всех заинтересованных в этом лиц (детей, учителей и родителей). Ведется разработка моделей вовлеченности родителей в работу билингвальных детских садов и школ, привлечения родителей к процессу обучения родному языку в детских садах и школах с целью формирования билингвальной личности. Проводится также анализ и тестирование различных моделей и подходов к дальнейшему развитию навыков овладения родным языком или говорения на родном языке.

В перспективе развития родного языка и в вопросе влияния его на молодое поколение и общество в целом особенно важной представляется работа по повышению статуса родного языка и его активному употреблению в обществе.

В этой связи упомянем, что в РЮО стоит на повестке дня и активно дискутируется тема дублирования вывесок, указателей, рекламных щитов, баннеров на осетинском языке, поскольку всей общественности очевидна их наглядно-пропагандистская роль в деле популяризации родного языка.

К особенно важной деятельности такого рода можно отнести и разработку осетинской топонимической номенклатуры и формирование осетинской научной терминологии. По решению руководства Северной и Южной Осетии были созданы терминологические комиссии с участием филологов и лингвистов двух республик. Одна из главных задач при этом – предотвратить дальнейшее расхождение в вопросах терминологии осетинского языка на Юге и Севере Осетии и наладить координацию действий для решения актуальных языковых проблем.

В этой связи в качестве дополнения еще раз напомним, что в РЮО активно дискутируется тема дублирования вывесок, указателей, рекламных щитов, баннеров на осетинском языке и их наглядно-пропагандистская роль в деле популяризации родного языка.

5 | О программе дошкольного обучения «Малусæг»

Ключевым компонентом Государственной программы Республики Южная Осетия по сохранению, изучению и развитию осетинского языка на 2012–2016 годы служила билингвальная образовательная программа дошкольного обучения «Малусæг» (Подснежник), которая была разработана и внедрена профессором Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова, кандидатом филологических наук З.А. Битарти. Программа «Малусæг» разработана на основе общеобразовательной программы дошкольного образования «Детство», созданной сотрудниками кафедры «Дошкольное образование» Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Основной целью программы «Малусæг» является создание условий для сохранения, изучения и устойчивого развития, повышения функциональности осетинского языка, приобщения детей дошкольного возраста к ценностям национальной культуры. Данная Программа предназначена для детей четырех возрастных категорий: от 1, 5 до 3 лет, от 3 до 4 лет, от 4 до 5 лет, от 5 до 6 лет и от 6 до 7 лет. В соответствии с указанными возрастными категориями разработаны и методические рекомендации по реализации программы (эти материалы и научно-методические разработки З.А. Битарти (2010–2016) опубликованы в специальных методических изданиях по данным вопросам).

Программа и методические рекомендации по реализации программы для первой, третьей и пятой возрастных категорий составлены кандидатом филологических наук, деканом факультета осетинской филологии Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова И.Д. Тибиловой. Для детей второй и четвертой возрастных категорий программа составлена кандидатом филологических наук, профессором Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова З.А. Битарти.

5.1 Этапы программы дошкольного обучения «Малусæг»

В связи с разработкой программы Министерство образования и науки Республики Южная Осетия пересмотрело образовательный процесс в дошкольных образовательных организациях и поделило программу на два этапа. Следует отметить, что все образовательные детские учреждения, работающие по этой программе, являются государственными.

Этап первый: с 1,5 до 4 лет вся работа построена на изучении осетинского языка естественным образом, в основе обучения лежит практика общения в игровой форме. Здесь

занятия проходят на осетинском языке с полным погружением в языковую среду и введением на последних этапах (последний год обучения, с 3 до 4 лет) дополнительной фоновой лексики по закрепленным тематическим группам на русском языке.

На втором этапе – с 4 до 7 лет работа построена на билингвальной основе. В этом случае работа ведется как на осетинском, так и на русском языках. При этом ставится задача освоения и введения в практику литературного осетинского языка.

Данный этап программы разбит на две фазы – для детей в возрасте от 4 до 5 лет и с 5 до 7 лет. Работа направлена на формирование общей культуры детской личности, приобщение детей к общечеловеческим ценностям, развитие у них социальных, нравственных, эстетических, интеллектуальных, физических качеств, а также таких личных качеств, как инициативность, самостоятельность и ответственность. Наряду с этим включаются элементы раннего дошкольного развития с рядом ступеней подготовки к школе. При этом педагоги стремятся к формированию у детей мотивации к учебе.

Проходят курс интенсивной подготовки и повышения квалификации и сами педагоги, воспитатели детских учреждений и учителя начальной школы. При этом важно, что все они носители осетинского языка, а во многих случаях имеют филологическое образование, закончили Юго-Осетинский государственный университет по специальности «Осетинский язык и литература» или «Педагогика и методика начального образования», «Дошкольное образование» и пр.

Чтобы помочь детям освоить родной язык, каждый урок следует структуре по принципу ознакомление, практика и применение с учетом анализа целей программы и индивидуальных потребностей детей. На занятиях детей побуждают говорить с педагогом и другими участниками занятий на осетинском языке, обсуждая реальные ситуации. В основе метода обучения заложена практика интенсивного общения, наряду с этим педагог уделяет внимание аудированию и произношению (фонетике) детей. В процессе беседы корректируются грамматические конструкции и вводится новая лексика.

В помощь преподавателям разработаны методические материалы с разбиением по урокам и обозначением языковых навыков для каждого тематического семинара или практикума. Там же дана разработка практических занятий с использованием того материала, который уже освоен детьми. На каждом уровне ставятся задачи с конкретными целями обучения.

Программу отличает высокая эффективность в приобретении разговорного навыка родного языка, а также упор на игровой аспект занятий.

5.1.1 Полное погружение – мелодия родной речи

С 1,5 до 4 лет вся работа построена на изучении родного осетинского языка естественным образом, в основе обучения лежит практика общения. Цель такой программы не просто обучать детей родному языку, но и развивать их в процессе освоения языка, используя именно этот язык, задавая новые горизонты развития. Занятие проводится в обстановке специально оборудованного игрового помещения, и вся работа осуществляется на изучаемом осетинском языке с полным погружением в языковую среду с введением на последних этапах (последний год обучения) дополнительной фоновой лексики по закрепленным тематическим группам на русском языке.

Обучение проходит с учетом разработанных педагогических целей и требований маленьких детей. Занятия проходят в группе (вся группа данного возраста в конкретном детском саду, до 10–15 детей, или с разбиением на небольшие группы по 5–8 человек) в течение времени, отведенного на занятия, по предварительно разработанному расписанию.

Обучает детей исключительно носитель языка, и сам процесс проходит только на изучаемом языке в контексте реальных ситуаций с упором на словарный запас и отработку определенных конструкций. Язык вводится в ходе общения с воспитателем постоянно, даже во время приема пищи (завтрак, обед, полдник), а также во время практических занятий и социокультурных мероприятий: обсуждения заданной темы, музыкальных занятий, прогулок и утренников. Дети практикуют языковые навыки во время выполнения заданий и работы в небольших группах по 2–3 человека и в ходе тематических занятий по отработке лексики на определенные темы.

Восприятие детьми речи носителя на слух существенно улучшает уровень качества обучения, дети учатся воспринимать язык на интуитивном уровне и говорить сами. Приоритет отдается разговорному жанру (диалог, полилог), что позволяет сразу использовать язык в реальных ситуациях на практике. Активный живой диалог помогает начать общение, преодолевая языковой (или иной) барьер. У ребенка сначала вырабатывается способность говорить на осетинском языке, отвечать на вопросы, поддерживать беседу; чтение и письмо добавляются на следующих этапах обучения.

Эффективность работы на занятии определяется активностью в группе, она тем выше, чем больше дети говорят и спрашивают, что лучше для восприятия и закрепления материала. В необходимых случаях применяется индивидуальный подход.

Программа для детей от 1,5 до 3 лет включает 180 тем на осетинском языке. Темы сгруппированы по разделам, охватывающим следующие области развития и образования детей: социально-коммуникативное, познавательное, речевое, художественно-эстетическое и физическое развитие. В программу включены произведения осетинских поэтов и писателей.

Занятия ведутся ежедневно утром и вечером в рабочие дни. В течение месяца дети изучают 2–3 темы (10 занятий в неделю). Рекомендуется одну тему изучать в утреннее время, 2–3 темы – во второй половине дня.

Для каждого занятия разработана тема (например, сказка «Волк и лиса» (*аргъау «Бирагъ æмæ рувас»*)), в которую включены несколько уроков, определяются цель и задачи урока (*нысан*), раскрывается степень наглядности материалов (*æрмаг*), поурочный план со структурой урока (*ахуыры цыд*), предлагаются вопросы для обсуждения (*фарстытæ*), а также технический словарь (*дзырдуат*).

Уже в начале курса дети могут посчитать до десяти – двадцати на осетинском языке, ответить на вопросы о своем имени и возрасте, рассказать, где они живут; в процессе обучения дети осваивают названия овощей и фруктов, домашних животных и зверей, учатся приветствию и прощанию, воспринимают некоторые элементарные фразы, например выражающие просьбу и пр.

Программа от 3 до 4 лет включает 36 основных тем, которые поделены на подтемы; в неделю проводится 11 занятий. В помощь воспитателю приводятся дополнительные вопросы для размышления и обсуждения по определенной теме, предлагаются возможные направления сравнения данного материала с пройденным ранее и последующими за таким сравнением выводами с изложением изученного материала. Каждая тема завершается повторением пройденного материала, подведением итогов и закреплением материала.

При разработке уроков и тем учитывается, что на данной ступени у детей закладываются основы коммуникативной компетенции. Уроки на осетинском языке строятся с применением диалогов и полилогов, а также введением в практику работы в паре, команде, используется и разыгрывание групповых сценок. Разработаны модели различных ситуаций, например, посещение родных и друзей, поход за покупками или в детский сад, приветствие старших, помощь младшему.

5.1.2 Билингвальный принцип обучения

При обучении детей с 4 до 7 лет работа построена на билингвальной основе. В этом случае работа ведется как на осетинском, так и на русском языках. Особенно важно отметить, что на этом этапе ставится задача освоения и введения в разговорную практику литературного осетинского языка.

Программа для детей в возрасте от 4 до 6 лет включает 36 тем (13 занятий в неделю) и ставит целью речевое и познавательное развитие детей. Программа для детей в возрасте от 6 до 7 лет рассчитана на 84 темы (15 занятий в неделю). В ее задачу входит формирование у детей связной речи и способностей к овладению основными коммуникативными способностями на двух государственных языках. Особое внимание уделяется закреплению содержательной базы, которая формируется постепенно по мере введения и закрепления языкового материала (и грамматических структур) и последовательному освоению родного языка.

На данном этапе помимо формирования непосредственно языковых навыков ведется и обучение основам русского языка, письма на осетинском и русском языках, элементам математики, а также лепке, осетинским танцам и пр. в игровой форме. Формируются и группы подготовки к школе.

Принцип билингвизма программы дошкольного образования «Малусæг» позволяет сформировать у детей две языковые системы. При этом разработчики исходят из положения, что к концу курса должна быть достигнута главная цель программы — достичь наличия определенного уровня гармоничного развития личности ребенка и необходимого уровня базовых знаний в области как литературного осетинского, так и русского языков [Масензова, 2017: 17].

5.1.3 Программа дошкольного образования «Малусæг»: реализация и рекомендации

По мнению педагогов, работающих по программе дошкольного образования «Малусæг», литературный осетинский язык показал свою жизнеспособность в среде детей дошкольного возраста. «Дети стали осваивать **литературный осетинский язык** и использовать его в повседневном общении. Получая национально ориентированное образование, дошкольник начинает понимать национальный дух, менталитет, характер своего народа, свою идентичность. Создаются предпосылки для развития личности, могущей

сохранить свою национальную культуру и индивидуальность, понимающей многомерность мира» [Джамалова, 2014: 35]. По мнению З.А. Битарти, этого все еще недостаточно, и осетинский язык должен стать для детей орудием мышления.

Для достижения цели программы дошкольного образования «Малусæг» необходимо решение ряда задач: объединение обучения и воспитания в целостный образовательный процесс на основе духовно-нравственных и социокультурных ценностей, принятых в осетинском обществе; формирование уважительного отношения к родному языку; обеспечение проявления эмоционального интереса к осетинскому языку и осетинской культуре; обеспечение равных возможностей для формирования личности с национальной идентичностью.

Реализации программы дошкольного образования «Малусæг» предшествовал ряд мероприятий разного уровня. На исследовательском уровне были выявлены и оценены:

- современное состояние литературного осетинского языка в доминантных коммуникативных сферах;
- ситуация с возрастной дифференциацией говорящих на литературном осетинском языке;
- уровень национального самосознания у молодежи и детей дошкольного и школьного возраста.

На уровне практической реализации:

- проведены различные мероприятия на осетинском языке на государственном телевидении с вовлечением детей и молодежи;
- проведена разъяснительная работа с родителями о смысле и значимости обучения дошкольников на осетинском языке;
- к организации работы по стимулированию интереса детей к изучению осетинского языка были привлечены ученые и выдающиеся люди, обладающие высоким авторитетом в обществе. Они приняли участие в серии программ и выступлений в средствах массовой информации.

Иными словами, вся эта работа была организована во взаимодействии школы, семьи и общественности.

Мониторинг продуктов программы дошкольного образования «Малусæг» указал на необходимость повышения квалификации педагогических работников, осуществляющих воспитательно-образовательный процесс в дошкольных образовательных организациях по программе «Малусæг». Тогда же автор программы, З.А. Битарти, выступила инициатором проведения внеплановых курсов повышения квалификации. З.А. Битарти считает, что на

педагогах лежит значительная доля ответственности за сохранение и развитие родного языка и культуры народа, и от того, как работает учитель родного языка, зависит уровень национального самосознания подрастающего поколения. Кроме того, З.А. Битарти отметила необходимость улучшения качества коммуникации на родном языке с детьми в семье и в образовательных детских учреждениях. К настоящему времени курсы повышения квалификации прошли более 90% воспитателей и педагогов РЮО.

Наряду с этим был разработан и проведен курс лекций по темам «Язык, речь и общество», «Предпосылки развития осетинского языка», «Осетинский литературный язык в 30-х гг. XX в.», «Современные нормы осетинского литературного языка». В его рамках слушатели познакомились с методами взаимосвязанного обучения осетинскому, русскому и иностранному языкам, выработке коммуникативных умений, выработке навыков общения с детьми дошкольного возраста на родном языке.

В настоящее время в Министерстве образования и науки и Институте повышения квалификации работников образования республики идет работа по совершенствованию системы мониторинга реализации программы дошкольного образования «Малусæг», определяются новые методики обработки и анализа полученной в детских учреждениях информации.

Автор программы «Малусæг» профессор З.А. Битарти рекомендует пересмотреть программу начального общего образования и вести обучение в начальной школе (с 1-го по 3-й классы) по всем предметам на осетинском языке. Однако обучение таким дисциплинам, как математика, русский язык и английский язык, более оправданно проводить на русском языке. Билингвизм, по мнению З.А. Битарти, целесообразней вводить с 4-го класса.

Программа «Малусæг» имеет продолжение в школьной образовательной среде. Новая программа «Ног фæлтæр» (Новое поколение) призвана продолжить воспитание личности в национальном духе, личности, являющейся носителем высокой нравственной и духовной культуры своего народа. В рамках программы «Ног фæлтæр» изданы новые учебники по осетинскому языку и осетинской литературе для учащихся 1–9 классов. В настоящее время готовятся к изданию учебники для 10–11 классов.

6 | Заключение

Положение осетинского языка в доминантных сферах общения, таких как сфера администрации, образования и массовой коммуникации, использование языка в которых

материально и законодательно поддерживается на государственном уровне и на юге, и на севере Осетии, т.е. и в Республике Южная Осетия, и в Республике Северная Осетия-Алания близко к крайне тревожному⁶⁹.

Несмотря на проводимые мероприятия, за последнее десятилетие существенных изменений в языковой ситуации не наблюдается. Очевидно, что лишь внедрением программ дошкольного обучения «Малусæг» и школы «Ног фæлтæр» в Республике Южная Осетия или открытием одной национальной гимназии во Владикавказе (Аланская гимназия в Республике Северная Осетия-Алания) ситуацию не выправить. Важнейшим инструментом сохранения и развития осетинского языка является его непрерывное присутствие в дошкольном и школьном образовании. Мероприятия с целью сохранения и развития осетинского языка необходимо продолжать и совершенствовать.

Объединение усилий государства, ученых и общественности в деле сохранения родного языка, усиление его роли в сфере образования уже дало некоторые результаты на примере дошкольных образовательных заведений (дети до пяти лет) в последние пять лет. Авторы надеются, что и последующая динамика функционирования осетинского языка у этих детей в последующих возрастных группах будет положительной.

В этой связи принципиально начинать работу именно с дошкольной образовательной среды, чтобы донести до детей возможность знания родного языка, преданность семье и народу, а через эти знания воспитать чувство патриотизма, корни которого восходят к знанию родного языка и родных мест.

Большую пользу может принести деятельность в рамках этнокультурного брендинга территорий, чего в настоящее время добиваются специалисты по туризму.

Отметим также, что необходима усиленная работа в русле разработки стратегий речевой коммуникации, социокультурных регистров речи, стилистики и жанров, выработки идеологии «моды говорения» на осетинском языке, к чему уже тянется осетинская молодежь, осознающая последующий за уходом родного языка вакуум.

⁶⁹ Об этом говорит, например, издание учебников, ориентированных на не знакомых с языком людей: Таказов Ф.М. Учебник осетинского языка для невладеющих. Владикавказ, 2007. (Книга рассчитана на учащихся 7–11 классов средней школы, студентов вузов и широкий круг читателей, интересующихся осетинским языком).

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И.* Избранные труды. В 4-х томах. Т. 2. Общее и сравнительное языкознание. Т. 4. Статьи и выступления. 2-е изд., испр. Владикавказ: Ир, 2020.
- Алексеев М.Е.* (1992) Языки малочисленных народов СССР: Современное состояние и перспективы // Проблемы языкознания в СССР: 1987–1999 гг. М.: ИНИОН. 19 с.
- Бесолова Е.Б., Закаева Б.К., Джисоева В.П., Денисенко А.В., Калинина Ю. М.* (2021) Языковая ситуация и статус языков в Республике Северная Осетия-Алания // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. №4. С. 1250.
- Бесолова Е.Б.* (2020) Еще раз о родном языке – факторе единства нации // Известия СОИГСИ. №36 (75). С. 95
- Битарти З.А.* (2018) Развитие осетинского языка в условиях межкультурной коммуникации на примере Республики Южная Осетия // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве. Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018 г.): доклады и сообщения. Отв. ред. А.Н. Биткеева, М.А. Горячева. Институт языкознания РАН. М.: Языки Народов Мира. С. 440–445.
- Биткеева А.Н., Вингендер М., Михальченко В.Ю.* (2019) Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: Социолингвистический аспект // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. Т. 18. № 3. С. 1254. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1. С. 6–23.
- Джамалова Б. Б.* (2014) Национально ориентированное образование // Международный научно-исследовательский журнал. № 2–3 (21). С. 34–36.
- Дудаева З.Ф.* (2020) О развитии национального образования в Республике Северная Осетия-Алания // Мировая наука. №4 (37). С. 224–227.
- Дырхеева Г.А., Цыбенкова Ч.С.* (2020) Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. №1. С. 62–74.
- Исаев М.И.* (1966) Дигорский диалект осетинского языка. М.: Наука, 1974.
- Исаев М.И.* (1974) Очерки по истории изучения осетинского языка. Орджоникидзе: Ир. 15 с.
- Исаев М.И.* (2000) Осетинский язык // Языки мира. Иранские языки. III. М.: Индрик, 2000. С. 311–323.
- Итоги 2016 – Итоги всеобщей переписи населения Республики Южная Осетия / Управление государственной статистики (2016). Цхинвал, 2016. 452 с.
- Коста Хетагуров* (1951) Публицистика и письма // Собрание сочинений. В 3 т. М.: Издательство Академии наук СССР. Т. III.
- Козаева Г.Р.* (2023) О проблеме социолингвистического облика Осетии. Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. (33) С. 168–175.
- Кудинова Т.А.* Изменения в функциональной системе русского языка XXI века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 4. С. 124–128.
- Майрамукаева Ф.А.* (2023) Ныхасы рæзтыл куыст райдайæн скъолайы ирон æвзаджы урокты [Развитие речи на уроках осетинского языка в начальной школе]. Ульяновск: Зебра, 2023.
- Масенцова Т.А.* (2017) Развитие этнокультурной компетентности дошкольников в условиях единого образовательного пространства // КНЖ. №1 (18). С. 16–20
- Миллер В.Ф.* (1881) Осетинские этюды. М.: Императорский Московский ун-т. Ч. 1. М., 1881; Ч. 2. М., 1882.; Ч. 3. 1887.
- Миллер В.Ф.* (1927–1934.) Осетинско-русско-немецкий словарь. Л., 1927–1934.
- Миллер В.Ф.* (1962) Язык осетин. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР.

- Моисеенко Л. В., Ускова Т. В., Думина Е. В., Викулина М. А. (2020) Особенности осетинского билингвизма // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. №13 (842). С. 90–101.
- Сланов А.А. (2021) Развитие школьного образования в Южной Осетии в XIX начале XX в. г. Владикавказ.
- Словарь социолингвистических терминов (2006). Отв. ред. В.Ю. Михальченко. Москва: Институт языкознания РАН. 312 с.
- Тамерьян Т.Ю. (2020) Осетинский язык в языковом ландшафте Северной и Южной Осетий: ценностный ракурс и метафорическая репрезентация // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. №4. С. 184.
- Тамерьян Т.Ю., Бекоева И.Д. (2019) Этноспецифический концепт Юго-Осетинского политического пространства // Гуманитарные и юридические исследования. №4. С. 234.
- Шёгрэн А.М. (1844) Осетинская грамматика с кратким словарём (осетино-русским и русско-осетинским). СПб., 1844; (Иронæвзагахур, des ist Ossetische Sprachlehre, nebst Kurzem Ossetisch-deutschen und Deutsch-Ossetischen Wörterbuche. St.-Petersbrg, 1844); 2 изд. М.: ИМЛИ РАН, 2010 (На русском и немецком языках).
- Эльконин Б. Г. (2001) Психология развития. Текст. М.: Академия, 140 с.
- Bitarti Zoya. A Startling Episode in the Ossetian Mountains // Tatiana B. Agranat, Leyli R. Dodykhudoeva (eds.) Bear Tales in Minority Languages: Beliefs and Visions. Newcastle-on Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2025, pp. 56–61.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

- Avdan: осетинский язык на ладони. 27.02.2024. Режим доступа: <https://region15.ru/article/avdan-osetinskij-yazyk-na-ladoni/>. (Дата обращения 25.03.2025).
- День осетинского языка и литературы. Официальный сайт Администрации Президента Республика Южная Осетия. 15.05.2023. Режим доступа: <https://south-ossetia.info/anna-chochieva-my-dolzheny-stremitsya-k-tomu-chtoby-osetinskij-yazyk-sootvetstvoval-statusu-gosudarstvennogo/>. Дата обращения 26.03.2025.
- Журналисты летописцы истории нашей страны. Сообщения аналитического отдела газеты «Южная Осетия». Официальный сайт Администрации Президента Республики Южная Осетия. Режим доступа: <https://south-ossetia.info/zhurnalisty-letopiscy-istorii-nashej-strany/>. Дата обращения: 18.03.2025.
- Журналу «Фидиуæг» – 90 лет. Сообщения аналитического отдела газеты «Южная Осетия». Официальный сайт Администрации Президента Республики Южная Осетия. Режим доступа: <https://south-ossetia.info/zhurnal-fidiuaeg-90-let/>. Дата обращения 25.03.2025.
- Зоя Битарти о культуре речи, новой программе и достигнутых результатах // газета «Южная Осетия». 12.10.2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ugo-osetia.ru/kultura/zoya-bitarti-o-kul'ture-rechi-novoy-prog>. Дата обращения 14.04.2025.
- «Ирон-газет» — 111-лет «Ирон-газет» — первому национальному СМИ. Аналитический отдел газеты «Южная Осетия», официальный сайт Администрации Президента Республики Южная Осетия. Режим доступа: <https://south-ossetia.info/111-let-ipon-gazet-pervomu-nacionalnomu-smi/>. Дата обращения 25.03.2025.
- Исторический референдум. 18.01.2021. Газета «Республика». [Официальный сайт Администрации Президента Республики Южная Осетия](https://south-ossetia.info/istoricheskij-referendum/). Режим доступа: <https://south-ossetia.info/istoricheskij-referendum/>. Дата обращения 15.04.2025.
- Как говорящие игрушки возрождают осетинский язык. Владикавказ. Режим доступа: <https://tass.ru/v-strane/5401641>. Дата обращения 26.03.2025.

- Конституция. Режим доступа: <https://rsogov.org/republic/constitution>. Дата обращения 26.03.2025.
- О государственной программе Республики Северная Осетия-Алания "Национально-культурное развитие осетинского народа" на 2021 – 2025 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/571090713?ysclid=lsc273ieuz746147216>. Дата обращения 09.03.2024.
- О государственных языках Республики Южная Осетия. Кавказский Узел. 05.04.2012. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/204339/>. Дата обращения 25.03.2025.
- О Зое Битарти, научных трудах и родном языке // газета «Южная Осетия». 05.07.2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ugo-osetia.ru/kultura/o-zoe-bitarti-nauchnykh-trudah-i-rodnom?ysclid=ltln75taf658188017>. Дата обращения 14.04.2025.
- Осетинский язык. Прима Виста // [Осетинский язык. Бюро переводов «Прима Виста»](https://www.primavista.ru/rus/dictionary/lang/ossetin) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.primavista.ru/rus/dictionary/lang/ossetin>. Дата обращения 14.04.2025.
- Осетины-иронцы. Национальная политика. Информационный портал. Режим доступа: <https://национальнаяполитика.рф/nationalities/Осетины-иронцы>. Дата обращения 19.03.2025.
- Программу «Малусаг» презентовали в Цхинвале // Государственное информационное агентство «Рес» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cominf.org/node/1166507533>. Дата обращения 09.03.2024.
- Тарханова Жанна, Войтова Яна. Хранители осетинского. Смартфоны, соцсети, песни, стихи и детские игры — какие способы используют в войне за сохранение родного языка. 27.11.2019. Это Кавказ. Режим доступа: <https://etokavkaz.ru/obshchestvo/khraniteli-osetinskogo>. (Дата обращения 15.04.2025).
- Тедеева И. – Битарти З.А. (2021) Ребенок в первые годы жизни должен говорить на родном языке. Интервью с З.А. Битарти // газета «Южная Осетия». Новости. Публикации. Официальный сайт Администрации Президента Республики Южная Осетия. 17.05.2021. Режим доступа: <https://south-ossetia.info/rebenok-v-pervye-gody-zhizni-dolzhen-govorit-na-rodnom-yazyke/>. (Дата обращения 25.03.2025).
- Хурзæрин. Режим доступа: <https://new.xurzarin.ru>. (Дата обращения 26.03.2025).
- Югоосетинский государственный драматический театр. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Юго-осетинский_государственный_драматический_театр. (Дата обращения 15.04.2025).
- «Южная Осетия». Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Южная_Осетия. Дата обращения 15.04.2025.
- UNESCO WAL – UNESCO World Atlas of Languages. Available at: <https://en.wal.unesco.org/languages/digor-ossetian>. Access date 03.09.2024.

REFERENCES

- Abaev, V.I.* (2020) *Izbrannyye trudy*. 2. *Obshee i sravnitel'noe yazaykoznanie*; 4. *Statyi i vystupleniya* [Selected works. 2 General and comparative linguistics; 4. Articles and speeches]. 2nd ed. Vladikavkaz.
- Alekseyev, M.Ye.* (1992) *Yazyki malochislennykh narodov SSSR: Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy* [Languages of the small peoples of the USSR: Current state and prospects] // *Problemy yazykoznaniya v SSSR: 1987–1999 gg.* [Problems of linguistics in the USSR: 1987–1999]. Moscow: INION. S. 19 (In Russian).

- Besolova, Ye.B., Zakayeva, B.K., Dzhioyeva, V.P., Denisenko, A.V., Kalinina, Yu.M.* (2021) Yazykovaya situatsiya i status yazykov v Respublike Severnaya Osetiya-Alaniya [The linguistic situation and the status of languages in the Republic of North Ossetia-Alania] // Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika [Bulletin of the RUDN. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics] №4 (In Russian).
- Besolova, Ye.B.* (2020) Yeshche raz o rodnom yazyke – faktore yedinstva natsii [Once again about the native language – a factor of national unity] // Izvestiya SOIGSI [News SOIGSI]. №36 (75) (In Russian).
- Bitarti Z.A.* (2018) Razvitiye osetinskogo yazyka v usloviyakh mezhkul'turnoy kommunikatsii na primere Respubliki Yuzhnaya Osetiya [Development of the Ossetian language in the context of intercultural communication on the example of the Republic of South Ossetia] // Yazykovoye yedinstvo i yazykovoye raznoobraziye v polietnicheskom gosudarstve. Mezhdunarodnaya konferentsiya (Moskva, 14–17 noyabrya 2018 g.): doklady i soobshcheniya. Otv. red. A.N. Bitkeyeva, M.A. Goryacheva. Institut yazykoznaniya RAN. Moscow: Yazyki Narodov Mira. P. 440–445. (In Russian).
- Bitkeeva, A.N., Wingender, M., Mikhilchenko, V.Yu.* (2019) Prognozirovaniye i yazykovoye mnogoobraziye v Rossiyskoy Federatsii: Sotsiolingvisticheskiy aspekt [Forecasting and linguistic diversity in the Russian Federation: Sociolinguistic aspect] // Vestnik VolGU. Seriya 2. Yazykoznaniye. T. 18. № 3 [Bulletin of VolSU. Series 2. Linguistics. T. 18, №3]. P. 1254. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1. 2 (In Russian).
- Dzhamalova, B.B.* (2014) Natsionalno oriyentirovannoye obrazovaniye [Nationally oriented education] // MNIZH [MNIZ] № 2–3 (21), pp. 34–36 (In Russian).
- Dudayeva, Z.F.* (2020) O razvitii natsionalnogo obrazovaniya v Respublike Severnaya Osetiya-Alaniya [On the development of national education in the Republic of North Ossetia-Alania] // Mirovaya nauka [World science] №4 (37) (In Russian).
- Dyrkheyeva, G.A., Tsybenova, Ch.S.* (2020) Yazykovyye ustanovki i yazykovaya loyaltost' nositeley malykh yazykov v usloviyakh natsionalno-russkogo dvuyazychiya (na primere buryat i tuvintsev) [Language attitudes and language loyalty of speakers of minor languages in conditions of national-Russian bilingualism (using the example of Buryats and Tuvinians)] // Novyye issledovaniya Tuvy [New studies of Tuva] №1 (In Russian).
- Isaev, M.I.* (1966) Digorskiy dialekt osetinskogo yazyka [Digor dialect of the Ossetian language]. Moscow, 1966 (In Russian).
- Isaev, M.I.* (1974) Ocherki po istorii izucheniya osetinskogo yazyka [Essays on the history of the study of the Ossetian language]. Ordzhonikidze, 1974. 15 p. (In Russian).
- Isaev, M.I.* (2000) Osetinskiy yazyk // Yazyki mira. Iranskiye yazyki [Ossetian language // Languages of the world. Iranian languages]. III. Moscow, 2000, pp. 311–323 (In Russian).
- Itogi vseobshchey perepisi naseleniya Respubliki Yuzhnaya Osetiya / Upravleniye gosudarstvennoy statistiki* (2016) [Results of the general population census of the Republic of South Ossetia / State Statistics Department]. Tskhinval, 2016. 452 p. (In Ossetian/Russian)
- Kosta Khetagurov* (1951) Publitsistika i pis'ma // Sobraniye sochineniy. V 3 t. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. T. III. (In Russian).
- Kozayeva, G.R.* (2023) O probleme sotsiolingvisticheskogo oblika Osetii [On the problem of the sociolinguistic appearance of Ossetia]. Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh. [News SOIGSI. School of young scientists]. (33), pp. 168–175 (In Russian)
- Kudinova, T.A.* (2010) Izmeneniya v funktsionalnoy sisteme russkogo yazyka XXI veka [Changes in the functional system of the Russian language of the 21st century]. Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki. 2010. № 4, pp. 124–128 (In Russian).

- Mayramukaeva, F.A.* (2023) Nykhasy ræztyl kuyst raydayæn skolai iron ævzadzhy urokty [Speech development in Ossetian language lessons in primary school]. Ulyanovsk: Zebra, 2023 (In Ossetian).
- Masenzova, T.A.* (2017) Razvitiye etnokulturnoy kompetentnosti doshkolnikov v usloviyakh yedynogo obrazovatel'nogo prostranstva [Development of ethnocultural competence of preschool children in a single educational space] // KNZH [KNJ] №1 (18), p. 16–20. (In Russian)
- Miller, V.F.* (1881) Osetinskie etyudi [Ossetian studies]; part 1 – Moscow, 1881; part 2 – Moscow, 1882; part 3 – Moscow, 1887 (In Russian)
- Miller, V.F.* (1927–1934) Osetinsko-russko-nemetskiy slovar [Ossetian-Russian-German Dictionary]. L., 1927–1934 (In Russian/German)
- Miller, V.F.* (1962) *Yazyk osetin* [Ossetian language]. Moscow–Leningrad, 1962 (In Russian).
- Moiseyenko, L.V., Uskova, T.V., Dumina, Ye.V., Vikulina, M.A.* (2020) Osobennosti osetinskogo bilingvizma [Features of Ossetian bilingualism] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences]. №13 (842) (In Russian).
- Slanov, A.A.* (2021) Razvitiye shkol'nogo obrazovaniya v Yuzhnoy Osetii v XIX i nachale XX v. g. [Development of school education in South Ossetia in the 19th and early 20th centuries]. Vladikavkaz (In Russian).
- Slovar sotsiolingvisticheskikh terminov (2006) [Dictionary of Sociolinguistic Terms] Ed. V.Yu. Mikhachenko. Moscow. 312 p. (In Russian).
- Tameryan, T.Yu.* (2020) Osetinskiy yazyk v yazykovom landshafte Severnoy i Yuzhnoy Osetiy: tsennostnyy rakurs i metaforicheskaya reprezentatsiya [Ossetian language in the linguistic landscape of North and South Ossetia: value perspective and metaphorical representation] // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philological sciences]. №4 (In Russian)
- Tameryan, T.Yu., Bekoyeva, I.D.* (2019) Etnospetsificheskiy kontsept Yugo-Osetinskogo politicheskogo prostranstva [Ethnospecific concept of the South Ossetian political space] // Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya [Humanities and legal studies] №4 (In Russian).
- Shegren, A.M.* (1844) Osetinskaya grammatika s kratkim slovaryom (osetino-rossiyskim i rossiysko-osetinskim) [Ossetian grammar with a brief dictionary (Ossetian-Russian and Russian-Ossetian)]. St. Petersburg, 1844 (In Russian/German).
- Elkonin, B. G.* (2001) Psikhologiya razvitiya. Tekst [Developmental Psychology. Text] / B.G. Elkonin. Moscow: Akademiya, 140 p. (In Russian).
- Bitarty, Zoya.* A Startling Episode in the Ossetian Mountains // Tatiana B. Agranat, Leyli R. Dodykhudoeva (eds.) *Bear Tales in Minority Languages: Beliefs and Visions*. Newcastle-on Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2025, pp. 56–61.

SOURCES

- Avdan (2024) *Ossetian language at your fingertips*. 27 February. Available at: <https://region15.ru/article/avdan-osetinskij-yazyk-na-ladoni/> (Accessed: 25 March 2025).
- Administration of the President of the Republic of South Ossetia (2023) *Day of the Ossetian Language and Literature*. 15 May. Available at: <https://south-ossetia.info/anna-chochieva-my-dolzheny-stremitsya-k-tomu-chtoby-osetinskij-yazyk-sootvetstvoval-statusu-gosudarstvennogo/>. Access date: 26 March 2025.

- Analytical Department of the newspaper *South Ossetia* (n.d.) *Journalists as chroniclers of our country's history*. Available at: <https://south-ossetia.info/zhurnalisty-letopiscy-istorii-nashej-strany/>. Access date: 18 March 2025.
- Analytical Department of the newspaper *South Ossetia* (n.d.) *90 years of the journal "Fidiuæg"*. Available at: <https://south-ossetia.info/zhurnalu-fidiuæg-90-let/>. Access date: 25 March 2025.
- Bittartti, Z. (2022) *Zoya Bittartti on speech culture, new programs, and achieved results*. *South Ossetia* newspaper, 12 October. Available at: <https://ugo-osetia.ru/kultura/зоя-битарти-о-культуре-речи-новой-прог>. Access date: 14 April 2025.
- Analytical Department of the newspaper *South Ossetia* (n.d.) *"Iron Gazette" – 111 years of the first national media outlet*. Available at: <https://south-ossetia.info/111-let-ipon-gazet-pervomu-nacionalnomu-smi/>. Access date: 25 March 2025.
- Republic* newspaper (2021) *Historic referendum*. 18 January. Administration of the President of the Republic of South Ossetia. Available at: <https://south-ossetia.info/istoricheskij-referendum/>. Access date: 15 April 2025.
- TASS (n.d.) *How talking toys are reviving the Ossetian language*. Vladikavkaz. Available at: <https://tass.ru/v-strane/5401641>. Access date: 26 March 2025.
- Republic of South Ossetia (n.d.) *Constitution*. Available at: <https://rsogov.org/republic/constitution>. Access date: 26 March 2025.
- Republic of North Ossetia-Alania (n.d.) *On the state programme "National and cultural development of the Ossetian people" for 2021–2025* [Electronic resource]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/571090713?ysclid=lsc273ieuz746147216>. Access date: 9 March 2024.
- Caucasian Knot (2012) *On the state languages of the Republic of South Ossetia*. 5 April. Available at: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/204339/>. Access date: 25 March 2025.
- South Ossetia Newspaper, 2022. *On Zoya Bitarti, scientific works and native language* [online]. 5 July. Available at: <https://ugo-osetia.ru/kultura/о-зое-битарти-научных-трудах-и-родном?ysclid=ltlln75taf658188017>. Access date: 14 Apr. 2025.
- Prima Vista Translation Bureau, n.d. *Ossetian language*. *Prima Vista* [online]. Available at: <https://www.primavista.ru/rus/dictionary/lang/ossetin>. Access date: 14 Apr. 2025.
- National Policy Portal, n.d. *Iron Ossetians*. *National Policy* [online]. Available at: <https://национальнаяполитика.рф/nationalities/Осетины-иронцы>. Access date: 19 Mar. 2025.
- State Information Agency "RES", 2024. *The "Malusag" program was presented in Tskhinval* [online]. Available at: <https://cominf.org/node/1166507533>. Access date: 9 Mar. 2024.
- Tarkhanova, Zh. and Voitova, Ya., 2019. *Keepers of the Ossetian language. Smartphones, social media, songs, poems and childrens games – methods used in the struggle to preserve the native language* [online]. This is the Caucasus, 27 November. Available at: <https://etokavkaz.ru/obshchestvo/khraniteli-osetinskogo>. Access date: 15 Apr. 2025.
- Tedeeva, I. and Bitarti, Z.A., 2021. *A child must speak the native language in the early years of life. Interview with Z.A. Bitarti* [online]. *South Ossetia Newspaper*. Official website of the Administration of the President of the Republic of South Ossetia, 17 May. Available at: <https://south-ossetia.info/rebenok-v-pervye-gody-zhizni-dolzhen-govorit-na-rodnom-yazyke/>. Access date: 25 Mar. 2025.
- Khurzarin, n.d. *Khurzarin* [online]. Available at: <https://new.xurzarin.ru>. Access date: 26 Mar. 2025.
- Wikipedia, n.d. *South Ossetian State Drama Theatre* [online]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Юго-осетинский_государственный_драматический_театр. Access date: 15 Apr. 2025.
- Wikipedia, n.d. *South Ossetia* [online]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Южная_Осетия. Access date: 15 Apr. 2025.

UNESCO World Atlas of Languages, n.d. *Iron Ossetian; Digor Ossetian* [online]. Available at: <https://en.wal.unesco.org/languages/iron-ossetian> and <https://en.wal.unesco.org/languages/digor-ossetian>. Access date: 3 Sep. 2024.

Зоя Александровна Битарти – кандидат филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела осетинского языка Юго-Осетинского научно-исследовательского института имени З.Н. Ванеева.

Адрес: 100001, Республика Южная Осетия, г. Цхинвал, пр. А. Джioева, д. 3

Эл. адрес: zoyabitarti@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0001-1886-3475>

Козаева Гульнара Ролландовна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник отдела осетинского языка Юго-Осетинского научно-исследовательского института имени З.Н. Ванеева.

Адрес: 100001, Республика Южная Осетия, г. Цхинвал, ул. 8 июня, т.1, д. 9.

Эл. адрес: gkozaieva@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4395-2349>

Zoya A. Bitarti – Prof., Candidate in Philology, Leading Researcher, Ossetian Language Department, Z.N. Vaneev South Ossetian Research Institute.

Address: A. Djioeva Ave. 3, Tskhinval, Republic of South Ossetia, 100001.

E-mail: zoyabitarti@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0001-1886-3475>

Gulnara R. Kozaeva – Candidate in Pedagogical Sciences, Senior Researcher, Ossetian Language Department, Z.N. Vaneev South Ossetian Research Institute.

Address: 8 June St., bldg. 1, apt. 9, Tskhinval, Republic of South Ossetia, 100001.

E-mail: gkozaieva@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4395-2349>

Для цитирования: *Битарти З.А., Козаева Г.Р.* Функционирование осетинского языка в сфере дошкольного и начального школьного образования в Республике Южная Осетия // Социоллингвистика. 2025. № 2 (22). С. 105–135. DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-105-135

For citation: *Bitarti Z.A., Kozaeva G.R.* Functioning of the Ossetian language in pre-school and primary school education in the Republic of South Ossetia // Sociolinguistika. 2025. No. 2 (22). pp. 105–135. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-105-135

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 22.06.2024;
approved after reviewing 10.05.2025;
accepted for publication 22.06.2025.

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

LANGUAGE PROCESSES

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-136-157>**ВЛИЯНИЕ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА НА ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ
МЕСТОИМЕННЫХ КЛИТИК В ЯЗЫКЕ ПАРЬЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ**

УДК 81'27+811.21/22

Татьяна И. Оранская

Институт восточных
рукописей РАН,
Санкт-Петербург,
Российская Федерация

Аннотация

В статье рассматривается формирование системы местоименных клитик (МК) в малом индоарийском языке парья́ как результат взаимодействия собственной парийской модели с таджикской / дари в условиях длительного двуязычия носителей парья. Сопоставление позиций и форм местоименных показателей посессивности в парья ведёт к заключению, что по аналогии с его единственной исконной МК 3-го л. (=so m.p.) используются притяжательные местоимения 1-го и 2-го л., фонетически редуцированные в постпозиции к определяемому. Между их препозитивными и постпозитивными формами существует то же функциональное различие, что и между обозначением принадлежности при посессоре 3-го л.: препозитивное обозначение обладания выражает новую информацию, тогда как МК служит выражению известной информации о посессивном отношении. Можно говорить о формировании в парья системы МК как воспроизводстве функциональной модели МК 3-го л. в 1-м и 2-м л. Её распространение, очевидно, стимулировано шестичленной системой МК таджикского и дари языков, с которыми парья на протяжении нескольких столетий существует, при полном двуязычии, в условиях диглоссии в роли низкого языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: местоименные клитики, диглоссия, посессор, парья, таджикский / дари, индоарийские и иранские языки

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Татьяна И. Оранская, 2025

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-136-157>

INFLUENCE OF THE TAJIK LANGUAGE ON THE FORMATION OF THE SYSTEM OF PRONOMINAL CLITICS IN THE PARYÁ LANGUAGE IN TAJIKISTAN

UDC 81'27+811.21/22

Tatiana I. Oranskaia

Institute of Oriental Manuscripts,
Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian
Federation

Abstract

This article investigates the development of the pronominal clitic (PNC) system in the minor Indo-Aryan language Parya, interpreting it as the result of an interplay between Parya and Tajik/Dari linguistic models under conditions of long-term bilingualism among Parya speakers. A comparison of the syntactic positions and forms of Parya's pronominal possessive markers leads to the conclusion that the first- and second-person pronominal adjectives can undergo formal and functional changes analogous to those of the sole inherited PNC =so (third person masculine). These changes arise from a shift to an enclitic position, followed by phonetic reduction.

The functional distinction between prepositional and postpositional forms mirrors that observed in third-person possessors: prepositional forms typically convey new information, while the PNC indicates given or presupposed information within the possessive relationship. The emergence of the PNC system in Parya is thus grounded in the inherited third-person clitic model, which was extended through the cliticisation of first- and second-person possessive adjectives. This development appears to have been catalyzed by the influence of the Tajik/Dari six-member PNC system, within a diglossic context in which Parya consistently functioned as the low variety.

KEYWORDS: pronominal clitics, diglossia, possessor, Parya, Tajik / Dari, Indo-Aryan and Iranian languages

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Tatiana I. Oranskaia, 2025

1 | Введение

Индоиранские языки древнего и среднего периодов, как известно, обладали системами местоименных клитик (МК), характеризовавшимися категориями лица, числа и – в редуцированном виде – падежа. В отличие от новоиранских языков, в большей или меньшей степени унаследовавших МК предшествующих периодов, большинство новых индоарийских языков их утратило. Это грамматическое явление сохранилось на северо-западе территории распространения индоарийских языков:⁷⁰ в языках северо-западной подгруппы (по классификации Грирсона [Grierson, 1919]) и в дардских языках. В этом ареале, где индоарийские и иранские языки находятся в тесном контакте, влияние последних способствует поддержанию МК в индоарийских [Chatterji, 1926: 971]. Несомненно, что именно здесь в течение нескольких столетий существовал и индоарийский язык парья, относящийся по основным фонологическим и грамматическим характеристикам к северо-западной подгруппе. Позже он переместился в Афганистан и Среднюю Азию, где продолжились его контакты с иранскими языками, преимущественно близко родственными между собой дари и таджикским.

Основная функция их МК, составляющих шестичленную систему, посессивная. Эта функция преобладает в литературных вариантах этих иранских языков, и она же присуща единственной наследственной МК (3го л.) в парья. Функциональное сходство составляет основу плеонастической посессивной конструкции, общей для парья и двух контактных с ним иранских языков. В этой конструкции реализуется противопоставление полных и клитических форм выражения обладания, релевантное для передачи новой информации в противоположность известной. Требования информационной структуры предложения определяют строение притяжательных конструкций, в которых посессивное отношение часто выражается дважды, образуя «рамку» вокруг объекта обладания. Такая «рамка» особенно характерна для слов со значением неотчуждаемой принадлежности (чаще всего термины родства) в случаях, если новое сообщение об отношении принадлежности выражено определением в препозиции к объекту обладания, тогда как повторное определение, необходимое в силу значения неотчуждаемой принадлежности, занимает позицию энклитики. В парья притяжательные местоимения 1-го и 2-го л. втягиваются в эту конструкцию. В энклизе

⁷⁰ МК в таких восточных индоарийских языках как майтхили и магахи имеют специфическую, относительно недавно возникшую функцию двойного – субъектного и объектного – глагольного согласования, прежде неизвестную (Masica 1991: 344), и не возводятся к МК ранних периодов.

они фонетически ослабляются, превращаясь в позиционные МК, которые играют ту же роль, что и наследственная МК 3-го л.

Наряду с чисто лингвистическими факторами, воздействующими на выравнивание способов выражения посессивности в 1-м и 2-м л. по модели 3-го л., следует учитывать контактное иранское влияние в меняющихся политических и культурных условиях. В последние примерно сто лет, с тех пор как значительная часть парья осела в Гиссарской долине, и вследствие обязательного школьного обучения на таджикском языке для большей части группы⁷¹ в условиях диглоссии усилилось влияние литературного таджикского языка на низкий язык. Одно из следствий этого влияния – сложение из материала притяжательных местоимений системы МК, структурно воспроизводящей ту же часть таджикской (и дари) грамматики.

2 | Сведения о языке парья и его носителях

Парья – единственный индоарийский язык, бытующий в Таджикистане и Узбекистане. Его наименование является также эндонимом группы его носителей, а для языка есть ещё название *парья-сази* (*pariyā-sāzī*), букв. ‘как парья’. На Индийском полуострове этот язык не засвидетельствован. Отношение парья – таджикский представляет собой диглоссию, в которой парья низкий язык.⁷² Он никогда не выполнял никакой роли кроме как средства внутригруппового общения в малой этнической группе. В этой роли он прошёл через ряд диглоссных ситуаций, в которых высокими языками были другие индоарийские, а в последние столетия – иранские языки, под влиянием которых, как я надеюсь показать, в парья сложилась система МК на основе его одной единственной исконной МК. Основная область проживания парья – долина Сурхандарьи и прилегающие к ней территории Гиссарской долины. В Таджикистане живёт больше парья, чем в Узбекистане. По оценке, основанной на данных, собранных в 2003–2004 годах, на нём говорят примерно 3000–4000 человек в Таджикистане [Clifton, 2010: 2, Table 1], а «во всех странах», то есть включая также Узбекистан и Афганистан (где обследование не проводилось), число носителей оценивается в 7,500 [Abbess et al., 2005: 4]. По мнению пятнадцати опрошенных мной в конце 2024 г. членов группы, в Таджикистане и Узбекистане на парья говорит 4000–5000 человек. Похоже, эта оценка недалека от истины,

⁷¹ По опросным сведениям, при Советской власти с конца 1950-х гг. в Гиссарском районе Таджикской ССР, где языком школьного обучения был таджикский, жило больше парья, чем в Регарском (ныне Турсунзадевском) районе, где языком школьного обучения до недавнего времени (в Республике Таджикистан) был узбекский.

⁷² То же относится к отношению парья – узбекский.

и, несмотря на высокую рождаемость, число говорящих на парья почти не увеличивается. Причина заключается не только в естественном вытеснении малого языка языком основного населения, являющегося государственным языком и языком национальной культуры, но и в этнонигилистических настроениях в группе. Ряд семей стремится скрыть своё нетаджикское происхождение, отказывается от традиции эндогамии, устраивая браки своих детей с таджиками или – реже – узбеками, и не использует свой индоарийский язык даже в домашнем обиходе. Это касается в большей мере жителей района Гиссар. Другая часть группы, в основном те, кто живёт в Турсунзадевском (бывшем Регарском) районе, склонна продолжать традицию кузенных браков, что способствует передаче языка младшим поколениям [Оранская, 2023].

Учёному миру группа парья и её язык стали известны благодаря И.М. Оранскому, иранисту, который в 1950-е годы жил и работал в Душанбе (до 1961 г. город назывался Сталинабад). В 1954 году, разыскивая в Таджикистане пуштуязычных афганцев, он узнал, что в Гиссарском районе, в 25 км от Душанбе, есть афганское поселение. Приехав туда, он обнаружил, что язык, на котором эти люди говорят, отнюдь не пашто. Оранскому далеко не сразу удалось завоевать доверие парья и начать сбор языкового и сопутствующего этно-исторического материала. Язык был секретным. При этом он, в отличие от типичных секретных языков, обладал собственной полноценной грамматической структурой, лексикой и некоторыми звукотипами, отличавшими его от таджикского и прочих бытующих в тех же местах языков. Уже первоначальное исследование не оставило у учёного никаких сомнений в том, что это новоиндоарийский язык, близкий языкам и диалектам северо-запада Индийского субконтинента.

Недоверие парья к чужаку объясняется событиями, произошедшими примерно за два десятилетия до знакомства Оранского с ними, которые усугубили их настороженность по отношению к чужим, свойственную маргинализированным группам. Многие парья были сезонными сельскохозяйственными рабочими. Долгие десятилетия они, обычно семьями, приходили в Гиссарскую долину на время уборки урожая зерна и возвращались обратно в Афганистан.⁷³ Когда в 1930-х гг. границу между СССР и Афганистаном закрыли, многие вынужденно остались в Средней Азии. Во время чисток, начавшихся в 1937 г., их стали арестовывать как «афганских шпионов» и высылать целыми семьями в Сибирь, где, очевидно,

⁷³ Некоторые парья осели в Гиссарском бекстве Бухарского эмирата уже в середине XIX в.

они все погибли. Многие тогда бежали в Афганистан, переправляясь кто как мог через Пяндж. Немало людей погибло при переправе от пуль пограничников или утонув.

Предлогом для обвинений в шпионаже было отсутствие у парья паспортов. И вот главы семнадцати семейств отправились в генеральное консульство Афганистана в Ташкенте за паспортами – *тазкира*.⁷⁴ Там каждому из мужчин был выдан единый паспорт на всех членов его семьи, в котором их национальная (точнее, этническая) принадлежность была указана как *лафз-и инку* ‘язык хиндко’.⁷⁵

Наименование хиндко в Пакистане применяется к индоарийским диалектам, существующим в ситуации диглоссии как низкий язык при пушту, выполняющем роль высокого языка [Shackle, 1980: 482]. Оно зарегистрировано в том же смысле в 1970-х гг. в разных местах Афганистана для «своего» языка четырёх кочевых групп, относимых к общности *джат* [Rao, 1995]. Так что сотруднику Афганского консульства в Ташкенте, выдававшему паспорта парья в 1937 году, очевидно, было известно этнолингвистическое содержание термина «инку».

Путь группы *парья* от западных областей Индийского полуострова до Гиссарской долины пролегал через Афганистан, где и берёт начало их устойчивое индоарийско-иранское двуязычие, восходящее, скорее всего, к середине 2-го тысячелетия. Поскольку парья пришли из Афганистана, они известны в Таджикистане и Узбекистане как афганцы (*афгоно* / *afghono*). Они и сами так себя называют, употребляя это наименование наряду с парья. Оно же лежит в основе производных экзонимов *afghono-i siyoruy* (*siyopust*) ‘чернолицые (чернокожие) афганцы’ и *afghono-i nosfurush* ‘афганцы-продавцы наса’ (жевательного или нюхательного табака, также *насвай*, *насвар*) [Оранский, 1977: 27]. Первое наименование характеризует внешность парья, которые отличаются от местного населения более тёмным цветом кожи; второе обозначает их традиционное занятие – приготовление и продажу наса.

Ныне парья, за редким исключением, грамотны и владеют таджикским, а зачастую и узбекским языками. Многие люди старшего поколения, заставшие советский период, в той или иной мере владеют русским языком. По-русски могут объясниться и многие молодые мужчины, поскольку они ездят в Россию на заработки. Язык преподавания в школе, начиная

⁷⁴ Букв. ‘заметка, биография’. Мне показали такой паспорт в 1973 г., достав его из тайника в стене дома. Теперь, по словам потомков указанных в паспорте людей, он пропал.

⁷⁵ Записано 30.04.2023 после беседы по мобильному телефону с пожилым мужчиной парья, просившим не указывать его имя. Его дед был в числе тех, кто в 1937 г. ездил в консульство Афганистана в Ташкенте. По словам моего собеседника, ни одна из семей, получивших паспорта, не была репрессирована.

с 2011 г., таджикский. До этого в Турсунзадевском (бывшем Регарском) районе преподавание в большинстве школ велось на узбекском. Школ с преподаванием на парья нет.

Таджикский парья теперь не отличается от языка окружающего основного населения. Поколения парья в Таджикистане, для которых школьное образование стало обязательным, говорят, помимо своего индоарийского языка, на таджикском, приближенном к литературному. Последнее поколение, перенявшее особенности таджикского/дари, принесённого из Афганистана и зафиксированного Оранским [1983], родилось до Второй Мировой войны.

Интересно отметить чувство «языкового превосходства» парья Гиссарского района, живущих в таджикоязычном окружении. Это чувство вытекает из признания мелких различий между речью парья Гиссарского и Турсунзадевского (бывшего Регарского) районов и стремления носителей парья таджикоязычной зоны определить языковой стандарт, ориентируясь на свой язык. О формах слов и конструкциях предложений, возможность которых информанты из Гиссара отвергают, они могут пренебрежительно отозваться так: «Это регарские так говорят». Незначительные различия признают и регарские парья.

Письменность парья на основе кириллической таджикской была разработана в период между 2003 и 2014 г. сотрудниками Международного летнего института лингвистики (Summer Institute of Linguistics International; сокр. SIL International), работавшими совместно с носителями языка. Для обозначения специфических звукотипов парья к таджикскому алфавиту добавлены буквы, имеющиеся на русской компьютерной клавиатуре и/или во вкладке «символ». Так, мягкий знак после согласного обозначает, что согласный ретрофлексный, напр., *дъ* = *ɖ* [ɖ], знак умлаута обозначает назализацию гласного: *ă* = *ã*, макрон – долготу: *ā*. Орфография воспроизводит принципы таджикской орфографии: послелоги, местоименные клитики, отрицание пишутся вместе со знаменательным словом: *нисамтай* (ни-самтай ‘не-понимает’), *айиуперета* (айи=пере=та ‘мать=свою=вин. п.’).

В период работы с языком парья сотрудники SIL установили связи с востоковедами Таджикского национального университета, Института языка, литературы, востоковедения и письменного наследия им. Рудаки АН Республики Таджикистан, а также с организацией «Установление культурных связей между народами Таджикистана и всего мира». По инициативе двух последних учреждений в 2016 г. был издан сборник, в который вошли 20 сказок и рассказов на парья с переводом на таджикский «Паря амӯко кайӣ. Афсонаҳои мардуми Паря» [Мерритт, 2016].

Лингвистов среди парья не было. Главная роль в осуществлении проекта принадлежит, насколько мне известно, члену группы парья Файзикулу Чумаеву, жителю селения Афгонобод Гиссарского района. Он находил информантов, делал аудиозаписи их повествований и печатал тексты на компьютере.⁷⁶

Ещё до этой книги, в 2014 г., была издана книжка для детей. Это своего рода букварь, куда вошли стихи на парья, специально для него сочинённые. Сочинили стихи Чумаев и ещё один или два участника проекта. Отличие от привычного букваря заключается в том, что слово, служащее знакомству ребёнка с новой буквой, подписанное под отображающей его смысл картинкой, не обязательно начинается на эту букву: эта буква может быть в середине или конце слова. В 2022 г. была издана азбука в картинках.

По крайней мере половина слов в детских книгах таджикские.

Мне неизвестно, чтобы кто-нибудь пользовался этой письменностью. Многие парья даже не знают о её существовании. Переписка в мессенджерах ведётся главным образом по-таджикски, таджикская или русская раскладка на мобильных телефонах используется и в редких случаях, когда пишут на парья.

3 | Краткий обзор истории парья и их языковых контактов

Парья-иранское двуязычие можно с уверенностью считать устойчивым со времени проживания группы на территории Афганистана. Оно могло возникнуть, по крайней мере для части группы, и раньше, в северо-западной части Индийского полуострова, где постоянные изменения политической ситуации вследствие военных действий между афганскими и индийскими правителями после смерти Бабура (1630 г.) способствовали контактам между носителями индоарийских и иранских языков. Учитывая роль дари на пространствах от Бухарского ханства, впоследствии эмирата, до Индии, наиболее вероятным представляется, что парья переняли одну из его разновидностей как язык общения с окружающим населением.⁷⁷

Согласно результатам глоттохронологического исследования, парья разошёлся с хинди в 850 г., а с пенджаби в 700 г. [Дьячок, 2002]. Однако новоиндоарийские лингвистические

⁷⁶ По его словам, аудиозаписей у него не осталось.

⁷⁷ Обратное влияние – индийских языков на дари (а также пашто) – проявляется в лексических заимствованиях.

черты парья говорят, скорее, о меньшем сроке его существования в отрыве от индоарийского языкового массива.

Точно определить время исхода парья из Индии, разумеется, невозможно. Это явно не была однонаправленная миграция. По крайней мере, часть семей в определённое время года возвращалась в места, где они жили до переселения в Афганистан. Такого рода челночные миграции кочевых групп между Афганистаном и Пакистаном отмечены ещё в 1970-х гг. [Rao, 1995]. Перемещения парья между Афганистаном и Гиссарской долиной до закрытия границы носили тот же характер.

До закрытия советско-афганской границы в 1930-х гг. парья были кочевой или полукочевой группой, социально маргинализированной во всех обществах, в которых им довелось жить. Их эндоним является, очевидно, фонетическим вариантом названия низкой касты сезонных сельскохозяйственных рабочих и охранников *pahriya* (варианты *pahri/paheri*) [Oranskaia to appear], относящейся к большой общности *dom* [Crooke, 1890: 70], из которой вышли, по-видимому, все или большинство групп, известных как цыгане.

О своём индийском прошлом парья в середине XX в. не знали. Нижней границей их коллективной исторической памяти была их жизнь в Афганистане, где, по словам респондентов Оранского, родившихся в конце XIX–первой трети XX в., в провинции Лагман жили их предки и живут оставшиеся в Афганистане соплеменники [Оранский, 1977: 20, 24]. Главным местом паломничества парья был даргах в городе Мазари-Шариф [Ibid.: 22]. О путях миграций из Афганистана в Гиссарскую долину говорят и биографические данные некоторых информантов Оранского, от которых записаны тексты на «парийском» таджикском. Они родились в местах, близких к Таджикистану и Узбекистану, таких как Балх, Мазари Шариф, Кундуз [Оранский, 1983]. Однако есть расплывчатые указания и на более ранний период истории группы. Так, сообщается, что их пиром был Шейх Шамси Тебризи из Мультана,⁷⁸ где находится его мавзолей. Он же считается пиром Чангаров – этноним, использующийся и для парья [Оранский, 1977: 21].

Возможно, что устная традиция парья отчасти отражает географию их путей. Если принять эту информацию как соответствующую реальности, то парья, если не постоянно, то, во всяком случае, время от времени находились в южном Пенджабе, в районе распространения сарайки, прежде называвшегося мультами. Несомненны их контакты с хиндко, а также с

⁷⁸ Его обычно отождествляют с Шамс ад-Дином Тебризи (ум. 1248), святым с таинственной судьбой, наставником Руми. Считается, что его гробница находится в городе Хой в Иране.

пушту. Однако, несмотря на наименование «лафз-и инку» (язык хиндко), ни один их известных диалектов этой группы не обнаруживает тех же основных характеристик, что и парья, или особо тесной связи с ним.⁷⁹

Вряд ли можно сомневаться, что начальные интенсивные контакты между парья и иранскими языками завязались на северо-западе Индийского полуострова. Здесь индоарийские языки граничат с областью бытования иранских языков, черты которых проступают сквозь индоарийскую материю. В их числе местоименные клитики. Эта часть общего индоиранского (и индоевропейского) наследия, утраченная большинством новых индоарийских языков, сохраняется в большей или меньшей степени в языках этой области, таких как синдхи и идиомах, объединяемых под названием западный панджаби или лахнда/ленди.

Парья долгое время жили в окружении иранских языков. Когда в 1950-х гг. Оранский начал исследовать их язык, группа была полностью двуязычна: все её члены владели, помимо парья, таджикским как родным языком. Язык старшего поколения (дари/ таджикский) несколько отличался от гиссарских диалектов и от литературного таджикского. В числе информантов учёного были люди, родившиеся в Балхе, Мазари Шарифе и Кундузе [Оранский, 1983]. Свой таджикский, то есть диалекты дари, они принесли из Афганистана.⁸⁰ Помимо дари язык парья в Афганистане, несомненно, был в контакте с пушту. Во всяком случае, была часть его носителей. Об этом можно судить по включенным в текст сказки «Патыхан и Карамай» [Оранский, 1977: 128–135] бейтам на пушту и по сведениям о браках с пуштунами, впрочем, крайне редких. Влияние пушту было, по-видимому, незначительно. Никто, включая рассказчика сказки, исполнявшего и бейты, не мог перевести их Оранскому; даже их общее содержание осталось неизвестно. Коллеги-афганисты, хотя и не сомневались в том, что язык бейтов пушту, распознать слова не смогли – настолько исказился изустно передаваемый текст, непонятный рассказчикам.

⁷⁹ По сообщению одного парья из Гиссара, в 1970-х гг. туда приезжал потомок одной из семей, бежавших в 1937 г. в Афганистан. Он жил с семьёй в Кундузе, как и большинство бежавших репатриантов, а вторая семья у него была в Пакистане. Там на базаре он слышал беседу на парья. К сожалению, этим информация ограничивается.

⁸⁰ К сожалению, мне неизвестны работы о таджикских (дари) диалектах Афганистана.

4 | Местоименные клитики

В отличие от иранских языков большинство новых индоарийских языков местоименные клитики утратило. Они сохранились в северо-западной части индийской территории, в пограничной зоне, где иранские черты проявляются не только в индоарийских языках, но и в дравидском брахуи, и в изоляте бурушаски. К таким чертам относятся и МК [Chatterji, 1926: 971; Emeneau, 1978; Masica, 1991: 253]. Возможно, в каких-то языках они заимствованы из иранских. Так, в брахуи есть МК (pronominal suffixes), не характерные для дравидских языков. При этом сами МК дравидского происхождения. Не исключено, что набор их функций заимствован из соседних индоарийских языков, однако более вероятно, что он сложился под воздействием белуджского [Emeneau, 1980: 59].

В других индийских языках региона, унаследовавших МК от языков-предков, иранское влияние поддержало МК, не дав им отмереть.

МК в большинстве диалектов хиндко обладают стандартным набором функций: агенса в эргативных конструкциях, прямого объекта и посессора. Отмечены также функции адресата и бенефициара. Набор форм не во всех диалектах совпадает. Например, в кохатском нет МК 1-го лица.

МК 3-го л. представлена в хиндко и пенджаби характерным для неё индоарийским $=s$ [Shackle, 1980: 495–496; Butt, 2004; Bashir, Connors, 2019: 241; Akhtar, n.d], синдхи $=s$ и в парья ($=s-o/s-e/s-i$). Последняя отличается от прочих функционально: она выступает исключительно в роли посессора.

По-разному представлены МК и в иранских языках. В одних имеется набор из форм трёх лиц и двух чисел, как, например, в персидском, в других — только МК 3-го л., как в южной разновидности пакистанского белуджского, тогда как в иранском белуджском система МК представлена в полном виде [Korn, Nourzaei, 2018: 671].

Если в языке есть МК только одного лица, то это МК 3-го л. Вполне вероятно, что этот факт соотносим со значительно более высокой частотой употребления МК 3-го л. в разных функциях. Язык парья унаследовал от предшествующих периодов развития индоарийских языков только МК 3-го л. $=so/si/se$ (м.р. ед.ч./ж.р./м.р. мн.ч. и м.р. к.п.). Она родственна МК 3-го л. с (пост)альвеолярным фрикативным корня (в обобщённом виде $=s$, $=\text{ʃ}$) в западном пенджаби и синдхи, а также ряде новоиранских, главным образом западных, языков. Неоспоримо, что МК новоиранских и индоарийских языков продолжают их древние формы.

В парья определения в атрибутивной функции располагаются перед определяемым:

pācā=ko kuro падишаха=род.п. конь; *us=ko ābā* его=род.п. отец.

В сочетании с МК определение может обрамлять определяемое. В этом случае посессор 3-го л., выраженный препозитивно сочетанием существительного или лично-указательного полного местоимения с определительным послелогом *=ko/ki/ke*, повторно выражен постпозитивно МК 3-го л.: *us=ko ābā=so* его=род.п. отец=его.

В 1-м и 2-м л. посессивность выражается притяжательными местоимениями, которые тоже способны изменяться по согласовательным категориям: *tur-ō/mir-ī/mir-e* 'мой/моя/мои и м.р. к.п.', *tur-ō/tir-ī/tir-e* 'твой', *mār-o/mār-e* 'наш/наши', *tār-o/tār-e* 'ваш/ваши'; формы ж.р. местоимений мн.ч. не зарегистрированы.

Полные посессивные местоимения, располагающиеся перед определяемым, могут повторяться после определяемого в фонетически ослабленном виде. В энклитической позиции обычная форма их основы в 1-м л. *mār=/m^ər=/mⁱr=*, во 2-м л. *tār=/t^ər=/tⁱr=*.

Энклитические местоимения могут выступать и единственным определением в посессивной конструкции. Семантические основания использования (А) препозитивных посессивных определений (в 3-м л. *N=ko*; в 1-м и 2-м л. притяжательные местоимения); (Б) рамочных посессивных конструкций (в 3-м л. *N=ko:poss +Npossd=pnc:possd*; в 1-м и 2-м л. притяжательные местоимения в пре- и постпозиции к объекту обладания); (В) выражения посессивности только энклитическим местоимением одинаковы для всех лиц. В (А) посессивное отношение представляет собой новую информацию: пример (4); в (Б) – новую информацию в сочетании с лексическими значениями известной информации, в т.ч. неотчуждаемой принадлежности: пример (5); в (В) посессивное отношение полностью относится к известной информации: пример (6).

(4) *os=ko boḡo kər fe*
он:obl=ген большой дом быть:prs.3
'У него большой дом.'

(5) *pācā=ki dō ran-i=s-i čhi* [Оранский, 1977: 113]
падишах=ген.ф две жена-ер=pnc3-f быть₂:pst.f
'У падишаха было две жены.'

(6) *kər=so boḡo=i*
дом=pnc3.m большой=быть₁:prs.3
'У него большой дом / Дом у него большой.'

Эмфатический вариант типа (Б) представлен в (7), где субъект – Халима – тематически выделен, вследствие чего генетивный послелог =*ko*, оформляющий посессора, опущен. Эксплицитно посессор выражен анафорически при помощи МК =*so*.

(7) *xa:lima: bi a:dó gvl-ú=s-o ʊzbaki=ma jowáǰ*

Халима тоже половина слово-pl=pnc3-gg узбекский=в иди:prs.3pl

‘У Халимы тоже половина слов [парья заменена] узбекскими.’

Эти основания различного оформления посессивных конструкций представляют собой не жёсткие правила, но отчётливо выраженную тенденцию, которая справедлива и для контрастной дистрибуции полных притяжательных местоимений и МК 1-го или 2-го л. Пример (8) иллюстрирует типы (А) и (Б), пример (9) тип (В).

(8) *morǒ ti:n beǰa (/mǒrǒ)⁸² ʃe*

мой три сын (/pnc1sg) быть₂:3prs

‘У меня три сына.’

(9) *korta=tǎrǒ=ma dauǰ=e*

рубашка=pnc2sg=в пятно=быть₁:prs.3

‘У тебя на рубашке пятно.’

Пример (10) демонстрирует возвратную МК *pə*, представляющую собой энклитический и, соответственно, редуцированный вариант возвратного посессивного местоимения *apəro* ‘свой’ (есть и другие варианты возвратной МК).

(10) [...] *čali ǰawu(n)=na⁸³ ranun=pə=nára ra máre* [Оранский, 1977: 117]

[...] сорок юноши=erg жёны=свои=с дорога бить:pst.pl

‘[...] сорок юношей со своими жёнами были в пути.’

Контрастивное распределение пре- и постпозитивных дейктических единиц 1-го и 2-го лица по типу передаваемой ими информации соответствует отношению между препозитивным определением и МК 3-го л. Плеонастическая посессивная конструкция служит основанием для вывода о расширении системы МК в парья за счёт втягивания в неё притяжательных местоимений 1-го и 2-го л.

⁸² Круглые скобки и косая черта перед заключёнными в них словами указывают на их факультативное употребление.

⁸³ Форма эргативного падежа мн.ч. реконструируется в фонетически полном виде как *ǰawunǰ=na*

Степень синтаксической клитизации энклитики 3-го лица =so и её функциональных коррелятов 1-го и 2-го лица, разумеется, различна. Так, последние, в отличие от МК =so, редко следуют за наречными послелогом, с которыми они находятся в непосредственной смысловой связи. Вступая в синтаксическую связь с =so, такое слово переходит в предложную позицию (11), (12), а при притяжательных местоимениях 1-го и 2-го лица значительно чаще остаётся послелогом (13):

- (11) Я мундье⁸⁴ кула=c-e аке пишна каро

Этот парень:obl.sg около=pnc3-m.sg.obl подойдя вопрос делать:pst.sg

‘Этот парень подошёл к нему и спросил...’ [Мерритт, 2016: 1].

- (12) avɣanistan=məta oɟ ami ajo, mehmaní. me nála=so
Афганистан=из тот человек приехать:pst, в.гости. Я с=pnc3:gg
gal karo
речь делать:pst

‘Тот человек приехал из Афганистана в гости. Я с ним разговаривал.’

- (13) я эк мо гал муро=нала ни-картай [Мерритт, 2016: 3]

он один рот слово мой: pnc1=c neg-делать:prs.3sg

‘Он мне ни слова не говорит.’

Расположение редуцированных форм притяжательных местоимений в постпозиции к наречным послелогам возможно (14):

- (14) bulbul-guyâ... nal=təre gal karáɟ [Оранский, 1977: 114]

соловей-говорящий... с=твой:pnc2 речь делать:prs3sg

‘[Говорящий соловей]... будет с тобой разговаривать.’

Информанты в большинстве случаев отвергают варианты предложений с притяжательными энклитическими местоимениями 1-го и 2-го лица справа от наречных послелогов, тогда как при их замене на МК3 предложения расцениваются как правильные. Обозначение «*/²» использовано как показатель невозможного или ограниченного использования этих местоимений в таких сочетаниях, что говорит об их неполном переходе в МК:

*/²kulá=1poss / 2poss / 1poss.pl */² kulá=mǝrǝ / mǝre / tire/ maro и пр.

Несмотря на то, что поведение постпозитивных притяжательных местоимений не во всех контекстах точно воспроизводит функциональные характеристики МК 3-го л., полная

⁸⁴ В книге ошибочно *миндье*.

vaj-a kurta=(a)š nav
prn.3sg-acc/dat/gen рубашка= pnc3 новая

‘У него новая рубашка.’

(19) *Вай модар=аш омад*

vaj modar=aš omad
prn.3sg мать=pnc3 приходить:pst.3sg

‘Это его/её мать пришла’, с эмфазой на теме предложения – посессоре, ср. (7).

(20) *Мактуб=ат навишт?*

maktub=at navišt
письмо=pnc2 писать:pst.3sg
‘[Он] написал тебе письмо?’

У четырёх информантов, интерпретировавших предложения, примеры (16)–(18) и подобные им, с МК разных лиц и чисел, не вызвали ни сложностей, ни разногласий.

Пример (20) двое из участников исправили на

(20¹) *maktub=at navišt-i?*
письмо=pnc2 писать:pst-2sg
‘[Ты] своё письмо написал?’

Такая интерпретация предложения, очевидно, свидетельствует о преобладающем определительном значении МК.

Пример (19) одна участница исправила на *vaj-a modar=aš omad*, как в (16), добавив маркер субъекта посессивного отношения. Когда смысл исходных предложений был разъяснён, все участники их приняли.

Интересно, что среди исследованных в 1950-х гг. таджикских диалектов только в гиссарских, то есть в регионе расселения парья, МК не имеют иных значений кроме определительного [Расторгуева, 1961: 168 (карта)]. Однако это обстоятельство не объясняет, почему МК парья, в отличие от индоарийских языков, не покидавших север-запад Индийского полуострова, используются только в определительном значении.

6 | Заключение

Процесс расширения набора МК можно представить следующим образом.

Единственная наследственная МК языка парья, МК 3-го л., имеет одну единственную функцию – определительную. Вовлечение притяжательных местоимений 1-го и 2-го л. в категорию МК произошло, скорее всего, на основе плеонастической определительной конструкции, в которой двойное выражение посессивного отношения служит распределению элементов информационной структуры предложения. Новая информация о посессивной связи передаётся предшествующим объекту обладания полнозначным словом или лично-указательным местоимением в сочетании с определительным послелогом. Повторное обозначение того же отношения при помощи МК 3-го л. служит передаче уже известной информации.

В отличие от парья, таджикский и дари обладают полными системами МК, включающими анафорические заместители всех лиц и чисел. Именно с этими языками парья находится несколько столетий в тесном контакте, притом в диглоссной ситуации, в которой они являются высокими языками.

В этих языках тоже есть плеонастическая посессивная конструкция, аналогичная конструкции в парья. Под влиянием двух названных западных иранских языков с высоким политическим и культурным статусом пустые клетки 1-го и 2-го лица обоих чисел в потенциальной парийской системе МК стали заполняться показателями притяжательности из материала самого парья – его притяжательными местоимениями. При перемещении вправо от объекта обладания они под воздействием просодических факторов редуцируются, обретая новую форму, соотносящуюся с их позицией и функцией, то есть превращаясь в МК.

Образование новых или видоизменение существующих в неиранских языках систем МК под влиянием иранских – явление, известное в северо-западной части Индийского полуострова, где индоарийские и иранские языки находятся в тесном многослойном контакте. Очевидно, что и развитию системы МК в парья в значительной мере способствовало – и способствует – влияние иранских языков: таджикского и дари. В ситуации диглоссии под их влиянием модель посессивных конструкций, использующих МК 3-го л., распространилась и на 1-е и 2-е лицо.

ЛИТЕРАТУРА

- Дьячок М.Т. (2002) Цыганский язык и глоттохронология // Дьячок М.Т., Шаповал В.В. (ред.) *Opuscula glottologica professori Cyrillo Timifeiev dedicata*. Режим доступа: <http://www.liloro.ru/romanes/dyachok-02a.htm>. Дата обращения: 23.09.2024.
- Ефимов В.А., Расторгуева В.С., Шарова Е.Н. (1982) Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. Отв. ред. В.С. Расторгуева. Москва: Наука. 571 с.
- Мерритт З. (сост.) (2016) Паря амӯко кайй. Афсонаҳои мардуми Паря [Сказки народа парья]. Душанбе: “ЭР-граф”. 280 с.
- Оранская Т.И. (2023) Влияние исследования малой этнической группы на отношение её членов к своей этничности (на примере среднеазиатской индоязычной группы парья) // *Особые миры Индии и российская этнография: контакты и контексты. Материалы исследований и докладов. Секция на XV Конгрессе антропологов и этнологов России. 26-30 июня 2023 г. Санкт-Петербург. Ред.-сост. Рыжакова С.И., Щербак М.Б. (ред.-сост.). Москва: ИЭА РАН: ПОЛИМЕДИА. С. 61–67.*
- Оранский И.М. (1977) Фольклор и язык Гиссарских парья (Средняя Азия). Введение, тексты, словарь. Москва: «Наука». Глав. ред. вост. лит. 448 с.
- Оранский И.М. (1983) Таджикоязычные этнографические группы Гиссарской долины (Средняя Азия): этнолингвистическое исследование. Москва: «Наука». Глав. ред. вост. лит. 237 с.
- Расторгуева В.С. (1964) Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. Москва: Наука. 188 с.
- Abbess, E., Müller, K., Paul, D., Tiessen, C., Tiessen, G. (2010) Language Maintenance Among the Parya of Tajikistan. SIL International. SIL Electronic Survey Report 2010-014, May 2010. Available at: https://www.sil.org/system/files/reapdata/11/26/05/112605693665137982433876189401654188162/silesr2010_014.pdf. Access date: 23.03.2024.
- Akhtar, R. N. (1997) Affix-s(uu) constructions in Punjabi // *Essex Graduate Student Papers in Language and Linguistics*. Issue 1. Pp. 1–18 (cited from Butt 2004).
- Akhtar, R. N., Haroon-ur-Rashid, Sohail, A. (2011). A Brief Introduction of Hindko Language. Available at: https://www.researchgate.net/publication/346961859_A_Brief_Introduction_of_Hindko_Language. Access date: 20.09.2024.
- Bashir, E., Connors, T. with Hefright, B. (2019) A Descriptive Grammar of Hindko, Panjabi, and Saraiki (Mouton-CASL Grammar Series 4). Maryland: De Gruyter Mouton. 612 p.
- Butt, M. (2004) The Role of Pronominal Suffixes in Punjabi // *DGfS Workshop Evolution syntaktischer Relationen Mainz, 2004, February, 25–27*. Available at: <https://ling.sprachwiss.uni-konstanz.de/pages/home/butt/main/papers/dgfs04-hnd.pdf>. Access date: 15.10.2024.
- Clifton, J. (2010) Stable Multilingualism in Tajikistan. Available at: https://www.academia.edu/2088389/Stable_Multilingualism_in_Tajikstan. Access date: 23.03.2024.
- Crooke, W. (1890) An Ethnographical Hand-Book for the North-Western Provinces and Oudh. Allahabad: s.n. 214 p.
- Grierson, G.A. (1919) Linguistic Survey of India. Vol. VIII, P. I. Indo-Aryan Family. North-Western Group. Specimens of Sindhī and Lahndā. Calcutta: Off. of the Superintendent. 594 p.
- Korn, A., Nourzaei, M. (2018) “Those Were the Hungry Years”: A Glimpse of Coastal Afro-Balochi. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 2018, 28 (4): 661–695. Available at: <http://dx.doi.org/10.1017/S1356186318000238ff. f10.1017/S1356186318000238ff. ffhalshs-01869357f>. Access date: 15.10.2024.

- Masica, C. P. (1991) *The Indo-Aryan Languages* (Cambridge language surveys). Cambridge; New York et al.: Cambridge University Press. 539 p.
- Mohammadirad, M. *Pronominal Clitics in Western Iranian Languages: Description, Mapping, and Typological Implications* (Linguistics. Paris 3). 2020. ffNNT: ff. fftel-02988008. Available at: https://theses.hal.science/tel-02988008/file/Thesis_MOHAMMADIRAD_Masoud_2020-final%20version.pdf. Access date: 17.09.2024.
- Oranskaia, T. (to appear) *The Term Parya: Phonological and Ethnological Issues* // *Festschrift in Honour of Prof. Dr. Thomas Oberlies*. Heidelberg; Berlin: Heidelberg Asian Studies Publishing.
- Rao, A. (1995) *Marginality and Language Use: The Example of Peripatetics in Afghanistan* // *Journal of the Gypsy Lore Society: 5th Series*. No 5. Pp. 69–95.
- Shackle, C. (1980) *Hindko in Kohat and Peshawar* // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. No 43(3). Pp. 482–510.

REFERENCES

- Dyachok, M. T. (2002) *Tsyganskiy yazyk i glottokhronologiya* [The Gypsy language and glottochronology]. Dyachok, M.T., Shapoval, V.V. (eds). *Opuscula glottologica professori Cyrillo Timifeiev dedicata* [Essays on glottology dedicated to Professor Cyrill Timofeev]. Available at: <http://www.liloro.ru/romanes/dyachok-02a.htm>. Access date: 23.09.2024 (In Russian)
- Efimov, V. A., Rastorgueva, V.S., Sharova, E.N. (1982) *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskie yazyki: zapadnaya gruppa, prikaspiyskie yazyki*. Executive ed. V.S. Rastorgueva [Fundamentals of Iranian linguistics. New Iranian languages: Western group, the Caspian languages.] Moscow: Nauka. 571 p. (In Russian)
- Merritt, Z. (comp.) (2016) *Parjya amūko kaji. Afsonahoi mardumi Parjya* [Tales of the Parya people]. Dushanbe: “ЭР-рӯаф”. 280 p. (In Parya, with translation into Tajik)
- Oranskaya, T. I. (2023) *Vliyanie issledovaniya maloy etnicheskoy gruppy na otnoshenie eyo chlenov k svoey etnichnosti (na primere sredneaziatskoy indoyazychnoy gruppy parya)*. *Osobyie miry Indii i rossiyskaya etnografiya: kontakty i konteksty. Materialy issledovaniy i dokladov. Sektsiya na XV Kongresse antropologiv i etnologiv Rossii. 26-30 iyunya 2023 g. Sankt-Petersburg*. Ryzhakova S. I., Shcherbak M. (eds and comps). [Impact of ethnological research on a minor ethnic group on their attitudes to their ethnicity: The case of Parya, a group in Middle Asia speaking an Indian language. Peculiar worlds of India and Russian ethnography: contacts and contexts. Research and presentations materials. Panel at the XV Congress of Russian physical anthropologists and ethnologists]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology: POLIMEDIA. Pp. 61–67 (In Russian)
- Oranskiy, I. M. (1977) *Folklor i yazyk Gissarskix parya. Vvedenie, teksty, slovar* [Folklore and language of the Hisor Parya. Introduction, texts, glossary]. Moscow: Nauka, Glav. red. vost. lit. 448 p. (In Russian)
- Oranskiy, I. M. (1983) *Tadzhikoyazychnye etnograficheskie gruppy Gissarskoy doliny (Srednyaya Aziya): etnolingvisticheskoe issledovanie* [Tajik speaking ethnic groups of the Hisor valley (Middle Asia): ethnolinguistic study]. Moscow: Nauka. Glav. red. vost. lit. 237 p. (In Russian)
- Rastorgueva, V. S. (1964) *Opyt sravnitel'nogo izucheniya tadzhikskikh govorov* [Attempt at comparative studies of Tajik dialects]. Moscow: Nauka. 188 p. (In Russian)
- Abbess, E., Müller, K., Paul, D., Tiessen, C., Tiessen, G. (2010) *Language Maintenance Among the Parya of Tajikistan*. SIL International 2010. SIL Electronic Survey Report 2010-014, May

2010. Available at: https://www.sil.org/system/files/reapdata/11/26/05/112605693665137982433876189401654188162/silesr2010_014.pdf. Access date: 23.03.2024.
- Akhtar, R.N.* (1997) Affix-s(uu) constructions in Punjabi. Essex Graduate Student Papers in Language and Linguistics. Issue 1. Pp. 1–18 (cited from Butt 2004).
- Akhtar, R. N., Haroon-ur-Rashid, Sohail, A.* (2011) A Brief Introduction of Hindko Language. Available at: https://www.researchgate.net/publication/346961859_A_Brief_Introduction_of_Hindko_Language. Access date: 20.09.2024.
- Bashir, E., Connors, T. with Hefright, B.* (2019) A Descriptive Grammar of Hindko, Panjabi, and Saraiki (Mouton-CASL Grammar Series 4). Maryland: De Gruyter Mouton. 612 p.
- Butt, M.* (2004) The Role of Pronominal Suffixes in Punjabi. DGfS Workshop Evolution syntaktischer Relationen Mainz, 2004, February, 25–27. Available at: <https://ling.sprachwiss.uni-konstanz.de/pages/home/butt/main/papers/dgfs04-hnd.pdf>. Access date: 15.10.2024.
- Clifton, J.* (2010) Stable Multilingualism in Tajikistan. Available at: https://www.academia.edu/2088389/Stable_Multilingualism_in_Tajikistan. Access date: 23.03.2024.
- Crooke, W.* (1890) An ethnographical hand-book for the North-Western Provinces and Oudh. Allahabad: s.n. 214 p.
- Emeneau, M. B.* (1980) Language and Linguistic Area: Essays by Murray B. Emeneau. Selected and Introd. by Anwar S. Dil. Stanford [1965]. Pp. 126–166.
- Grierson, G. A.* (1919) Linguistic Survey of India. Vol. VIII, P. I. Indo-Aryan Family. North-Western Group. Specimens of Sindhī and Lahndā. Calcutta: Off. of the Superintendent. 594 p.
- Korn, A., Nourzaei, M.* (2018) “Those Were the Hungry Years”: A Glimpse of Coastal Afro-Balochi. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 2018, 28 (4): 661–695. Available at: <http://dx.doi.org/10.1017/S1356186318000238ff>. ff10.1017/S1356186318000238ff. ffhalshs-01869357f. Access date: 15.10.2024.
- Masica, C. P.* (1991) The Indo-Aryan Languages (Cambridge language surveys). Cambridge; New York et al.: Cambridge University Press. 539 p.
- Mohammadirad, M.* (2020) Pronominal clitics in Western Iranian languages: Description, mapping, and typological implications (Linguistics. Paris 3). ffNNT: ff. fftel-02988008. Available at: https://theses.hal.science/tel-02988008/file/Thesis_MOHAMMADIRAD_Masoud_2020-final%20version.pdf. Access date: 17.09.2024.
- Oranskaya, T.* (to appear) The Term Parya: Phonological and Ethnological Issues. Festschrift in Honour of Prof. Dr. Thomas Oberlies. Heidelberg; Berlin: Heidelberg Asian Studies Publishing.
- Rao, A.* (1995) Marginality and Language Use: The Example of Peripatetics in Afghanistan. *Journal of the Gypsy Lore Society: 5th Series*. No 5. Pp. 69–95.
- Shackle, C.* (1980) Hindko in Kohat and Peshawar. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 43(3). Pp. 482–510.

Татьяна Иосифовна Оранская – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт восточных рукописей РАН.

Адрес: 191181, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18.

Эл. адрес: oranskaiat@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7207-9190>

Tatiana I. Oranskaia – Candidate in Philology, Associate Professor, senior researcher, Institute of Oriental manuscripts, RAS, Saint Petersburg, Russian Federation.

Address: Dvortsovaya Emb., h. 18, Saint Petersburg, Russian Federation, 191181.

E-mail: oranskaiat@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7207-9190>

Для цитирования: *Оранская Т.И.* Влияние таджикского языка на формирование системы местоименных клитик в языке Парья в Таджикистане // Социоллингвистика. 2025. № 2 (22). С. 136–157. DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-136-157

For citation: *Oranskaia T. I.* Influence of the Tajik language on the formation of the system of pronominal clitics in the Paryá language in Tajikistan // Sociolingvistika. 2025. No. 2 (22). pp. 136–157. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-136-157

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 14.11.2024;
approved after reviewing 13.03.2025;
accepted for publication 07.06.2025.

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

LANGUAGE PROCESSES

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-158-171>ЭВФЕМИЗМЫ В МАЗАНДЕРАНСКОМ ЯЗЫКЕ:
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 811.222.7

Сейеде Мохана

Сейедагаи Резаи Мазандеранский
университет,
Бабольсар,
Исламская Республика
Иран**Аннотация**

В данной статье рассматриваются эвфемизмы в мазандеранском языке – социальное явление, которое невозможно изучить, не обращаясь к социальному контексту, к тому, какие слова люди выбирают в конкретной ситуации и как они воспринимаются собеседником в конкретном языковом сообществе. Мы рассматриваем эвфемизмы в мазандеранском языке, их использование в повседневной жизни, социально-культурные факторы, влияющие на их употребление, и лексико-семантические способы их образования.

Отмечается отрицательное отношение со стороны общества к некоторым понятиям и явлениям, что приводит к возникновению эвфемизмов. Носители мазандеранского языка, как и другие люди в Иране, используют эвфемизмы в социальных и межличностных отношениях, когда хотят избежать ощущения дискомфорта или конфликта при коммуникации.

Большая часть эвфемизмов в мазандеранском языке употребляется в силу социальной обусловленности и нежелания оскорбить чувства людей, когда они говорят на такие болезненные темы, как рождение или смерть человека, телесные и духовные болезни, а также при упоминании определенных частей тела, связанных с «телесным низом» и туалетом, и необходимости избежать произнесения табуированной лексики. Мы рассматриваем эвфемизмы на разных уровнях языка: фонетическом, лексико-семантическом, морфологическом и синтаксическом, и определяем лексико-семантические способы их образования в мазандеранском языке, выделяя такие способы и приемы, как заимствование, метафорический перенос, метонимический перенос, перифраза, гипероним и др.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: табу, эвфемизм, вежливость, термины обращения, коммуникативный эффект, лексико-семантический способ эвфемизации, мазандеранский язык

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Сейеде Мохана Сейедагаи Резаи, 2025

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-158-171>

EUPHEMISMS IN THE MAZANDARANI LANGUAGE: A SOCIOLINGUISTIC PERSPECTIVE

UDC 811.222.7

Seyede Mohana

Seyedaghaie Rezaie

University of Mazandaran,
Babolsar, Islamic Republic of
Iran

Abstract

This article explores the use of euphemisms in the Mazandarani language, analyzing them as a sociolinguistic phenomenon that cannot be fully understood without reference to the social context in which they occur. The study focuses on the lexical choices speakers make in particular situations, and how these choices are perceived within the Mazandarani speech community.

The article examines the role of euphemisms in everyday communication, the socio-cultural factors that influence their usage, and the lexical-semantic strategies through which they are formed. It highlights the societal tendency to adopt euphemisms in response to negative attitudes toward certain concepts and phenomena, which are considered inappropriate, sensitive, or taboo.

Speakers of Mazandarani, like other linguistic communities in Iran, frequently employ euphemisms in both social and interpersonal contexts to prevent communicative conflict and avoid causing discomfort to their interlocutors. Euphemisms are commonly used to discuss sensitive topics such as birth, death, physical and psychological illnesses, and bodily functions – particularly references to private body parts and acts associated with toilets – as well as to circumvent socially prohibited or taboo vocabulary.

The analysis considers euphemisms at various linguistic levels, including phonetic, lexical-semantic, morphological, and syntactic. Special attention is given to the lexical-semantic mechanisms underlying euphemism formation in the Mazandarani language. These include borrowing, metaphorical and metonymic transfer, periphrasis, the use of hypernyms, and other rhetorical and linguistic strategies.

KEYWORDS: taboo, euphemism, politeness, terms of address, communicative effect, lexical-semantic method of euphemization, Mazandarani language

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Seyede Mohana Seyedaghaie Rezaie, 2025

1 | Введение

Язык, как живой организм, постоянно изменяется и развивается. Общество и происходящие изменения в обществе, в первую очередь, влияют на язык, а именно на лексику каждого языка. На первых этапах развития общества слово было для людей неотъемлемой частью самого факта, и, чтобы защитить и уберечь себя от гибели, люди были вынуждены соблюдать некоторые условия. Так появляются первые табу, и еще на стадии первобытных суеверий и табу начинают развиваться древние эвфемизмы – дозволенные, скрывающие и косвенные наименования. Например, в русском языке *он, сам, хозяин* вместо *муж*; *она, сама, хозяйка* вместо *жена*. Хотя эти лексические замены давно утратили роль табу, но до сих пор активно употребляются в речи простых людей [Ковшова, 2007: 64].

Эвфемизмы изучаются как комплексный лингвистический, социальный и когнитивный феномен. Говорящие используют эвфемизмы в социальных и межличностных отношениях, когда хотят избежать коммуникативных неудобств и конфликтов, стремясь не создать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта. Эвфемизмы тесно связаны с социокультурными и психолингвистическими процессами, протекающими в обществе. Они чаще употребляются по моральным, религиозным и политическим мотивам.

Можно разделить эвфемизмы на две группы:

эвфемизмы первой группы употребляются согласно конвенциональному порядку следования социальным практикам вежливости в социуме и в силу нежелания оскорбить чувства окружающих в сообществе, когда люди затрагивают такие (иногда болезненные для человека) темы, как рождение, смерть, болезнь, половой акт, человеческое тело и пр. Используя эвфемизмы данной группы, говорящий старается поддержать социальный престиж самого себя и своего собеседника. При помощи таких эвфемизмов достигается успешная коммуникация.

Эвфемизмы второго вида – это приемы маскировки истины, демагогии и контроля общественного мнения при разговоре на социально-политические темы [Musavi, Badaxshān, 2012: 171]. Носитель языка для достижения успешного коммуникативного эффекта нейтрализует отрицательные компоненты значений с помощью их смягчения.

По Л.П. Крысину, употребление эвфемизмов зависит от контекста и условий речи: чем жестче социальный контроль речевой ситуации и самоконтроль говорящим собственной речи, тем более вероятно появление эвфемизмов; напротив, в слабо контролируемых речевых

ситуациях и при высоком автоматизме речи (например, при общении в семье, с друзьями и т.п.) эвфемизмам могут предпочитаться «прямые» обозначения [Крысин, 1994: 76].

Запрет на употребление некоторых слов или выражений исторически способствовал совершенствованию коммуникативности и поддержанию социального статуса человека в обществе. Причем использование эвфемизмов в этой функции связано со сферой общения и социальным статусом участников общения. Чем выше социальный статус коммуникантов, чем большей официальностью и торжественностью характеризуется сфера общения, тем выше частотность использования эвфемизмов.

С другой стороны, у каждого человека есть закрытые, тайные сферы жизни, которые вызывают чувство неловкости, стыдливости, неудобства, причем общество веками воспитывает презрительно-стыдливое отношение к так называемым «низменным, животным» моментам и потребностям человека, не позволяя людям легко и свободно говорить об интимной сфере жизни, физической или умственной неполноценности, половых органах, физических отправлениях и пр. Таким образом, люди постоянно стараются выбирать приемлемые для социума слова и выражения, чтобы достигнуть понимания. В силу этого основным условием эффективной коммуникации является соблюдение правил этикета.

2 | Применение эвфемизмов в Мазандеране

В Иране, в частности Мазандеране, люди никогда не станут прямо указывать на физические недостатки других. При этом употребляются вторичные наименования понятий и действий с отрицательным денотатом. В подобных случаях для передачи таких чувств собеседника, как недовольство, сочувствие, осуждение и пр., носители мазандеранского языка выбирают следующие выражения:

- 1) *bi-dele* ‘безмозглый’ (букв. без внутренности);
- 2) *āqūz-e bi-dele* ‘боязливый и несмелый (человек)’ (букв. грецкий орех без ядра);
- 3) *das kaj* ‘нечистый на руку (человек), вор’ (букв. рука кривая);
- 4) *mis* ‘скупой (человек)’ (букв. кулак);
- 5) *xasingene dāšten* ‘злобный (человек)’ (букв. иметь зоб);
- 6) *gu xām-kaš* ‘прибирающий к рукам, присваивающий чужую собственность’, ‘хитрый’ (букв. (тот, кто) выделывает коровью шкуру, ничего не упускающий (человек));
- 7) *du gir* ‘очень бедный’ (букв. берущий пахту у благотворителей, т.е. настолько бедный, что его единственной пищей является пахта);

8) *serx-e šelvār* ‘палач’ (букв. (в) красных штанах, т.к. в старину палачи носили красные штаны);

9) *desar-kuten* ‘сплетник’ (букв. два+голова+стучать), применяется для обозначения ударного музыкального инструмента, который представляет из себя две глиняные чаши, открытая сторона которых затянута телячьей кожей. Звук извлекают ударом двух деревянных палочек (маз. *kutenā*). Название этого музыкального инструмента употребляется в переносном значении, так как он издает много шума;

10) *mangali* ‘курильщик опиума’ (букв. (сидящий у) мангала). В этом случае наименование мангала как инструмента для курения опиума заменено наименованием действующего лица.

11) *talxaki* ‘опиум; наркоман’ (букв. горький (вкус) + суф. *i*). В первом случае дается перенос наименования с главного свойства этого вещества на само вещество; во втором, – на человека, который им злоупотребляет.

Эвфемизмы этой группы, в основном, образованы путем метонимического переноса.

2.1 Передача понятий, связанных с болезнью и смертью

Человек всегда боялся смерти и связанных с ней страданий. Осознавая их неотвратимость, люди стараются избежать их прямого наименования. Поэтому во всех языках можно найти немало эвфемистических слов и выражений на тему смерти.

Чтобы передать понятия, связанные со смертью косвенным образом, мазандеранцы используют разные приемы:

1) Указываются отдельные признаки близкого конца жизни человека, связанные со смертью:

vene češ palver demāsse.PST.3SG (букв. его взгляд упал на бревна на крыше);

vene tašt bene dakete.PST.3SG (букв. его корыто упало), шум, вызванный падением металлического корыта, является признаком смерти и сообщает окружающим о смерти человека;

čār kase duš burden.INF (букв. идти на плечах четырех человек), здесь дается косвенное указание на погребальные носилки, у которых четыре угла и которые до места захоронения несут на плечах четыре человека;

pali dagereste.PST.3SG (букв. повернулся в (иную) сторону).

Данные метонимические конструкции косвенно указывают на смерть с помощью наименования ее признаков.

2) Говорящие стараются задать этому неприятному событию иное направление, связав с волей Божьей, считая смерть милостью Божьей и знаком прощения:

xedā biyamorzi bayye.PST.3SG (букв. Бог простил его);

marhum bayye.PST.3SG (букв. (он) был благословлен);

be rahmete xedā burde.PST.3SG (букв. (он) ушел в благословение Господа).

3) Смерть описывается как путешествие в иной мир:

dar-e šurne.PRS.3SG (букв. (он) уходит).

4) Вместо слова «смерть» используется его антоним – «жизнь»:

še omre hedā šema re (букв. свою жизнь отдал вам). В этом примере представлен перенос наименования с одной ситуации на другую. Его можно считать точным эквивалентом русского эвфемистического фразеологизма *приказать кому-л. долго жить*;

vere piš dakete.PST.3SG (букв. (смерть) настигла его), т.е. он умер внезапно, до своего срока;

vene reutāne poor bayye.PST.3SG (букв. его чаша/мера была переполнена), т.е. его жизнь прервалась.

5) Другой распространенный способ эвфемизации – аллегория:

rahmet-e xar-e sevār bayye.PST.3SG (букв. ехал верхом на осле Рахмата).

Неизлечимые и смертельные заболевания, возникающие в результате половых сношений, а также физические и психические недостатки – еще одно смысловое поле, которое требует эвфемизации. Приведем несколько примеров:

1) Говорящие на мазандеранском языке никогда прямо не говорят о раке. Они образуют эвфемизм путем генерализации значения: *gat-e marizi* ‘рак’ (букв. большая болезнь);

2) *dele darim beham baxerden*.INF ‘понос и рвота’ (букв. (его) желудок и внутренние органы расстроились);

3) *attā jā nešin bayye*.PST.3SG ‘становиться немощным, бессильным’ (букв. (тот, кто) сидит неподвижно). Здесь физическая немощность может быть следствием старости или инвалидности;

4) *čeng bayye, čengeli bayye*.PST.3SG ‘стать паралитиком’ (букв. сжиматься в комок);

5) *vere piš biyamu*.PST.3SG (букв. с ним что-то случилось) косвенно указывает на то, что человек сходит с ума;

6) *mariz bayye.PST.3SG* ‘месячные’ (букв. заболела);

7) *reg bayye.PST.3SG* ‘месячные’ (букв. менструация). В данном случае мы сталкиваемся с интересным примером эвфемизации на основе заимствования. Поскольку заимствованные интернациональные слова не знакомы носителям мазандеранского языка, они могут широко использоваться в качестве эвфемизмов. К ним обращаются, чтобы не только камуфлировать негативный денотат, но и вносить в речь ощущение более высокого стиля общения. Слово «رگ» [reg] в мазандеранском языке связано с русским *регулы* (вм. менструация), которое имеет латинский корень и употребляется в речи медиков. Слово «رگل» [regl] вошло и в персидский язык; оно заимствовано из французского языка и имеет то же значение [Anvari, 2002: 3672];

8) *čāč ček-ček kene.PRS.3SG* ‘месячные’ (букв. водосточная труба протекает). В этом примере эвфемизм образуется с помощью метафоры.

2.2 Передача понятий, связанных с родами и беременностью

Вместо табуируемых понятий рождения ребенка и беременности употребляются зашифрованные единицы, образованные путем метонимического переноса, так как косвенно указывают на какую-то особенность, связанную с этими процессами:

1) *mār-o-vače kenār burdene.PST.3PL* (букв. мать и ребенок идут в сторону);

2) *mār-o-vače sivā baynene.PST.3PL* (букв. мать и ребенок разделены);

3) *mār sabek bayye.PST.3SG* (букв. мать стала легкой);

4) *mere kenār hakerde.PST.3SG* (букв. отослала меня в сторону), т.е. акушерка помогла мне во время родов;

5) *sangin bayye.PST.3SG* (букв. она стала тяжелой). В русском языке тоже существуют подобные эвфемизмы: глагол *отяжелевать/отяжелеть* вместо *беременеть/забеременеть*, и прилагательное *тяжелая* вместо *беременная* являются языковыми эвфемизмами, образованными с помощью метонимического переноса.

6) *vene ešeket bālā biyati.PST.3SG* ‘быть беременной’ (букв. у нее живот вырос).

2.3 Передача понятий, связанных с туалетом

Для названия такой деликатной темы, как туалет и связанных с ним понятий также используются разные эвфемистические единицы, образованные на основе метонимического переноса:

- 1) *birun burem*.PRS.1SG (букв. (я) выйду);
- 2) *bene burem*.PRS.1SG (букв. (я) спускаюсь вниз);
- 3) *ou kenār burem*.PRS.1SG (букв. (я) подойду к воде);
- 4) *āb-riz burem*.PRS.1SG (букв. (я) иду в туалет (*āb* ‘вода’ + *riz* ‘сток’));
- 5) *āftube (jeri) bayrem*.PRS.1SG (букв. (я) беру кувшин для омовения (медный, жестяной или пластмассовый); необходимо упомянуть, что в Мазандеране туалеты находились вне дома рядом с ручьем.

2.4 Наименования сверхъестественных сил

Объектом эвфемизации выступают и наименования сверхъестественных сил. Такие как демон, джинн и др. При этом используется прием перифразы и антонимии:

1) *bi-me[h]ri* обозначение сверхъестественных сил (букв. неприязнь, нелюбовь, недружелюбие, или неверующий) при перс. *mehr* ‘привязанность, любовь’, *mehrebān* ‘ласковый, добрый, милосердный’. В основе этого исторического эвфемизма лежит наименование индоиранского божества – Митры (Мехр), связанного с понятиями дружбы, справедливости, договора, согласия и солнечного света.

Следы поклонения Митре все еще ощущаются в Иране, в частности на севере, в Гиляне и Мазандеране (см. подробнее [Naderi, 2020: 2]). Мазандеранцы верят, что, произнеся связанные с его именем формулы, можно отогнать от себя злые силы. Имя этого божества в регионе принято произносить в молитвенной формуле (*me[h]r hakerden*.INF) при посещении бани, которая считалась центром скопления нечисти, или когда люди проходили ночью мимо страшных мест: кладбища, леса или пустынного места. Считалось, что все сверхъестественные силы бегут от упоминания этого имени.

2) Выражение *bi-vaqti bayye*.PST.3SG ‘одержимый’ (букв. поздним, несвоевременным стать) образовано при помощи метонимического переноса. Мазандеранцы верили, что джинны являются в мир поздним вечером и беспокоят того, кто выходит из дома в темное время суток. Этот эвфемизм чаще всего употребляется в речи женщин. Он применяется, если на теле человека без причины появляется синяк или покраснение. Считается, что джинны ущипнули человека и синяк – результат этого.

3) *unā / oināni* ‘джинны’ (букв. личное местоимение 3 л. мн. ч. ‘они’). При этом с помощью местоимения, в силу его денотативной неконкретности, отсутствия семантических признаков и его синтетичности, создается семантическая неопределенность. Подобные

примеры существуют и в русском, и в персидском языках. В персидском языке вместо ‘джинны’ может употребляться личное местоимение *ān-hā* (букв. они), или находим устойчивое словосочетание *az mā behtarān* (букв. (те, что) лучше нас).

Суеверные воззрения и религиозные факторы считаются причиной появления запрета на то, чтобы прямо называть некоторых зверей. Например, в Мазандеране для обозначения волка употребляется *jānever* (букв. животное, зверь). В этом случае использование в речи гиперонима вместо его гипонима создает семантическую неопределенность. Так образуется эвфемистическое понятие.

В некоторых районах Ирана прямо не называют змею. Для ее упоминания иранцы используют такие перифразы в функции эвфемизма, как *band-e čāh* (букв. канат для колодца), или *čub-e gaz* (букв. палка для измерения единицы длины-газ).

Другой пример этой группы, это эвфемизм *āfat* ‘свинья’ (букв. вредитель). Свиньи повреждают поля и, по религиозным представлениям, считаются вредными и нечистыми животными. Если мазандеранцы хотят прямо назвать это животное, то используют некоторые сигналы, как *xalā bi-adabiye* ‘очень невежливо (упоминать ее)’ (букв. очень невежливо), чтобы в некоторой степени снизить негативное впечатление от этого понятия.

Отметим, что в каждом языке есть сигналы и маркеры социального запрета, предупреждающие об эвфемизмах и в устной, и в письменной речи. Как указывает Е.П. Сеничкина, к маркерам эвфемизмов принадлежат паузы, предшествующие эвфемизмам, и специальные слова или сочетания, предназначенные подготовить собеседника к восприятию чего-то неприятного, постыдного, ужасного. В русском языке сигналами эвфемистической ситуации способны быть такие слова и высказывания, как *несколько, немного, мягко говоря, мягко выражаясь, в некотором роде, в некотором смысле, так сказать, иначе говоря, по более осторожному выражению, фигурально выражаясь, это было более крепко сказано; это было сказано без обиняков* и проч. Нельзя упустить из виду, что слова *несколько, немного* и их дериваты способны быть не только сигналами эвфемизма, но и выполняют эвфемистическую функцию самостоятельно [Сеничкина, 2012: 63].

В персидском языке встречаются сходные выражения:

- 1) *ruy-am be divār* (букв. мое лицо к стене),
- 2) *gol be ruye-tān* (букв. (пусть это будет для вас как) розовая вода) ‘пусть вам не будет противно’,

- 3) *zabān-am lāl* (букв. мой язык нем) в функции сигналов эвфемизма. Носители персидского языка употребляют эти выражения, когда говорят о грубых выражениях или затрагивают «нетактичную тему» [Rahimniyā, 2007: 328].

И в мазандеранской, и в персидской устной речи сигналом эвфемистической ситуации является особое понижение тона голоса. На письме понижение тона передаётся описательно. При отсутствии подобной ремарки понижение тона отмечается многоточием, указывающим на паузу, на факт замедления темпа речи. Иногда эвфемизмы в письменном тексте заключаются в кавычки или выделяются с помощью других полиграфических средств – курсива, разрядки и т.д.

2.5 Обозначение женщины

Рассмотрим приемы, используемые при обращении друг к другу. Термины обращения являются окном, открытым для социальных и культурных различий в обществе, и раскрывают отношение людей друг к другу. Вежливость, формальность, власть и солидарность влияют на использование различных типов формул обращения мужчинами и женщинами.

Вежливость и власть являются функциями социальной структуры и зависят от убеждений, общественного мнения и различных ожиданий общества от мужчин и женщин. В большинстве случаев женщины в своей речи более формально и чаще применяют вежливые обращения, чем мужчины той же социальной группы, того же возраста и с тем же уровнем образования. Кроме того, из-за более низкой социальной защищенности и нестабильности социального статуса женщины рассматривают язык как критерий определения социального статуса [Birounrah, Kazemi, 2018: 19–20].

В иранской культуре не принято прямо и открыто говорить о женщинах, обсуждать их или называть их какими-то словами. В связи с этим возник целый ряд эвфемизмов. Но в настоящее время благодаря повышению грамотности и расширению доступности женщин к образованию, иранское общество стремится к снижению уровня дискриминации по полу и к равенству мужчин и женщин. Перечислим некоторые из таких эвфемистических замен, образованных с помощью метонимического переноса.

Многие из этих эвфемизмов-обращений ныне вышли из активного употребления в персидском языке и уже не входят в словарный запас носителей средних возрастов:

- 1) Арабское *beyt* (букв. дом, храм, помещение) выступает в функции эвфемизма, и муж в семье использует это слово взамен прямого обращения к своей жене и дочерям. При

образовании этого эвфемизма используется прием переноса наименования по смежности – места и его жителей.

2) Арабское *haram* имеет несколько значений: ‘гарем; женская половина дома’ (обычно у богатого мусульманина); ‘запретное, священное место’, ‘храм; святилище’, ‘женщины какого-л. семейства (жена, сестры, дочери)’, ‘жены и наложницы богатого мусульманина’ [Rubinčik, Osmanov, Dorri, 2003: 499]. Последнее значение этого слова может выступать в функции эвфемизма взамен прямого обращения к женщинам в рамках семьи.

3) Относительное прилагательное *хеуте-ги* (букв. (живущие в) шатре), связанное со словом *хеуте* (букв. шатер) в переносном значении выполняет эвфемистическую роль и употребляется вместо ‘женщины и дочери’.

4) Слово *manzel* (букв. жилище) тоже как эвфемизм косвенно указывает на женщин и дочерей одной семьи.

Вышеуказанные примеры образованы с помощью метонимического переноса – переноса наименования с помещения на его жителей.

5) Устаревшее прилагательное *pušide-ru* (букв. с закрытым лицом, скрывающая лицо под вуалью, чадрой) употреблялось в переносном эвфемистическом значении взамен прямого обращения к женщинам / девушкам. В этом примере в качестве способа эвфемизации использована синекдоха: происходит перенос наименования с описания облика женщины по предмету одежды (части) на женщину в целом.

2.6 Термины обращения в рамках семьи: термины родства и свойства

В диалектах персидского языка также существуют эвфемистические замены при обращении. Социокультурные нормы иранского общества запрещают прямо называть мужа, жену, и даже отца и мать супругов. Женщины тщательно соблюдают эти запреты по сей день. В социокультурных условиях иранского общества женщине нельзя прямо называть мужа, свекра и свекровь. В большинстве случаев, особенно в сельской местности женщины соблюдают эти запреты и сегодня [Rezāyati, 2008: 106].

В мазандеранском и гилянском языках женщины употребляют следующие эвфемистические замены при обращении к мужу вместо прямого обозначения (называния) мужа:

маз. *vašunā pēr*, гил. *zākānā pēr* (букв. отец детей);

маз. *amə sar-e sāyā*, гил. *ami sər sāyā* (букв. наш покровительствующий); или называют своего мужа именем старшего сына *Hasən-ə pēr* (букв. отец Хасана).

Гилянские и мазандеранские женщины обычно употребляют эвфемистические замены для обращения также к свекрови и свекру. Более вежливыми, тактичными считаются такие лексические замены:

маз. *dadə* (букв. мама); гил. *pilə xānəm* (букв. великая госпожа), *məštə xānəm* (*məštə* – букв. машхади: обращение к человеку, посетившего гробницу имама Резы в Мешхеде), *kəblā xānəm* (букв. кербелаи: тот, кто посетил святое для шиитов место смерти имама Хосейна в Кербеле) [Rezāyati, Ėerāqi, 2008: 106–107].

В свою очередь, мужчины при обращении к жене также применяют соответствующие обороты:

маз. *amə vačünə mār*, гил. *zākānə mār* (букв. мать детей); *Hasən-ə mār* (букв. мать Хасана);

маз. *amə kaie-paj* (букв. женщина, которая готовит тыкву), гил. *ami pelāpačan* (букв. наша кухня).

3 | Заключение

Итак, обозначив круг тем в мазандеранском языке, связанных с эвфемизацией, мы определили лексико-семантические способы образования эвфемизмов. Мы выделили такие способы и приемы, как метафорический перенос, метонимический перенос, заимствование, гипероним и др.

Поскольку язык связан с обществом, его устройством, он меняется вместе с обществом. В мазандеранском языке большая часть эвфемизмов употребляется в рамках этикетных норм и обусловлена нормами социальной вежливости.

Эвфемистическая лексика употребляется с целью избежать оскорбления чувств людей при разговорах на такие темы, как рождение, смерть, болезни, части тела, связанные с «телесным низом», туалетом, а также в связи с необходимостью избежать употребления табуированной лексики.

Отношения между коммуникантами оказывают влияние на выбор терминологии, стиля, регистра речи. В настоящее время в обществе широко распространены эвфемистические замены при обращении друг к другу разных по возрасту и полу людей. Использование разных формул обращений передает чувства, такие как степень физической удаленности/близости,

психологической зависимости в отношениях собеседников. Очень строго регламентируется употребление терминов родства и свойства в рамках традиционной семьи в целом и особенно молодой невестки.

ЛИТЕРАТУРА

- Ковшова М. (2007) Семантика и прагматика эвфемизмов. М.: Гнозис. 318 с.
- Крысин Л.П. (1994) Эвфемистические способы выражения в современном русском языке // Русский язык в школе. 1994. №5. С. 76–82.
- Сеничкина Е.П. (2008) Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука. 458 с.
- Сеничкина Е.П. (2012) Эвфемизмы русского языка / спецкурс. М.: Флинта. 148 с.
- Anvari, H. (2002) *The Great Culture of Speech*. Tehran: Sokhan.
- Birounrah, B., Kazemi, F. (2018) The Effect of Verbal Politeness and Power on the Choice of Address Terms: A Sociolinguistics Approach. *Pazand Quarterly*. Number 14, pp. 5–24.
- Musavi, S., Badaxšān, I. (2012). Indecent euphemisms. *Linguistic Research in Foreign Languages*, Number 2, pp. 171–187.
- Naderi, P. (2020) The religion of love worship and the myth of goddess Mitra in Iranian mythology. National conference of interdisciplinary research in management and humanities, collection of articles of the first national conference of interdisciplinary research in management and humanities. 1–7 p.
- Rahimniya M. (2007). *Dictionary of idioms and proverbs*. Tehran: Golpā.
- Rezayati, M., Cheraqi, R. (2008) Social lexicology of Gilaki dialect: terms of kinship and gender. *Journal of language and literature of Mashhad Faculty of Literature and Human Sciences*. Number 161, pp. 95–110.
- Rubinichik, Y., Osmanov, N., Dorri, J. (2003) *Persian-Russian dictionary*. Mashhad: Javedan-e kherad.

REFERENCES

- Kovshova, M. (2007) *Semantika i pragmatika evfemizmov* [Semantics and pragmatics of euphemisms]. Moscow: Gnosis (In Russian).
- Krysin, L.P. (1994) *Evfemisticheskie sposoby vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke* [Euphemistic ways of expression in modern Russian], *Russkiy yazyk v shkole*, no. 5, pp. 76–82 (In Russian).
- Senichkina, E.P. (2008) *Slovar evfemizmov russkogo yazyka* [Dictionary of euphemisms of the Russian language]. Moscow: Flint; Nauka (In Russian).
- Senichkina, E.P. (2012) *Evfemizmy russkogo yazyka: spetskurs* [Euphemisms of the Russian language: special course]. Moscow: Flinta. (In Russian).
- Anvari, H. (2002) *Farhang-e bozorg-e sokhan* [The great culture of speech]. Tehran: Sokhan (In Persian).
- Birounrah, B. and Kazemi, F. (2018) Bāznamāyi-ye tasir-e qodrat va adab-e kalāmi bar kārbord-e vāžeh-hā-ye xatāb dar goftār-e zanān va mardān az didgāh-e zabānšenāsi-ye ejtemāi [The effect of verbal politeness and power on the choice of address terms: a sociolinguistic approach], *Pazand Quarterly*, no. 14, pp. 5–24 (In Persian).
- Musavi, S. and Badaxšān, E. (2012) Hosn-e taābir-e nā-pasand [Indecent euphemisms], *Pajuheš-hā-ye zabānšenākhti dar zabān-hā-ye xāreji*, no. 2, pp. 171–187 (In Persian).
- Nāderi, P. (2020) Āin-e mehrparasti va ostūre-ye elāhe-ye Mitrā dar asātir-e Īrān [The religion of love worship and the myth of the goddess Mitra in Iranian mythology], *Hamaeš-e melli-ye pajuheš-hā-ye miyān-reštei dar modiriyat va olūm-e ensāni*, pp. 1–7 (In Persian).

- Rahimniyā, M. (2007) *Farhang-e zarbolmasal-hā va estelāhāt-e āmiyāne* [Dictionary of idioms and proverbs]. Tehran: Golpā (In Persian).
- Rezāyati, M. and Čerāqi, R. (2008) *Vāžešenāsi-ye ejtemāi-ye gueš-e Gilaki: estelāhāt-e xīšāvandi va jensīyat* [Social lexicology of the Gilaki dialect: terms of kinship and gender], *Majalle-ye taxasosi-ye zabān va adabiyāt va olūm-e ensāni-ye Mašhad*, no. 161, pp. 95–110. (In Persian).
- Rubinčik, Y., Osmanov, N. and Dorri, J. (2003) *Farhang-e fārsi be rusi* [Persian-Russian dictionary]. Mashhad: Javedān-e Xerad (In Persian / Russian).

Сейеде Мохана Сейедагаи Резаи – кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель кафедры русского языка факультета персидской литературы и иностранных языков Мазандеранского университета, Бабольсар, Исламская Республика Иран.

Адрес: 13534-47416, Иран, провинция Мазандеран, г. Бабольсар, улица Пасдаран, 111.

Эл. адрес: m.rezaie@umz.ac.ir

<https://orcid.org/0000-0002-9180-3874>

Seyede Mohana Seyedaghaie Rezaie – PhD (Philology), Assistant Professor, Department of Russian Language, Faculty of Persian Literature and Foreign Languages, University of Mazandaran, Babolsar, Islamic Republic of Iran.

Address: Pasdaran Street 111, Babolsar, Mazandaran Province, Iran, 13534-47416.

E-mail: m.rezaie@umz.ac.ir

<https://orcid.org/0000-0002-9180-3874>

Для цитирования: *Сейеде Мохана Сейедагаи Резаи*. Эвфемизмы в мазандеранском языке: социолингвистический аспект // Социолингвистика. 2025. № 2 (22). С. 158–171. DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-158-171

For citation: *Seyede Mohana Seyedaghaie Rezaie*. Euphemisms in the Mazandarani Language: A Sociolinguistic Perspective // Sociolinguistika. 2025. No. 2 (22). Pp. 158–171. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-158-171

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 26.10.2024;
approved after reviewing 19.05.2025;
accepted for publication 25.06.2025.

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ
LANGUAGE PROCESSES<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-172-193>

THE SECRET LANGUAGE OF ARRANAJI

UDC 8811.223.9

Jahandoust**Sabzalipour** Islamic Azad University,
Rasht Branch,
Rasht, Islamic Republic
of Iran**Raheleh****Izadifar** BuAli Sina University,
Hamadan, Islamic
Republic of Iran**Abstract**

In this article, we examine an Iranian secret language based on the regional Tati language. We investigate the specific features of this professional argot, known as Arranaji or Qarqadili, which is common in the villages of northwestern Iran where Tati dialects are spoken. This secret language was traditionally used by seasonal workers engaged in cutting and processing wood in the urban centers of northern Iran, particularly in the Gilan and Mazandaran regions.

We identify the distinctive characteristics of Arranaji, which is based on the Tati dialects of the villages of Karnaq and Lerd but employs a substitute lexicon that differs significantly from standard Tati vocabulary. The woodcutters and carpenters who used Arranaji – men who lived apart from their home communities for extended periods within a closed male environment – developed a euphemistic vocabulary and coded expressions related to their professional activities, gender roles, drugs, and sociocultural taboos and prohibitions.

This linguistic variety existed solely in oral form and had never been previously documented. Through our fieldwork, we analyze its vocabulary, explore the reasons for the emergence of this argot and its linguistic properties, and examine its use within the community, its geographical distribution, primary functions, as well as its professional and gender-specific characteristics. Additionally, we discuss the etymology and significance of the names Arranaji and Qarqadili.

Finally, we address the reasons for the decline of the original professional functions and gender restrictions of this secret language under contemporary conditions, and its continued use as a familial code to keep information hidden from outsiders and children.

KEYWORDS: Iranian languages, Tati language, Tati Khalkhal, Arranaji, Qarqadili, secret language, argot, pidgin

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Jahandoust Sabzalipour, Raheleh Izadifar, 2025

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-172-193>

СЕКРЕТНЫЙ ЯЗЫК АРРАНАДЖИ

УДК 811.223.9

Джахандуст

Сабзалипур

Исламский университет

Азад, Раштский

филиал,

Рашт, Исламская

Республика Иран

Рахеле

Изадифар

Университет БуАли

Сина,

Хамадан, Исламская

Республика Иран

Аннотация

В статье рассматривается разновидность ираноязычного секретного языка, основанная на региональном языке тати. Изучается специфика этого профессионального варианта речи, известной как арранаджи, или каркадили, распространенного в деревнях северо-западного Ирана, где говорят на диалектах тати. Этот секретный язык использовался сезонными рабочими-отходниками, связанными с рубкой и обработкой дерева в городских центрах северных регионов Ирана, в Гиляне и Мазандеране.

Мы выявляем специфику секретного языка арранаджи, основанного на диалектах тати деревень Карнак и Лерд, но применяющего замещающий лексикон, отличный от словаря собственно тати. Используя арранаджи дровосеки и плотники, проживавшие в отрыве от родных мест в закрытом мужском сообществе, выработали эвфемистическую табуированную лексику, связанную с их профессиональной жизнью, ее гендерными особенностями, наркотиками, а также социокультурными запретами.

Данная языковая разновидность существовала только в устной форме и никогда ранее не подвергалась документированию. Мы анализируем выявленный нами в ходе полевой работы специфический словарь, раскрываем причины создания арранаджи и особенности его употребления в сообществе, области его распространения и основные функции, а также профессиональную и гендерную специфику и происхождение названий арранаджи и каркадили.

Раскрываются причины утраты в современных условиях изначальных профессиональных функций и гендерных ограничений секретного языка и использование его как семейного для сохранения информации в тайне от посторонних и детей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: иранские языки, диалекты тати, тати Халхала, арранаджи, каркадили, секретный язык, арг, жаргон, пиджин

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Джахандуст Сабзалипур, Рахеле Изадифар, 2025

1 | Introduction

Iranian languages and dialects are one of the important branches of Indo-European languages [Stilo, 2018: 660]. The Iranian languages were the languages of the Aryan group of Indo-European people who separated from the main body of related people around the third millennium BC and settled in the plains of Central Asia and in Iran [Rezaee Baghbidi, 2009: 9]. According to traditional classification of Iranian languages one of these is the northwestern branch⁸⁶. This branch, which is common in a large part of the north, west, and northwest of Iran and adjacent areas outside Iran [Sabzalipour, 2010; Safarzadeh, 2003], includes many languages, such as Mazandarani, Talyshi, Gilaki, Balochi, Semnani, Tati, as well as extinct Azeri (of Iranian origin [Asadi, Bagheri Hariry, Kiyani, 2014: 569]).

Tati (endonym *Tāti*, Persian *Tāti* (تاتی)) is a group of Northwestern Iranian Tatic dialects [Stilo, 2018: 660]. They are spoken sporadically in the Northwestern highlands of Iran. Several groups of Tati vernaculars are known, all of them have been subject to several stages of endangerment. These vernaculars were intensively Turkicized during the past centuries, and in recent decades their native speakers are actively shifting to Persian. The younger generations do not learn Tati as a mother tongue because in Iran the language of media and education is exclusively Persian, and families tend to speak Persian with their children to facilitate their education at school (data from the authors' long-term fieldwork, 2020–2024)⁸⁷.

A variety of Tati dialects is prevalent in the following areas of Iran [Yarshater, 1970: 451–454; Sabzalipour, 2010; 2011; 2012; 2015; Sabzalipour, Izadifar, 2014]:

1. Areas in the southwest of Qazvin: including Takestani, Shali, Khiyaraji, Ebrahim-abadi, Sagsabadi, Danesfani, Esfarovarini and Khoznini varieties [Yarshater, 1969: 17–18].
2. Eshtehard Karaj [Yarshater, 1969: 17–18].
3. Khalkhal: including Askestani, Asboi, Deravi⁸⁸, Kolori, Shali, Dizi, Karini, Kehali, Lardi, Gilavani, Taharamdashti varieties in Shahroud section and Kajali and Karnaqi varieties in

⁸⁶ Cf. new classification by Agnes Korn (Korn, Agnes. 2016. A partial tree of Central Iranian: A new look at Iranian subphyla. *Indogermanische Forschungen*. 121 (1). 401–434. 10.1515/if-2016-0021. halshs-01333448v4; Korn, Agnes. 2019. Isoglosses and subdivisions of Iranian. *Journal of Historical Linguistics*. 19/2, Oct 2019. 239–281 <https://doi.org/10.1075/jhl.17010.kor>) that is described in the article [Ivanov, Dodykhudoeva, present issue]. (прим. ред.)

⁸⁷ Cf. also other Tati vernaculars, such as the Upper Taromi variety, also an endangered indigenous language of Iran – thought to be used as a first language by adults only, and not taught in schools (Ethnologue) – and Takestani, considered potentially vulnerable in (UNESCO WAL).

⁸⁸ Dərav is a mountainous village located in the Shahrud area of Khalkhal district south of Ardebil province in the Northwest of Iran. Here live about 300 families, all of whom speak Tati as their mother tongue. Most villagers are familiar with Persian and most elders speak the Turkic vernacular that is common in the nearby town of Khalkhal. However, today

Khorsrostan section [Yarshater, 1959; Sabzalipour, 2010; Asadi, Bagheri Hariry, Kiyani, 2014: 569; Sabzalipour, Izadifar, 2025].

4. Zanzan: in Khoyn, sixty kilometers southwest of Zanzan province and Upper Tarom (including Nokiani, Siavarudi, Hazarrudi, Jamalabadi and Bakoluri, Kalasari, Charzeyi varieties [Yarshater, 1969: 17; Yarshater, 1970: 451–454].

5. Eastern Azerbaijan: including Harzand, Dizmar, Karingan, Kalibar and other areas (cf. [Asghari, 2016]).

6. Rudbar, Alamut and Kuhpayeh. in the river of Gilan in the section of Jirandeh and Farab (cf. [Sabzalipour, 2011]) and Rostamabad (cf. [Alizadeh Juboni, 2010]).

7 North of Khorasan, Chardeh Sankhasat area [Safarzadeh, 2003: 23].

In this article we examine a specific variety of one dialect of the Tati that is Tati Khalkhali (Xalxālī). The Tati of Khalkhal city (Ardebil province) is common in two areas of Khoresh Rostam and Shahroud. Due to the mountainous nature of the region, that is located between the two local mountain ranges of Aqdaq (Âqdâq) and Talash hills, the Tati language of Khalkhal had still largely preserved many of its ancient features. Today, due to the expansion of infrastructure and communication technologies, urbanization, as well as the introduction of the Persian language as a medium of instruction, Tati of Khalkhal is losing its ancient features and goes through the various stages of endangerment.

The Tati of Khalkhal vernacular is known today in two villages of Karnaq and Lerd in Khalkhal that belong to the Tati speaking villages of Ardebil province in Northwest Iran.

In this article we analyze one of the regional secret varieties of Tati – a specific professional argot known as Arranaji, or Qarqadili, that has been common for centuries in the Tati-speaking villages of northwestern Iran. This language existed only in a spoken form and has never before was documented. This idiom was used by carpenters who worked seasonally in the faraway urban centers of northern Iran, in Gilan and Mazandaran provinces.

We documented the total vocabulary of this language that consists of less than five hundred words. We describe the specifics of the structure of the secret language of Arranaji (Arrânaji), based on the Tati dialects of the villages of Karnaq and Lerd, but applying a different substitutive

children are losing interest in their mother tongue outside the family. Since they hear only Persian in the media, they are increasingly switching to using Persian at school and at social events [Sabzalipour, Izadifar, 2025: 208].

vocabulary. We show in the article the sociolinguistic characteristics of this language variety (Arranaji) and its codes from the sociolinguistic perspective, the area of its spread and main areas of function; the origin of the local names of this speech as Arranaji and/or Qarqadili; age/gender groups of its users in the society, i.e. professional woodworkers seasonally living out of home region in diasporic communities and its gender-specific functions.

The major question of this research is – what was the motivation of the Tati-speaking people of the region behind the creation of the secret language, like Arranaji, in Khalkhal.

The sociolinguistic data of this article is based on [Sabzalipour, Delgarm, 2016; Yousefinejad, Sabzalipour, 2017] with the additional field cases collected in 2020–2024. The field data were gathered during our interviews with middle-aged men in two Tati speaking villages of Ardebil province in Northwest Iran, Karnaq (Karin) and Lerd (Lord) in Khalkhal. Additional in-depth interviews were conducted with Karnaq Tati-speaking men who live in the city of Rasht, Gilan.

In this article we examine the specifics of the professional argot of carpenters seasonally living in diasporic communities, known as Arranaji, or Qarqadili, that has been common for centuries in these Tati-speaking villages of northwestern Iran. This argot was used by people who worked seasonally in the urban centers of northern Iran, in Gilan and Mazandaran provinces and were seasonally living in diasporic isolated male communities. They developed a large number of euphemistic and coded expressions and taboo vocabulary related to gender, sex-life and its prohibitions in their lives. As this language has only a spoken form and has never before was documented, we found today the total lexicon of less than five hundred words. Today, this argot has lost its original professional functions and gender restrictions and is used as a family secret language to keep information out from the strangers, or children.

2 | Research approach

One of the important topics of language studies is the sociology of language. Sociology of language explores the relationship between the society and language. Humans have always tried to keep parts of their speech secret from others. They use existing words in a context other than the original and conventional context so that only their target audience understands it, but others will be unable to comprehend the meaning.

There are secret languages all over the world and each one has its special name. These varieties often borrow their name from the job or a trait of the people who speak that language. Below we give some examples of secret languages.

In addition to full-fledged languages, there are also languages that somehow have a marginal position; these languages include lingua franca languages, pidgins, and creoles. These languages have existed since ancient times. Whenever there was a human society, there were marginal languages along with the main and full-fledged languages [Wardhaugh, 2014: 102].

Whenever two or more speakers or two or more groups of speakers want to talk about trade, social, cultural or political aspects in a way that only a certain group of their friends and colleagues would understand the meaning of their words, they use a special language. This language is known by various names such as Argo(t), Secret Language, Loterai, and Mysterious Language.

Various definitions [Samaei, 2013: 5–6] of secret language have been put forward:

A language that only a certain class, especially aberrant people, marginals, like thieves or vagabonds, mendicant dervishes, speak and understand (underworld argot) [Ivanow, 1927].

A collection of words and expressions that are used by a certain group (craftsmen, jewelers, coppers (*mesgari*), musicians, etc.) and are difficult for others to understand.

Special words of some social groups and occupations.

Secret language (Zargari, Morqi, Lotrai, etc.) is a common term among Iranian people and refers to languages that are mostly made to keep a secret. A (secret) jargon, or argo(t) from French, is known to define the secret jargons of Loterai or Jobelin, both of which are related to the 19th century [Kalveh, 2009: 9].

The oldest document that informs of the prevalence and use of a fictitious and secret language under the term Lotera(i) (Loterāi) among a group of Iranian people is the 10th century anonymous world geography “Hodud al-alam...”. While describing the city of Astarabad it mentions that the Astarabadi population speaks two languages, one is Astarabadi Loterai and the other is Gorgani Persian [Hodud al-alam, 1961: 144]. E. Yarshater called “Loterai Astrabadi” the language of the Jews of Astarabad [Yarshater, 2011], and S. Kia termed it as Parsi Gorgani. It is possibly the same dialect that Fazlullah Astarabadi, the founder of the Hurufi sect, and some of his followers used in their writings in the 8th–9th centuries [Kia, 1948; Bolukbashi, 2000: 112–113]. The earliest definition of the word Lotera(i) was given in 11th/17th century work of Mir Jamaladdin Hossein Enju Shirazi “Farhange Jahāngiri”. According to this definition: Loterai is a language that two people put together so that when they speak with each other, strangers do not understand it.

Yarshater suggests that the term Loterai made its way from the ancient Jewish community to the Persian-speaking community; Zargari (*zargar* ‘goldsmith’) language, is one of the most common types of this category of secret and artificial languages in Iran, and probably dates back to the Safavid

period of the 17th century. The author of “Farhange Jahāngiri” defined Loterai as “the language of goldsmiths” [Bolukbashi, 2000: 122]. He mentioned that these varieties are popular among small social groups of speakers such as Lotera of the Jews of Isfahan and Hamadan, Lotera of musicians and goldsmiths of Tehran. There were known also other Lotera variants that are called Morqi (i.e. of birds), Kashki and Sini. The other secret occupational languages include the speech of Goldsmiths, a variant of Morqi and Lami constructed languages in Mashhad, the language of butchers in Tehran, the speech of coppersmiths of Isfahan, the building workers of Yazd, the beggars of Lorestan and the Darvish of Qazvin (cf. [Doomanian, 2007: 5–6]).

Another group of close speech varieties are variants of Selyari (selyāri (سلياری)) in Firuzkuh (cf. [Sotoudeh, 1962]); Selyari in Namarestaq region in Amol spread among felt-makers (cf. [Bashirnejad, 2011]), and Selyari spread among coppersmith (and tinsmith) in the city of Ramsar and its vicinity.

3 | Linguistic structure of secret languages

If natural and artificial languages are compared, we can say that former were gradually created and perfected over the centuries, and were not consciously done by an author or a group of authors. The artificial languages are created by a special person or group, and naturally, they pay attention to the way they are constructed, and it can be said that they have a good choice of metaphorical words or poetic taste, or they have special skills in recognizing the syllables and morphemes of the language.

In describing the word-forming processes of secret languages with special attention to French Louis-Jean Calvet defines four general principles [Kalveh, 2009]:

1) Metaphoric usage. In this case the meaning goes through a series of transformation (often in a way of making fun, as a mockery); homeless people on the street are certainly not all lame, but society may perceive them as being lame. Sometimes the image created in this way is used again and causes the emergence of semantic structures.

2) Summarization. Here the principle of saving effort is applied. This method is specific to the vernacular languages (as the words become shorter), since forms are not usually well-sounded, a suffix is added as a result.

3) Affixation. The suffixes are widespread in the secret languages (especially the *o* suffixes), which add a special resonance and a kind of colour to the language of common people and secret languages.

4) Ruled secret languages. It means that words in secret languages use special rules for being transformed [Kalveh, 2009: 16–17].

Regarding the formal processes of word formation in secret languages, Louis-Jean Calvet [Kalveh, 2009] introduced two processes of summarization and expansion as follows:

One of the general principles of the evolution of languages and changes in vocabulary is the principle of less effort. This is reflected in the summarization and by which is meant the process of removing one or more syllables at the beginning or at the end of the word. For example, in the widespread language, the word *prof* is used for Professor (Master); *ciné* is used for cinéma (cinema), which itself is a summarization of cinématographe, and *metro* is used for métropolitain (metro) [Kalveh, 2009: 17].

3.1 Methods applied in construction of secret languages Zargari, Gonješki, and Morqi

Some points about the construction of secret languages (such as Zargari, Gonješki (of sparrows), and Morqi (of birds) languages) we find in [Bolukbashi, 2000], for the detailed description of the linguistic features of these languages, see [Rezaee Baghabidi, 2003].

Bolukbashi gives some examples of the secret languages' construction [2000: 120–124].

1) Zargari (Goldsmith's) is made by adding the letter *z* after each syllable in the word with the addition of the preceding vowel:

- a. âtaš → â-zâ-ta-za-š
- b. anbor → a-za-bo-zo-r

2) Gonješki is made according to the same principle, it brings two letters *š* and *j* after each syllable of the word. In Gonješki and Morqi, usually two letters come together. The first letter is fixed and the second letter takes the vowel of the previous syllable:

- a. âtaš → â-šjâ-taš-jaš
- b. anbor → a-šjan-bo-âšjo-r

3) The Morqi is made by adding two letters *r* and *q* after each syllable of the word:

- a. âtaš → â-rqâ-ta-rqa-š
- b. anbor → a-rqa-n-bor-qon

4 | Background of the secret languages

4.1 Review of the secret languages around the world

In Louis-Jean Calvet's book "What is a secret language?" the author introduced some secret languages of France and described their main features as follows [Kalveh, 2009]:

1. Expressions derived from texts related to French prisoners of the 14th century;
2. Criminal urban Group, whose language was exposed after their trial in 1955;
3. The modified glossary of idioms of the secret language, which was constantly reprinted until the 19th century;
4. The words used about Cartouche (1693–1721, the famous gang leader who was finally executed in Geneva) in the play by Legrand, called "Cartouche and Thieves". Four years later (1725), Granol composed a poem in which there were many words from a secret language;
5. The secret language of the arsonists, who were a group of thieves in the Auger region of France, and their language was revealed during their trial;
6. The language introduced by Eugène-François Vidocq (1775–1857), a prisoner sentenced to hard labor who later became a police officer, writing his memoirs in two books [Kalveh, 2009].

W.A. Ivanow introduced into scholarship a manuscript of a collection of philosophical and Sufi treatises called "Ketāb-e Sāsiyān" ("The Book of Parasitic Beggars or "Book of Grifters") containing a glossary of an argot [Ivanow, 1922; Bolukbashi, 2000]. According to the lexical analysis he estimated the date of the compilation of the manuscript as approximately of the 16th century. However, according to the treatise itself, it dates back to the period before the end of the 14th century. So, it is assumed that the manuscript was rewritten from an older variant [Ivanow, 1922: 376–377; Bolukbashi, 2000: 111].

In his research "New information on secret languages (Argo) in Central Asia" I.M. Oransky introduced the language of the Qawal group of Tajikistan as ethnic group, Qawal, in Kulab and its argo. This language is related to the language of a small group in Tajikistan. This people are known as Qawal, and it is assumed that they moved in the distant past from the adjacent Afghanistan and settled in Tajik area [Oransky, 1996: 166–167].

I.P. Petrushevsky defines “Sassian” or “Sassanian” as poor, vagabonds and beggars who formed an occupational group [Petrushevsky, 1975: 209]⁸⁹. These were people who accompanied wrestlers and artisans in organized occupations and spoke in a dialect that can be also called Loterai.

4.2 Background of secret languages in Iran

The first writer who spoke about the secret language (Lotera) in Iran, namely Astarabadi, was the unknown author of the book “Hodud al-alam” [1961: 395]. In “Artificial languages” [Zomorrodian, 1969] are discussed the characteristics of various secret languages. Yarshater [2011] mentioned the Jewish Loterai of Iran and believed that the term *Loterai* came from the ancient Jewish community.

In his two works W.A. Ivanow [1922; 1927], studies Gypsy-Darwish Jargon (Loterai) and speech of Persian mendicant Darwishes, the latter based on the manuscript of the “Ketāb-e Sāsiyān” [Ivanow, 1927].

The Seliyari language in Firouzkoh, that is, the language of the felt-makers of the Namarestaq region in Amol was described in [Sotoudeh, 1962], some aspects of Seliyari are touched upon in [Bashirnejad 2011], useful information about the conventional Seliyari-Loterai slang is provided in [Doomanian, 2007].

In [Bolukbashi, 2000: 122] is described the background of the goldsmith language that reached the 17th century (the Safavid period), I. Kalbassi discussed in her work the grammatical and lexical features of the Indo-European Indo-Aryan Romano (Zargari) language [Kalbāssi, 1993]. The structure of Zargari language and its state of endangerment is reviewed in [Rezai Baghbidi, 2003]. See also one of the first descriptions of Zargari in Iran [Homayuni, 1977].

The talk of Tehran’s students (males as well as females) was collected by M. Samai and described in his “The Lexicon of Secret Language” [2013].

The linguistic aspects of Jaber language, that is known as a secret language of the Jaber village – located near the Badra city in Ilam province in Iran – have been studied in [Tafarroji Yeganeh, Ansari, 2019]. The authors revealed that Jaber was compiled by the scribes, people who were writing down the prayers for people and who wanted to protect their professional secrets when working outside their home area.

⁸⁹ See Russian release of I.P. Petrushevsky’s “Islam v Irane v VII–XV vekah” where he speaks of professional corporation of *Sasian* or *Sasanian* as lumpen classes, wanderers and mendicants who had their occupational jargon (Petrushevsky, 1966: 197). (прим. ред.)

In J. Sabzalipour and R. Delgarm's work on the secret language Arranaji in Tati-speaking areas of Khalkhal authors study the main features of this variety speech in comparison with pidgin [2016].

5 | The secret language Arranaji or Qarqadili among Khalkhal Tati speakers

5.1 Reasons behind the creation of the Arranaji

There are three main reasons for using Iranian secret languages:

First, to specify group identity and strengthen solidarity; second, keeping personal secrets and group secrets hidden from others and blocking the access to their knowledge to foreigners; third, for entertainment and joking [Bolukbashi, 2000: 19].

Professional worker from mountainous areas moved to urbanized centres of the northern Iran spoke Tati. Their language was relatively similar to the language varieties of the northern regions (such as Taleshi, Gilaki and Mazandarani) and their co-workers from other areas understood them with some effort. So, the Tati speakers created a coded language in order to keep their professional secrets and their private lives and jokes from others.

In application to Arranaji all of these three reasons were involved. Living in the heart of mountainous ranges of Aqdaq of Khalkhal and Talash, the people of Khalkhal region were traditionally involved in animal husbandry, agriculture and horticulture. This environment seasonal involvement with labour allowed in the past those who were looking for the additional jobs to migrate (seasonally or permanently) out of this region. Urban life and its benefits attracted rural people to provincial centers and cities. Getting into contact with new people in new places of residence led to the spread of interethnic marriages.

These are the main reasons that as parents were speaking different languages, gradually the whole family stopped speaking or understanding the native Tati language (or some other local language), and switched to Persian. So, Tati, which once remained intact in the mountains, was losing its original features due to the influence of migration, urbanization and interethnic marriages.

In addition, the natural disasters of Khalkhal region (such as floods, earthquakes and landslides) made villagers to move away to various places of residence as they have lost their homes. This way was destroyed the village of Gehraz (Ge(h)râz) in Khorash-Rostam Khalkhal district that was destroyed by the 1990 Rudbar and Manjil earthquake, and its people moved closer to the center of Khoresh-Rastam district, in Hashtjin, and created a new village there. An example of a village that changed its location in Khalkhal due to a landslide is Karnaq. This village is one of the villages of Khoresh-Rostam Khalkhal district, which after the landslide of 1969, was built in another quarter of

the same village. And today the old part of this village is called Kohne Deh (“The Old Village”). These social and environmental changes have directly affected the Tati language.

Another inevitable development among the Tati speakers of Khalkhal city is the men’s mass migration (seasonal or permanent) from this area to the northern cities of Iran (such as Neka, Behshar, Sari, Rasht, Asalem). The presence of rich forestry in the north of Iran has created jobs in carpentry wood cutting and woodworking. Sawing with saws that were double headed and pulled from both sides by two people was very popular in the past. Workers cut trees in the wood, saw them, made timber and boards from sturdy trees, produced various woodworking objects and were involved in carpentry. The existence of such jobs in the northern cities of Iran attracted men from this highland to work in the sawmill or carpentry business living there for months away from home. In Tati language, carpentry or sawing is called *arrânaji*. These carpenters who seasonally lived away from their homes, have created a specific language called Arranaji, which was meant to keep the secrets of their jobs and their needs.

When the carpenters of the two areas (Shahrud and Khorsrostan Khalkhal) went out seeking job to the northern urbanized centres, the distance and the lack of infrastructure and communication means prevented them from going home regularly. They sometimes worked for up to half a year away from their families in carpentry factories. These workers were living either in a portocabin near their workplace, or as a group in rented house.

This way was created Arranaji that was a way of communication between these people who were involved in sawing and carpentry. In earlier days only these workers were fully familiar with it, although in recent decades, some people in the region have learned some expressions from its speakers, but they didn’t understand it completely.

5.2 Arranaji features of an occupational language and its functions

One of the reasons to create and keep the secret languages is to preserve important job secrets. As language sociology studies show that secret languages grow in a society for various reasons. All over the world, there are cases that the speakers of a secret language are united by the mutual job and occupation, or belong to the same social or ethnic group. Among such varieties can be mentioned the language of the goldsmiths, Zargari, in the Middle East and Central Asia. In Iran are known the language of coppersmiths and tinsmiths in Ramsar and its surroundings (Selyari), language specific to bricklayers of Amol (Irai). One of this type is Arranaji, that is also a professional vernacular.

Most of these professionals were Tati speakers and were working far from their home area, usually in the wooden north part of the country of Iran. According to the common tradition of those times they tried to keep the secrets of their job from strangers. It was the motivation of these people to create and use secret language, but later when this artificial language was already in use, they began using it in other cases as well.

Arranaji is a language that has three main functions:

- Keeping professional secrets
- Recreation and leisure situations
- Denoting prohibited notions and taboos (gender relations and sex, drugs, etc.)

Examination of the field data obtained from the argot of the woodworkers of Tati speakers of Shahroud Khalkhal shows that the reason for the abundance of taboo words and specific sexual slang can be the single gender of these workers' communities and their life in distance from their families. The frequency of words used to refer to drugs, probably indicates the spread of these drugs among workers or among people around them. The hard work, harsh conditions and long working hours in addition to their distance from their home, can explain specific jokes that often happen in single-sex environments. It is noted that in the structure of the most of the secret languages, many words have been created for drugs and their use [Kalveh, 2009: 53]. In Arranaji, for example, to refer to opium are used words, such as *pišešoli*, *zirkin*, *zoppe*, *siyâbarâ* and *siyâi*.

Another function of Arranaji is to use this argot in the close male community for entertainment. It can be visual and audio entertainment (games, theatre performances, films, songs), or comic sketches (verbal entertainment with sexual humor and jokes) that include jokes, especially sexually loaded innuendos and taboos. This verbal entertainment were spread among the woodworkers. The Arranaji examples of expressions referring to sexual taboos:

- a) anjil âban 'to become a fig' (to be subjected to sexual acts, to become a prostitute)
- b) anjil âkardan 'to make a fig' (adultery)
- c) pič dan 'screwing' (grabbing someone by force – fornication or adultery)
- d) tarm: unknown meaning (male genitalia)
- e) čubar: unknown meaning (female vagina, a woman who jests)
- f) čubar kardan: (violation of woman's private parts).
- g) suzan zan: light and flashing (blinking)
- h) kadxodâyi kardan: (to have the ability to have sexual intercourse with someone)

Two recent further functions that have been observed in recent decades should be added to the above function. These two functions include keeping family secrets in front of strangers, as well as from the children of the family.

5.3 The spread of Arranaji

Originally Arranaji was common among the Tati speakers of Khalkhâl villages who live in Khoresh Rostam and Shahrud Khalkhâl.

It was spread strictly among the carpenters of this region, but later became known among other people as well. Women usually don't know this language unless they have learned something from their husbands or fathers.

It is spoken in the villages of Karnaq and Lerd. Sometimes people from the neighboring villages, including Karen, also know some words of this language. Below, the two villages of Karnaq and Lerd will be introduced in general.

Karnaq, or in Tati Karna, is a mountainous village in Khoresh-Rostam Khalkhal district, which is located at 48 degrees 36 minutes longitude and 37 degrees 48 minutes latitude. The climate here is severe. According to the census of the Iranian Statistics Center in 2015, Karnaq had 216 people population and according to the 2010 census, there were 177 people living in it. Today, the village of Karnaq has lost most of its population. One of the reasons for this high level of migration was the earthquake and landslide in 1969. Another reason is the remoteness of this village from the center of Khoresh Rostam and Shahrud.

Karnaq is one of the most remote villages of Khoresh-Rostam district, people here mostly interact with the people of Shahrud district. The closeness in their language is high (so the inhabitants of Khalkhâl mistakenly may be considered as a part of Shahrud settlers). Population of Karnaq who moved away from their native village live mostly in the city of Rasht, in Gilan.

The village Lerd is part of Palangâh rural district. The name Lerd is official name and is used administrative correspondence. This village is part of Palangâh rural district. Only the residents of the neighboring Karin village pronounce this word as Lord. Lerd is located 27 kilometers far from Kolur or the center of Shahrud district and is the largest village of Khalkhâl city. According to the 2015 census, Lerd has 926 households and a population of nearly 3523 people. Due to the seasonal migration of the residents of this village to the cities of Gilan and their return in spring and summer seasons to plant and harvest agricultural products, the population of Lerd reaches to about 5000

people in these seasons. A large number of young men in this village work in construction, and for this reason, they spend several months of the year as contractors in construction companies in various cities, including Rasht, Tehran, Bandar Abbas and some southern cities of Iran. Others make a living through agriculture, animal husbandry and beekeeping in the local area.

5.4 The etymology of Arranaji and Qarqadili

The name Arranaji refers to a particular type of job to do with cutting trees, sawing wood and carpentry in Tati. The name of the speech variety Arranaji is derived from the word *arrânaji* that is in Tati ‘carpentry’ or ‘sawing’ occupation. It is a noun which is formed from the Tati infinitive *arrântan* ‘to pull towards oneself’ (past participle is *arânt*, present participle – *arânj*), cf. (Persian *arra* ‘saw (tool)’). This name describes the act of sawing or cutting tree with the help of a large double-sided saw, when two people staying on both sides of the trunk of the tree or timber move a saw back and forth, this way cutting a tree or a piece of wood. This occupation was common in the past in different areas of the country, especially in the northern provinces of Iran, which have lots of forests. Nowadays, with the introduction of wood-cutting machines, this method has disappeared, and sawing work is done by industrial machinery.

Another name for this speech variety is Qarqadili. It consists of *qarqa* ‘crow’ and *dil* ‘tongue’, and means “Crow’s language”. Both words belong to the Turkic (Azeri) variety of the settlers of Khalkhal. Due to the fact that the Turkic speech is widespread in Khalkhal area, a number of Tati-speaking people are also familiar with it. There is a possibility that the name of Qarqadili was given by Turkic-speaking people of the surrounding areas. It can be explained through the expressions people use when they can’t read another person’s handwriting, saying that this handwriting is like a crab’s⁹⁰, or if they don’t understand somebody’s language, then they say that this person speaks the language of crow.

5.5 Arranaji as a specifically male language

The Arranaji was used secretly by men in their professional communities in the isolated places and in the places of its formation and did not spread to other adjacent areas, so outside people had no opportunity or requirement to get acquainted with it. The need of safety and comfort, as well as

⁹⁰ Cf. Persian *xat-e xarčang(-e) qurbāqe* (م.ج. خط خرچنگقورباغه) ‘illegible handwriting’ (неразборчивый почерк), (*xarčang* ‘crab’, рак; краб) (БПС 2020), and “crow’s speech” (Persian *zabāne kalāqi*) вороний. (прим. ред.)

standing out from other groups of employees and also employers, forced them to create secret language in order to be able to use it in any situation, including an intimate humorous atmosphere inside their own community.

When collecting the data for this research in the two villages (Lerd and Karnaq), we learned that women are primarily not familiar with this secret language. This point was confirmed by the men of these two villages. However, the women of this area today know some words and expressions and use them among themselves. This happened due to the women's curiosity and because the language is no longer a strict secret. As a result, its idioms became to some extent known among women and even girls who were in touch with their husbands and fathers.

Today only men of this region can use sexually loaded vocabulary when in the specifically male meetings and away from their families.

5.6 Arranaji and pidgin languages

We decided to make a field experiment testing whether Arranaji is a pidgin language or not (field data of 2022–2023). We follow the definition given by Wardhaugh who defines pidgin as follows: It is a language that does not have any native speakers and is not the first language of anyone, but is a language of communication. In other words, it is the result of a multilingual situation in which those who want to communicate with each other have to find or make up a simple language so that they can communicate with each other [Wardhaugh, 2014: 108]. The philosophy of using pidgin is to communicate in multilingual environments, that are commercial and business oriented.

Our data show that Arranaji can't be categorized as a pidgin, because this language was not created to communicate with others in the workplace, but, on the contrary, it was formatted to prevent others from understanding and communicating with its speakers, who usually were woodworkers outside of their native environment. They invented this language that was later called Arranaji just to prevent other people from understanding them and to protect their craft's secrets.

These people themselves communicated with other coworkers or their superiors in Tati or Persian languages.

In J. Sabzalipour and R. Delgarm's work on the secret language Arranaji in Tati-speaking areas of Khalkhal authors make a comparison of this variety with pidgins. They concluded that Arranaji does not fall into a category of pidgins, but is a secret language that was used by carpenters to keep their job secrets. The results of their research showed that this language is based on and has some similarities with Tati, but also differs from Tati dialects of Khalkhal [2016].

5.7 Changing the function of Arranaji

As time passed, the secret language of Arranaji has lost its main function of solely occupational language. This kind of shift happened not only with Arranaji, but also is true for other secret languages of Iran (for example Selyari/Mesgari), as today, the workers and their skills needed to work as copper-, tin-smith or zinc-work have disappeared, as well as tin or copper dishes, and people have switched to porcelain and aluminium dishware made in the factories.

This language, which was once used strictly inside close man's communities, and was far from the reach of women and children due to its trade or sexual aspects, and some prohibited habits of profits, such as references to drugs and opium, today died out.

After several decades, these jobs no longer existed and men gradually began using it in the village, but this time not to keep their professional secrets, but to keep their family's secrets and reputation in front of the strangers. For example, when a guest comes to the house, the lady of the house can ask her husband in a secret language, whether the guest would stay for the night, and her husband would have an ability to answer her in a secret language. Then they apply coded speech and secret words.

In another case, when the husband wants to tell the people of his household to be careful with the newcomer, so that this person would not understand what the family is talking about, he asks his wife:

a.

tija	təla	ma-ka	šata	dâr	pe-šu
meaningless	drop	NEG-do.IMP.2SG	so-and-so	tree	PRV-go.PRES.3SG
Be careful that the other person does not understand our sayings.					

b.

xorda	vašir-ə	raza=r	ni	bâri	bə-lisə
so-and-so	hungry-be.PRS.3SG	meaningless=2SG	not	bring.PRS.2SG	SBJV-lick.3SG
He is hungry, don't you have food, so you bring for him to eat?					

Changing Arranaji into a language for keeping family secrets in front of guests, is not specific only to the villages of Lerd, Karnaq and Karin, or the villages where Arranaji was common. When it lost its strictly closed communal function, this language has become more or less known in some Tati villages.

Another function that Arranaji has acquired in recent years is the privacy of the parents of the family. Sometimes it happens that parents want to say something when their child is around, but they don't want him to understand, so they use this secret language (for example, when the child is sleepy, and he is crying because of that).

5.8. Selected examples of Arranaji

The following sentences are provided as examples of Arranaji secret language. The sentences are recorded from the Arranaji in Karnaq village:

a)

salâm	raza=r	lišt-a
hello	meaningless=3SG	lick.PST-3SG
Hello, did you eat food?		

b)

na	lišt-a=m	ni
no	lick.PST-PRF=1SG	not
No, I didn't eat food.		

c)

garm-a	vili=r	lišt-a
hot-ADJ	meaningless=2SG	lick.PST-3SG
Did you drink tea?		

d)

raza	bi-lis	xor	â-b-âm
meaningless	IMP-lick.2SG	good	PRV-be-3PL
Eat bread! Let's go.			

e)

garm-a	vili	ma-lis-âm
hot-ADJ	meaningless	not-lick-3PL
Don't we drink tea?		

f)

galaji	ma-gom	xorda	bul-aši
speech	not-eat.IMP.2SG	guy	understand-3SG
Don't speak! The guy understands.			

g)

bey	xor	â-b-aš
stand.up-IMP.2SG	good	PRV-be-IMP.2SG
Stand up! Go!		

h)

tan-dakar	dâr-i	
body-cloth	have.PRS-2SG	
Do you have clothes?		

i)

xorda	su-zan	navâr-â
person	light-hit	askew-FEM
The person's eye is askew.		

j)

gala-maj-ân=ər	bidi	â-gi
footstep-walk-PL=2SG	meaningless	PRV-IMP.2SG
Put your feet together.		

6 | Conclusion

Thus, in this article we analyzed one secret language that is based on the regional Iranian language Tati and represents a professional argot known as Arranaji, or Qarqadili.

We clarified that in the past the socio-economic situation in the mountainous Khalkhal region forced men living in this region to seek work in the nearby cities. This people, who were mostly living in the southern Tati villages of Shahrud and Khoresh Rostam Khalkhal, in particular in the villages of Lerd, Karnaq and Karin, went to the northern urban centres of Rasht, Sari, Behshar, Neka and etc. seeking work in cutting and sawing wood and carpentry.

In the new environment Tati speakers creating a coded speech in order to keep their professional and other secrets, and to preserve their private lives and jokes from intruders.

Our field data show that this idiom was spread only among men that were living in diasporic communities. Women had no access to this speech variety. Only later when this speech lost its main function of being a secret language, they were allowed to acquire some of its knowledge.

In recent decades, this variant has lost its former professional function and has become a secret language of families whose ancestors were engaged in cutting and processing wood, and carpentry. The dialect began to be used to keep secrets at home from strangers, neighbours or children.

As was revealed in [Sabzalipour, Delgarm, 2016], Arranaji does not fall into a category of pidgins, but is a secret language that was used by carpenters to keep their job secrets.

Today, this language is deteriorating, and people use a lesser number of words and expressions.

REFERENCES

- Alizadeh Juboni, A. (2010) *Avvalin vāzhenāmeḥ-ye Tāti dar Rudbar, Rostamābad va Rahmatābad* [The first glossary of Tati in Rudbar, Rostamābad and Rahmatābad]. Rasht: Ilia. (In Persian).
- Amiri, R. and Fallahi, M.-H. (2023) The investigation of a coded language: Ghosh Dili or Ayereh Dil in the Sarui clan of the Qashqai tribe, *Faslnāmeḥ zabānshenāsi-ye ejtemāi / Journal of Sociolinguistics*, no. 1, pp. 81–93. DOI: <https://doi.org/10.30473/il.2023.54481.1392> (In Persian).
- Asghari, A. (2016) Fel dar guyeshe Tāti Kalāsor [Verb in Tati Kalāsur dialect], *Journal of Tabriz School of Literature and Human Sciences*, serial no. 198, Spring issue (In Persian).
- Bashirnejad, H. (2011) Seleyiri, *Cultural Quarterly*, vol. 3, Amol: Shamal Paydar, pp. 152–167 (In Persian).
- Bolukbashi, A. (2000) Zabānhā-ye ramzi dar Irān. Yādbude doktor Ahmad Tafazoli [Secret languages in Iran. Dr. Ahmad Tafazzoli memorial], in Aliashraf Sadeghi (ed.) *Tehran: Sokhan*, pp. 109–127 (In Persian).
- Doomanian, W. (2007) *Selyari, yek zabān āmiāneh-ye motaarref* [Selyari, a conventional slang]. Tehran: Research Institute of Humanities (In Persian).

- Ebrahimi, A. (2016) Loterai: Guyeshe Yahudiāne Esfahān [Loterai: The dialect of the Jews of Isfahan], *Iran Namag*, vol. 1, no. 2, Summer, pp. 78–91 (In Persian).
- Ethnologue (no date) Available at: <https://www.ethnologue.com/language/tov/>. Access date: 3 March 2025.
- Hodud al-alam (1961) *Hodud al-ālam men al-Mashriq ela al-Maghreb* [Boundaries of the world from East to West]. Unknown author; edited by Manouchehr Sotoudeh. Tehran (In Persian).
- Homayuni, S. (1977) Zabāne zargari [Zargari language], in *Eleven essays*, Shiraz, pp. 41–46 (In Persian).
- Ivanow, W. (1922) An old Gypsies-Darwish jargon, *Journal [and Proceedings] of the Asiatic Society of Bengal*, NS, XVIII, pp. 375–383.
- Ivanow, W. (1927) Jargon of Persian mendicant darwishes, *Journal [and Proceedings] of the Asiatic Society of Bengal*, NS, XXVIII, pp. 243–245.
- Kalbāssi, I. (1993) Barrasi-ye rikhtshenāsi-ye zabān-e Romani (Zargari) [A morphological study of Romano language (Zargari)], *Applied Sociology*, no. 5, pp. 37–58 (In Persian).
- Kalveh, L.-J. (French Calvet, Louis-Jean) (2009) *Zabān-e makhfi chist?* [What is a secret language?]. Translated by Shahrzad Pezeshki. Tehran: Research Institute of Scientific Information and Documents of Iran (In Persian).
- Kia, S. (1948) *Farhang-e Tabari* [A glossary of Tabari]. Tehran: University of Tehran. (In Persian).
- Oransky, I.M. (1996) Etelāāt-e jadid dar moyede zabānhā-ye makhfi (argo) dar Āsiā-ye Miyāneh. Qume Qavāl dar Kolāb va argo-ye ān [New information on secret languages (Argo) in Central Asia. Qaval ethnic group in Kulab and its Argo], translated by Mohsen Shojaei, *Culture*, no. 17, pp. 165–200 (In Persian).
- Petrushevsky, I.P. (1975) *Eslām dar Irān* [Islam in Iran]. Translated by Karim Keshavarz. Tehran: Payam (In Persian).
- Sabzalipour, J. (2010) *Tahlile motezād sakhtāre fel dar guyeshhāye Tāleshi, Tāti Khalkhāl va Gilaki* [A contrastive analysis of verb structure in Taleshi, Tati Khalkhal and Gilaki dialects]. Unpublished Ph.D. dissertation, supervised by Dr. Moharam Rezayati, Gilan University (In Persian).
- Sabzalipour, J. (2011) *Farhange Tāti* [The dictionary of Tati]. Rasht: Ilia (In Persian).
- Sabzalipour, J. (2012) *Barresiye Tatbighiye Sākhte Fel dar Guyeshhāye Tāti, Tāleshi, va Gilaki* [A comparative study of the verb structure in Tati, Talyshi, and Gilaki languages]. Rasht: Gilan University Publications (In Persian).
- Sabzalipour, J. (2015) *Ganjineye guyeshhāye Irāni: Tātiye Khalkhāl* [The treasure of Iranian languages: Tati of Khalkhal]. Tehran: Academy of Persian Language and Literature (In Persian).
- Sabzalipour, J. and Delgarm, R. (2016) Zabāne Arrānaji ya Qarqadili dar manātege Tātneshine Khalkhāl [Arrānaji or Qarqadili secret language in Khalkhal Tati-speaking areas], *Fasl-nāme-ye zabānshenāsi-ye ejtemāi / Journal of Sociolinguistics*, no. 1, pp. 46–60 (In Persian).
- Sabzalipour, J. and Izadifar, R. (2025) Bear Tales in Tati, in Tatiana B. Agranat and Leyli R. Dodykhudoeva (eds.) *Bear Tales in Minority Languages: Beliefs and Visions*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, pp. 207–218.
- Safarzadeh, H. (2003) *Guyeshe Tāti Khārasāne shemālī* [Tati dialect of North Khorasan]. Mashhad: Sokhangostar (In Persian).
- Samai, S.-M. (2013) *Vāzhenāme-ye zabāne makhfi* [Lexicon of the secret language]. Tehran: Center Publishing (In Persian).
- Sotoudeh, M. (1962) Seb Selyari guyesh [Seb Selyari dialect], *Iran Zemin Culture*, vol. 10, pp. 471–477 (In Persian).

- Tafaroji Yeganeh, M. and Ansari, Z. (2019) Tousife vizhegiḥāye zabānshenāsi-ye zabāne ramziye Jāberi [Description of linguistic features of Jāberi coded language], *Faslnāme-ye zabānshenāsi-ye ejtemāi / Journal of Sociolinguistics*, vol. 2, no. 4, pp. 89–100. DOI: <https://doi.org/10.30473/il.2019.46770.1266> (In Persian).
- Wardhaugh, R. (2014) *Darāmadi bar zabānshenāsi-ye ejtemāi* [An introduction to sociolinguistics]. Translated by Reza Amini. Tehran: The Smell of Paper (In Persian).
- Stilo, D.L. (1981) The Tati language group in the sociolinguistic context of northwestern Iran and Transcaucasia, *Iranian Studies*, 14(3-4), pp. 137–187.
- Stilo, D. (2018) The Caspian region and south Azerbaijan: Caspian and Tatic, in Geoffrey Haig and Geoffrey Khan (eds.) *The Languages and Linguistics of Western Asia: An Areal Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, pp. 659–824.
- Yarshater, E. (1959) The dialect of Shahrood (Khalkhal), *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 22, pp. 52–68.
- Yarshater, E. (1962) The Tāti dialects of Rāmand, in W.B. Henning and E. Yarshater (eds.) *A Locusts Leg: Studies in Honour of S. H. Taqizadeh*. London: Percy Lund, Humphries & Co. Ltd.
- Yarshater, E. (1969) *A Grammar of Southern Tati Dialects*. The Hague-Paris.
- Yarshater, E. (1970) The Tati dialects of Tārom, in Mary Boyce and Ilya Gershevitch (eds.) *W.B. Henning Memorial Volume*. London: Lund Humphries, pp. 451–467.
- Yarshater, E. (2011) Judeo-Persian jargon: Loterai, in Houman Sarshar (ed.) *Judeo-Persian Communities of Iran*. Based on article originally published in *Journal of the American Oriental Society* (1977), pp. 1–7.
- Yousefinejad, A. and Sabzalipour, J. (2017) *Vāzhenāme-ye Tāti Karnaqi* [A glossary of Tati Karnaqi]. Rasht: Ilia (In Persian).
- Zomorrodian, R. (1969) Zabānhāye masnui [Artificial languages], *Ferdowsi University of Mashhad Faculty of Literature and Humanities Magazine*, no. 20, pp. 549–556 (In Persian).

Jahandoost Sabzalipour – PhD in Persian Language and Literature, Associate Professor, Islamic Azad University, Rasht Branch.

Address: Ostad Moein Alley, Namaz Boulevard, Rasht, Islamic Republic of Iran.

E-mail: sabzalipor@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3528-3904>

Raheleh Izadifar – PhD in General Linguistics, Lecturer, Department of Linguistics, Faculty of Literature, BuAli Sina University.

Address: Babakhani 362, Pardis St., Hamadan, Islamic Republic of Iran, 6515984891.

E-mail: raheleh.izadifar@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5051-4451>

Джахандуст Сабзалипур – доктор филологических наук (персидский язык и литература), доцент, Исламский университет Азад, Раштский филиал.

Адрес: Аллея Остад Моин, бульвар Намаз, Рашт, Иран.

Эл. адрес: sabzalipor@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3528-3904>

Рахеле Изадифар – доктор филологических наук (общая лингвистика), преподаватель кафедры лингвистики, факультет литературы, Университет Бу Али Сина.

Адрес: ул. Бабахани, д. 362, ул. Пардис, Хамадан, Исламская Республика Иран, 6515984891

Эл. адрес: raheleh.izadifar@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5051-4451>

Для цитирования: *Сабзалипур Д., Изадифар Р. Секретный язык арранаджи // Социолингвистика. 2025. № 2 (22). С. 172–193. DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-172-193*

For citation: *Sabzalipour J., Izadifar R. The secret language of Arranaji // Sociolinguistika. 2025. No. 2 (22). pp. 172–193. DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-172-193*

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 11.10.2024;
approved after reviewing 28.05.2025;
accepted for publication 29.06.2025.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
SCIENTIFIC LEGACY

УДК 811.22; 003.333

DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-194-202

**МЕСТО ЯЗЫКА ХАЗАРА СРЕДИ ЮГО-ЗАПАДНЫХ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ И
ДИАЛЕКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯКАУЛАНГСКОГО ДИАЛЕКТА) ⁹¹**

Валентин А. Ефимов
Институт языкознания РАН
Москва, Российская Федерация

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Валентин А. Ефимов, 2025

**THE PLACE OF THE KHAZARA LANGUAGE AMONG SOUTHWESTERN IRANIAN
LANGUAGES AND DIALECTS (BASED ON THE YAKAULANG DIALECT) ⁹²**

Valentin A. Efimov
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0). © Valentin A. Efimov, 2025

⁹¹ Статья «Место языка хазара среди юго-западных иранских языков и диалектов (на материале якаулангского диалекта)» В.А. Ефимова представляет собой извлечение из его диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Язык афганских хазара (якаулангский диалект)», выполненной в 1965 году под руководством доктора филологических наук В.С. Расторгуевой.

Публикуется с разрешения правообладателя. Содержание сохранено в оригинальном виде, за исключением незначительных редакторских правок для ясности и единообразия оформления. Учитывая сложности с доступом к оригиналу, мы рады предоставить возможность доступа к этой важной работе.

⁹² The article “The place of the Hazara language among southwestern Iranian languages and dialects (based on the Yakaulang dialect)” by V.A. Efimov is an excerpt reproduced from the dissertation submitted for the degree of Candidate of Philology (PhD) under the title “The Language of Afghan Hazaras (Yakaulang dialect)”, completed in 1965 under the supervision of Doctor of Philological Sciences V.S. Rastorgueva.

It is published here with permission of copyright holder. The content has been preserved in its original form, with minor editorial updates for clarity and formatting where necessary. Given the limited access to the original text, we are pleased to make this important contribution more widely accessible.

По своим основным структурным чертам язык хазарийцев близок к таджикскому языку и к фарси-кабули и закономерно вливается составной частью в общий массив диалектов и говоров ираноязычного (таджикоязычного) населения на территории юго-западной Азии и Афганистана.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о месте языка хазара среди родственных диалектов и говоров, необходимо обрисовать, хотя бы в общих чертах, состояние иранской диалектологии вообще и, в частности, вопрос об изученности указанного диалектно-разговорного массива.

Существование большого массива близких в структурном отношении диалектов и говоров на обширной территории (от Бухары до Кабула) ни у кого не вызывает сомнения и находит подтверждение в научной литературе. На общность целого ряда существенных черт (фонетического, грамматического и лексического плана) этих диалектов и говоров, позволяющую противопоставить эти диалекты говорам Западного и Центрального Ирана, указывают многие языковеды-иранисты⁹³.

Трудности возникают при попытках выделить из общей массы диалектов и говоров самостоятельные языки и провести их тотальную классификацию. В значительной мере это вызвано тем, что еще до сих пор наукой не установлены достаточно определенные границы между понятиями «язык» и «диалект»⁹⁴. Кроме того, классификация затрудняется неодинаковой степенью изученности отдельных говоров или их групп, входящих в этот массив.

Так, диалекты и говоры, распространенные на территории советской Средней Азии (Таджикская, Узбекская, а также, отчасти, Казахская, Киргизская и Туркменская республики) к настоящему времени в значительной своей массе изучены и описаны в научной литературе⁹⁵. В основном усилиями советских языковедов-иранистов проведена громадная по своим масштабам диалектографическая работа, начатая русскими учеными еще в середине XIX века.

⁹³ См. например, *Е.Э. Бертельс*. Персидский-дари-таджикский. – «Советская этнография», 1950, №4, с. 63; *L. Bogdanov*. Stray notes on Kabuli Persian. «Journal and proceedings of the Asiatic society of Songal», vol. XXVI, 1930, №1, p. 49; *Л.Н. Дорофеева*. О языке фарси Афганистана, М., 1960; *Ю.И. Богорад*. Рогские говоры таджикского языка (диссертация, 1953). Все указанные авторы исходят из предпосылки о единстве говоров Хорасана (понимаемого в историческом плане), Средней Азии и Афганистана. Этот массив говоров характеризуется целым рядом общих признаков, благодаря которым они противопоставляются говорам Ирана.

⁹⁴ Особенно наглядно это проявляется в отношении языков и диалектов, которые не являются государственными языками и не имеют своей письменности. Оба эти положения, кстати говоря, можно полностью отнести и к языку хазарийцев.

⁹⁵ См. *В.С. Расторгуева*. Изучение таджикского языка в СССР. «Очерки по истории изучения иранских языков». М., 1962.

Результаты этих многолетних диалектологических исследований подытожены В.С. Расторгуевой в докладе на тему «Опыт классификации таджикских говоров» (М., 1960), прочитанном на XXV Международном Конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г., а также в ее капитальном труде («Опыт сравнительного изучения таджикских говоров», М., 1964).

Опираясь на собственные наблюдения и на работу других советских диалектологов, В.С. Расторгуева ставит своей задачей:

1) проследить, какое отражение получили в таджикских говорах языковые явления, унаследованные ими от исходной, общей для них системы, и на базе их сравнения выяснить некоторые тенденции и закономерности их развития;

2) установить изоглоссы отдельных диалектных явлений и на этой основе пересмотреть бытовавшую ранее классификацию таджикских говоров⁹⁶.

Избрав в качестве классификационного критерия совокупность отдельных языковых признаков, исследователь выделяет и дает сводку основных компактных групп и массивов говоров, или «диалектных единиц» (по терминологии автора); число последних достигает тринадцати: бадахшанские, дарвазские, северо-кулябские, рогские, южно-кулябские и др. Как указывает В.С. Расторгуева, границы между отдельными диалектными единицами не являются абсолютными. Обособленно стоят, например, варзобские и каратагский говоры, представляющие собою переходные типы между южными и северными говорами⁹⁷, и некоторые другие.

Накопленный опыт и новые данные, появившиеся в научном обиходе, позволили автору уточнить классификацию таджикских говоров, предложенную П.Е. Кузнецовым (1915 г.) и М.С. Андреевым (1930 г.). В качестве основного классификационного признака исследователем впервые предложено принять тип отражения группы исторических гласных заднего ряда (*u*, *ū*, *ō*). В соответствии с этим из всей массы таджикских говоров, распространенных на территории советской Средней Азии, выделены четыре группы: 1) северная группа – *u*, (*ū*), *ū'* или *u*, *ū'* (<*u*, *ū'*, *ō*); 2) центральная группа *ū*, *ū* (< *u*, *ū*, *ō*); 3) южная группа *ū*, *u* (<*u*, *ū*, *ō*); 4) юго-восточная группа *ū*, *u*, *ū'* (<*u*, *ū*, *ō*)⁹⁸.

⁹⁶ В.С. Расторгуева. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров, с. 14.

⁹⁷ В.С. Расторгуева. Опыт классификации таджикских говоров, с. 13–15.

⁹⁸ Там же, с. 16–17.

Работа такого обобщающего характера и выводы, сделанные на ее основе, стали возможными, разумеется, лишь в результате проведения фронтальных диалектологических обследований обширных районов с ираноязычным населением.

Иначе обстоит дело с диалектами и говорами, распространенными за пределами Советского Союза – прежде всего в Афганистане, а также в Иране. Наше внимание (по понятным причинам) привлекают в первую очередь говоры Афганистана.

В противоположность таджикским говорам советской Средней Азии, диалекты и говоры Афганистана до сих пор изучены очень слабо. К настоящему времени мы располагаем сведениями лишь о фарси-кабули и бадахшанских и панджшерских говорах⁹⁹. Причем и они исследованы далеко не в одинаковой степени.

Наиболее подробно описан так называемый «фарси-кабули» – литературно-письменный язык, вобравший в себя ряд специфических местных говоров, главным образом кабульского диалекта, и в то же время сохранивший некоторые архаические черты исходного языка¹⁰⁰. Бадахшанская группа говоров известна в основном по работе Лоримера¹⁰¹, в которой описываются особенности бадахшанского и мадаглаштского диалектов. Поскольку указанные диалекты автор рассматривает с точки зрения «правильного» персидского языка, он не смог

⁹⁹ Непосредственное отношение к изучению говоров афганских таджиков имеют и те работы советских лингвистов, которые посвящены описанию некоторых таджикских диалектно-говорных групп территории советской Средней Азии, продолженные в Афганистане. К их числу относятся: *Ю.И. Богорад*. Горонский говор таджикского языка. – «Иранский сборник». М., 1963; *Ю.И. Богорад*. Рогские говоры таджикского языка. – «Труды Института языкознания АН СССР», VI, 1956; *А.Н. Болдырев*. «Бадахшанский фольклор». – «Советское языкознание», V, 1948; *А.З. Розенфельд*, Дарвазские говоры таджикского языка. – «Труды ИЯ АН СССР», VI, 1956; *А.З. Розенфельд*, Ванджские говоры таджикского языка. Л., 1964; и некоторые другие. Следует отметить также работу *М.С. Андреева* «По этнологии Афганистана (Долина р. Панджшир)». Ташкент, 1927 г., а также небольшую заметку *И.И. Зарубина* «О языке гератских евреев» (ДРАН, серия «В», с. 181–183).

¹⁰⁰ Мы разделяем точку зрения ряда советских и зарубежных лингвистов, признающих в настоящее время наличие трех самостоятельных форм единого в прошлом классического языка фарси (//таджикского // персидского), т.е. современных персидского, таджикского и фарси-кабули. См. об этом; *G. Lazar*. Caractères distinctifs de la langue tadjik. – «Bulletin de la société de Linguistique de Paris», t. 51, f/ 1, 1956, с. 117–118; *Л.Н. Дорофеева*. О языке фарси-кабули Афганистана. – «Краткие сообщения Института востоковедения», XXXIII, 1959. Описание фарси-кабули см. в следующих работах: *G. Morgenstierne*. Report on a linguistic mission to Afghanistan. Oslo, 1926; *L. Bogdanov*. Stray notes on Kabuli Persian. – «Journal and proceedings of the Asiatic society of Bengal», vol. XXVI, 1930; *L. Bonelli*. Ancora del Volgare persiano di Kabul. «Annali del Royale Istituto orientale di Napoli», vol. II–III, 1930. *A. Farhâdi*. Le persan parlé Afghanistan. Grammaire du Kâboli, Paris, 1955; *Л.Н. Дорофеева*, цит. сочинение, а также «Язык фарси-кабули», М., 1960; *Т.Н. Пахалина*. К вопросу о вокализме фарси-кабули (Из наблюдений над экспериментальными данными). – «XXVI Международный конгресс востоковедов». Доклады делегации СССР. М., 1963.

¹⁰¹ *D.L.R. Lorimer*. The phonology of the Bakhtiari, Badakhshani and Madaglashti dialects of modern Persian. London, 1922. Некоторые сведения по языку жителей зарубежного Бадахшана содержатся также в работе Грирсона (*G.A. Grierson*. Linguistic survey of India, vol. X, Specimens of languages of the Eranian family, Persian group. Calcutta, 1921, p. 527–530). Исследования советских лингвистов по языку советских бадахшанцев указаны выше.

понять некоторые их особенности, которые легко объяснимы с точки зрения таджикской диалектологии. Наконец, фрагментарные сведения о языке афганских таджиков из долины Панджшер содержатся в работе В.С. Андреева «По этнологии Афганистана» (Ташкент, 1927).

Перечисленные диалектографические работы, посвященные языкам Афганистана, позволяют, конечно, лишь в самых общих чертах нарисовать диалектологическую карту этой страны, отличающуюся, вероятно, не меньшим многообразием и богатством диалектно-говорных явлений, чем советская Средняя Азия. Можно полагать, что со временем – по мере исчезновения еще столь многочисленных сейчас белых пятен на этой карте – у исследователей появится возможность составить более полное представление об основных диалектных единицах (и их группах) таджикоязычного населения Афганистана. Сейчас такой возможности у нас нет.

В связи с этим следует остановиться на классификации диалектов и говоров ираноязычного (таджикоязычного и персидско-язычного) населения Ирана, Средней Азии и Афганистана, которую предлагает афганский лингвист Раван Фархади (Абд-ул-Гафур Фархади)¹⁰². Все многообразие указанных диалектов и говоров – «персидских», по его терминологии, – он разграничивает, прежде всего на две группы: 1) западную (говоры Западного Ирана) и 2) восточную (говоры Таджикистана, Хорасана, Афганистана). Такое разделение диалектов и говоров не является новым: выше мы уже говорили о выделении массива таджикских говоров Средней Азии и Афганистана (тождественного восточной группе Фархади), в противовес массиву говоров Ирана (западной группе, по Фархади). Но афганский ученый не останавливается на этом; опираясь на личные наблюдения над говорами таджикоязычного населения Афганистана, он впервые в истории иранской диалектологии выделяет в восточной группе (=таджикском диалектно-говорном массиве) две подгруппы говоров: а) хорасанскую, включающую говоры Хорасана (в историческом понимании), Систана, Хазараджата, области Газни, районов Логара и Гардеза) и б) афгано-таджикскую, в которую входят говоры Мавераннахра, Бадахшана, области Кабула, долины Панджшера, говор мадаглашти в Читрале, дехвари в Белуджистане и др.

В настоящее время нам трудно судить о достоинствах или недостатках этой классификации, поскольку неизвестно: 1) каким материалом располагал автор (данные специальной литературы, обзор которой дан выше, настолько скудны, что не позволяют нам

¹⁰² Abd-ul-Ghafur Farhâdi, *ibid.* pp. 2–3.

сделать научно обоснованного вывода о подобном делении говоров); 2) какие принципы (т.е. совокупность диалектно-говорных признаков и особенностей) положены автором в основу его классификации.

Из двух подгрупп, выделенных Фархади в пределах восточной группы говоров, для нас наибольший интерес представляет так называемая хорасанская подгруппа, так как именно в ней отводит автор место диалектам и говорам Хазараджата (наряду с говорами Хорасана, Систана, Газни, Логара и Гардеза). К сожалению, автор не поясняет, в чем же заключается единство этих говоров, позволяющее противопоставлять их как целое «афгано-таджикским» говорам. Не приводятся данные и о специфических особенностях отдельных диалектов и говоров, входящих в хорасанскую подгруппу.

Разумеется, такую классификацию, составленную лишь по личным (и при этом необнародованным) наблюдениям автора, нельзя признать окончательной, тем более, если принять во внимание, что многие диалекты и говоры таджикоязычного населения Афганистана остаются до сих пор не исследованными. Разделение говоров, предложенное Фархади, следует считать лишь первой предварительной попыткой к созданию их научной классификации. Однако, несмотря на это, выводы Равана Фархади имеют в общем положительное значение для таджикской диалектологии: объединяя в рамках одной подгруппы таджикские говоры советской Средней Азии и Афганистана (Бадахшан, Панджшер, Кохистан, Кабул), он тем самым подчеркнул их органическое единство и целостность. Таким образом, афганский лингвист, большой знаток живых языков и диалектов родной страны, также придерживается взгляда о наличии единого крупного массива диалектов и говоров на территории Средней Азии и Афганистана¹⁰³.

Таково состояние таджикской диалектологии на сегодняшний день.

Из вышесказанного понятно, с какими значительными трудностями сопряжено определение места того или иного таджикоязычного диалекта на территории Афганистана. При отсутствии возможности установить изоглоссы многих грамматических явлений данного говора или диалекта и ближайших к нему соседних говоров, речь может идти лишь о весьма приблизительном определении его места путем сравнения с уже описанными в литературе диалектно-говорными группами. В данном случае объектами сравнения с языком хазарийцев являются, с одной стороны, таджикский язык и хорошо изученные таджикские говоры

¹⁰³ См. с. 177–178.

Средней Азии и, с другой – язык фарси-кабули и те из его говоров, которые получили отражение в литературе (см. выше)¹⁰⁴.

Понятия «таджикский язык и его говоры» и «язык фарси-кабули и его говоры», к которым нам придется прибегать в ходе такого сравнения, требуют некоторого пояснения, поскольку они имеют непосредственное отношение к вопросу о взаимоотношениях и связях между языками и говорами массива. Суть этого вопроса заключается в следующем. Как уже отмечалось, литературный таджикский и литературный фарси-кабули являются двумя современными формами единого в прошлом персидского / таджикского языка классического периода. Однако, несмотря на общность основных лексико-грамматических особенностей, позволяющую рассматривать их в рамках одного массива и по некоторым языковым чертам противопоставлять массиву языков и говоров Ирана, каждый из них имеет ряд особенностей, довольно отчетливо отличающих их друг от друга. Несомненно, что эти особенности являются отражением отдельных специфических черт местной устно-разговорной речи, (т.е. местных диалектов и говоров), которые оказали влияние на формирование литературных языков и постепенно стали восприниматься в качестве языковой нормы¹⁰⁵. Но этим не ограничивается процесс взаимоотношения литературных языков с окружающими их бесписьменными диалектами и говорами. Приняв участие в формировании литературных языков, местные диалекты и говоры сами подвергаются их воздействию. В ходе исторического развития расширяется сфера действия литературных языков, в результате чего со временем бесписьменные диалекты и говоры будут полностью вытеснены ими. Такая судьба ожидает и еще многочисленные сейчас таджикские говоры Средней Азии, которые постепенно сдают свои позиции литературному таджикскому языку, и говоры таджикоязычного населения Афганистана, которые начали вытесняться литературным фарси-кабули.

Интересно, что на современном этапе своего развития многие бесписьменные диалекты и говоры Средней Азии и Афганистана (одни из которых мы будем условно называть говорами «таджикского языка», а другие – «фарси-кабули») в известной степени являются связующими звеньями между двумя литературными языками таджикоязычного массива. Дело в том, что в отдельных говорах той или иной группы – «таджикской» или «афганской» – могут встречаться

¹⁰⁴ Кроме того, использованы данные, собранные нами в Кабуле.

¹⁰⁵ Разумеется, оба литературных языка – таджикский и фарси-кабули – вобрали в себя лишь некоторые лексические, грамматические и произносительные особенности местной речи, сохранив в то же время в своей основе (также, как и современный литературный персидский язык) многие черты исходного языка – литературного фарси классического периода.

одновременно и черты, характерные в основном для таджикского языка, и черты, специфические для фарси-кабули. Если принять таджикский язык и фарси-кабули за своеобразные полярные явления в пределах общего массива, то нетрудно заметить, что в окружающих их диалектах и говорах все основные отличия, существующие между этими языками, нивелируются, сглаживаются¹⁰⁶. Наглядным свидетельством этого является язык хазарийцев. С точки зрения взаимоотношений с указанными литературными языками все многообразие присущих ему лексико-грамматических и фонетических явлений можно расчленить на несколько частей, отличающихся характером своей соотнесенности с этими языками.

Так, изоглоссы отдельных явлений языка хазарийцев, как мы увидим ниже, находят продолжение в обоих литературных языках, т.е. являются общими с ними. Наряду с этим, в нем отмечены и такие черты, которые присущи лишь таджикскому языку, и не свойственны фарси-кабули; и, наоборот – черты, общие с фарси-кабули, отсутствующие в таджикском языке. Вместе с тем, некоторые диалектные явления, свойственные языку хазарийцев, сближают его не с тем или иным литературным языком, в котором они могут и не оказаться, а с их говорами (таковы, например, южные и юго-восточные говоры таджикского языка и др.). Наконец, в языке хазарийцев встречаются и такие особенности (фонетического, грамматического и лексического характера), которые являются специфическими для него и позволяют выделить его как особую диалектную единицу, противопоставляемую другим эквивалентным единицам таджикоязычного массива¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Отсюда и проистекает некоторая условность, когда одни говоры мы соотносим с таджикским языком, а другие – с фарси-кабули. В действительности дело обстоит значительно сложнее и не сводится к постепенному переходу говоров одной группы в говоры другой группы.

¹⁰⁷ Любопытно отметить, что некоторые из этих «специфически» хазарийских черт, выделяющих его из среды других говоров таджикоязычного массива, встречаются в отдельных диалектах западного массива (на территории Ирана). Сюда относятся, главным образом, явления фонетического плана. Впрочем, изоглоссы ряда явлений языка хазарийцев находят продолжение за пределами массивов таджикских и персидских диалектов и говоров – например, в языке пушту, в тюркских и монгольских языках, (см. ниже). Вполне возможно также, что ряд свойств, которые мы считаем сейчас специфической принадлежностью языка хазарийцев, встречаются и в некоторых других говорах таджикоязычного населения Афганистана, еще не известных науке.

Валентин Александрович Ефимов (1933–2007) – доктор филологических наук, заведующий сектором иранских языков, Институт языкознания РАН.

Адрес: 125009, Российская Федерация, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1/1.

Valentin A. Efimov (1933–2007) – DSc (Philology), Head of the Iranian Languages Sector, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Address: Bolshoy Kislovsky Lane, h. 1/1, Moscow, Russian Federation, 125009.

Для цитирования: *Ефимов В.А.* Место языка хазара среди юго-западных иранских языков и диалектов (на материале якаулангского диалекта) // Социоллингвистика. 2025. № 2 (22). С. 194–202. DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-194-202

Публикация выдержки из диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Язык афганских хазара (якаулангский диалект)», выполненной в 1965 году под руководством доктора филологических наук В.С. Расторгуевой.

For citation: *Efimov V.A.* The place of the Khazara language among southwestern Iranian languages and dialects (based on the Yakaulang dialect) // Sociolingvistika. 2025. No. 2 (22). pp. 194–202. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-194-202

Publication of the excerpt from the dissertation for the academic degree of Candidate of Philology titled *The Language of Afghan Hazaras (Yakaulang dialect)*, completed in 1965 under the supervision of Doctor of Philology V.S. Rastorgueva.

УДК 811.22; 003.333

DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-203-213

УСЛОВНЫЕ ЯЗЫКИ У ИРАНСКИХ НАРОДОВ¹⁰⁸

Альберт Л. Хромов

Таджикский государственный университет им. В.И. Ленина
Душанбе, Республика Таджикистан

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Альберт Л. Хромов, 2025

CODED LANGUAGES AMONG IRANIAN PEOPLES¹⁰⁹

Albert L. Khromov

V. I. Lenin Tajik State University named
Dushanbe, Tajikistan

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Albert L. Khromov, 2025

В обширной литературе, посвященной проблемам социальной дифференциации языков, значительное место уделено описанию различного типа условных языков, построенных на принципе искусственной деформации нормальной речи. Эти «языки» обычно считают разновидностями арго, жаргона или называют специальными языками, тайными языками, тарабарскими языками школьников, школярскими арго¹ (*здесь и далее – сноски приводятся в конце статьи в разделе «Примечания» (прим. ред.)*). Независимо от того, на базе какого естественного языка они построены, их все объединяют следующие общие черты: а) вставка искусственно созданных слогов в слова нормальной речи²; б) перестановка слогов естественной речи³; в) комбинирование вставок и перестановок слогов; г) быстрый темп речи.

В конце прошлого и начале нашего века (XX в.) внимание многих русских исследователей было привлечено к условным языкам так называемых офеней, бродячих

¹⁰⁸ Данная статья была первоначально опубликована в сборнике «Восточная филология». Выпуск IV / Отв. ред. д-р филол. наук, проф. А.Л. Хромов, канд. филол. наук, доц. В.П. Демидчик; М-во народного образования Тадж. ССР. Таджикский государственный университет им. В.И. Ленина. Факультет восточных языков. Душанбе: Таджикский государственный университет, 1976. С. 3–19. Публикуется повторно с разрешения правообладателя.

Содержание сохранено в оригинальном виде, за исключением незначительных редакторских правок для ясности и единообразия оформления. Учитывая ограниченный тираж оригинального издания, мы предоставляем более широкий доступ к этой важной работе.

¹⁰⁹ This article was originally published in “Eastern Philology”. Issue IV / Eds. Prof. Dr. A.L. Khromov, Assoc. Prof. V.P. Demidchik; Ministry of Public Education of the Tajik SSR. V.I. Lenin Tajik State University, Faculty of Oriental Languages. Dushanbe: Tajik State University, 1976, pp. 3–19. It is republished here with permission of the copyright holder.

The content has been preserved in its original form, with minor editorial updates for clarity and formatting where necessary. Given the limited circulation of the original volume, we are pleased to make this important contribution more widely accessible.

торговцев, выходцев из селений Вязниковского, Ковровского и Шуйского уездов Владимирской губернии⁴.

Интерес к языку офеней оказал влияние и на русских востоковедов, которые стали отмечать наличие аналогичных «языков» среди населения Туркестана. В 1880 г. Н.Н. Пантусов опубликовал статью «Язык офеней в мусульманской среде Туркестана»⁵, в которой описал язык «*зергари*» – условную речь ювелиров – выходцев из Индии в Бухаре, Самарканде и Ташкенте – и отметил употребление «*зергари*» в Восточном Туркестане среди таранчей – народности Тюркского происхождения. Позднее, в 1907 г. краткие заметки о языке «заргари» в Иране были опубликованы английским востоковедом Д. Филлотом⁶.

О персидской разновидности «*заргари*» приводятся сведения в работах иранских исследователей С. Кия⁷, С. Джемаль-заде⁸, И. Моина⁹, С. Хомаюни¹⁰.

Употребление условной речи типа «заргари» отмечено у язгулямцев¹¹ и ягнобцев¹².

Этим, собственно, исчерпывается основная литература, содержащая сведения об условных языках типа «*заргари*», хотя в целом среднеазиатские аргы, построенные на ираноязычной и тюркской основах, получили достаточно широкое освещение, особенно в работах А.Л. Троицкой¹³ и И.М. Оранского¹⁴.

Материал, собранный во время нескольких диалектологических экспедиций в долины Верхнего Зеравшана и Ягноба (1955–1970 гг.), а также в процессе работы со студентами Таджикского государственного университета им. В.И. Ленина в г. Душанбе, дает возможность выделить следующие разновидности условных языков, распространенных среди таджиков:

1. «Язык», построенный на вставке слогов, содержащих согласный «з»; при этом гласный искусственного слога, как правило, соответствует гласному предшествующего слога естественной речи:

а) условная речь: *рӯзӯзизи иазакишазамбеше мазан база музузезей разафтазам; дазар озонҷозо бизисийозор чизизҳозоиши азаҷозоишиброзо дизидазам;*

б) естественная речь: *Рӯзи якшанбе ман ба музей рафтам. Дар онҷо бисъёр чизҳои аҷоибро дидам;*

в) перевод: «В понедельник я пошел в музей. Там я увидел много удивительных вещей».

2. «Язык», построенный на вставке слогов «алдар», «илдир», «улдур» и т.д. (в зависимости от гласного естественной речи):

а) условная речь: *илдираимруз халдарахаво галдарагарм шулдуррашуд; дилдирадина болдарабошад хелдирахеле хулдурахунук булдурабуд;*

б) естественная речь: *Имрӯз ҳаво гарм шуд; дина бошад, хеле хунук буд;*

в) перевод: «Сегодня стало жарко; вчера же было очень прохладно».

3. «Язык», построенный на вставке слогов «аска», «иски», «уску» и т.д.

а) условная речь: *искимрӯзкӯз маскан кискитоскобиски аскаҷискибеске хаскарискиддакам; кискитоскоб сускураस्कатики бискисиоскореске доскораскад;*

б) естественная речь: *имрӯз ман китоби аҷибе харидам; китоб сурати бисъёре дорад;*

в) перевод: «сегодня я купил интересную книгу; в книге много рисунков»;

4. «Язык, построенный на вставке слогов, содержащих согласный «г»:

а) условная речь: *тугу агаз кугуҷого огомагадиги?*

б) естественная речь: *ту аз куҷо омадӣ?*

в) перевод: «ты откуда пришел?».

5. «Язык», построенный на вставке слогов, содержащих согласный «х»:

а) условная речь: *еҳей баҳачаҳа тҳҳ аҳай коҳо уҳумаҳайаҳай;*

б) естественная речь: *эй бача, ту ай ко умайай?* = *Эй бача, ту аз куҷо омадай;*

в) перевод: «Эй парень, ты откуда пришел?».

6. «Язык», построенный на вставке слогов, содержащих звук «-г-»: *маган мегеразавагам* = *ман меравам* «я пойду».

7. «Язык», построенный на вставке слога «-га-» перед каждым слогом нормальной речи: *гаман габа гакигано гарафгатам* = *ман ба кино рафтам* «я пошел в кино».

8. «Язык», построенный на вставке звука «-р-»: *мран бра крор мрераврам* = *ман ба кор меравам* «я иду на работу»; *шраб преири мран сроаратри драҳ брийо* = *шаб пеши ман соати даҳ бийо* «вечером приходи ко мне в десять часов».

9. «Язык», построенный на вставке слога «-пта-» после первого слога в словах нормальной речи: *мантаман бантаба кинта-кино ментамерам* = *ман ба кино меравам* «я иду в кино»; *иптаимрӯз ҳаптаҳаво гаптагарм шупташуд* = *имрӯз ҳаво гарм шуд* «сегодня стало жарко».

10. «Язык», построенный на вставке группы согласных «-рг-»: *ергей тьргь крго рьргамрги* = *ей, ть ко рами?* (дарвазский говор) = *ей, ту куҷо мерави?* «Эй, ты куда идешь?».

II. Язык, построенный на перестановке звуков («чтение» с конца слова):

ут оник ирем? – *ту кино мери?* «Ты пойдешь в кино?»;

лобтуф ирем? – *ен, рокам иаҳ* = *Футбол мерӣ?* – *Не, корам ҳай* «Ты пойдешь на футбол?»

– Нет, у меня дела».

Не все перечисленные разновидности одинаково распространены по всем районам Таджикистана. Универсальным способом построения условной речи следует считать первую разновидность – вставку слогов, содержащих согласный «з». Второй и третий варианты (вставка слогов «алдар», «аска») встречаются лишь в северных и центральных районах Таджикистана, а четвертый и пятый (вставка слогов, содержащих «г» и «х») – в Южном Таджикистане (Каратегин, Дарваз), шестой – в Матче. Последний вариант (переименование слов), по-видимому, знаком везде.

Аналогичные условные языки употребляются не только среди таджиков, но и среди других иранских народов, живущих на территории Таджикистана:

1. У ягнобцев (вариант 1–2):

а) *ҷазахозомизиит узумишаза кузунозом нузун вазантозом* –

ҷаҳомиит ўмиша кунóm, нун вантом «пойду-ка замешу тесто, наделаю лепешек»;

б) *ҷалдарахолдоромилдириит шалдара олдором калдаратилдириим нйлдйридолдором* – *ҷаҳомиит кáтим нй́дим* «пойду-ка посижу дома».

2. У язгулямцев: *sārazáy lafazáy ki bəlabūzūl kəzəxt* «скажи, чтобы завтра разговаривал»¹⁵.

3. У шугнанцев: *тезу тезаркеза сезāвези* = *ту таркá сāви?* «ты куда идешь?»¹⁶.

4. У бартангцев: *waṣaxṭīzi sozoliṣāyīzum wuzūd* = *waṣṭ-ṣolaum wūd* «мне было восемь лет»¹⁷.

Среди персов широкое распространение имеют варианты, построенные на вставке слогов, содержащих *-z-* и *-b-*:

а) *māzān azamāzādāzām vāzālizi šozomaza nāzābūzūdīzīd, bāzād rāzāfāzātāzām beze xazanexe* = *mān amādām vāli šoma nābūdīd, bād rāftām be xane* «Я пришел, но вас не было, тогда я пошел домой»;

б) *mābān dībīrubuz toboraba dībīdābām* = *mān dīruz to-ra dīdām*¹⁸ «Я вчера видел тебя».

В Иране, по данным статьи Филлота, встречаются также другие разновидности условных языков:

а) *zabān-e morghī* – «птичий язык», основанный на одновременной вставке слогов, содержащих согласные «*r*» и «*γ*»: *kirtīyāb* = *kitāb* «книга»; *birdīya* = *bidih* «дай»; *niryān* = *nān* «хлеб»;

б) вставка слога: *ill-* : *nillān* = *nān*; *killatillāb* = *kitāb*;

в) перестановка слогов: *šir* < *riš* – «борода»; *bikāt, tikāb* < *kitāb*;

г) вставка дифтонга *-au-*: *kauki* – *tauṭāb* < *kitāb*; *baubidaudih* < *bidih*¹⁹.

Подобные условные языки отмечены и среди осетин. Один из них называется девичьим. Он строится путем вставки искусственных слогов, содержащих согласные «*d*» или «*f*»: *кидизгæдæ* или *кифизгæфæ* < *кизгæ* «девочка»²⁰.

Курды пользуются условным языком типа «*заргари*»²¹. Априори можно предположить наличие аналогичных условных языков у прочих ираноязычных народов: татов, талышей, гилянцев, белуджей, пуштунов.

В настоящее время название «*заргарī*» (широко известное в Иране для обозначения условного языка) не распространено среди таджиков, памирцев и ягнобцев. В Ягнобе его называют «*казомази*» или «*казобузи*», в Матче – «*казомузи*», «*иргомбирги*» («*забони мургон*» «язык птиц») или «*искомиски*». Эти названия относятся к разряду звукоподражательных слов и являются результатом местного словотворчества. Однако термин «*забони заргари*» в значении язык «заргари» (профессиональный шифрованный язык ювелиров) встречается в Таджикско-русском словаре» (М., 1954: 151), куда он перекочевал из средневековых фархангов. В этих фархангах, помимо *заргарī*, встречаются также названия *lwtr*, *lwtr'*, *lwtrh*, *ltr*, *ltrh* (لوتر, لوتر', لوتره, لتر, لتره), которые истолковываются одинаковым образом как «условный язык двух лиц, предназначенный для того, чтобы скрыть смысл высказывания от других и известный также под названием «*заргари*»»²². Основываясь на огласовках, приводимых в фархангах, эти названия можно прочесть как *lutar(e)*, *lōtrā*, *lōtarā*, *lōtar(e)* и даже *latr(e)*. Составители европейских словарей персидского языка заимствовали толкования фархангов, не добавляя своих комментариев²³.

Язык *lwtr'* появился среди персов еще в раннем средневековье, о чем свидетельствует текст анонимного сочинения X века «Границы мира от востока до запада», в котором сообщается о том, что в центре иранской провинции Горган, городе Астрабаде говорили на двух языках: на персидском языке Горгана и на языке *lōtarā* (لوترا)²⁴. Учитывая, что Астрабад

был городом ремесленников, о чем также сообщает автор «Худūd-ал-‘āлам», и принимая во внимание толкования фархангов, можно сделать вывод, что *lōtarā* был профессиональным арго. Во всяком случае, С. Кия с уверенностью пишет о том, что *lōtarā* фархангов и *lōtarā* в тексте «Худūd-ал-‘āлам» идентичны²⁵.

Какова этимология этого названия? По-видимому, ее следует искать на индийской почве. К этому побуждают следующие факторы. В условно-профессиональных арго Средней Азии и Ирана широко представлен слой лексики индийского происхождения²⁶. Среди ремесленников Средней Азии и Ирана была много выходцев из Индии²⁷. Фонетический облик названия *lōtarā* и его вариантов заставляет предполагать неиранское происхождение этого слова. В хинди и урду встречается слово *lutrā* (لُترَا) с вариантом *lutra* (لُترِه) в нескольких значениях: «выброшенный», «изгнанный», «отверженный»; «льстец»; «глупец»; «болтун»; «сплетник», «клеветник»²⁸.

Возникнув первоначально как условно-профессиональные арго, «языки» типа «заргари» служили средством тайноречия²⁹, однако постепенно сфера их употребления расширялась, и они теряли свой криптолалический характер, все более и более превращаясь в средство выражения экспрессии, эмоции, развлечения. Описывая «языки» школьников, построенные на условных искажениях слов, В. Жирмунский характеризует их как «своеобразную языковую игру»³⁰. Садег Кия также отмечает, что язык «заргари» можно считать своеобразной игрой (یک گونه بازی شهرد میخوان آنرا)³¹.

Условные языки типа «заргари» бытуют сейчас преимущественно среди людей детского и юношеского возраста, особенно среди девочек и девушек³². В то же время они известны широкому кругу взрослых людей. Ими пользуются и тогда, когда нет необходимости что-либо скрывать. Поэтому такое тайноречие оказывается мнимым, в лучшем случае, это – игра в тайноречие. Учитывая, что условием пользования такими «языками» является быстрый темп речи, можно было бы назвать их условными языками-скороговорками. Они могут быть предметом исследования двух наук – лингвистики и этнографии.

В лингвистическом плане условные языки занимают промежуточное положение между подлинно искусственными, сознательно конструируемыми семиотическими системами и природными, или естественными языками, поскольку практически функционирование условных языков в значительной мере напоминает жизнь и функционирование обыкновенных языков³³.

Вопросы социальной дифференциации иранских языков, несмотря на оживившийся в последние годы интерес к ним (здесь прежде всего следует отметить работы М. Исаева и И.М. Оранского), все еще изучены недостаточно. В связи с быстрыми темпами развития нашего социалистического общества происходят заметные изменения среди социальных диалектов народов СССР, в том числе иранских. В этой связи нельзя не согласиться со следующим замечанием Ф.П. Филина: «В наше время остатки условных производственных языков доживают свои последние годы. К сожалению, изучение арго, некоторые из которых своими корнями уходят в отдаленное прошлое, у нас оказалось незаслуженно заброшенным и проводится лишь немногими энтузиастами»³⁴.

Исследование социальных диалектов ираноязычных народов должно проводиться и по памятникам прошлого, главным образом для более полного описания истории иранских языков³⁵, и по материалам современности, прежде всего для решения практических задач языкового строительства³⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В. Жирмунский. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936. С. 154–157. Ж. Вандриес. Язык, М., 1937. С. 231–236. В.А. Звегинцев. Очерки по общему языкознанию, Издательство МГУ, 1962. С. 266–269.

Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка, М., 1970. С. 486–491. В указанных источниках имеются многочисленные примеры условной речи, построенной на базе русского и западноевропейских языков.

2. Англичане называют такой «язык» центральным сленгом (*center slang*) и причисляют его к группе искусственных типов сленга (см. статью “Slang. Artificial types”. *Encyclopaedia Britannica*, vol. 20, 1964, p. 767); на “center slang” слово fool «глупый» звучит как *oolfoo*, *oolerfer* или *hoolerfer*.

3. У англичан это называется *back sland* «обратный сленг» (*Encyclopaedia Britannica*, vol. 20, 1964, p. 767); на “back slang” слово *game* ‘игра’ произносится как *emag*, *market* ‘рынок’ – *tekram*, *drunk* ‘напиток’ – *kennurd*, *police* ‘полиция’ – *slop*.

Ср. замечание В. Даля: «Тарабарский язык школьников состоит в перестановке или замене согласных, по известному правилу, тогда как гласные остаются неизменными...» – Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1, 1880 (переиздание 1956 г.). С. LXXVIII.

4. Общее языкознание, М., 1970. С. 486.

5. Записки Западно-Сибирского отделения РГО, т. X. Омск, 1880. С. 20–24.

6. D.C. Phillot. A note on Sign-, Gesture-, Code-, and Secret-language, etc., amongst the Persians. *JASB*, New Ser, t. III, № 9, 1907, pp. 619–622.

7. صادق کیا، راهنمای گردآوری گویشها، ص ۱۴

8. سید محمد علی جمال زاده، فرهنگ لغات عامیانه، تهران ۱۳۴۱
ص ۱۸۱

9. دکتر محمد معین، فرهنگ فارسی، ص ۳۵۳

۱۰. صادق همایونی، فرهنگ مردم سرورستان، تهران ۱۳۴۸، ص ۲۱۲

11. Д.И. Эдельман. Язгулянский язык. М., 1966. С. 135–136.

12. А.Л. Хромов. Историко-лингвистическое исследование Ягноба и Верхнего Зеравшана. Автореферат докторской диссертации. Душанбе, 1970. С. 43.

13. А.Л. Троицкая. *Abdoltili* – арго цеха артистов и музыкантов Средней Азии // Советское востоковедение, V. М.–Л. С. 251–274.

14. И.М. Оранский. Индоиранские диалекты Гиссарской долины (индийский диалект парья, говоры и аргы таджикоязычных этнографических групп). Материалы и исследования. Автореферат докторской диссертации. Л., 1967. С. 41–55.

Различные аргы издавна были распространены на территориях Средней Азии, Ирана и Афганистана. Об этом свидетельствует список литературы об аргы, составленный И.И. Оранским. См.: И.М. Оранский. Новые сведения о секретных языках (арго) Средней Азии. II. Материалы для изучения аргы этнографической группы джуги (Гиссарская долина) // Иранская филология, из-во МГУ, 1964. С. 64–65.

15. Д.И. Эдельман, ук. соч. с. 136.

16. Пример Д. Карамшоева.

17. Пример Н. Карамхудоева.

18. Устное сообщение А. Заре, старшего преподавателя Кафедры персидского языка ТГУ им. В.И. Ленина.

19. D.C. Phillot, ук. соч. С. 620–621.

В Иране, по-видимому, встречаются многие разновидности условных языков, о чем можно судить по высказыванию иранского ученого С. Кия:

برخی از ایرانیان برای اینکه دیگران گفتگویشان را نفهمند زبان فارسی یا گویش خود را با تلفظهای گوناگون (که میتوان آنرا یک گونه بازی شمرد) به صورت نفهمیدنی شگفت انگیزی درمیآورند. این گونه زبانهای ساختگی یا قراردادی میتواند میان دو تن یا گروهی بکار رود و نامی ترین و همگانی ترین نمونه اینگونه زبان زرگری است...

«Некоторые из иранцев для того, чтобы их речь не поняли другие, путем различного произношения (что можно назвать своеобразной языковой игрой) удивительным образом преобразуют персидский язык или свой говор в непонимаемую форму. Такого рода искусственные или условные языки могут употребляться и среди двух лиц, и в группе людей; самый известный и распространенный из таких языков – это «заргари».

(راهنمای گردآوری گویشها، ص ۱۴)

20. Об употреблении такого условного языка среди осетин мне любезно сообщила доктор филологических наук А.Дз. Цагаева. Она же указала мне на статью Г.С. Ахвледиани, помещенную в его книге «Сборник избранных работ по осетинскому языку», часть I), а также отметила наличие специальной работы по этому вопросу в рукописном фонде проф. Б.А. Алборова.

21. Устное сообщение студентов-практикантов восточного Факультета Ереванского государственного университета во время встречи, состоявшейся 9 апреля 1974 г. в ТГУ им. В.И. Ленина. Тогда же были получены данные об условных языках, распространенных среди арабов Ирака и армян (от студентов – выходцев из семей армянских иммигрантов).

Примечательно, что в условных языках, построенных на базе иракского диалекта арабского языка, используется тот же принцип, что и в персидском и таджикском языках – вставка слогов, содержащих «з» и «ск»: азайназа тазарузух или айсканаска таскарускух = айна тарух? «куда идешь?».

В Армении при построении условных языков используют слоги, содержащие согласный «г» или сочетание «-чур»: игинч егес агасугум или инччур есчур асчурумчур = инч ес асум? «что ты говоришь?»

22. В словаре «*Borhān-e Qāte*» (рукопись начала XIX в.):

لتره ... بضم اول زبان قرارداده شده میان دوکس که با هم تکلم کنند و دیگران نفهمند

«*ltrh*... с первой даммой: условный язык двух лиц; когда они говорят на нем, другие не понимают»;

لوتره بضم اول و ثانی مجهول و فتح فوقانی و سکون رای قرشت

زبانی باشد غیر معمول که دوکس با هم قرار داده باشند تا چون با هم
سخن کنند دیگران نفهمند و آنرا زبان زرگری هم میگویند و بمعنی لغز و چستان
هم آمده است

lwtr' (с первой даммой, вторым маджгулем, фатхой и сукуном над *rā*) – необычный язык, обусловленный двумя лицами, чтобы, когда они разговаривают между собой, другие их не поняли; его называют также язык «заргари»; (это слово) встречается и в значении «загадка».

لوتر ... بمعنی لوتر است که گفته شد ...

“*lwtr'* – в значении *lwtr'*, о чем было сказано (выше)...”.

В «Фарҳанги Рашиди»:

لوتر و لوتره – بضم و واد مجهول و تاي موقوف، زبانی که
دوکس با هم قرار دهند که دیگران نفهمند و زرگری نیز گویند

«*lwtr'* и *lwtrh* – с даммой, маджгульным вавом и сукуном после *t*»: условный язык двух лиц, предназначенный для того, чтобы другие не поняли; его называют также «заргари»

فرهنگ رشیدی، تحقیق و تصحیح محمد عباسی، ص ۱۳۰

Ср., однако, в том же словаре:

لتره بالفتح زبان قرار داده میان دوکس که چون تکلم کنند دیگران
نفهمند و آنرا لوتر نیز گویند و زرگری معروف است، و شخصی
که بند زبان نداشته و هرچه بشنود همه جا بگوید و جامه پاره پاره
شده و کهنه ...

«*ltrh* /с фатхой/: условный язык двух лиц; когда они говорят на нем, другие не понимают, и его называют также *lwtr'*, он известен и как «заргари»; человек, несдержанный на язык, который разбалтывает все, что услышит; рваная, старая одежда...» (ص ۱۲۸۵).

В словаре «Мачмаъ ул-фурс»:

لوتر [بضم لام و فتح تاي قرشت با رای مجهله] لغز باشد

و سخنی که نتوان فهمید و در فرهنگ زبان نیست که با هم گویند که
دیگری نفهمد و زبان زرگری نیز گویند (مجمع الفرس، تهران، جلد ۳ ص ۱۲۸۳)

«*lwtr'* /с даммой над ламом и фатхой над «*t*» с огласованным» “*rā*” – загадка и речь, которую нельзя понять, а в «Фарханг»-е в значении языка, на котором разговаривают, чтобы не поняли другие, его называют также «язык заргари».

23. В словаре Вуллеса (*J. Aug. Vullers. Lexicon Persico-Latinum etymologicum...*, t. II, 1864. С. 1102, 1082) приводятся формы *لوتر* *لوتره* [ة] *لوتره* в следующих значениях: 1) «загадка» (aenigma) и 2) «искусственный язык, обусловленный двумя лицами, чтобы другие не поняли его» (“*lingua arsana inter duos constituta, ne alii intelligent*”).

В словаре Ф. Стейнгасса (*F. Steingass. A Comprehensive Persian-English Dictionary. London, 1892*):

لوتر a kind of dialect: «заргари: разновидность диалекта»; *لوتره* *lutra* – bywords used by two persons and not understood by others «лутра – присказки, используемые двумя лицами и не понимаемые другими» (С. 1117); *لوتر* *lotar*, *لوتره* *lotarā*, *لوتره* *lotara*, a secret mode of conversation; an enigma «секретная манера разговора; загадка» (С. 1131).

В новейшем двухтомном «Персидско-русском словаре» (М., 1970), довольно полно отражающем лексический фонд современного персидского языка, название *lwtr* отсутствует (встречается лишь زرگری) что свидетельствует о его неупотребительности в настоящее время.

24. “The people speak two languages: the one is the *lwtrā* (?) of Astarābādh, and the other is the Persian of Gurgān” «Население говорит на двух языках: один из них – *lwtrā* (?) Астарабада, а другой – персидский язык Гургана» (Hudūd-al ‘Ālam. ‘The regions of the world’. A Persian geography 372 A.H./982 A.D. Translated and explained by V. Minorsky. 2nd edition. London, 1970, p. 134.

Примечательно, что В.Ф. Минорский оставил это название без перевода, отразив его в транслитерации как *lwtrā* и снабдив знаком вопроса.

Интересно также примечание В. Минорского в отношении того, что в XV веке диалект Астарабада (имеется в виду *lwtrā*?) использовался сектой хуруфи (*hurūfī*) для религиозной пропаганды. В. Минорский ссылается при этом на следующую работу: Huart C. Textes persans relatifs à la secte des Houroûfis. GMS. IX, 1909.

25. راهنمای گردآوری گویشها، ص ۱۴

26. См. указанные работы И.М. Оранского.

27. См. статью Н.Н. Пантусова.

28. John T. Platts. A Dictionary of Urdū, classical Hindi and English, t. II. London. С. 951 (переиздание М., 1959).

29. Из всех способов «засекречивания» способ искажения нормальной речи был менее популярен при построении подлинного арга, для этого чаще применяли другие средства, прежде всего переосмысление лексического материала родного языка (с помощью семантических сдвигов и соответствующих приемов словообразования) и иноязычные заимствования (см. В. Жирмунский, ук. соч. С. 154–155). Искажение слов нормальной речи – один из простейших приемов, он доступен всем... новые слова создаются с большим трудом (Ж. Вандриес. Язык, М., 1937. С. 236).

30. В. Жирмунский, ук. соч. С. 154.

31. راهنمای گردآوری گویشها، ص ۱۴

32. На этот факт указывает и С. Джемаль-заде в своем словаре просторечия (ص ۱۸۱): «Заргари – искусственный условный язык, который большей частью распространен среди женщин и девушек...».

33. В.Д. Бондалетов. Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев. Автореферат докторской диссертации, Ленинград, 1966. С. 10–11.

34. Ф.П. Филин. К проблеме социальной обусловленности языка // Язык и общество. М., 1968. С. 13.

35. Среди письменных памятников Востока в этом плане заслуживают особого изучения упомянутые работы Л.В. Троицкой «Словарь нищих کتاب ساسیان (Ketābi Sāsīān)» – рукопись XIV в., хранящаяся в Ташкенте и «Касыда Абу Дулафа», написанная на арга бродяг и нищих, (Л.В. Троицкая, ук. соч. С. 257), а также словарь так называемого «небесного языка» (زبان آسمانی (zabāni āsmāni)), «Dasātīr», созданный приблизительно в XII в. и опубликованный в 1818 г. в Бомбее (подробное описание его содержится в специальной статье Пуре Давуда, приложенной к Словарю Деххода:

ابراہیم پور داود، دساتیر، لغت نامہ دھخدا، شماره
مسلسل ۱۴، مقدمہ، ص ۶۴ - ۶۲

Составитель «Dasātīr» использовал следующие способы создания слов:

1. Реально существовавшим персидским словам он придал новые значения, причем сделал это, по-видимому, совершенно произвольно: так, слово آمیغ (āmigh) «смешение» (āmizesh) в «Dasātīr» имеет значение «правда», «истина» (khaqiqat), отсюда производное آمیغی (āmighi) «действительный».
 2. В противоположность арабским словам им созданы искусственные персидские слова с тем же значением: خانه آباد (xāneābād) вместо بيت المعمور (bayt al-Ma'mur), т.е. кааба; زبان آسمانی (zābān-e āsmāni) вместо ملوک الطوائف (moluk-e at-tavāyif) «вожди племен»; کنور (konur) вместо فاعل (fā'el) «деятель» и т.д.;
 3. Некоторые слова образованы по моделям реальных персидских слов с небольшими фонетическими изменениями: هورشید (hurshid) «солнце», ماهشید (māhshid) «луна» по образцу خورشید (xurshid) «солнце»;
 4. Значительную часть словаря составляют слова, фонетически преобразованные искусственным путем. Это либо усечения, либо наращения, либо замена одних согласных другими.
- Такому примитивному способу словотворчества составитель отдавал особое предпочтение.

Примеры:

چوین	-	چوین	'такой'
زیر	-	زمین	'земля'
چار	-	چهار	'четыре'
پنجم	-	پنجم	'пятый'
ششم	-	ششم	'шестой'
دشمن	-	دشمن	'враг'
کار	-	کار	'дело'
جهان	-	جهان	'мир'
مردم	-	مردم	'народ'
باستان	-	باستان	'древний'
فرمان	-	فرمان	'приказ', 'указ' и т.д.

36. В плане проблемы культуры речи заслуживает внимания изучение молодежного жаргона, употребляемого в таджикоязычной среде (кстати, тема эта еще ни разу не затрагивалась таджиковедами)¹¹⁰.

Как и в русской среде, студенческий жаргон таджикской молодежи сводится фактически к употреблению «жаргонно окрашенной» лексики в интимном, фамиллярно-сниженном стиле речи (ср. Л.И. Скворцов. Об оценках языка молодежи. «Вопросы культуры речи», вып. 5, М., 1964: 48). Для жаргона таджикских студентов характерны следующие структурные черты:

1) переосмысления таджикских слов: лой «деньги» (обычное значение: «грязь», «глина»); малах «деньги» (обычное значение: «саранча»); кафтарча «девушка» (обычное значение: «голубка»), химча «стройная девушка» (обычное значение: «прутик», «веточка»), ароба «такси» (обычное значение: арба); лагмон «высокий худой парень» (обычное значение лагман – «длинная и тонкая лапша»);

¹¹⁰ Об условных языках и жаргонах Ирана, в том числе заргари и современном иранском молодежном жаргоне, упоминается в статье Лейлы Астари «Условные языки и жаргоны, профессиональные языки в Иране» (см. Иранское языкознание 2020. Труды международной научной конференции «Чтения памяти Б.Б. Лашкарбекова к 70-летию со дня рождения». Институт языкознания РАН, Москва, 18–20 октября 2018. М.: Языки Народов Мира; НВИ, 2020. С. 151–155) (прим. ред.)

2) новообразования на базе собственной или заимствованной лексики (обычно русской и узбекской): *лахийийак* «провал на экзамене» (от глагола *лагжидан* «поскользнуться»); *чих шудан* «провалиться на экзамене» (ср. *чих* (обл.) «окрик, которым верблюда заставляют опуститься на колени»); *бита кардан* «прекращать знакомство» (от русского «бита», употребляемого во время игры в карты); *чулибой* «бестолковый» (ср. чул «степь», бой – составная часть таджикских и узбекских мужских имен < бой «богатый»), *оимчи дутина* «телефон» (< *оимча* «госпожа», «сударыня» и *дутина* «двухкопеечная»); *шланкиурбо* «суп с макаронами» (русс. «шланг» и тадж. *шурбо*); *очилчаппа* «перловый суп» (< *Очил* (?) – имя собственное и чаппа «перевернутый»);

3) заимствования (непосредственные и калькированные) из русского студенческого жаргона: *опшак* < *общак* «общежитие»; *фак* «факультет», *преп* «преподаватель», *питак* «пять»; *трайак* «тройка»; *крест мондан* «поставить крест» (на знакомстве).

Об основных типах русских арготизмов см. В.Д. Бондалетов. Сравнительно-типологическое изучение социальных диалектов // Actes du Xe congrès international des linguistes. t. I. Bucarest, 1969, pp. 651–655.

Альберт Л. Хромов (1930–1992) – доктор филологических наук, профессор факультета восточных языков (ныне факультет языков Азии и Европы) Таджикского государственного университета имени В.И. Ленина (ныне Таджикский национальный университет), Душанбе, Республика Таджикистан.

Albert L. Khromov (1930–1992) – DSc (Philology), Professor of the Faculty of Oriental Languages (now Faculty of Asian and European Languages), V.I. Lenin Tajik State University (now Tajik National University), Dushanbe, Republic of Tajikistan.

Для цитирования: Хромов А.Л. Условные языки у иранских народов // Социоллингвистика. 2025. № 2 (22). С. 203–213. DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-203-213

Повторная публикация: впервые опубликовано в сборнике Восточная филология. Вып. IV. Душанбе, 1976. С. 3–19.

For citation: Khromov A.L. Coded languages among Iranian peoples // Sociolinguistika. 2025. No. 2 (22). Pp. 203–213. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-203-213

Republication: originally published in Eastern Philology. Vol. IV. Dushanbe, 1976, pp. 3–19.

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА
SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-214-249>

ТАЙНЫЕ (УСЛОВНЫЕ) ЯЗЫКИ В ИРАНОЯЗЫЧНОМ МИРЕ
SECRET (CODED) LANGUAGES IN THE IRANIAN-SPEAKING WORLD

Одной из насущных проблем, которые стали предметом многочисленных споров, стало определение терминов тайные (секретные), условные языки, а также арго, и отчасти жаргон и сленг. До сих пор лингвисты не пришли к универсальному решению этого дискуссионного вопроса, и употребляют эти термины «как взаимозаменяемые синонимы» [Герд и др., 2009: 69]. Такие термины представляют собой часть континуума языковых явлений, которые служат в значительной степени выражению социально-символической и эзотерической функции, нежели идеациональной (ideational) функции восприятия мира [Eble, 2004: 262].

В исследовательской литературе ни один стандартный набор технических терминов с точными определениями не различает в полном объеме такие пересекающиеся явления, как арго, жаргон, сленг, разговорная речь, просторечие, тайные (секретные) языки, тайноречие, условные языки (словесные коды) и нестандартные грамматические формы.

В настоящей статье делается попытка дать обзор предлагаемых подходов и терминологии и проследить логику, стоящую за тем или иным обозначением в связи с той или иной задачей выделения конкретной функции в разных исследовательских традициях на разных языках, концептуально значимых для иранистики.

Кроме того, в хронологической перспективе предлагается описание социолектов и их функций в ираноязычном мире.

Социальная дифференциация языка

Социальная вариативность языка и речи характеризуется наличием стратификационного и ситуативного измерений, при этом первое связано с социальной структурой общества, а второе проявляется в использовании языковых средств в зависимости от социально обусловленной ситуации. Причем выбор языка коммуникации с точки зрения социолингвистики базируется на противопоставлении ситуативных признаков, выражая

отношение коллектива к противопоставляемым друг другу социолингвистическим переменным [Швейцер, Никольский, 1978: 74–75, 83–84].

В.И. Беликов и Л.П. Крысин предлагают применять термин социолект, который «удобен для обозначения разнообразных и несхожих друг с другом языковых образований, обладающих, однако, общим объединяющим их признаком: эти образования обслуживают коммуникативные потребности социально ограниченных групп людей» [Беликов, Крысин, 2001: 30].

В силу отсутствия единого понимания и критериев разграничения неоднородных языковых образований в разных социальных слоях общества в современной лингвистике отсутствует единый подход к классификации социолектов. Сюда включаются сходные, но различные по своей природе явления. Не упорядочена номенклатура социальных вариантов речи (жаргон, арг, сленг, тайные языки и пр.).

В классификации социолектов, предложенной В.Д. Бондалетовым, в зависимости от природы, назначения языковых признаков и условий функционирования различаются: 1) собственно профессиональные «языки» (точнее – лексические системы), например, рыболовов, охотников, гончаров, деревообделочников, шерстобитов, сапожников, представителей других промыслов и занятий; 2) групповые, или корпоративные, жаргоны, например, учащихся, студентов, спортсменов, солдат и других, главным образом молодежных, коллективов; условно-профессиональные языки (арг) ремесленников-отходников, торговцев и близких к ним социальных групп; 3) условные языки (арг, жаргоны) деклассированных [Бондалетов, 1966: 9–10]. Согласно уточненной более поздней классификации, в зависимости от природы языковых признаков и условий функционирования, выделяются 1) профессиональные лексические системы промыслов и занятий (охотников, гончаров, пр.); 2) групповые, или корпоративные, жаргоны молодежных, военных коллективов, пр.; 3) условные языки (арг) ремесленников-отходников, торговцев; 4) жаргон (арг) деклассированных [Бондалетов, 1987: 69].

В последней классификации В.Д. Бондалетова привлекают внимание два последних пункта, в которых виды тайноречия разводятся по своим свойствам и обозначаются как «условные языки (арг)» отхожих промыслов или как «жаргон (арг) деклассированных» элементов. Причем в обоих случаях параллельно с основным термином применяется и обозначение арг.

На основе перераспределения разновидностей речи (лексических систем) и их носителей по социально-классовым различиям выстраивает свою классификацию Б.А. Серебренников: 1) профессиональные лексические системы; 2) групповые (корпоративные) жаргоны тесно связанной группы (включающие лексику, которая несет признаки профессиональных лексических систем, корпоративных жаргонов и элементов условных языков); 3) жаргоны деклассированных элементов (предназначенные для обособления членов сообщества, их идентификации и затруднения понимания смысла речи) и 4) условные языки (ремесленников-отходников, странствующих торговцев и близких им групп), имеющие криптолалический характер, занимающие промежуточное положение между искусственными и естественными языками [Серебренников, 1970].

Уже на данном этапе разработки терминологии заметны как предпочтение к применению в качестве более широких терминов – жаргон, так и их разведение и уточнение на основе функций и типа словаря, их носителей. Последний исследователь и вовсе отказывается от термина арг, снимая его и обозначая эти разновидности как жаргоны или «условные языки».

При анализе современного состояния и проблем социолектологии выявляется, что по многим концептуальным и терминологическим вопросам единой позиции так и не выработано и что к особенно дискуссионным все так же относится вопрос о различиях в оппозициях подъязык – социолект, жаргон, арг. Некоторыми авторами на этой основе предлагается таксономия социолектов, включающая такие формы существования языка, как профессиональные языки, коды (шифры) спецслужб, жаргоны и арг, связанные с открытым / закрытым характером сообщества и уровнем кодификации языкового материала [Солнышкина и др., 2014: 126]. Причем в настоящей работе последний термин принимается в широком истолковании как синоним тайных (условных) языков.

При всей многоплановости взглядов на социолект представляется резонным в целом опираться на схему, построенную с опорой на «совокупность внутривидового и функционального параметров» Э.Г. Туманян: «1) детерминированные лексические системы: а) групповые, корпоративные жаргоны, б) профессиональные лексические системы; 2) особые, условные языки: а) условно-профессиональные арг (жаргоны), б) арг деклассированных» [Туманян, 1985: 92].

Такая схема принимается нами для дальнейших рассуждений с учетом того, что во вторую категорию условных языков с различным объемом и охватом значений внутри

конкретной группы включаются групповые как профессиональные, так и исключаяющие – тайные (секретные) языки, криптолекты.

Понятия «жаргон», «арго» и «сленг» могут быть рассмотрены как элементы языка, выстроенные в иерархическую систему, где каждый уровень имеет свои особенности и область применения. Таким образом выстраивает иерархическую систему понятий арго – жаргон – сленг В.В. Химик, принимая что арго – исходная, ядерная часть жаргона. Жаргоны – это социальные диалекты в полном объеме, специфические подязыки, причем их лексический и фразеологический материал нередко попадает в общеэтнический субстандарт, сленг – включается в современное городское просторечие как функциональную разновидность национального русского языка [Химик, 2000].

1.2 Проблемы терминологической номинации: к соотношению терминов *тайные языки* – *арго*

В французской лингвистической литературе

Уже во французской традиции отмечается перебой/переход терминов *жаргон* / *арго* и пр. Знаменательно, что термин арго (*argot*)¹¹¹ вошел в употребление во Франции в XVII в., вытеснив термины жаргон (*jargon*)¹¹², бывший в употреблении с XII в. и получивший позднее пейоративный оттенок, а также термин *джобелин* ((*jargon*) *jobelin*)¹¹³, принятый с XV в. для обозначения речи нищих и торговцев лошадьми [Petit Robert, 1993].

Термин арго (*argot*) засвидетельствован в книге Оливье Шеро «Жаргон или язык реформированного арго» (Chereau, 1630). Здесь арго означало «попрошайничество» (*mendicite*) и использовалось для обозначения занятий или сообщества нищих и воров (Delaplace 2004: 89). Шеро предложил также и дериват *argotique* «относящийся к профессии или к сообществу нищих» [Ретинская, 2008: 99]. Лексикографические издания удостоверяют, что в конце XVII века термином арго обозначают вокабуляр профессиональных нищих, а в

¹¹¹ В 1628 г. применяется в значении корпорации воров и нищих [Sainéan, 1907: 29]; позднее как тайный (криптологический) язык этой преступной среды, т.н. «зеленый язык» (*langue verte*); линг. язык, характерный для профессии, группы людей закрытой среды (*javanais* – вставка слогов, *verlan*, букв. наоборот – перестановка слогов). Профессиональный арго: мясников, типографов [Petit Robert, 1993: 118–119, 1223, 2374].

¹¹² Из *onomat. garg* «горло» (в XII в. «щебетание, болтовня», в XIII в. «язык воров»). 1. Искаженный язык, составленный из разнородных элементов, 2. Язык, специфичный для определенной группы и характеризующийся своей сложностью, аффектацией слов, оборотов речи, 3. Старые разновидности, напр. баллады на жаргоне, приписываемые Вийону [Petit Robert, 1993: 1221].

¹¹³ Ср. *jobard* «простофиля» [Petit Robert, 1993: 1227].

следующем столетии данный термин присваивают языку профессиональных бандитов, позднее составлявших деклассированные элементы [Sainéan, 1907; 1912].

В связи с данным наблюдением обращает на себя внимание трактовка термина «арго» в словаре Э.-Ф. Видока (XIX в.) в статье *arguche*, объясняемого через *argot*: Жаргон воров и мошенников, который понимают только они; по крайней мере, таково определение в Словаре Академии. Мне это определение не кажется точным; арго (*argot*), теперь, это скорее общий термин, предназначенный для выражения любого жаргона..., который является специфическим для корпорации, профессии или определенного класса лиц... [Vidocq, 2002: 6]. Этот процесс расширения значения термина арго в конце XIX–XX веков отмечают и другие авторы. Его стали понимать как язык бродяг, нищих и воров, или шире как особый технический словарь и фразеологию людей одной профессии, понятные только им [Hearder, 1973: 13–14; Littré, 1874].

В силу смещения французского словаря в новых условиях существования языка в последние столетия задача лингвистической дефиниции становилась сложнее, так как благодаря доступности средств массовой информации, популярности детективных романов и фильмов арготический словарь перестал быть достоянием исключительно преступников; многие слова оказались известны в широких социальных кругах. Считается, что подобный социолингвистический феномен объясняется расширением или даже передачей лингвистической функции, в ходе чего изменилась природа данной разновидности речи и из секретного языка преступной деятельности он стал проявлением корпоративного духа, посредством которого группа утверждает и идентифицирует себя [Hearder, 1973: 17, 18]. Эту мысль подтверждает и определение, данное Э.-Ф. Видоком.

То же отмечается и в российских наблюдениях за состоянием языков особого назначения во Франции: «постепенно объем термина изменился, под арго стали понимать устный язык, который состоит из более или менее произвольно выбираемых, видоизменяемых и сочетаемых элементов одного или нескольких естественных языков и применяется отдельной социальной группой с целью языкового обособления от остальной части данной языковой общности» [Береговская, 1975: 5]. Здесь отмечен важный терминологический «переход», а также подмечена установка на обособление, исключительность, эксклюзивность представляющей такой идиом группы.

В XX в. на французском материале имели место попытки развести понятия профессиональных и «специализированных» (арго), условных, языков. Обращает на себя

внимание, что уже А. Дуза [Dauzat, 1929] стремился провести различие между профессиональным языком в целом и «специализированными языками», которые демонстрируют арготизмы. В том же ключе выдвигает дефиницию «профессионального арга» Т.И. Ретинская, понимая его как «комплекс неконвенциональных лексических единиц, который признан и употребляется профессиональной группой в качестве знака языкового обособления» [Ретинская, 2011: 208].

Знаменательно, что французские работы XX века данного направления послужили основой для теоретической разработки сходных исследований в Иране. Это особенно касается трудов Пьера Гиро и Л.-Ж. Калве, в частности переведенной на персидский язык [Calvet, 1994]¹¹⁴.

В русской лингвистической литературе

Термин арга пришел из французского языка в русскоязычную и англоязычную традиции, завоевав на долгие годы прочное место в лингвистических и особенно социолингвистических описаниях социолектов.

«Под влиянием работ французских исследователей (О. Chereau, А. Dauzat, Р. Guiraud, L. Sainéan и др.) в начале XX в. в российскую науку активно входит термин арга, к которому во французской лингвистике наряду с собственно воровским языком относят профессиональные жаргоны, в том числе и условные, тайные языки. В 60-е годы XIX в. он принимается в русскоязычных исследованиях как «воровской язык», который понимался достаточно широко. Так вслед за французской традицией понимают арга Б.А. Ларин, Д.С. Лихачев, В. М. Жирмунский» [Приёмывшева, 2009: 13].

Рассматривая «специальные языки», уже в первой половине XX века Ж. Вандриес отмечал, что «слово арга имеет в наше время довольно расплывчатый смысл. По существу это – другое слово для понятия “специальный язык”. Существует столько же арга, сколько есть групп, имеющих свои специальные интересы» [1937: 232].

Можно отметить, что в российской лингвистической литературе сложилась традиция использования термина арга в нескольких значениях: 1. То же, что жаргон [Толковый... 1935: Т.1. 846]; 2. Язык отдельных социальных групп, сообществ, искусственно создаваемый с целью языкового обособления (иногда «потайной» язык) [Розенталь, Теленкова, 1976: 28]; 3. Собственно язык воров и преступников [Грачев, 1997]; 4. Любые формы

¹¹⁴ См. статью Sabzalipour J., Izadifar R., в которой упоминается данная книга.

жаргонизированного просторечия [Елистратов, 1995]. В последние годы наметилась устойчивая тенденция дифференцированного употребления терминов, обозначающих такие социально детерминированные формы речи, как арг, жаргон, сленг, профессиональное просторечие (прив. по: [Бондалетов, 1990]).

Примечательно в этой связи наблюдение за сменой в советской традиции терминологии при описании данных феноменов: за несколько десятилетий перерыва в СССР в социалингвистических исследованиях в середине XX в. «сочетания тайные, условные языки растворились в более широком термине арг», их синонимичность была закреплена и в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова: «Арг: Своеобразный, условный язык обособленной социальной группы..., отличающийся от общего языка присутствием слов, непонятных непосвященным»¹¹⁵ [Приёмышева, 2009: 14, 15; Ушаков, 2020]. Такую смену терминологии социально-детерминированных форм речи вызвали изменения в обществе и в ориентации социалингвистической парадигмы.

Материал тайных языков России, основательно освещенный в работе М.Н. Приёмышевой, приводит ее к следующему выводу: «при учете хронологического критерия очевидно, что в современной социально-лингвистической парадигме *арг* (*условные, тайные языки*) как актуальный элемент такой системы, что исторически закономерно, отсутствует» [Приёмышева, 2009: 20].

Ввиду закреплённости тайных языков, арг за рядом социальных групп, обусловленности их функционирования социально-экономическими факторами, отнесенность тайных языков к социальным диалектам очевидна. Важно, что им отчасти присущи и лингвистические свойства социальных диалектов. В этой связи можно обратиться к следующему определению В.И. Беликова – Л.П. Крысина: «Социолектом называют совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе – профессиональной, сословной, возрастной и т. п. – в пределах той или иной под системы национального языка. Социолекты не представляют собой целостных систем коммуникации. Это именно особенности речи – в виде слов, словосочетаний, особенностей речи» [Беликов, Крысин, 2001: 47].

В ходе обзора подходов к пониманию термина арг в русскоязычной литературе отметим, что, по определению О.С. Ахмановой, термин арг соответствует англ. *slang*, фр. *argot*, нем. *Sondersprache*, укр. *jerga*. При этом означает «то же, что жаргон; в отличие от

¹¹⁵ «Жаргон: 1. То же, что арг» [Ушаков, 2020].

последнего термин аргос лишен пейоративного уничижительного значения. Исследовательница выделяет аргос профессиональное, артистическое, военное, воровское, картежное и пр. [Ахманова, 1966: 51].

В дальнейшем в литературе сложился более сложный взгляд как на соотношение терминов, так и на объем их значений внутри конкретной языковой традиции [Арапов, 1990; Беликов, Крысин, 2001]. По В.И. Беликову и Л.П. Крысину, аргос, жаргон, сленг – это разновидности социолекта, и специфика каждого обусловлена «профессиональной обособленностью группы от остального общества» [Беликов, Крысин, 2001: 33]. И все же, как считают авторы одного из словарей лингвистических терминов, «...в жаргоне преобладает выражение принадлежности к [данной] группе, в аргос – языковая маскировка содержания коммуникации» [Васильева и др., 1995: 38].

Заслуживает внимания тот факт, что термины аргос и тайные языки (условные языки) приводятся в справочной литературе как параллельные. Так, в ЛЭС дается определение терминов как «аргос» [Шахнарович, 1990: 43] (ср. также [Шахнарович, 1998]), так и «тайные (условные языки)» [Арапов, 1990].

Одна из современных дефиниций аргос приведена в «Викисловаре»: «лингв. язык обособленной социальной группы, профессии или сообщества, состоящий из произвольно избираемых видоизменённых элементов одного или нескольких естественных языков, употребляющийся с целью сокрытия предмета коммуникации, а также как средство обособления группы от остальной части общества» [Аргос]. Можно заметить, что данное определение имеет весьма широкий охват и нейтрально по отношению к социальному статусу группы в обществе.

1.2.1 Терминология обозначения тайных языков

Во многих исследованиях отмечается, что понятия жаргон, аргос, специальный язык, сленг и т.п., не имеют необходимой терминологической строгости определения и подменяют друг друга. Ориентируясь на номенклатуру, представленную в иранистических исследованиях, проведем обзор терминологии, связанной с употреблением в лингвистических работах российской школы терминов «тайные (секретные) языки» (англ. *secret languages, cryptolects*).

Так, О.С. Ахманова (в 4-й секции статьи «Язык») пишет: «То же, что жаргон»... «Языки профессиональные... Социальные диалекты данного языка, бытующие среди лиц, принадлежащих к одной и той же профессии. Языки тайные, англ. *secret languages*. Языки

особых социальных групп, создаваемые в целях замкнутого общения в пределах данной группы. Ср. криптолалия (воровские жаргоны, жаргоны сектантов и т. п.)», а в статье «Криптолалия (тайноречие): англ. *cryptolalia*»: «Тайный язык («потайной язык»), непонятный для тех слоев общества, которые не входят в данную социальную группу». = Воровской жаргон» [Ахманова, 1966: 535, 205].

В формулировке Т. В. Жеребило: Тайные (условные) языки: «конспиративные языки, которыми пользовались различные социальные замкнутые группы: бродячие торговцы, нищие, ремесленники – отходники и др. Тайные языки отличаются обычно набором слов... и специфической системой словообразования». «Профессиональные и тайные языки» относят в социолингвистике к искусственным языкам [Жеребило, 2010: 393, 138].

В Лингвистическом энциклопедическом словаре принято следующее определение: «Тайные (условные) языки – традиционное название ряда жаргонов, которые использовались относительно замкнутыми социальными группами – бродячими торговцами, ремесленниками-отходниками, нищими» [Арапов, 1990: 502; см. также: Арапов, 2016: 589].

Во всех трех дефинициях авторы подчеркивают мобильность таких групп, их нацеленность на замкнутое в силу социальных причин общение в пределах группы и конспиративную функцию их речи.

При описании конкретных лингвистических объектов, связанных с тайноречью, в разных языковых культурах понимание и применение терминов более однородно. И все же М.Н. Приёмышева, намечая основные подходы к пониманию термина, отмечает имеющиеся слабые стороны при его применении: обозначение «тайные языки», употребляющееся в лингвистике, не имеет строгого терминологического определения и обычно используется наряду с сочетаниями «условные» или «искусственные» языки, кодирующими ряд неоднородных лингвистических явлений. Несмотря на различия тайных языков и их носителей, предполагается, что это «идентичные лингвистические объекты, так как их объединяет ряд выполняемых специфических коммуникативных функций (социально-символическая, игровая, эзотерическая)... и закономерности лексико-семантической организации». Таким образом, можно считать, «что тайный, условный или искусственный язык – это сознательно или традиционно кодируемая знаковая система, наличие которой в той или иной социальной группе – обязательное условие ее социального престижа (в данной социальной нише), способ идентификации ее членов, некий социальный барьер между данной группой и обществом ...» [Приёмышева, 2008: 105, 107].

Широкий диапазон терминологии, связанной с тайными наречиями, обусловил необходимость ее дифференциации и выстраивания иерархической системы социолектов, где каждый уровень имеет свои особенности и область применения. Таким образом классифицируются социолекты в [Солнышкина и др., 2014: 130 (Таблица 1)].

Таблица 1.

Классификация социолектов по [Солнышкина и др., 2014: 130]

Признаки сообщества / социолекта	Открытое	Закрытое
Реализован в двух регистрах (высоком и низком)	профессиональный подъязык	шифр
Реализован только в низком регистре	жаргон	арго

Отметим также, что попытка дать краткую классификацию социолектов – тайных, условных языков и жаргонов – была предпринята на материале языков Ирана на персидской основе в [Асгари, 2020]. Однако систематические критерии, требуемые для разграничения арго, тайных и условных языков и описания отношений между ними в этой классификации отсутствуют. Для того, чтобы выявить такие критерии и разграничить данные понятия, обратимся к терминологическому материалу, привлекаемому в иранском языкознании.

2 | Терминология, принятая в иранистике: тайные языки – арго

Немаловажно, что в европейской иранистике при выработке терминологии и разработке понятийного аппарата арготологии в лингвистической традиции активно принимала участие наряду с французской и российской школой также и английская.

В целом лингвистические материалы по истории общественных форм и их идиомов, включая их обозначения, служат сигналом определенных социолингвистических особенностей таких сообществ. Уже само применение конкретного термина по отношению к их языку приписывает ему установленный набор характеристик. Ср., например: тайный (секретный, криптолалический) язык, тайноречие, условный язык, арго, жаргон, сленг, говор (*secret language (cryptic language)*, “(un)conventional” / “provisional” language, *argo(t)*, *jargon*, *slang*, *patois*) и пр.

Уже самый краткий обзор показывает, что в англоязычной традиции для обозначения тайных (секретных) языков в основном используется – *secret languages*, а в широком значении

характерно применение терминов жаргон и сленг (*jargon, slang*). См. например, [Blake, 2010]. В иранистике особенно широко используется термин *secret language* (а также *cryptic language*), он применяется наряду с терминами с разным объемом значений арго (*argo(t)*), и иногда жаргон (*jargon*), принятыми в работах [Phillot, 1907; Pstrusińska, 1990; 2004; 2013; Sadeqpur, 2007] или сленг (*(professional) slang*) [Melikian, 2002].

Особенности применения номенклатуры можно проследить в некоторых случаях и при соположении терминов. Тайный, секретный язык может также выступать как арго, например, “*secret languages, or so-called argots*” [Pstrusińska, 2013: 17], или как жаргон (...*a secret language as a jargon*), ср. также рассуждение о языке кокильяров (XV в.), известном как *jobelin*, на основе привлечения французского *language exquis* “secret language”¹¹⁶ [Bosworth, 1976: 150, 6].

Термином жаргон наряду с «секретным языком/кодом» пользуются Э. Йаршатер *secret jargon, secret, unintelligible, and enigmatic language* [Yarshater, 1977; 2009] и В.А. Иванов *secret language, secret code, jargon (of Persian Mendicant Darwishes), secret / conventional / jargonic code, secret jargon, jargon* [Ivanow, 1922: 375; 1927; ср. также: 1914: 445; 1920: 285]¹¹⁷. Последний автор очерчивает и специфический круг маргинальных сообществ, которые употребляли тайный язык: странствующие дервиши, ряд ремесленно-сословных групп и особенно воры и профессиональные нищие (*wandering darwishes, some classes of craftsmen, and especially by thieves, professional beggars*), а также бродячие цыганские группы [Ivanow, 1922: 375].

В современных описаниях сходной тематики авторы, пишущие по-английски, принимают как более широкий термин жаргон, но не отказываются полностью от термина арго, применяя его как синоним тайного языка, см., например, “*many sales people have been using argot to secretly talk*” [Samaei, Azimi, 2023: 177]. Исключительно термины *argot* или *jargon* как синонимы употребляет М. Шварц [Schwartz, 2012]. В позднейших работах намечена тенденция к полной замене термина арго термином жаргон. См., например, исследование, где автор принял в основном термин *jargon*, но исключительно в применении к тайному языку обособленных групп и дервишей использует также обозначение *secret language* [Rezai Baghbidi, 2025:19, 21, 23, etc.].

¹¹⁶ Скорее в значении «эксклюзивный язык избранных».

¹¹⁷ В.А. Иванов не использует термин арго, хотя пользуется другим французским термином – *patois*.

В других европейских языках применяются обозначения как тайный язык и арг, так и жаргон: фр. *langue secrète, mots secret* [Gauthiot, 1913: 677–678], *le jargon des juifs d'Iran* [Lazard, 1978], нем. *Geheimsprache, argot* [Mirzaee, 2021], польск. *tajny język*¹¹⁸ [Pstrusińska, 1983; 2004].

При описании сходных социально значимых языковых разновидностей в русскоязычной иранистике традиционно употребляются термины – «тайный (секретный) язык, потайной язык (арго)» [Оранский, 1983: 31], секретный язык, арг [Климчицкий, 1940], условная речь, условный язык [Хромов, 1976]; но ср. объяснение применения номенклатуры в более поздней работе: «Сейчас термин «условные» или «тайные» языки используется в Иране применительно к двум группам населения. Первая группа – это те, кто, нарушает закон... Вторая группа – это люди, которые не приемлют норм общественной морали. Это по большей части молодёжь и подростки-школьники» [Асгари, 2020: 152].

В ираноязычной традиции при описании конкретных явлений, связанных с тайным языком отдельных сообществ, приняты обозначения – перс. *zabān-i maxfi* ‘тайный (секретный) язык’, *zabān-i ramzi / sirri* ‘условный (секретный) язык’ (*ramz* ‘загадка, тайна’, *sirr* ‘тайна, секрет’), в современном широком обозначении применяется термин *zabān-i zargari* ‘условный язык; жаргон, арг’.

Здесь важно, что все эти тайноречия представляют собой социальные варианты того или иного национального языка, но имеют узкие функциональные границы и нацелены на передачу секретной информации при открытой коммуникации. В дополнение следует еще раз обратить внимание на вывод М. Н. Приёмышевой [2009: 20], уже приведенный выше, об утере тайными (условными) языками в настоящий момент актуальности для социолингвистической системы России. Однако это наблюдение не вполне соответствует данным ираноязычного мира, где и сегодня все еще представлены традиционные варианты социолектов, распространенные, в частности, у миноритарных народов, хотя и имеют место ощутимые сдвиги. В этой среде представлен широкий диапазон разного рода идиомов, которые используются как тайные и условные языки.

Приведем основной языковой материал, языковые данные, на которые мы опираемся в данной статье.

¹¹⁸ См. также: “secret languages, or so-called argots” [Pstrusińska, 2004].

2 | Тайные (условные) языки ираноязычных народов как объект лингвистического исследования

Тайные (секретные) языки исторически были широко известны в иранской среде и относятся к исключаяющим языкам, которые, как правило, предназначены для передачи секретной информации.

Опыт обобщения накопленного на разных этапах исторического развития истории и культуры ираноязычных народов материала, а также краткий обзор их наречий дан в работах [Климчицкий, 1940; Хромов, 1976; Оранский, 1964; 1983: 30–48].

На определенном этапе средневековья (VII–XVI вв.) в силу политических условий и особенностей социально-экономического развития Ближнего Востока и ряда стран Евразии, в частности территорий современных Ирана, Афганистана и Центральной Азии¹¹⁹, а также в силу продвижения ислама в населяющих регион обществах активно шел процесс социальной стратификации и поляризации, сложения профессиональных цехов и корпораций, маргинализации части населения. Это способствовало тому, что в социолингвистической системе этих государств присутствовали как единый язык религии, науки и литературы, охватывающий обширные территории более чем одного государственного образования (такие как арабский и/или персидский язык(и)), так и конкретные национальные языки (например, персидский), а также складывались социально детерминированные формы речи разнообразных групп населения.

В последние столетия с централизацией власти национальных государств и ростом экономики, уходом в прошлое мелких корпоративных образований, активным процессом урбанизации и выходом маргинализированных групп населения на глобализованный рынок труда, формы речи социума подверглись перераспределению. Национальные языки, на которых существует литература, ведется работа СМИ и всеобщее обучение, стали необходимой составляющей жизни каждого жителя страны, в том числе носителей таких идиомов и групп, для которых они не являются родными. Молодежь освоила и наднациональные языки, хотя их состав и степень необходимости в них не являются неизменными и одинаковыми для разных регионов. Миноритарные языки не только сохранились в языковом ландшафте многих стран, но и вышли на более широкий международный уровень. В современных условиях социокультурных процессов

¹¹⁹ При выработке терминологии и разработке понятийного аппарата в современной лингвистической традиции в Иране авторы обычно опираются на французскую школу, а в Таджикистане на советско-российскую.

демократизации общества, нивелировки социо-экономических характеристик сословно-профессиональных групп и причин их существования происходит и отход на задний план необходимости секретной коммуникации, что выводит такие языки из активного употребления.

Однако в настоящее время во всех ираноязычных странах и в более широком регионе арготические варианты речи все еще фиксируются.

Так, в Иране отмечена широкая гамма разновидностей тайных и условных языков [Kiya, 1961; Хромов, 1976; 1974; Bolukbāshi, 2000] таких групп общества, которые выделяются на основании сословных различий и особого уклада жизни. К ним отнесены ремесленники – ювелиры, медники, музыканты, жестянщики, шерстобиты и валяльщики войлока, мельники и пр., – которые используют специфический тайный язык, включающий профессиональный набор выражений трудных для понимания, в частности основанных на региональной/диалектной лексике, см. например, [Sabzalipour, Delgarm, 2016].

К секретным языкам (перс. *zabān-i maxfi, ramzi, sirri, bātin, rāz* ‘секретный, тайный язык’, тадж. *забони махфӣ, рамзӣ* ‘секретный, тайный язык’), или «криптолектам» (англ. *secret language, cryptolect*) на иранской почве обычно относят традиционные разновидности специфической речи некоторых регионов Ирана (перс. *zargari* ‘секретный язык, букв. (язык) ювелиров’¹²⁰, *Yazdi* ‘(язык) г. Йезда’ [Ivanow, 1927: 244], *mesgari* ‘(язык) медников’, *morqi* ‘птичий (язык)’, *gonjeshki* ‘воробьиный (язык)’ [Mirzaee, 2021], *anguri* букв. виноградный, *jāberi (žêrzuwanaki)* ‘(язык писцов) Джабера (топоним.)’, разновидности языка мастеров, связанных с шерстяными и войлочными изделиями, медников и жестянщиков (*selyāri*), (язык) дровосеков и плотников (*arrānaji*, он же на тюркской основе называется *qarqadili* букв. вороний язык) (см. о нем [Sabzalipour, Delgarm, 2016; Sabzalipour, Izadifar, 2025]), язык торговцев бумажной мануфактурой (*zabūn-i bazzōzī*) [Phillot, 1906]¹²¹, язык строителей Абаде (близ Шираз) (*zabān-i bannāyān*) [Sadeqpur, 2007: 135], язык торговцев одеждой (*zabūn-i benavi*) [Samaei, Azimi, 2023: 177]¹²².

¹²⁰ Под термином *zargari* в некоторых регионах Ирана также известен язык *loterā’i*. Одним из центров *zargari* Армении являлось село Баназур, Нагорный Карабах, где был записан языковой материал [Melikian, 2002]. Сегодня термин *zabān-i zargari*, употребляется в персидском и таджикском языках расширительно в значении ‘условный язык; жаргон, арг’.

¹²¹ Ср. другие названия тайноречий на тюрк. основе у некоторых кашкайских племен: *ayereh dil* ‘язык, который другие не понимают’ / *ghosh dili* ‘язык птиц’ [Amiri, Fallahi, 2023].

¹²² Другие секретные профессиональные языки включают речь ювелиров, региональные варианты *morqi* и *lami* в Мешхеде, язык мясников в Тегеране, речь медников Исфахана, строителей и торговцев мануфактурой Йезда, дервишей Казвина и пр.

Сведения о языках деклассированных элементов Ирана сохранены в записи. Известны: *zabān-e lūtī* ‘язык шутов, пр.’, *lūtī* ‘народ Лота; развязный человек; шут, скоморох, клоун’, в Тегеране – *zabān-e lati*) [Оранский, 1983: 33], ср. описание этнографической группы луты в Луристане, члены которой применяют наряду с лури и фарси, арго (*Lutiyuna/ Darvishi* ‘the language of the Luti’ [Amanolahi, Norbeck, 1975: 2]). К этому ряду примыкают также известный по всему Ирану и за его пределами *lotrai*, *lotarā* (по некоторым предположениям, обозначающий наречие ‘(язык людей) вне Торы (**lo-Torah*)’ [Yarshater, 1977]), (о нем, источниках, его упоминающих, см. подробнее [Хромов 1976 и др.], о его связи с арамейским см. также [Schwartz, 2012; Rezai Baghbidi, 2025]), здесь же упомянем специфическое наречие дервишей (*fūqaro*), описанное в [Ivanow, 1922; 1927; Ромаскевич, 1945: 142].

Ряд форм тайноречия известен и в истории Центральной Азии: тадж. *заргарӣ* ‘профессиональный язык ювелиров (шифрованный); позднее: условный язык, включающий ряд разновидностей’, *мурғӣ* ‘(язык) птиц’, а также *мурғот* ‘(язык) магов’ (*мурғ* ‘маг, огнепоклонник’) и пр.¹²³. Здесь в среде миноритарных народов Таджикистана сохраняются реликты тайных языков (ягнобский: (звукоподр.) *kazomazi/kazobuzi*, в Матче *zaboni muryon* ‘язык птиц’ [Хромов 1976]), памирские). В XIX–XX в. ягнобцы при чужих использовали «секретный язык» (тадж.-перс. *gari čar* ‘перевернутая речь’) [Климчицкий, 1940: 106–107].

Для Таджикистана и Узбекистана ср. также арго (на таджикской основе) кочевых или переселенческих групп не всегда известного этнического происхождения (относимых местным населением к выходцам из Афганистана), а исследователями к цыганообразным этнографическим группам, например, люли и джуги [Оранский, 1971: 204], а также части мазанг, большая часть которых не имеет специфического языка, но отдельные группы сохраняют арготический вокабуляр [Оранский 1971: 202, 203, 205–206]. Здесь же можно упомянуть имевшие арготический словарь групп кавол, джуги, чистони [Оранский 1961; 1966: 64–65] (у последних их арго именуется воровским языком (тадж. *zabon-i duzdi*)), согутарош (резчики деревянной посуды-*soyu*). К ним примыкают также группы, говорящие на

¹²³ Имеются сообщения Н.Я. Марра о языке мясников Ирана и Е.М. Пещеревой о языке мясников Шахрисябза на узбекской основе (узб. *кассоб тили*); об арго мясников на основе хинди в Индии (*qaṣā/ayō-ki farsī*) см.: [Оранский, 1983: 33].

Арготический словарь на таджикской основе зафиксирован у цыганских групп люли А.И. Вилькинсом в XIX в. и А. Л. Троицкой на узбекской и таджикской основе [1948; Оранский, 1983: 31, 34].

Об инд.-ар. основе цыганских наречий см. [Ivanow, 1914; 1920; 1927; Оранский, 1971a; 1983; Matras, 1998], использовании ими в качестве основы языка (грамматики и синтаксиса) окружающего населения [Rezai Baghbidi, 2025: 23–24]. Об арготических наречиях Индии, например, о языке *balaibalan* (XVII в.) см. [Ramaseena, 1836; Phillot, 1906], *qurbati* [Климчицкий, 1940: 104–105], о языке народа дом [Hancock, 1995]. Ср. также тюрк. (узб.) *абдолтили* и пр. [Троицкая, 1948].

таджикском (люли), и индоязычные парья, последние не применяют аргю, но сохраняют память о некоторых словах на его основе и их применении в качестве «потайного языка» (парья *zabon-i ranoyi*) [Оранский, 1983: 31, 32, 34].

Особые варианты аргю существовали в прошлом на иранской основе в Афганистане у хазара [Оранский, 1983: 35] и у ормутов [Kieffer, 1982]. Арготический лексикон отмечен И.И. Зарубиным в «списке слов гератских евреев» (1924). Сходное образование засвидетельствовано у горских евреев Кавказа (Миллер 1929); считается, что эта разновидность занесена из Гиляна [Оранский, 1983: 33–34]. Тайные (условные) языки строятся в Афганистане и на тюркско-монгольской (прежде всего узбекский) и семитской (тайные языки центральноазиатских евреев), а также дравидийской основе [Pstrusińska, 2013]. Для Афганистана упоминаются также отдельные арготические идиомы на основе дари и пашто языков у этнографически обособленных перипатетических групп, таких как: *ādurgari*, название которой связывается с термином «коробейники, торговцы вразнос», *yorbat*¹²⁴/*qāzulāgi*, *baloch*, *jogi*, *kutana*, в основном связанных с *jāt* (или *qawāl*)¹²⁵ [Rao, 1986; 1995; Hanifi, 2008].

Во всех трех ареалах отмечаются наречия, ассоциировавшиеся с цыганоидными [Ivanow, 1914; 1920; 1922; Климчицкий, 1940], сводку диалектных особенностей этой таджикской речи и материалы по их секретным языкам (аргю) в Таджикистане см. [Оранский, 1983], в Иране [Rezai Baghbidi, 2025].

В начале XX века В. А. Иванов ввел в научный оборот рукопись сборника философских и суфийских трактатов под названием “*Kitāb-e Sāsiyān*” (“The Book of Parasitic Beggars or Book of Grifters”, «Книга паразитирующих нищих или Книга мошенников»)¹²⁶, содержащую словарь аргю (*luyat (al-yurabā)* ‘vocabulary (of the strangers)’) со значимым арабским компонентом. Дата

¹²⁴ От араб.-перс. *yorbat* ‘чужбина, скитание’, *yaribi* ‘странник, иноземец’ [Ivanow, 1914: 442], в современном перс. *yorbat* ‘чужбина, скитание’, *yarib(i)* ‘странник, иноземец, чужой’, *yorbati* ‘цыган; странник, скиталец’.

¹²⁵ Эти два обозначения проявляют этносоциальный статус группы. Причем все перипатетические сообщества отвергают обозначение их термином *jāt*, но сами применяют его по отношению к прочим группам. Этим эпитетом характеризуется в афганском дари своенравный сварливый человек, вызывающая одежда и речь или поведение, особенно молодых женщин [Hanifi, 2008].

¹²⁶ От перс. *sās* (со ссылкой на текст Санаи) ‘насекомое-паразит’ [Ivanow, 1922: 377], ‘клоп’ (?), перс. *sāsān* ‘бедняк, нищий’, ‘отшельник, дервиш’, тадж. *сосон* ‘то же’ [Троицкая, 1948: 261; Оранский, 1983: 38]; данное значение отмечено в словаре Штейнгасса, но отсутствует в современных перс. и тадж. словарях. И.П. Петрушевский определяет *saccuan* (*Sassian/Sassanian*) как бедняков, бродяг и нищих, которые составляли профессиональную группу, сопровождавшую борцов и ремесленников и использовавшую тайноречие [Петрушевский, 1966: 197].

составления рукописи примерно связывается им с XVI или XIV веками [Ivanow, 1922: 376–377; Bolukbashi, 2000: 111; также Schwartz, 2012].

Вторым источником по древнему аргю является поэтическое произведение (касыда) Абу Дулафа (X в.), написанная на аргю на арабской основе *бану сасан* ('Сасаново племя')¹²⁷, приведенная в работе Салиби «*Jatīmat at dahr*» (XIV в.), где указано, что «бану сасан был своего рода цех, в который входили нищие различных видов, бродяги, странствующие актеры, фокусники, дрессировщики» [Троицкая, 1948: 260].

2.1 Тайные, условные языки, аргю и их функции

Тайные (секретные), как и условные, языки в ираноязычном мире направлены на эксклюзивную коммуникацию в рамках группы с установкой на сокрытие смысла и формирование групповой идентичности, за счет противопоставления «своих» и «чужих».

Главным критерием при идентификации тайных (секретных), как и условных, языков являются выполняемые ими функции и их иерархия.

В лингвистическом плане базовыми отличиями тайных (условных) языков, как и аргю, считается то, что они созданы на основе естественного языка окружения, «не имеют искусственно созданной грамматической системы и существуют на базе разговорной речи» [Серебренников, 1970: 486]. Вокабуляр такой арготирующей группы выполняет помимо коммуникативной, когнитивную (эпистемологическую) и аккумулятивную функции, давая возможность на основе познания действительности аккумулировать знания, сохранять и передавать кодированную вербальную информацию.

Арготические разновидности вызваны социальными факторами, образом жизни, укладом или профессией его носителей, их локализацией. Эти социолекты могут использоваться как секретные, но определение «секретный» относится не к форме, а к функции. Такой язык является профессиональным инструментом и обеспечивает безопасность нередко подвергаемой преследованиям группы (см., например, [Оранский, 1983: 31–32; Pstrusińska, 2013: 20]). Именно этот факт социально обуславливает сближение с маргинализированными группами и их языком. В данном аспекте механизм поддержания

¹²⁷ Проникновение этих групп на иранские земли возводится к началу V века. Иранский историк ал-Исфахани (X в.), сообщает, что по просьбе сасанидского царя Бахрама V (420–438) правитель Индии отправил в разные части Ирана 12 000 певцов и танцоров; те же сведения отражены и в «Шахнаме» Фирдоуси, где говорится, что индийский царь послал Бахраму для развлечения его подданных 10 000 певцов и певиц (Шахнаме, ред. Н.М. Османов и А. Нушин, 1968: VII/451, стихи 2557–2561) [Rezai Baghbidi, 2025: 19].

«границ» связан с социоэкономическим статусом и социолингвистической идентичностью группы с установкой на обособление.

Сходные сферы использования тайноречия выделяются в этом круге социолектов на русском материале. Так, М.Н. Приёмышева выявляет дифференциальные отличия «тайных (условных) языков арг» от ближайших к ним по «нелитературной» зоне социальных диалектов – «корпоративных жаргонов» и «профессиональной речи (профессионального просторечия)», – представленных в целом ряде типологий. В сфере их использования выделяют: социально-символическую, игровую (людическую), коммуникативную, экспрессивную. Она же дает обзор функциональных аспектов тайноречия, отмечая их близость к функциям воровского арг (по М. А. Грачёву) [Приёмышева, 2009а: 10–11, 5; 2009: 36–46].

Близкий набор функций выделен в качестве основного для «профессионального арг»: идентифицирующая (определяющая внутригрупповую статусную позицию), коммуникативно-сигнификативная (криптолалическая, т.е. передающая информацию посвященным при исключении непосвященных из содержания акта коммуникации), людическая (основанная на языковой игре, а для условных языков подчеркивающая еще и развлекательный аспект) и эмотивная (транслирующая отношение говорящего к сообщаемому факту с установкой на передачу эмоционального состояния посредством выразительных средств) [Ретинская, 2011: 208].

Классификация социолектов, данная в [Солнышкина и др., 2014: 130], служит основой при разработке нами модели для ираноязычных сообществ и их языков. Мы принимаем широкую трактовку термина арг для идиомы закрытых сообществ, включая под эгидой термина арг тайные языки (тайноречие, криптолект) и условные языки, и предлагаем в качестве рабочей модели вариант классификации социолектов для ираноязычного мира (Таблица 2)].

Такое разделение находит подтверждение в разработанной М.Н. Приёмышевой типологии русского тайноречия, в которой выделены *номатический* (от лат. *nomēn* ‘имя, название’) и *семантический* типы. К первому отнесены типы языковых единиц, в которых «условной» оказывается форма слова; этот тип соотносится с понятием «условные языки». Ко второму – такие разновидности, в которых условными оказываются значения общеизвестных слов. Этот тип может быть соотнесен с термином «тайные языки», так как кодированные (условные) значения общеупотребительных слов не позволяют окружающим выявить сам аспект «символической» коммуникации [Приёмышева, 2008: 107–109].

Предлагается расширить реализованные в низком регистре формы за счет уточнения рода жаргона, включив такие как молодежный, профессиональный и экспрессивно-разговорные формы для открытых сообществ, а для закрытых сообществ ввести в качестве уточнения к термину арг (используемого расширительно и служащего «зонтиком»), подкатегории тайный и условный языки.

Первый тип (условные языки) выделяется с опорой на назначение социолектов – служить средством коммуникации при установке на тайноречие для лиц определенной группы, корпорации, имеющей общие гендерные и возрастные отличия. Такой тип, как правило, встречается в молодежных группах, где намерением является социальная игра и развлечение.

Второй (тайные языки) сохраняет связь с тайноречием и нацеленностью на социальную исключительность в рамках социума. К нему относятся традиционные тайные языки сословных объединений, торговцев, воинов и охотников, ремесленников-отходников, а также социально изолированных конфессиональных групп. В настоящее время сохранились либо письменно зафиксированные сведения о них в научной литературе, либо остатки лексического тезауруса ремесленно-торговой и/или охотничьей лексики. Все эти разновидности носят характер тайноречия, отдельные разновидности данной категории применяются в религии и целительстве¹²⁸.

Таблица 2.

Классификация ираноязычных социолектов

Признаки сообщества/ социолекта	Открытое	Закрытое
Реализован в двух регистрах (высоком и низком)	профессиональный подъязык	шифр
Реализован только в низком регистре	жаргон (молодежный, профессиональный), экспрессивно-разговорные формы	арго: а) условный язык (демографически маркированный) б) тайный язык (сословно- профессиональный, этноконфессиональный)

Среди миноритариев, владеющих национальными персидским, дари или таджикским, и родными региональным или локальным языком, или идиомом, не имеющим официального статуса, например, тати или ягнобский, последний ассоциируется, главным образом, с

¹²⁸ См. подробнее [Оранский, 1983: 35; Pstrusińska, 2013:18].

семейными ценностями, а общенациональный (персидский/таджикский язык) с религией, работой и образованием, т. е. комплексом ценностей, связанным со статусом.

2.1.1 Социодинамика современности: преобразования в сфере применения

Все сферы применения традиционного тайноречия в социуме в современных условиях сокращаются и фрагментируются. Но несмотря на динамичную смену социокультурных стереотипов для ираноязычного мира тайных языков все еще характерно их сохранение в памяти населения и применение в рамках небольших анклавов старого мира представителей профессиональных сообществ старшего поколения, в фольклоре, а также в семье¹²⁹. В последнем случае, при сохранении традиционных гендерных образцов поведения и этикетных форм обхождения (*та'роф*), все еще находит место система кодирования информации и передачи ее как знаковой (в виде вербальных (звуковых сигналов в ходе деятельности, слов, выражений) и невербальных (жестовых и мимических) сигналов).

В современных условиях активизации процессов глобализации, трансмиграции и языковых сдвигов и исчезновением традиционных изолированных сословных групп и их тайных социолектов в качестве секретных применяются многие естественные миноритарные языки (такие как зороастрийский дари, мазандеранский, тати, талышский, ягнобский)¹³⁰.

В условиях диаспоральных сообществ, проживающих в Евразии, Америке, Австралии, в ситуацию миноритариев попадают и группы, говорящие на крупных национальных языках, таких как персидский, дари, таджикский, а также представители этнорелигиозных групп, говорящие на памирских языках, белуджском, хазара, еврейско-таджикских и еврейско-персидских диалектах, джухури, языках ираноязычных «странствующих» групп и пр. В этих новых социокультурных и социолингвистических условиях такие этнические языки применяются в качестве секретных и получают дополнительные криптолалические функции.

2.2 Закономерности построения и модели языкового кодирования

Как отмечает А.Л. Хромов, в лингвистическом плане тайные (секретные) и условные языки занимают промежуточное положение между естественными языками и искусственными, сознательно создаваемыми семиотическими системами [Хромов, 1976].

¹²⁹ Подробнее о фамилектах см. [Sabzalipour, Delgarm, 2016; Hosseini-Ma'sum, 2014].

¹³⁰ О роли этнических языков в функции секретных в Афганистане см. [Kieffer, 1982; Pstrusińska, 2013:18].

2.2.1 Условные языки

К этому типу относится лексика национального языка, подвергнутая своего рода языковой игре, искусственному языковому манипулированию.

Такие условные языки встречаются в основном среди молодежных (уличные детские, школьные и студенческие коллективы, различающиеся по возрастным когортам) и отчасти профессиональных групп, в намерения которых входит языковая игра с системой конвенциональных правил, которые соблюдаются при коммуникации, и/или развлечение в часы досуга.

В таких случаях применяются в основном фонетико-морфологический и фонетический (субституция фонем, вставка/замена звуков, метатеза, перестановка согласных, слогов или частей слов, чтение наоборот и пр.), морфолого-синтаксический способы словопроизводства (описание и примеры см. подробнее в [Хромов, 1976, а также Галунов, 1932]). Сходные приемы выработаны и в русских аргос, см. [Бондалетов, 1980: 62–64; 2016; Приёмышева, 2008: 106; 2009].

Подробнее материалы ягнобского и памирских условных языков см. [Хромов, 1972; 1974; 1976; Климчицкий, 1940], на таджикской основе [Оранский, 1983: 30–48; Хромов, 1974; 1976]. Аналогичные языки обнаружены у осетин (*чызджыты æвзаг* ‘девичий язык’), у курдов и др.¹³¹.

2.2.2 Тайные языки

С термином «тайные языки» может быть соотнесен в первую очередь семантический тип тайноречия, так как кодирование значений конвенциональной лексики препятствует выявлению акта «символической» коммуникации. Наряду с этим при выработке словаря в данном подтипе привлекаются приемы, связанные с номатическим типом, когда осуществляется кодирование внутренней формы лексемы, что может соответствовать полутерминологическому наименованию – «условные языки» [Приёмышева, 2008: 108].

В такие словари нередко входили кроме лексики и идиоматические выражения. «Эволюция шла от секретного языка злоумышленников к особой фразеологии и затем к речи как сигналу или знаку определенной социальной принадлежности» [Скворцов, 1980: 165].

¹³¹ Ср. аналогию осетинской разновидности и «бесовского языка» (груз. *kajuri ena*) на грузинской почве [Ахвледиани, 1960], а также описание языка *фарсыбз* у адыгов, который появился в результате их древних культурных связей с Ираном и который понимается как «язык фарси» [Кишев, 1986: 115].

Это языки, а точнее их словарь, которые создавались специально, чтобы не быть понятными окружающим, и чтобы только ограниченный круг людей имел доступ к передаваемой информации. Формирование лексического тезауруса в тайных языках сосредоточено главным образом на лексико-семантических и словообразовательных элементах, вводятся новые для языка слова, неологизмы, меняются значения существующих слов, для образования слов эзотерического назначения применяется ономотопеический принцип, всевозможные эвфемизмы, намеки, аллегории и коннотации. Тайные словари включают в себя в трансформированном виде конкретную лексику (названия частей тела, явлений природы, ремесленную терминологию), небольшой набор глаголов, а также числительные и местоимения. Так, в секретном языке ягнобцев С.И. Климчицкий отмечает переосмысление лексического материала, значительный объем иносказаний и метафор, введение рядов синонимичных эпитетов, название предмета передается по характерному признаку или действию [1940: 106–110; Троицкая, 1948: 251].

Использовались также синтаксические ресурсы общенародного или родного языка, широко привлекались заимствования, за счет чего шло обогащение символического языка на основе местных традиций. Применялись и разные способы введения дополнительных звуков/букв, замены или перестановки слогов, принятые в условных языках.

Ряд групп, применявших тайноречие, пользовался и тайнописью на основе арабско-персидской графики, что особенно актуально для религиозной и целительской деятельности.

В арготическом словаре “*Kitāb-e Sāsiyān*”, помимо тематического словаря, представлен также вокабуляр особого арготического секты *ахли илахи* и приведены засекреченные названия городов и местностей, таких как Самарканд, Бухара, Мерв, Балх, Нишапур, Герат, Гилян, Дайлам) [Ivanow, 1922: 383; Оранский, 1983: 38; Троицкая, 1948].

По письменным источникам известен специальный арабско-персидский технический словарь суфийских терминов, который в современных условиях не является в полной мере тайным, так как доступен широкому кругу читателей. В период становления закрытой суфийской группы конструирование символических образов происходило на основе концептуально значимых идей и доктрин и выражалось в формировании ключевого вокабуляра конвенционального словаря. Такой символический язык (например, язык суфиев, секты ахл-и хакк, исмаилитов и пр.) представляет собой сложную систему метафор и аллегорий, используемых для выражения особого эзотерического (мистического) опыта и восприятия духовных истин, которые трудно передать профанным языком. Этот язык включает в себя

символы, связанные с жизненными ценностями, отдельными аспектами человеческого существования, передает глубинные духовные концепции и систему взглядов. Передача духовных замыслов через метафоры и аллегории в этом символическом языке делает их доступными для понимания широкой аудитории, на которую они направлены в целях обращения. Суфийский язык – сложная система взаимосвязанных образов с разработкой словаря символов, что позволило суфиям передавать свой опыт условным мистико-аллегорическим языком. В этом языке была разработана собственная терминология, описывающая в зависимости от необходимости различные морально-нравственные характеристики, духовный мир и путь, уровни и состояния сознания и пр.

В силу установки на максимальное «засекречивание» коммуникативного акта при реализации идеациональной, концептуально-мыслительной функции (отражающей использование языка для представления опыта, мыслей и восприятия) посредством языка выстраивается картина мира, охватывающая события и обстоятельства непосредственно той среды, в которой находится индивид, которые он переживает. В рамках реализации этой функции говорящий создает знания о мире вокруг и внутри себя, значения слов, отбирает грамматические средства, а также устанавливает логико-синтаксические отношения на уровне речи [Halliday, 2003: 17–18; Hasan, 2009], реализуя при этом структуры с определенным набором семантических компонентов.

Поскольку алогичные сообщения отвергаются, ищутся пути к семантическому преобразованию слов (в предложении) и к восстановлению пропущенных смысловых звеньев, их иносказательному истолкованию, в частности с опорой на поэзию, юмор [Арутюнова, 1976: 120–121] или дидактику и фольклор.

Имена нарицательные обладают полной семантической структурой, складывающейся из понятия (концепта), образуемого общими признаками класса реалий, и конкретного, индивидуального содержания, создаваемого в речи свойствами денотата, или референта; эти имена приложимы к предмету, относительно которого истинно их значение. Таким образом содержание «представляет собой стабильный элемент их семантической структуры, в то время как приобретаемое в речи денотативное содержание варьируется, дополняя понятийный “скелет” до индивидуальных и индивидуализируемых образов конкретных предметов. Денотативное наполнение идентифицирующей дескрипции, т. е. ее переменное (речевое) содержание, соответствует тому представлению о референте, которое является постоянным спутником имени собственного. Денотативные возможности имен нарицательных

обеспечиваются тем, что их значение описывает некоторые свойства предметов [Арутюнова, 1976: 327–328].

Все эти рассуждения могут быть в полной мере отнесены к сложному эзотерическому языку суфиев и прочих конфессиональных групп, разработавших вторичную систему значений со сдвигом по отношению к первичному значению с установкой на засекречивание сообщения высказывания.

Арготический лексикон профанных групп теми же методами (с привлечением дополнительных) создает вторичную кодовую лексическую систему, секретный (тайный) словарь, который является, как правило, пережиточным явлением и паразитирует на родном языке/диалекте, пользуясь его фонетикой и грамматикой [Оранский, 1983: 31]. В этой среде широко применялся способ прямой передачи мастером знаний и профессионального опыта ученику через истории и притчи, которые передавались втайне один на один или в узком кругу посвященных, чтобы избежать неправильного понимания. Разрабатывалась терминология, описывающая в зависимости от профессионально-корпоративной необходимости различные нравственные характеристики, уровни оценки работы, стадии труда и/или торговой сделки. Так представители данных групп передавали свои знания аллегорическим, кодовым языком, который не был доступен для непосвященных, но не внушал им подозрений. (Примеры см. в [Галунов, 1932; Sabzalipour, 2015]).

3 | В качестве заключения

На фоне современного сокращения числа традиционных обособленных групп и использования ими языков с функциями тайных, условных, имеющих узкие функциональные границы, происходит их вытеснение из социолингвистического ландшафта на места. Однако в современных условиях они сохраняются в памяти населения и применении старшим поколением в сословно-профессиональных сообществах, религиозных церемониях, фольклоре, целительстве и в семье. Тайная коммуникация все еще находит место при гендерно ориентированной традиционной системе этикета.

Условные языки остаточно встречаются в молодежных группах, однако данный языковой регистр заменяется общемолодежным жаргоном.

В условиях активно идущих процессов глобализации, трансмиграции и языкового сдвига во многих языках малочисленных групп эти естественные языки применяются в качестве секретных (в социуме и семье). Вместе с тем в диаспоральных сообществах Евразии,

Америки и Австралии в ситуацию миноритарных попадают и крупные национальные языки – персидский, дари, таджикский, а также языки этнорелигиозных групп.

ЛИТЕРАТУРА

- Арапов М.В.* (1990) Тайные языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М. С. 502.
- Арапов М.В.* (2016) Тайные языки (условные языки) // Большая российская энциклопедия. Том 31. М. С. 589.
- Арго // Викисловарь. Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/apro> Дата обращения: 01.07.2025.
- Арутюнова Н.Д.* (1976) Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука.
- Асгари Л.* (2020) Условные языки и жаргоны, профессиональные языки в Иране // Иранское языкознание 2020. Труды международной научной конференции «Чтения памяти Б.Б. Лашкарбекова к 70-летию со дня рождения». Институт языкознания РАН, Москва, 18–20 октября 2018. М.: Языки Народов Мира; НВИ. С. 151–155.
- Ахвледиани Георгий.* (1960) Заметка о «девичьем языке» в осетинском // Ахвледиани Г. Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси: Наша наука. №11–12, 1925 (на груз. яз.); Тбилиси.
- Ахманова О.С.* (1966) Словарь лингвистических терминов. М.: Советская Энциклопедия. 608 с.
- Беликов В.И., Крысин Л.П.* (2001) Социоллингвистика. М.; 2е изд. 2019.
- Береговская Э. М.* (1975) Социальные диалекты и язык современной французской прозы. Смоленск.
- Бондалетов В.Д.* (1966) Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев. (Автореф. докт. дисс.). М.
- Бондалетов В.Д.* (1974) Условные языки русских ремесленников и торговцев. Вып. 1. Условные языки как особый тип социальных диалектов / под ред. чл.-кор. АН СССР Ф.П. Филина. Рязань.
- Бондалетов В.Д.* (1980) Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство: Учебное пособие к спецкурсу. Рязань. 75 с.
- Бондалетов В.Д.* (1987) Социальная лингвистика. М.
- Бондалетов В.Д.* (1990) Иноязычная лексика в русских арго: Учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев. 112 с.
- Бондалетов В.Д.* (1992) Финно-угорские заимствования в русских арго. Самара. 60 с.
- Бондалетов В.Д.* (2016) Арго – уникальный источник изучения народного языка // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сборник материалов и исследований международной научной конференции. Кострома, 7–9 нояб. 2016 г. Кострома: КГУ. С. 56–63.
- Бондалетов В.Д.* (2017) Идиолекты носителей арготического тайноречия // Вестник Костромского государственного университета. Специальный выпуск. С. 33–36.
- Вандриес Ж.* (1937) Язык. Лингвистическое введение в историю. Пер. с фр. М.
- Васильева и др. (1995) – *Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М.* Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Рус. яз. 176 с.
- Галунов Р.А.* (1932) Материалы для словаря эстелататов в Персии (Отражение классовых и профессиональных группировок в языке) // Записки Института востоковедения АН СССР. I. М. С. 291–321.

- Герд и др. 2009 – Герд А.С., Ивашко Л.А., Лутовинова И.С., Поцепня Д.М., Васильева О.В., Генералова Е.В., Гребеничиков А.О., Денисенко Ю.Ф., Зиновьева Е.И., Мокиенко В.М., Пурицкая Е.В., Тарасова М.А., Фоякова О.И., Щекин А.С. (2009), Лексикография русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации, ред. Д.М. Поцепня, Учебно-методический комплекс по курсу «Лексикография русского языка», Санкт-Петербург.
- Жеребило Т.В. (2010) Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим». 486 с.
- Кишев А.С. (1986) О «тайных» языках адыгов // Этнографическое обозрение. 4. С. 11–116.
- Климчицкий С.И. (1940) Секретный язык ягнобцев и язгулямцев // Труды Таджикской базы АН СССР, IX. История – Язык – Литература. М.–Л. С. 104–118.
- Оранский И.М. (1961) Новые сведения о секретных языках (арго) Средней Азии. Этнографическая группа «каволь» в Кулябе и ее аргы // Краткие сообщения Института народов Азии», LX.
- Оранский И.М. (1964) Новые сведения о секретных языках (арго) Средней Азии: Материалы для изучения аргы этнографической группы Джуги (Гиссарская долина) // Иранская филология. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета.
- Оранский И.М. (1966) Таджикоязычная этнографическая группа чистони в районе Сары-Асия (Узбекская ССР), ее диалект и аргы (Из материалов научной командировки 1964 г. в Среднюю Азию) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов II годичной научной сессии ЛО ИНА март 1966 года. Ленинград. С. 64–65.
- Оранский И.М. (1971) О термине «мазанг» в Средней Азии // Страны и народы Востока. Средняя и Центральная Азия: география, этнография, история. М. С. 202–207.
- Оранский И.И. (1977) Фольклор и язык гиссарских парья (Средняя Азия). Введение, тексты, словарь. М.
- Оранский И.И. (1983) Таджикоязычные этнографические группы Гиссарской долины Средней Азии. Этнолингвистическое исследование. М.
- Петрушевский И.П. (1966) Ислам в Иране в VII–XV веках. Курс лекций. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета.
- Приёмшьева М.Н. (2008) Опыт структурной классификации тайных языков (на материале тайных языков России XIX в. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Серия Общественные и гуманитарные науки (философия, история, культурология, языкознание, литературоведение, право). 11(72). С. 105–112.
- Приёмшьева М.Н. (2009) Тайные и условные языки в России XIX в. Ч. 1. СПб.: Нестор-История. 455 с.
- Приёмшьева М.Н. (2009а) Тайные и условные языки в России XIX в. Историко-лингвистический аспект. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПб., 2009. 48 с.
- Ретинская Т.И. (2008) Ключевой этап описания некодифицированного языка (на материале французских профессиональных аргы) // Ученые записки орловского государственного университета научный журнал Серия «Гуманитарные и социальные науки» № 1. Орел. С. 98–102.
- Ретинская Т.И. (2011) О понятиях «профессиональное аргы» и задачах современной арготологии // Ученые записки Орловского государственного университета. №1. С. 206–210.

- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. (1985) Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Просвещение. 400 с.
- Ромаскевич А.А. (1945) К вопросу о жаргоне иранских дервишей // Иранские языки I, под ред. В.И. Абаева, М.: АН СССР. С. 141–144.
- Серебрянников Б.А. (1970) Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.
- Скворцов Л.И. (1980) Теоретические основы культуры речи. М.: Институт русского языка РАН.
- Словарь социолингвистических терминов (2006) / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.
- Солнышкина и др. – Солнышкина М.И., Зиганишина Ч.Р., Гараева Л.М. (2014) Социолектология: современное состояние и проблемы // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. № 4 (23). С. 125–134.
- Троицкая А.Л. (1948) Abdoltili – аргс цеха артистов и музыкантов Средней Азии // Советское востоковедение. Ленинград. Вып. 5. С. 251–274.
- Туманян Э.Г. (1985) Язык как система социолингвистических систем. Синхронно–диахроническое исследование. М.
- Ушаков Д.Н. (2020) Большой толковый словарь русского языка. М.: «Хит книга». 816 с.
- Химик В.В. (2000) Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. Санкт-Петербург.
- Хромов А.Л. (1972) Ягнобский язык. / Отв. ред.: Д.Т. Таджиев, Р.Х. Додыхудоев. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 208 с.
- Хромов А.Л. (1974) Об условных языках некоторых ираноязычных народов. Тезисы доклада // Актуальные вопросы исследования иранских языков и диалектов. Тезисы докладов. Академия наук СССР. Институт языкознания. М. С. 30.
- Хромов А.Л. (1976) Условные языки у иранских народов // Восточная филология. Выпуск IV. Душанбе. С. 3–19.
- Шахнарович А.М. (1990) Аргс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. С. 43.
- Шахнарович А.М. (1998) Аргс // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М.
- Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. (1978) Введение в социолингвистику. М.
- Amanolahi S. (1978) A Note on the Secret Language of the Traditional Musicians of Iran. Journal of the Gypsy Lore Society, Vol. 1, no. 4. pp. 283–286.
- Amanolahi S., Norbeck E. (1975) The Luti, an outcaste group of Iran. Rice University Studies. vol. 61/2. pp. 1–12.
- Blake B.L. (2010) Secret language: Codes, tricks, spies, thieves, and symbols. Oxford: University Press.
- Bosworth C.E. (1976) The Mediaeval Islamic Underworld, the Banū Sāsān in Arabic Society and Literature. I, II: The Arabic jargon texts, 2 vols. Leiden.
- Calvet Louis-Jean (1994) *L'argot (que sais-je?)*. Presses Universitaires de France.
- Dauzat A. (1929) Les argots: caractères, évolution, influence. Paris.
- Eble C. (2004) Slang and Antilanguage / Slang and Argot. In U. Ammon & N. Dittmar (Eds.), *Sociolinguistics: An international handbook of the science of language and society* (2nd completely revised and extended ed.). Berlin/New York: de Gruyter. Vol. 1. pp. 262–267.
- Gauthiot R. (1913) Compte rendu de la mission au Turkestan russe. Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 57–59. pp. 671–680.
- Halliday M.A.K. (2003) On the “architecture” of human language. In *On Language and Linguistics*. Volume 3 in The Collected Works of M.A.K. Halliday. London and New York: Equinox.

- Hancock I.F.* (1995) On the Migration and Affiliation of Domba: Iranian Words in Rom, Lom and Dom Gypsy. In Yaron Matras (ed.). *Romani in Contact. The History, Structure and Sociology of a Language*. Amsterdam. pp. 25–51.
- Hanifi M. Jamil.* Jāt. *Encyclopædia Iranica*, 2008. Available at: <https://www.iranicaonline.org/articles/jat/> Access date: 01.04.2025.
- Hasan R.* (2009) *Wanted: a theory for integrated sociolinguistics*. London: Equinox.
- Hearder W.P.* (1973) *L'argot dans l'oeuvre d'Albertine Sarrazin*. Hamilton: McMaster University.
- Ivanow Wladimir* (1914) On the Language of the Gypsies of Qainat (in Eastern Persia). *Journal [and Proceedings] of the Asiatic Society of Bengal*, N.S. 10, pp. 438–453.
- Ivanow Wladimir* (1920) Further Notes on Gypsies in Persia, *Journal [and Proceedings] of the Asiatic Society of Bengal*. NS. 16. pp. 281–291.
- Ivanow Wladimir* (1922) An Old Gypsy-Darwish Jargon. *Journal [and Proceedings] of the Asiatic Society of Bengal*. NS. 18. 1922 [1923]. pp. 375–383.
- Ivanow Wladimir* (1927) Jargon of Persian Mendicant Darwishes. *Journal [and Proceedings] of the Asiatic Society of Bengal*. N.S. 23. pp. 243–245.
- Koskensalo A.* (2015) Secret Language Use of Criminals: Their Implications to Legislative Institutions, Police, and Public Social Practices. *Sino-US English Teaching*, July 2015, Vol. 12, No. 7. pp. 497–509.
- Kieffer Ch. M.* (1982) AFGHANISTAN v. Languages. In: *Encyclopaedia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/afghanistan-v-languages> Access date: 10.03.2025.
- Lazard G.* (1978) Note sur le jargon des juifs d'Iran. *Journal Asiatique*. pp. 251–255.
- Littré E.* (1874) *Dictionnaire de la langue française*. Paris.
- Matras Y.* (1998) The Romani element in German secret languages, *Jenisch and Rotwelsch* // Y. Matras (Ed.), *The Romani element in non-standard speech*. Wiesbaden: Harrassowitz. pp. 193–230.
- Melikian Gurgen* (2002) On the Problem of Secret Languages and Slangs in Iran // *Iran & the Caucasus*. Vol. 6, No. 1/2. pp. 181–188.
- Michel Francisque* (1856) *Études de philologie comparée sur l'argot et sur les idiomes analogues parlés en Europe et en Asie*. Paris, (Esp. Argots de l'Asie, p. 487).
- Mirzaee Adeleh* (2021) Zargari, Morqi, Gondscheschki: Geheimsprachen im Iran // *ÖK Fenster*, the special magazine of the Austrian Cultural Forum in Tehran. 15 December. pp. 34–38.
- Petit Robert – *Le Nouveau Petit Robert* (1993) *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. Éd. M. Legrain. Paris: Dictionnaire Le Robert.
- Phillot D.C.* (1907) A Note of Sign-, Gesture-, Code-, and Secret language, etc., amongst the Persians. *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*. New Ser. 1907. III. pp. 619–622.
- Phillot D.C.* (1906) Note on the Jargon of Indian Horse Dealers. *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*, II, 530. 3/9.
- Pstrusińska J.* (1986) Some notes on an unknown language of northern Afghanistan. *Journal of the Anthropological Society of Oxford*, vol. XVII, no 2, Trinity.
- Pstrusińska J.* (1990) On the origin of vocabulary in the Central Asian secret languages. R. Dor (red.), *L'Asie centrale et ses voisins. Influences réciproques. Colloques langues'O*. Paris-INALCO.
- Pstrusińska J.* (2004; 2013) *O tajnych językach Afganistanu i ich użytkowników*, Kraków: Księgarnia Akademicka academic publishing house, 2004; Eng. Tr.: *Secret Languages of Afghanistan and Their Speakers*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013.
- Ramaseena, or a Vocabulary of the peculiar Language used by the Thugs, with an Introduction and Appendix, descriptive of the System pursued by that Fraternity and of the Measures which have been adopted by the Supreme Government of India for its Suppression (1836). Calcutta: G.H. Uttmann, 2 volumes.

- Rao Aparna (1986) Peripatetic minorities in Afghanistan. Image and Identity // E. Orywal (ed.), Die ethnischen Gruppen Afghanistans, Fallstudien zu Gruppenidentität und Intergruppenbeziehungen, Beihefte zum tübinger Atlas des vorderen Orients, Reihe B, (Geisteswissenschaften), No. 70. Wiesbaden, pp. 254–283.
- Rao Aparna (1995) Marginality and language use: the example of peripatetics in Afghanistan // Journal of the Gypsy Lore Society. 5 (2), pp. 69–95.
- Rezai Baghbidi Hassan (2025) The Gypsy Languages of Iran An Overview // Currents of Metamorphosis across the Indian Ocean / Hiroko Nagasaki, So Yamane, Yutaka Kawasaki (eds.). The University of Osaka Institutional Knowledge Archive: OUKA The University of Osaka Institutional Knowledge Archive: OUKA. Kyoto and Vizianagaram, pp. 19–47.
- Sadeqpur Abdolrasul (2007) Notes on the Secret language of House-builders in Ābāde // Iran & the Caucasus. Vol. 13, no. 1 (2009), pp. 135–139.
- Sainéan Lazare (1907) Argot ancien (1455–1850). Ses éléments, ses constitutifs, ses rapports avec les langues secrètes de l'Europe Méridionale et l'Argot moderne. Avec un Appendice sur l'Argot jugé par Victor Hugo et Balzac. Librairie ancienne, Honoré et Edouard Champion. Paris.
- Sainéan Lazare (1912) Les sources de l'argot ancien. Tome 1. Librairie ancienne, Honoré et Edouard Champion. Paris.
- Samaei Seyed Mehdi, Azimi Marzie (2023) The argot used by clothing merchant in Tehran // Dialectologia 30, pp. 177–189.
- Schwartz M. (2012) 'Loterā'i' // Encyclopaedia Iranica, ed. E. Yarshater, Online Edition. Available at: <https://iranicaonline.org/articles/loterai> Access date: 10.03.2025.
- Schwartz M. (2018) On some Iranian secret vocabularies, as evidenced by a fourteenth century Persian manuscript // Alireza Korangy, Corey Miller (eds.) Trends in Iranian and Persian Linguistics. 313. Berlin/Boston: Mouton, Walter de Gruyter GmbH, pp. 69–79.
- Steingass F.J. (1982) A Comprehensive Persian-English dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature. London: Routledge & K. Paul.
- Vidocq Eugène-François (2002) Dictionnaire argot-français. Éditions du Boucher.
- Yarshater Ehsan (1977) The Hybrid Language of the Jewish Community of Persia // Journal of the American Oriental Society. 97/1, pp. 1–7.
- Yarshater Ehsan (2009) x. JUDEO-PERSIAN JARGON (Loterā'i) // Encyclopædia Iranica XV/2, (2018), pp. 156–160.

In Persian

- Amiri, R., Fallahi, M.-H. (2023) The Investigation of a Coded Language: Ghosh Dili or Ayereh Dil in the Sarui Clan of the Qashqai Tribe. Faslnāme-ye zabānshenāsi-ye ejtemā'i / Journal of Sociolinguistics, No.1. pp. 81–93. DOI: <https://doi.org/10.30473/il.2023.54481.1392> (In Persian).
- Bolukbāshi, A. (2001) Zabānhāye ramzi dar Irān [Secret languages of Iran]. Ketābe māhe honar. Tehrān. No. 35, 36. pp. 18–27. (In Persian).
- Hosseini-Ma'sum, S.M. (2014) Yek Zabān-e Ramzi-ye Xānevādegi-ye Xās dar Mashhad [Secret Languages in Folkloric Culture; The Dialectal Analysis of a Family Secret Language in Mashhad] // Farhang va Adabiyāt-e Āmme, 2 (3). pp. 25–48. (In Persian).
- Kiyā, S. (1961), Rāhnāmā-ye Gerdāvari-ye Guyeshā [Instruction on collection of the dialects]. Tehran: Enteshārāt e Edāre-ye Farhang-e Āmme. (In Persian).
- Sabzalipur, J., and Delgarm, R. (2016) Zabān-e Maxfi-ye Arrānaji yā Qarqadili dar Manāteq-e Tātnešin-e Khalkhāl [Secret language Arranaji/Qrqadili in the Tati area of Khkalkhal]. Zabānshenāsi-ye Ejtemā'i, year 1, no. 1. pp. 37–48. (In Persian).

Sotude, M. (1962) Lahje-ye Seb Selyari [Selyari dialect of Seb]. *Farhang-e Irān Zamin*, no. 10. pp. 471–477. (In Persian).

REFERENCES

- Arapov, M.V. (1990) Taynyye yazyki [Secret languages]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow, p. 502. (In Russian).
- Arapov, M.V. (2016) Taynyye yazyki (uslovnyye yazyki) [Secret languages (conventional languages)]. In: *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya*, tom 31. Moscow, p. 589. (In Russian).
- Argo. *Wiktionary*. Available at: <https://ru.wiktionary.org/wiki/apro> Access date: 01.07.2025. (In Russian).
- Asgari, L. (2020) Uslovnyye yazyki i zhargony. Professional'nyye yazyki v Irane [Conventional languages and jargons. Professional languages in Iran]. In: *Iranskoye yazykoznaniye 2020. Trudy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Chteniya pamyati B.B. Lashkarbekova k 70-letiyu so dnya rozhdeniya»*. Institut yazykoznaniya RAN, Moskva, 18–20 oktyabrya 2018. Moscow: YAzyki Narodov Mira; NVI, pp. 151–155. (In Russian).
- Akhvlediani, Georgiy (1960) Zametka o “devich'yem yazyke” v osetinskom [Note on the “Maiden Language” in Ossetian language]. In: Akhvlediani G. *Sbornik izbrannykh rabot po osetinskomu yazyku*. Tbilisi, 1960; na gruz. yaz.: Nasha nauka, №11–12, 1925. (In Russian; Georgian).
- Akhmanova, O.S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. 608 p. (In Russian).
- Belikov, V.I., Krysin, L.P. (2001) *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow; 2nd ed. 2019.
- Beregovskaya, E.M. (1975) *Sotsial'nyye dialekty i yazyk sovremennoy frantsuzskoy prozy* [Social Dialects and the Language of Modern French Prose]. Smolensk. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (1966) *Uslovno-professional'nye yazyki russkikh remeslennikov i torgovtsev* [Coded professional languages of Russian artisans and traders]. Synopsys of the thesis. Moscow. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (1974) *Uslovnyye yazyki russkikh remeslennikov i torgovtsev. 1: Uslovnyye yazyki kak osoby tip sotsialnykh dialektov* [Coded languages of Russian artisans and traders. 1. Coded languages as a special type of social dialect]. Ed. by Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences F.P. Filin. Ryazan'. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (1980) *Uslovnyye yazyki russkikh remeslennikov i torgovtsev. Slovoпроизводство: Uchebnoye posobiye k spetskursu* [Coded languages of Russian artisans and traders. Word production: A textbook for a special course]. Ryazan'. 75p. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (1987) *Sotsial'naya lingvistika* [Social linguistics]. Moscow. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (1990) *Inoyazychnaya leksika v russkikh argo: Uchebnoye posobiye k spetskursu* [Foreign-language vocabulary in Russian argot: A tutorial for a special course]. Kuybyshev. 112 p. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (1992) *Finno-ugorskiye zaimstvovaniya v russkikh argo* [Finno-Ugric borrowings in Russian argot]. Samara. 60 p. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (2016) Argo – unikal'nyy istochnik izucheniya narodnogo yazyka [Argot – a unique source for studying the folk language]. *Gromovskiy chteniya. Vyp. 3. Zhivoye narodnoye slovo i kostromskoy kray: sbornik materialov i issledovaniy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Kostroma, 7–9 noyabrya 2016 g.* Kostroma: KGU, pp. 56–63. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (2017) Idiolekty nositeley argoticheskogo taynorechiya [Idiolects of speakers of argot secret speech]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Spetsial'nyy vypusk*, pp. 33–36. (In Russian).

- Vandriyes, Z.H. (1937) *Yazyk. Lingvisticheskoye vvedeniye v istoriyu* [Language. Linguistic introduction to history]. Tr. from French. Moscow. (In Russian).
- Vasil'yeva et al. (1995) – Vasil'yeva, N. V., Vinogradov, V. A., Shakhnarovich, A. M. *Kratkiy slovar' lingvisticheskikh terminov* [A brief dictionary of linguistic terms]. Moscow: Rus. yaz. 176 p. (In Russian).
- Galunov, R.A. (1932) *Materialy dlya slovarya estelahatov v Persii (Otrazheniye klassovykh i professional'nykh gruppировок v yazyke)* [Materials for the dictionary of estelahats in Persia (Reflection of class and professional groupings in the language)]. *Zapiski Instituta vostokovedeniya AN SSSR*. I. Moscow, pp. 291–321. (In Russian).
- Gerd et al. 2009 – Gerd, A. S., Ivashko, L. A., Lutovinova, I. S., Potsepnya, D. M., Vasil'yeva, O.V., Generalova, Ye. V., Grebenshchikov, A. O., Denisenko, Yu. F., Zinovyeva, Ye. I., Mokiyenko, V.M., Puritskaya, Ye.V., Tarasova, M.A., Fonyakova, O.I., Shchekin, A.S. (2009). *Leksikografiya russkogo yazyka: uchebnik dlya vysshih uchebnykh zavedenij Rossijskoj Federacii* [Leksikografy of the Russian language: textbook for higher education of Russian Federation]. Ed. by D.M. Potsepnya, *Uchebno-metodicheskiy kompleks po kursu «Leksikografiya russkogo yazyka»*, Sankt-Peterburg. (In Russian).
- Zherebilo, T.V. (2010) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Izd. 5-ye, ispr. i dop. Nazran: ООО «Piligrim». 486 p. (In Russian).
- Klimchitskiy, S.I. (1940) *Sekretnyy yazyk yagnobtsev i yazgulyamtsev* [The secret language of Yaghnobis and Yazghulamis]. *Trudy Tadzhikistanskoy bazy AN SSSR*, IX. Istoriya – Yazyk — Literatura. Moscow–Leningrad, pp. 104–118. (In Russian).
- Oranskiy, I.M. (1961) *Novye svedeniya o sekretnykh yazykakh (argo) Sredney Azii. Etnograficheskaya gruppa «kavol'» v Kulyabe i yeye argo* [New information about the secret languages (argot) of Central Asia. The ethnographic group “Kawol” in Kulyab and its argot]. In: *Kratkiye Soobszczeniya Instituta Narodov Azii*, LX. (In Russian).
- Oranskiy, I.M. (1964) *Novye svedeniya o sekretnykh yazykakh (argo) Sredney Azii: Materialy dlya izucheniya argo etnograficheskoy gruppy Dzhugi (Gissarskaya dolina)* [New information about the secret languages (argot) of Central Asia: Materials for the study of the argot of the ethnographic group of Jugi (Hissar Valley)]. In: *Iranskaya filologiya*. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta. (In Russian).
- Oranskiy, I.M. (1966) *Tadzhikoyazychnaya etnograficheskaya gruppa chistoni v rayone Sary-Asiya (Uzbekskaya SSR), yeye dialekt i argo (Iz materialov nauchnoy komandirovki 1964 g. v Srednyuyu Aziyu)* [Tajik-speaking ethnographic group Chistoni in the region of Sary-Asiya (Uzbek SSR), its dialect and argot (From the materials of the scientific mission of 1964 to Central Asia)]. In: *Pis'mennyye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. Tezisy dokladov II godichnoy nauchnoy sessii LO INA mart 1966 goda*. Leningrad, pp. 64–65. (In Russian).
- Oranskiy, I.M. (1971) *O termine «mazang» v Sredney Azii* [On the term "mazang" in Central Asia]. In: *Strany i narody Vostoka. Srednyaya i Tsentral'naya Aziya: geografiya, etnografiya, istoriya*. Moscow. pp. 202–207. (In Russian).
- Oranskiy, I.M. (1977) *Fol'klor i yazyk gissarskikh par'ya (Srednyaya Aziya). Vvedeniye, teksty, slovar'* [Folklore and language of the Hissar Parya (Central Asia). Introduction, texts, dictionary]. Moscow (In Russian).
- Oranskiy, I.M. (1983) *Tadzhikoyazychnyye etnograficheskiye gruppy Gissarskoy doliny Sredney Azii. Etnolingvisticheskoye issledovaniye* [Tajik-speaking ethnographic groups of the Hissar Valley of Central Asia. Ethnolinguistic study]. Moscow (In Russian).

- Petrushevskiy, I.P. (1966) *Islam v Irane v VII–XV vekakh. Kurs lektsiy* [Islam in Iran in the 7th–15th centuries. Lecture course]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1966. (In Russian).
- Priomyshcheva, M.N. (2008) Opyt strukturnoy klassifikatsii taynykh yazykov (na materiale taynykh yazykov Rossii XIX v. [An attempt of structural classification of secret languages (based on the secret languages of Russia in the 19th century)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena. Seriya Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki* (filosofiya, istoriya, kul'turologiya, yazykoznaniye, literaturovedeniye. Pravo). 11(72), pp. 105–112. (In Russian).
- Priomyshcheva, M.N. (2009) *Taynyye i uslovnyye yazyki v Rossii XIX v.* [Secret and Conventional Languages in Russia in the 19th Century]. CH. 1. SPb.: Nestor-Istoriya. 455 p. (In Russian).
- Priomyshcheva, M.N. (2009a) *Taynyye i uslovnyye yazyki v Rossii XIX v. Istoriko-lingvisticheskiy aspekt* [Secret and Conventional Languages in Russia in the 19th Century. Historical and Linguistic perspective]. Avtoreferat diss. SPb.: Nestor-Istoriya. 48 p. (In Russian).
- Retinskaya, T.I. (2008) Klyuchevoy etap opisaniya nekodifitsirovannogo yazyka (na materiale frantsuzskikh professional'nykh argo) [The key stage of describing an uncoded language (based on French professional argot)]. *Uchenyye zapiski orlovskogo gosudarstvennogo universiteta: nauchnyy zhurnal. Seriya «Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki»* № 1. Orel, pp. 98–102. (In Russian).
- Retinskaya, T.I. (2011) O ponyatiyakh «professional'noye argo» i zadachakh sovremennoy argotologii [On the concepts of "professional argot" and the tasks of modern argotology]. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. №1, pp. 206–210. (In Russian).
- Romashevich, A.A. (1945) K voprosu o zhargone iranskikh dervishey [On the question of the jargon of Iranian dervishes]. In: *Iranskiye yazyki* / ed. V. I. Abaev. I. Moscow: AN SSSR, pp. 141–144. (In Russian).
- Rozental', D.E., Telenkova, M.A. (1985) *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov: posobiye dlya uchitelya* [Dictionary and reference book of linguistic terms: a manual for teachers]. Izd. 3-ye, ispr. i dop. Moskva: Prosveshcheniye. 400 p. (In Russian).
- Serebrennikov, B.A. (1970) *Obshcheye yazykoznaniye. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka* [General Linguistics. Forms of existence, functions, history of the language]. Moscow. (In Russian).
- Skvortsov, L.I. (1980) *Teoreticheskiye osnovy kul'tury rechi* [Theoretical foundations of speech culture]. Moscow: Institut russkogo yazyka RAN. (In Russian).
- Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* (2006) [Dictionary of Sociolinguistic Terms] / Ed. V.YU. Mikhail'chenko. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN. 312 p. (In Russian).
- Solnyshkina, M.I., Ziganshina, CH.R., Garayeva, L.M. (2014) *Sotsiolektologiya: sovremennoye sostoyaniye i problemy* [Social dialectology: modern state and problems]. Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2, YAzykozn. № 4 (23), pp. 125–134. (In Russian).
- Troitskaya, A.L. (1948) Abdilti-argo tsekha artistov i muzykantov Sredney Azii [Abdilti-argot of the guild of artists and musicians of Central Asia]. In: *Sovetskoye vostokovedeniye*. Leningrad. 5, pp. 251–274. (In Russian).
- Tumanyan, E.G. (1985) *YAzyk kak sistema sotsiolingvisticheskikh sistem. Sinkhronno–diakhronicheskoye issledovaniye* [Language as a system of sociolinguistic systems. Synchronous-diachronic study]. Moscow. (In Russian).
- Khromov, A.L. (1972) *Yagnobskiy yazyk* [Yagnobi Language]. Otv. red.: D.T. Tadzhiyev, R.Kh. Dodykhudoev. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 208 p. (In Russian).

- Khromov, A.L. (1974) Ob uslovnykh yazykakh nekotorykh iranoyazychnykh narodov. Tezisy doklada [On the conventional languages of some Iranian-speaking peoples. Abstracts of the report]. In: *Aktual'nyye voprosy issledovaniya iranskikh yazykov i dialektov. Tezisy dokladov*. Akademiya nauk SSSR. Institut yazykoznaniya. Moscow. (In Russian).
- Khromov, A.L. (1976) Uslovnyye yazyki u iranskikh narodov [Conventional languages among Iranian peoples]. In: *Vostochnaya filologiya*. Vypusk IV. Dushanbe, 1976, pp. 3–19. (In Russian).
- Shakhnarovich, A.M. (1990) Argo [Argo(t)]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow, p. 43. (In Russian).
- Shakhnarovich, A.M. (1998) Argo [Argo(t)]. In: *Yazykoznaniye: Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow. (In Russian).
- Shveytser, A.D., Nikol'skiy, L.B. (1978) *Vvedeniye v sotsiolingvistiku* [Introduction to sociolinguistics]. Moscow. (In Russian).
- Amanolahi, S. (1978) A Note on the Secret Language of the Traditional Musicians of Iran. *Journal of the Gypsy Lore Society*, Vol. 1, no. 4, pp. 283–286.
- Amanolahi, S., Norbeck, E. (1975) The Luti, an outcaste group of Iran. *Rice University Studies*. vol. 61/2, pp. 1–12.
- Blake, B.L. (2010). *Secret language: Codes, tricks, spies, thieves, and symbols*. Oxford: University Press.
- Bosworth, C.E. (1976) *The Mediaeval Islamic Underworld, the Banū Sāsān in Arabic Society and Literature*. I, II: The Arabic jargon texts, 2 vols. Leiden.
- Calvet, Louis-Jean (1994). *L'argot (que sais-je?)*. Presses Universitaires de France.
- Dauzat, A. (1929) *Les argots: caractères, évolution, influence*. Paris.
- Eble, C. (2004) Slang and Antilanguage/Slang and Argot. In U. Ammon & N. Dittmar (Eds.), *Sociolinguistics: An international handbook of the science of language and society* (2nd completely revised and extended ed., Vol. 1). Berlin/New York: de Gruyter, pp. 262–267.
- Gauthiot, R. (1913) Compte rendu de la mission au Turkestan russe. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 57–59, pp. 671–680.
- Halliday, M.A. K. (2003) On the “architecture” of human language. In: *On Language and Linguistics*. Volume 3 in The Collected Works of M.A.K. Halliday. London and New York: Equinox. p. 18.
- Hancock, I.F. (1995) On the Migration and Affiliation of Domba: Iranian Words in Rom, Lom and Dom Gypsy. In Yaron Matras (ed.). *Romani in Contact. The History, Structure and Sociology of a Language*. Amsterdam, pp. 25–51.
- Hanifi, M. Jamil. Jāt. *Encyclopædia Iranica*, 2008. Available at: <https://www.iranicaonline.org/articles/jat/> Access date: 01.04.2025.
- Hasan, R. (2009) *Wanted: a theory for integrated sociolinguistics*. London: Equinox.
- Header, W.P. (1973) *L'argot dans l'oeuvre d'Albertine Sarrazin*. Hamilton, McMaster University.
- Ivanow, Wladimir. (1914) On the Language of the Gypsies of Qainat (in Eastern Persia). *Journal [and Proceedings] of the Asiatic Society of Bengal*, N.S. 10, pp. 438–453.
- Ivanow, Wladimir. (1920) Further Notes on Gypsies in Persia, *Journal [and Proceedings] of the Asiatic Society of Bengal*, NS. 16, pp. 281–291.
- Ivanow, Wladimir. (1922) An Old Gypsy-Darwish Jargon. *Journal [and Proceedings] of the Asiatic Society of Bengal*, NS. 18. 1922 [1923], pp. 375–383.
- Ivanow, Wladimir. (1927) *Jargon of Persian Mendicant Darwishes*. *Journal [and Proceedings] of the Asiatic Society of Bengal*, N.S. 23, pp. 243–245.

- Koskensalo, A. (2015) Secret Language Use of Criminals: Their Implications to Legislative Institutions, Police, and Public Social Practices. In: *Sino-US English Teaching*, July 2015, Vol. 12, No. 7, pp. 497–509.
- Kieffer, Ch.M. (1982) AFGHANISTAN v. Languages. In: *Encyclopaedia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/afghanistan-v-languages> Access date: 10.03.2025.
- Lazard, G. (1978) Note sur le jargon des juifs d'Iran. *Journal Asiatique*, pp. 251–255.
- Littré, E. (1874) *Dictionnaire de la langue française*. Paris.
- Matras, Y. (1998). The Romani element in German secret languages, Jenisch and Rotwelsch // Y. Matras (Ed.), *The Romani element in non-standard speech*. Wiesbaden: Harrassowitz, pp. 193–230.
- Melikian, Gurgen (2002). On the Problem of Secret Languages and Slangs in Iran. *Iran & the Caucasus*. Vol. 6, No. 1/2, pp. 181–188.
- Michel, Francisque (1856) *Études de philologie comparée sur l'argot et sur les idiomes analogues parlés en Europe et en Asie*. Paris, (Esp. Argots de l'Asie, p. 487).
- Mirzaee, Adeleh (2021) Zargari, Morqi, Gondscheschki: Geheimsprachen im Iran. In: *ÖKFenster, the special magazine of the Austrian Cultural Forum in Tehran*. 15, December, pp. 34–38.
- Petit Robert – Le Nouveau Petit Robert (1993). *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. Éd. M. Legrain. Paris: Dictionnaire Le Robert.
- Phillot, D. C. (1907) A Note of Sign-, Gesture-, Code-, and Secret language, etc., amongst the Persians. *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*, New Ser., 1907, III, pp. 619–622.
- Phillot, D. C. (1906) Note on the Jargon of Indian Horse Dealers. *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*, II, 530. 3/9.
- Pstrusińska, J. (1986) Some notes on an unknown language of northern Afghanistan. *Journal of the Anthropological Society of Oxford*, vol. XVII, no 2, Trinity.
- Pstrusińska, J. (1990) On the origin of vocabulary in the Central Asian secret languages. In: R. Dor (ed.), *L'Asie centrale et ses voisins. Influences réciproques. Colloques langues'O*. Paris-INALCO.
- Pstrusińska, J. (2004; 2013) *O tajnych językach Afganistanu i ich użytkowników*. Kraków: Księgarnia Akademicka academic publishing house, 2004; Eng. tr.: *Secret Languages of Afghanistan and Their Speakers*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013. (In Polish/English).
- Ramaseena, or a Vocabulary of the peculiar Language used by the Thugs, with an Introduction and Appendix, descriptive of the System pursued by that Fraternity and of the Measures which have been adopted by the Supreme Government of India for its Suppression* (1836). Calcutta: G. H. Uttmann, 2 volumes.
- Rao, A. (1986) Peripatetic minorities in Afghanistan. Image and Identity. In: E. Orywal (ed.) *Die ethnischen Gruppen Afghanistans, Fallstudien zu Gruppenidentität und Intergruppenbeziehungen, Beihefte zum tübinger Atlas des vorderen Orients, Reihe B, (Geisteswissenschaften)*, no. 70. Wiesbaden, pp. 254–283.
- Rao, Aparna (1995). Marginality and language use: the example of peripatetics in Afghanistan. *Journal of the Gypsy Lore Society*. 5. (2), pp. 69–95.
- Rezai Baghbidi, Hassan. (2025) The Gypsy Languages of Iran An Overview. In: *Currents of Metamorphosis across the Indian Ocean* / Hiroko Nagasaki, So Yamane, Yutaka Kawasaki (eds.). The University of Osaka Institutional Knowledge Archive: OUKA The University of Osaka Institutional Knowledge Archive: OUKA. Kyoto and Vizianagaram, pp. 19–47.
- Sadeqpur, Abdolrasul (2007) Notes on the Secret language of House-builders in Ābāde. *Iran & the Caucasus*. Vol. 13, No. 1 (2009), pp. 135–139.

- Sainéan, Lazare (1907). *Argot ancien. (1455–1850). Ses éléments, ses constitutifs, ses rapports avec les langues secrètes de l'Europe Méridionale et l'Argot moderne. Avec un Appendice sur l'Argot jugé par Victor Hugo et Balzac.* Librairie ancienne, Honoré et Edouard Champion. Paris.
- Sainéan, Lazare (1912). *Les sources de l'argot ancien.* Tome 1. Librairie ancienne, Honoré et Edouard Champion. Paris.
- Samaei, Seyed Mehdi, Azimi, Marzie (2023) The argot used by clothing merchant in Tehran. *Dialectologia* 30, pp. 177–189.
- Schwartz, M. (2012) 'Loterā'i', *Encyclopaedia Iranica*, ed. E. Yarshater, Online Edition. Available at: <https://iranicaonline.org/articles/loterai> Access date: 10.03.2025.
- Schwartz, M. (2018) On some Iranian secret vocabularies, as evidenced by a fourteenth century Persian manuscript. Alireza Korangy, Corey Miller (Eds.) *Trends in Iranian and Persian Linguistics*. 313. Berlin/Boston: Mouton, Walter de Gruyter GmbH, pp. 69–79.
- Steingass, F.J. (1982) *A Comprehensive Persian-English dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature.* London: Routledge & K. Paul.
- Vidocq, Eugène-François (2002). *Dictionnaire argot-français.* Éditions du Boucher.
- Yarshater, Ehsan (1977) The Hybrid Language of the Jewish Community of Persia. *Journal of the American Oriental Society*, 97/1, pp. 1–7.
- Yarshater, Ehsan (2009) x. JUDEO-PERSIAN JARGON (Loterā'i). *Encyclopaedia Iranica* XV/2 (2018), pp. 156–160.

In Persian

- Amiri, R., Fallahi, M.-H. (2023) The Investigation of a Coded Language: Ghosh Dili or Ayereh Dil in the Sarui Clan of the Qashqai Tribe. *Faslnāme-ye zabānshenāsi-ye ejtemā'i / Journal of Sociolinguistics*, No.1, pp. 81–93. DOI: <https://doi.org/10.30473/il.2023.54481.1392> (In Persian).
- Bolukbāshi, A. (2001) Zabānhāye ramzi dar Irān [Secret languages of Iran]. *Ketābe māhe honar.* Tehrān. No. 35, 36, pp. 18–27. (In Persian).
- Hosseini-Ma'sum, S.M. (2014) Yek zabān-e ramzi-ye xānevādegi-ye xās dar Mashhad [Secret Languages in Folkloric Culture; The Dialectal Analysis of a Family Secret Language in Mashhad]. *Farhang va Adabiyyāt-e Āmme*, 2 (3), pp. 25–48.
- Kiyā, S. (1961), *Rāhnamā-ye Gerdāvari-ye Guyeshā* [Instruction on collection of the dialects]. Tehran: Enteshārāt e Edāre-ye Farhang-e Āmme. (In Persian).
- Sabzalipur, J., and Delgarm, R. (2016) Zabān-e Maxfi-ye Arrānaji yā Qarqadili dar Manāteq-e Tātnešin-e Khalkhāl [Secret language Arranaji/Qrqadili in the Tati area of Khkalkhal]. *Zabānshenāsi-ye Ejtemā'i*, year 1, no. 1, pp. 37–48. (In Persian).
- Sotude, M. (1962) Lahje-ye Seb Selyari [Selyari dialect of Seb]. *Farhang-e Irān Zamin*, no. 10, pp. 471–477. (In Persian).

Л.Р. Додыхудоева
Институт языкознания РАН

Додыхудоева Лейли Рахимовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора иранских языков Института языкознания РАН, Российская Федерация. Адрес: Российская Федерация, Москва 125009, Российская Федерация, г. Москва, Б. Кисловский пер. 1/1.

Эл. адрес: leiladod@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-4567-9454>

Leyli R. Dodykhudoeva – PhD in Philology, Senior Researcher, Iranian Languages Sector, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Address: 125009, Russian Federation, Moscow, B. Kislovsky Per.1/1.

E-mail: leiladod@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-4567-9454>

Для цитирования: *Додыхудоева Л.Р.* Тайные (условные) языки в ираноязычном мире // Социоллингвистика. 2025. № 2 (22). С. 214–249. DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-214-249

For citation: *Dodykhudoeva L.R.* Secret (coded) languages in the Iranian-speaking world // Sociolingvistika. 2025. No. 2 (22). pp. 214–249. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-214-249

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 13.12.2024;
approved after reviewing 30.05.2025;
accepted for publication 22.07.2025.

ТРЕБОВАНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Материалы предоставляются в электронном формате статьи.
2. Обязательно предоставление следующей информации:

2.1. Сведения об авторе статьи (в конце статьи), включающих фамилию, имя, отчество полностью, номер orcid, ученую степень и ученое звание, контактную информацию (место работы и должность автора, почтовый адрес организации, контактный телефон, e-mail). Сведения представляются на русском и английском языке.

2.2. Аспирантам и магистрантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Требования к оформлению статей

1. Рекомендуемый объем статьи — 32 000 знаков с пробелами, максимальный объем статьи – 1 п.л. (40 000 с пробелами).
2. В статье должны содержаться следующие элементы издательского оформления:
 - Индекс УДК;
 - Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках);
 - Фамилия, имя, отчество автора; ученое звание, ученая степень; должность и место работы (на русском и английском языках); адрес электронной почты;
 - Аннотация на русском и английском языках.
 - 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой) (на русском и английском языках).
 - Текст статьи.
 - Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с правилами, принятыми в журнале, а также список References.
 - При необходимости – примечания, приложения, иллюстрации.
 - Автор обязан уведомить редакцию о реальном или потенциальном конфликте интересов, включив информацию о конфликте интересов в конце статьи. Если конфликта интересов нет, автор должен также сообщить об этом. Пример формулировки для одного автора и для авторских коллективов:

Пример формулировки:

Автор (авторы) заявляет (заявляют) об отсутствии конфликта интересов. The author(s) declare(s) no conflicts of interests.

Требования к заглавиям статей

- заглавия научных статей должны быть информативными;
- в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;
- в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитерации с русского языка (кроме непереводаемых названий собственных имен, приборов и др. объектов, имеющих собственные названия). Это требование распространяется на авторские аннотации и список ключевых слов.

Требования к оформлению сведений об авторе

- указание фамилии, имени, отчество автора (авторов). Указание orcid.
- указание ученого звания и ученой степени;
- предоставление данных о должности и месте работы с указанием адреса организации и электронной почты автора.
- аспирантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Образец

Имя Отчество Фамилия – ученая степень, ученое звание, должность, место работы, страна.

<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Адрес: индекс, страна, город, улица, дом.

Эл. адрес: name@mail.ru

Name P. Surname – degree, academic title, position, place of work, country.

<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Address: street house, city, country, index code.

E-mail: name@mail.ru

Требования к аннотации

В аннотации не должно быть общих слов, увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Она должна отражать существенные результаты работы, быть лаконичной (150–160 слов), свободной от второстепенной информации, структурированной (следовать логике описания результатов в статье). Англоязычная аннотация, вследствие ее перевода на английский язык, может быть увеличена до 200 слов.

Требования к оформлению списка ключевых слов

Список ключевых слов на русском и английском языках состоит из 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой).

Требования к тексту статьи

Текст статьи представляется на русском или на английском языке в соответствии с требованиями к авторским оригиналам в электронном формате.

Текст статьи необходимо структурировать. Структурирование подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Требования к оформлению текста:

- материал должен быть представлен в формате Microsoft Word с расширением *.rtf или *.docx;
- шрифт Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал для текста статьи – 1,5, для всех остальных разделов статьи – одинарный интервал;
- поля страницы по 2 см с каждой стороны;
- выравнивание текста по ширине;
- строки внутри одного абзаца не должны переводиться вручную («мягкий» ввод, пробелы, табуляции и пр.).
- использование п а з р я д к и как способа выделения слов не допускается.
- сноски проставляются постранично; шрифт Times New Roman, кегль 10, междустрочный интервал сносок – одинарный интервал; выравнивание по ширине;
- переносы не допускаются.
- абзацный отступ 1,25. Табуляция абзацев не допускается.
- имя файла набрано латиницей и содержит фамилию автора (например: Ivanova.docx).

Требования к оформлению библиографических ссылок в тексте статьи

Внутритекстовые ссылки на пристатейный список литературы приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Виноградов, 2017: 47] или [Виноградов, 2017: 47–48].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Иванов, 1987: 83; Петров, 1995: 213–218]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Виноградов, 1984; Виноградов, 1997].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Звягинцев, 2010a; Звягинцев, 2010b].

Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае использования русскоязычного источника, «et al.» – в случае использования источника на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Национальные языки..., 1994].

Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке в круглых скобках приводится сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: (РПНГ, т. 8, с. 75) или (ОГРГС, с. 7) (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников).

Оформление списка литературы

Пристатейный список литературы, озаглавленный как **Литература**, не нумеруется и составляется в алфавитном порядке. Он должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.0.5–2008 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Фамилия и инициалы автора выделяются *курсивом*.

Если описываемая публикация имеет DOI, его указание обязательно. Образец: DOI: 10.37892/2713-2951-5-15-66-98

В списке сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке, затем – работ на иностранных языках. Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с отечественной и зарубежной научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 10 позиций. Не допускаются ссылки на анонимные источники (например, Wikipedia).

Список литературы должен быть оформлен в следующем порядке:

- ФИО автора (выделяется *курсивом*);
- год издания работы в скобках (только цифры);
- заглавие работы;
- название журнала или сборника (если это статья из журнала или сборника материалов), без кавычек;
- выходные данные, исключая год: для журнала — номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции — город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются данные ответственного редактора, название издательства, общее количество страниц.

При оформлении интернет-источника (научного, индексируемого) в списке литературы указываются: автор (если есть), год публикации (если указано), название статьи, полное название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (Режим доступа:), указать дату обращения.

Статья из журнала

Биткеева А. Н. (2018) Развитие языков Российской Федерации: динамика, проблемы, прогнозы // Вопросы филологии № 1 (61) С. 31–37

Материалы конференции

Михальченко В. Ю. (2018) Национально-языковая политика и языковые конфликты // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Сборник материалов научного семинара. Ч. 1. Языки в аспекте лингвострановедения М. МГИМО С. 12–13

Книга (монография, сборник)

Михальченко В. Ю. (1984) Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков Вильнюс Мокслас 224 с

Языковая политика в контексте современных языковых процессов (2015) Отв. ред. А. Н. Биткеева М. Азбуковник 471 с

Интернет-ресурс

Жукоцкая А. В. (2009) Феномен идеологии Режим доступа: <http://service.ebooksearch.webfactional.com/en> Дата обращения: 12.11.2019

Образец оформления References

Пристатейный список литературы в латинском алфавите, озаглавленный как **References**, составляется в порядке полностью идентичном списку литературы. References помещается после списка литературы.

References должен быть оформлен согласно гарвардскому стилю ‘Harvard referencing’:

- Для транслитерации рекомендуем использовать систему на сайте www.translit-online.ru
- Обязательно добавляется указание на оригинальный язык публикации, для всех языков, кроме английского, напр. (In Russian).

Статья из журнала

Bitkeeva, A.N., Wingender, M. and Mikhachenko, V.Yu. (2009) 'Prognozirovanie i iazykovoe mnogoobrazie v Rossiiskoi Federatsii: sotsiolingvisticheskiy aspekt' [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, *Iazykoznanie*, pp. 6–23. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1. (In Russian).

Статья из онлайн журнала

Lamazhaa, Ch.K. (2014) 'Zasaianskie tuvintsy: obraz zhizni, tsennosti, idealy' [Tuvans beyond the Sayan Mountains: way of living, values and ideals], *The New Research of Tuva*, 3. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/138> (Accessed: 1 November 2019). (In Russian).

Материалы конференции

Golovko, E.V. (2016) 'Sovremennaya iazykovaya politika i problema sokhraneniya iazykovogo i kul'turnogo raznoobrazia v Rossiiskoi Federatsii' [Present-day language policy and problem of preservation of language and cultural diversity in the Russian Federation], in *Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Sokhraneniye i razvitiye yazykov i kul'tur korennykh narodov Sibiri"*, Abakan, pp. 9–12. (In Russian).

Книга (монография, сборник)

Borgoyakova, T.G. (2002) *Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Iuzhnoi Sibiri* [Sociolinguistic processes in the republics of South Siberia]. Abakan: Khakass State University Press. 166 p. (In Russian).

Yazykovaya politika v kontekste sovremennykh yazykovykh processov [Language policy in the context of modern language processes] (2015) Ed. by A.N. Bitkeeva. Moscow: Azbukovnik. 471 p. (In Russian).

Интернет-ресурс

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov [Rules for the Citing of Sources] Available at: <http://www.scribd.com/doc/1034528/> (Accessed: 7 February 2024). (In Russian)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ | SCIENTIFIC JOURNAL

СОЦИОЛИНГВИСТИКА | SOCIOLINGUISTICS

№ 2 (22)

2025

Главные редакторы | Editors-in-chief

В.М. Алпатов | Vladimir M. Alpatov

(академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

А.Н. Биткеева | Aysa N. Bitkeeva

(д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (DSc in Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

Редактор и корректор | Editor and proofreader

В.И. Меркулова | V.I. Merkulova

(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Orel State University named after I.S. Turgenev)

Редактор английских текстов ***С.В. Куриленко | Translation into English S.V. Kirilenko***

Компьютерная верстка | Desktop publishing

О.С. Корявкина | O.S. Koryavkina

(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Orel State University named after I.S. Turgenev)

Дата выхода: 20.08.2025 | Published 20.08.2025

Формат 60x84/8. Усл. Печ. л. 27,45 | Format 60x84/8. Printed sheets 27.45

Учредители, редакция, издатели:

Институт языкознания Российской академии наук, 2020

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2020

Founders, editors, publishers:

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020

Orel State University named after I.S. Turgenev, 2020

Адрес редакции: 125009 Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер. 1/1

Editorial address: 125009 Russian Federation, Moscow, B. Kislovsky per. 1/1